

ВОСПОМИНАНИЯ ПОЛИНЫ АННЕНКОВОЙ

С ПРИЛОЖЕНИЕМ ВОСПОМИНАНИЙ ЕЕ ДОЧЕРИ
О. И. ИВАНОВОЙ
И МАТЕРИАЛОВ ИЗ
АРХИВА АННЕНКОВЫХ

*С ПРЕДИСЛОВИЕМ И ПРИМЕЧАНИЯМИ
С. ГЕССЕНА и АН. ПРЕДТЕЧЕНСКОГО*

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПО ТКАТОРЖАН И СЕЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ
МОСКВА — 1932

Ответственный редактор М. М.
Константинов Технический ре-
дактор С. М. Матвеев. Сдана
в набор 25/VI—32 г. Подписана
к печати 8/X—32 г. Форм.
бумаги 8 × 110. Печ. лист. 9.
Изда. № 38. Заказ. 1166.
Уполномоч. Главлита В-70843.
Тир. 5100. Отпечат. в Центр.
тип. НКВМ им. Клим. Воро-
шилова. Москва, ул. Маркса
и Энгельса д. 17.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Новое издание воспоминаний Анненковой подверглось значительным изменениям и дополнениям. Те и другие коснулись преимущественно научного аппарата, сопровождающего мемуарное наследие Анненковых, т. е. вступительной статьи и комментариев. Новые материалы и исследования о декабристах, опубликованные после выхода первого издания, побудили редакторов к перестройке вступительной статьи, выразившейся в постановке ряда новых проблем и в заострении внимания на социально-экономических вопросах. Комментарии, сопутствующие воспоминания, и письма Анненковых пополнены извлечениями из новейших публикаций. Кроме того, в интересах удобства пользования примечаниями, редакторы нашли полезным все персональные справки перенести в именной указатель.

Что касается самого мемуарного, частно-эпистолярного и документального фонда, объединенного в первом издании, то он, повидимому, в значительной мере, исчерпывает наследие Анненковых. По крайней мере, новые поиски, предпринятые в этом направлении, не привели к сколько-нибудь значительным результатам. Собрание писем И. А. Анненкова пополнено двумя новыми интересными образцами — письмом к матери и жене от 1828 г. и письмом к жене уже после амнистии. Раздел «Документов» дополнен формулярным списком Анненкова от 1873 года.

Письмо Анненкова от 1828 г. любезно сообщено нам Г. М. Котляровым.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

Происхождение воспоминаний Полины Анненковой не совсем обыкновенно. В 1861 г., когда Анненковы жили в Н.-Новгороде, у них часто бывал М. И. Семевский, будущий редактор и издатель «Русской Старины». Заслушиваясь увлекательными рассказами Анненковой, Семевский уговорил ее записать свои воспоминания. Анненкова писала не сама, она рассказывала и притом на своем родном языке, по-французски, а ее дочь, О. И. Иванова, записывала за нею по слуху перевода на русский язык. Так сложились воспоминания жены декабриста. В композиционном отношении они не представляли единого, стройного целого, а состояли из отдельных эпизодов, отдельных фрагментов, не всегда даже связанных хронологической канвой.

Анненкова рассказывала по мере того как память ее воскрешала давно минувшие события. Часто в разгаре повествования она вспоминала о каком-нибудь другом эпизоде, совсем не идущем к делу. И тогда среди текста являлась лаконичная запись: «О собачке Ком», или: «Еще случай о сентенции», или: «Не забыть о Луние». Это — рассказчица завязывала узелок на память с тем, чтобы впоследствии не забыть вернуться к данному эпизоду. К сожалению, много подобных узелков так и остались не развязанными. В тексте печатаемых воспоминаний все такие отметки, сделанные на полях рукописи, отнесены в подстрочные примечания.

Та копия, с которой воспоминания были напечатаны М. И. Семевским на страницах «Русской Старины» в 1888 г., повидимому, не сохранилась. По крайней мере, в Пушкинском Доме, в собрании «Русской Старины» ее

не имеется. Но в Пушкинском Доме, в собрании бумаг Анненковых (принесенных в дар их внучкой Е. К. Гагариной) имеются те самые черновики, которые писались О. И. Ивановой под диктовку Анненковой.

При подготовке текста воспоминаний к печати О. И. Ивановой были сделаны довольно значительные сокращения. Прежде всего, опущены были все немногие замечания, носящие политический оттенок. Затем исключены были многие подробности, набрасывающие тень на родственников Анненковых. Кроме того, О. И. Иванова по неизвестным соображениям выпустила ряд эпизодов и мелких замечаний, носящих вполне невинный характер, но имеющих несомненный интерес. В таком виде воспоминания Анненковой были напечатаны в «Русской Старине» за 1888 г., а оттуда, с соблюдением максимальной небрежности, перепечатаны в 1915 г. отдельной книгой в изд-ве «Прометей» (ср. рецензии: Г. Ю[нке]р, «Исторический Вестник», 1915, VI, стр. 1004—1005; К. Сивков, «Голос Минувшего», 1915, VI, стр. 283—284; Борис Садовский, «Северные Записки», 1915, IV, стр. 230). В настоящем издании все пропуски вставлены на свои места, причем в интересах сохранения цельности первопечатного текста они заключены в квадратные скобки. В целях удобочитаемости пунктуация подверглась изменениям. Подзаголовки глав составлены редакторами.

В рукописи оказалась и еще одна, последняя, дотоле неизвестная глава воспоминаний, посвященная переезду Анненковой из Читы в Петровский завод, впервые печатающаяся здесь.

Прямым продолжением воспоминаний Анненковой являются воспоминания ее дочери О. И. Ивановой, рукопись которой передана в Пушкинский Дом Е. К. Гагариной. Эти воспоминания, только теперь впервые появляющиеся в печати, крайне интересны, благодаря мастерским характеристикам некоторых декабристов и новому документальному материалу, относящемуся к жизни декабристов на поселении. К сожалению, воспоминания О. И. Ивановой, так же как и воспоминания ее матери, оборвались на полуфразе, охватив в своем повествовании пребывание Анненковых в Петровском заводе и в Бельске. В этот момент жизнь Ан-

ненковых находилась на ущербе. С переездом в Туринск, в 1838 г., потом в Тобольск и наконец в Европейскую Россию, трагизм их судьбы заметно разрежается. Этому последнему периоду их жизни в Нижнем-Новгороде посвящены записанные редакторами настоящего издания рассказы внучки Анненковых Е. К. Гагариной, и документы, извлеченные из принадлежащего ей семейного архива. Те и другие легли в основу заключительного очерка, представляющего третью часть настоящей книги.

Материал, вошедший в приложения, извлечен как из того же семейного архива, так и из государственных архивохранилищ Ленинграда (Пушкинского Дома, Государственной публичной библиотеки, Библиотеки Академии Наук) и, в незначительной части, из печатной литературы о декабристах.

В работе нашей над подготовкой настоящего издания мы встретили деятельнейшую помощь со стороны внучки Анненковых Елены Константиновны Гагариной, которая своими рассказами, указаниями и любезным предоставлением в наше пользование семейного архива чрезвычайно много содействовала возможной полноте книги. Выражаем ей свою искреннюю признательность.

Настоящая работа была выполнена нами по поручению и при содействии Секции по изучению декабристов и их времени при Ленинградском Отделении Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев.

Следует особо отметить неизменное содействие и помощь в нашей работе товарища председателя Секции Юлиана Григорьевича Оксмана.

Переводы французских текстов выполнены при любезном участии О. К. Богданович и Л. Л. Домгера.

ПОЛИНА АННЕНКОВА И ЕЕ ВОСПОМИНАНИЯ

1

Воспоминания Анненковой впервые были напечатаны в ту пору, когда память о декабристах далеко еще не совсем преодолела николаевский запрет, и всякое новое слово о них подхватывалось с напряженным интересом. Почетное звание жены декабриста само по себе обеспечивало автору этой книги сочувственное внимание. И сейчас живые страницы этой книги оказываются не менее увлекательными, нежели сорок с лишним лет назад, но только теперь они звучат для нас по-новому и по-иному интересны.

Критика, с большим сочувствием встретившая в свое время воспоминания Анненковой, не могла скрыть некоторого разочарования. В печати отмечалось, что мемуары «интересны благодаря самой личности Анненковой и ярким картинам частной жизни того времени», но что «для истории декабристов они дают весьма мало нового» *. В самом деле, очень легко было притти к заключению, что для изучения истории заговора, для знакомства с социально-политической сущностью декабризма воспоминания Анненковой не дают материала. Читатель напрасно стал бы искать в них отражения интересов автора хотя бы к основным проблемам декабристского движения. В мемуарах почти отсутствуют следы того, что автор почти всю жизнь прошел о бок с теми, чьи имена связаны с первой в истории Рос-

* «Русская Мысль», 1888, IV, стр. 213—214.

сии попыткой революционного переворота. В отношении Анненковой к декабристам, сквозь искреннее теплое чувство, сквозит некоторая снисходительность, как к людям, пострадавшим за свои молодые, смелые, но малообдуманные замыслы. Туманное представление о русском деспотизме являлось для нее единственным оправданием их дерзновенной попытки. На само дело декабристов она всегда смотрела сквозь призму своей любви к Анненкову, слишком сильной для того, чтобы разглядеть за ней хотя бы слабые контуры идеи, приведшей к организации тайных обществ. «...Из разговоров их (товарищей мужа. Р е д.) я узнала наконец, что все они участвовали в каком-то заговоре. Это, конечно, меня сильно встревожило и озаботило, и заставило опасаться за жизнь любимого мною человека...» Так писала жена будущего декабриста, сообщившего ей, что он является участником политического заговора. Она не проявила никакого интереса к самому заговору, никакого желания узнать хоть что-либо о нем, и единственной ее реакцией явилась тревога за мужа. Такое же отсутствие стремления понять самый смысл выступления декабристов обнаружила Анненкова и в Сибири. В той части мемуаров, которые рисуют сибирскую жизнь Анненковых, она остается верной себе в упорном нежелании разобраться в причинах, приведших ее мужа на каторгу. Тем менее занимали ее эти вопросы после возвращения в Россию, когда все испытания и горести остались позади.

Но, вопреки всему этому, пессимизм критика «Русской Мысли» оказывается недостаточно обоснованным. Что Анненкова — талантливая бытописательница, в этом нет сомнения. Острый взгляд, живое воображение, несомненное литературное дарование позволили ей нарисовать ряд превосходных подробностей русского аристократического быта начала XIX в. и сибирской жизни. Зарисовка фигур Анны Ивановны Анненковой, Николая Николаевича Анненкова, некоторые детали портретов Николая I и его приближенных выполнены мастерски. Блестящие штрихи заключаются в характеристике сибирских жителей, тюремного начальства, жен декабристов. Масса вообще инте-

ресных бытовых подробностей нашли свое отражение в записках. Если к этому прибавить, что мемуаристка увлекательно рассказала о своем романе с Анненковым, действительно необыкновенном по своим перипетиям, то все это уже оправдывает популярность ее записок.

Все это, однако, не дает права утверждать, что для истории декабристов воспоминания Анненковой не дают ничего нового. Самое молчание ее представляется чрезвычайно многоговорящим. Если Анненкова на протяжении всех своих воспоминаний нигде и ничем не обнаружила понимания того, какого большого дела она была свидетельницей, то причину этого следует искать в условиях ее жизни до приезда в Россию и в той социальной среде, в которую ввел ее Анненков.

Родители будущей жены декабриста, урожденной Полины Гебль, принадлежавшие к старинным дворянским фамилиям Франции, воспитывали ее в строго консервативном духе. Убежденные роялисты, они с ненавистью отнеслись к революции, ожидая и твердо веря, что повергнутый трон французских королей будет восстановлен. Рассказами об «ужасах» революции, о «несчастной семье несчастного Людовика» было наполнено ее детство. Мать Полины, видимо, не скупилась на краски, и, конечно, сумела поселить в девочке отвращение к революции на всю жизнь.

Первые собственные впечатления Гебль прошли в обстановке, подготавливавшей вступление на престол Наполеона. Восторженное отношение к новому «идолу», как она его называет, преклонение перед волей и гением Наполеона, которым была пропитана вся атмосфера военного лагеря, где провела свое детство Полина, наложили некоторый отпечаток на ее мирозерцание. Романтическое представление о Наполеоне, как о герое, сумевшем положить предел «анархии», было весьма свойственно части дворянской молодежи Франции, не принадлежавшей к самым богатым и аристократическим кругам королевства. Она лучше своих родителей понимала, что революция перевернула страницу истории, что полного возврата к старому быть не может, и смотрела на первого консула, как на человека, который,

покончив с крайностями революции, откроет новую, блестящую эпоху истории Франции. Этим политическим романтизмом прониклась и Полина Гебль во время консульства и империи. Следы его не совсем стерлись в сознании Анненковой даже в ее старческие годы: на страницах записок, посвященных Наполеону, сквозит ее явное сочувствие к нему.

Реставрация Бурбонов не принесла ничего хорошего семье Полины. Мать ее, как вдова наполеоновского офицера, лишилась пенсии, и семья стала испытывать острую нужду. Пришлось начать работать. Рукоделия, продавая которые Полина Гебль зарабатывала на «мелочные расходы», превратились в основной источник средств существования. Такое превращение далось Полине, как и всей ее семье, видимо, не без труда. «Мы с сестрою принялись работать, — пишет она, — но при всех наших желаниях не могли зарабатывать достаточно, чтобы существовать так, как уже привыкли. Особенно мать, прежде очень избалованная, не могла без страдания отказываться от своих привычек». Еще труднее стало Полине, когда она переехала в Париж и поступила в модный магазин Моно. «Тут только я почувствовала, — признается она, — всю горечь моего нового положения, очутившись между людьми мне незнакомыми, совершенно чужими, к тому же мало образованными. Их привычки, образ мыслей, обхождение — все меня шокировало, и много стоило мне слез и усилий, чтобы сломить себя и привыкнуть к ним...» Ремесленники мастерской Моно после аристократических друзей детства и юности — контраст слишком сильный для того, чтобы к этому можно было бы отнестись легко. И Гебль, видимо, так и не удалось совершенно акклиматизироваться в своей новой трудовой семье. Нет сомнения, что работа у Моно со служила ей впоследствии большую службу, воспитав в ней привычку к труду, умение жить, полагаясь только на самое себя (в Сибири эти качества весьма ейгодились). Но отсюда еще очень далеко до того, чтобы Гебль могла переродиться, чтобы следы ее аристократического воспитания были окончательно вытравлены. В записках она не обмолвилась ни словом симпатии или сочувствия к своим

новым товарищам, никаких мыслей не возбудило в ней наблюдение над их работой. Она осталась чуждой им и всей их жизни, и, как об этом можно судить на основании мемуаров, склонна была смотреть на шестилетнюю работу в Париже, как на самую тяжелую пору своей жизни, по сравнению с которой даже добровольная сибирская ссылка казалась ей более отрадней.

В 1823 г. Гебль покинула Францию и отправилась в «дальнюю и холодную» страну, ставшую ее второй родиной. Здесь, в качестве продавщицы модного магазина Дюманси, она прожила два года, ведя жизнь, сделавшуюся для нее уже привычной. В записках она совершенно обходит молчанием этот период своей жизни, как будто первые впечатления от России либо были прочно забыты ею, либо их и не было вовсе. Вряд ли, однако, последнее предположение справедливо. Наблюдательность принадлежит к числу наиболее выдающихся качеств Анненковой, и трудно допустить, чтобы чрезвычайно подвижная, живая, любопытная француженка не увидела в России ничего такого, что бы поразило ее воображение и оставило в нем прочный след. Быть может, первые два года жизни в России были связаны с такими воспоминаниями, которые не хотелось ворошить на склоне лет. Но как бы ни прошли эти годы первого знакомства с Россией, нет основания думать, что жизнь Полины Гебль чем-нибудь отличалась от жизни десятков и сотен тех французенок, искусство которых находило себе широкий сбыт в аристократических кругах Петербурга и Москвы. И судьба Полины, по всей вероятности, была бы похожа на судьбу ее многочисленных соотечественниц, если бы встреча с Анненковым не произвела в ней внезапного и резкого перелома.

Роман продавщицы из модного магазина и блестящего кавалергарда — весьма шаблонный сюжет в светской хронике того времени. Гвардейские офицеры из богатейших и знатнейших фамилий очень охотно дарили свою скоропроходящую любовь обворожительным француженкам. Недаром на иронический вопрос Чацкого: «На ком жениться мне?» графиня Хрюмина саркастически отвечала:

...В чужих краях, на ком?
О! наших тьма без дальних справок
Там женятся и нас дарят родством
С искусницами модных лавок.

Анненкову не пришлось даже ехать в чужий край: судьба столкнула его с такою «искусницей модной лавки» тут же, в Москве.

Трудно предугадать, чем мог кончиться этот роман, если бы неожиданные обстоятельства не завязали по-новому узел их отношений. Анненков, как это и подобало в его положении, стал весьма скоро после знакомства с Полиной Гебль давать обещания жениться на ней, и она, повидимому, столь же быстро сдалась на его уверения в страстной и вечной любви. Когда она, уже в почтенном возрасте, диктовала дочери свои воспоминания, ей очень не хотелось сознаваться в той скоротечности, с которой развивались ее отношения с Анненковым. Она впервые встретила с ним очень незадолго до декабрьских событий. В трех, известных нам, редакциях воспоминаний Анненковой (двух черновых и одной печатной) указаны различные даты, причем промежуток между их знакомством и 14 декабря, неуклонно растет: в первой черновой редакции — 3 месяца, во второй—5, в печатной—6. Если верить последней записи, знакомство произошло в средних числах июня. Анненкова подробно повествует о «неотступных ухаживаниях» ее будущего мужа и о своих переживаниях на этой почве, в связи с различием их положений. Создается впечатление, что она долго не сдавалась, между тем уже в конце этого же месяца, они встретилась (случайно ли?) на Пензенской ярмарке и выехали оттуда 3 июля вместе, причем вернулись в Москву только в ноябре. А 11 апреля следующего года Полина Гебль родила дочь.

Таково начало этого, похожего на тысячи других, романа. Пока еще ничто не заставляло в нем предполагать, что скоро история любви молодой француженки и блестящего кавалергарда станет самой модной темой для разговоров в петербургских и московских салонах,

с увлечением обсуждавших необычайные по своему романтизму результаты столь обыкновенной истории.

14 декабря жестокой грозой разразилось над молодыми людьми. Все достоинства Полины Гебль пробудились в ней под влиянием пережитого потрясения. Она обнаружила недюжинную энергию, мужество, проявила величайшую готовность к самопожертвованию, чтобы найти средства помочь любимому человеку.

А этот последний и точно нуждался в помощи. Растерянность и полный упадок нравственных сил, проявленные Анненковым в это время, глубоко органичны. Это предопределялось его воспитанием, социальной средой, в которой он вырос, теми склонностями, вкусами и привычками, которые он вынес от времен юности. Все это оказало неизгладимое влияние на психику его жены, что, наряду с собственными ее чувствованиями и склонностями, отчетливо сказалось в ее воспоминаниях. Поэтому-то подлинный смысл их не может раскрыться без более короткого знакомства с Анненковым.

2

Мать Анненкова известна более всего своими сумасшедшими причудами. Такой богатой причудницей запечатлелась она и в изображении своей невестки. Но весьма существенно то обстоятельство, что самодурство ее, — правда, сравнительно безвредное для окружающих — имело под собой, так сказать, прочную экономическую базу. Единственная дочь иркутского наместника и вдова крупного помещного магната, А. И. Анненкова объединила в своих руках огромное состояние: в Нижегородской, Пензенской, Симбирской, Оренбургской и Московской губерниях за ней было до пяти тысяч крестьян, рассеянных большими долями, огромные плодородные земельные угодия, два каменных дома в Москве и т. д. Все это богатейшее имение постепенно разрушается и приходит в упадок. Отдельные населенные участки отходят в казну, из года в год растет опекунский долг, приумножаясь и округляясь долгами партикулярными. Наивно было бы, вслед за Полиной Гебль,

приписывать это всецело безумной расточительности старухи Анненковой или алчности ее приближенных: крепостное хозяйство Анненковой становилось жертвой того глубокого кризиса, который охватил русское дворянство во второй четверти XIX столетия.

Развитие аграрного и промышленного капитализма обусловило радикальные перемены в хозяйстве отдельных землевладельцев. Многие из них, не умея приспособиться к этому процессу, оказывались под угрозой совершенного разорения. Вслепую ища выхода, они очертя голову умножали свою задолженность, оставляя в полной неприкосновенности организацию своих хозяйств. При таких условиях, понятно, никакие кредиты не могли их спасти.

Анненкова, таким образом, не являлась исключением. Идеи буржуазного предпринимательства были ей столь же чужды, сколько и попытки укрепить свое хозяйство путем казенных поставок и спекуляцией, к которым охотно прибегали многие ее соседи. Отдав поместья свои во власть управляющих, строивших себе дома на ее деньги, Анненкова неуклонно приближалась к разорению.

В этой атмосфере разрушающегося крепостного хозяйства воспитывался Анненков, повидимому, менее всего подготовленный к той роли, которую навязала ему судьба. Согласно господствующей моде, в преподаватели к нему были приглашены иностранцы — швейцарец Дюбуа и француз Берже. В 1817—1819 гг. он в Московском университете слушал лекции: словесности — Мерзлякова, статистики — Гейма, практической экономики — Шлецера, естественного права — Малова. Те же профессора давали ему и частные уроки. По восемнадцатому году, когда образование его сочтено было законченным, Анненков, сдав экзамен при Главном штабе, зачислен был эстандарт-юнкером в Кавалергардский полк. Тогда же, в 1819 г., произведен в корнеты, а в 1823 г. — в поручики. В 1820 г. он убил на дуэли своего приятеля, корнета лейб-гвардии гусарского полка В. Я. Ланского. Дуэль, повидимому, имела пустяковый повод, но, судя по рассказам современников, Ан-

Иван Александрович Анненков в 1823 г.
С портрета О. А. Кипренского (оригинал утрачен),
по литографии 1860-х гг.

ненков вел себя не вполне благородно *. Нелепое убийство товарища тяжело повлияло на него. Мысль о нем Анненков никогда уже не смог вычеркнуть из памяти и, умирая, мучился галлюцинациями в образе убитого Ланского. С этого же времени он стал меланхоличным, как-то особенно задумчивым и медлительным.

На следствии Анненков показывал: «Первые свободные мысли внушил мне мой наставник (швейцарец Дюбуа. Ред.), ибо он всегда выставлял свое правительство как единственное, не унижающее человечества, а про прочие говорил с презрением, наше же особенно было предметом его шуток» **.

Вольнодумие, посеянное в нем соотечественником Лагарпа, не мешало Анненкову быть, повидимому, достойным сыном своей матери. За смертью брата Григория он являлся единственным наследником материнского имения, и настолько горячо прилежал к этому предстоящему наследству, что опасность лишиться его оказалась достаточно, действенной, чтобы удержать его от женитьбы на любимой женщине. Молчаливо санкционируя безумное хозяйничание матери, Анненков, по ее примеру, проматывал собственное свое состояние. В 1824 г. он наделал партикулярных долгов на сумму около 25 тыс. асс. Наряду с крупными суммами, здесь встречаются и долговые претензии «без расписок: Кавалеградского полка вахмистру Сухомятину — 22 р. 50 к., унтер-офицеру Савченку — 25 р.» и т. д. Собственно за Анненковым было 418 душ в Нижегородской губ., заложенных им в июле 1825 г. в Московском опекуном совете за 83 600 руб.

В это время Анненков был уже старым членом тайного общества. Вступление в него он приписывал влиянию своего однополчанина, корнета Свистунова, с ко-

* Сочинения и письма Чаадаева. М. 1914 г., т. II, стр. 52; «Русский Архив», 1900, № 11, стр. 350 (письмо А. Я. Булгакова). Е. К. Гагарина, по семейным преданиям, сообщает, что дуэль произошла из-за легкомыслия самого Анненкова, на одном балу в Ораниенбауме из озорства ухаживавшего за женой Ланского. Оскорбленный Ланской вызвал товарища. Противники, немедленно минуты, вышли из дома и, найдя подходящее место, обменялись выстрелами.

** Восстание декабристов, т. I 266.

торым особенно сблизился в 1823 г. Свистунов, вскоре зарекомендовавший себя сильным пропагандистом, прочел с ним первые главы «Общественного договора» Руссо, с которым Анненков познакомился еще прежде через Дюбуа, и дал ему читать книгу Биньона «Du congrès de Troppau». Все это, по свидетельству Анненкова, склонило его к решению вступить в тайное общество.

Интересно отметить, что еще прежде официального приобщения Анненкова к заговору, у него останавливался делегат Южного общества А. В. Поджио, и на квартире Анненкова происходило совещание заговорщиков. Оболенский по этому поводу показывал: «Бывшее (в 1823 г.) заседание у Поджио не было совещанием Общества, но было простое собрание наше под видом знакомых людей, ибо кроме Рылеева, Нарышкина, Матвея Муравьева, меня, Никиты Муравьева и еще других (имена коих не упомяну), находились вместе с нами и люди, чуждые Обществу нашему, и именно: хозяин квартиры, у коего останавливался Поджио, Анненков, Граве, граф Зубов и еще некоторые преображенские офицеры, имен которых я не упомяну. На совещании сем о делах Общества не говорили, но разговор был общий о различных предметах *.

Хотя Анненков перестал быть человеком, «чуждым Обществу», мы напрасно стали бы искать какие-либо следы его деятельности. Между тем, в хронике декабристского заговора имя Анненкова встречается еще однажды в сочетании с одним из наиболее ярких этапов движения, с обходным маневром Пестеля, предпринятым им в 1824 г.

Мы имеем в виду организацию в Петербурге ячейки Южного общества, явившуюся в результате безуспешности попыток Пестеля подчинить своему влиянию умеренную петербургскую управу. Тогда-то он решился в недрах Северного общества и в противовес ему создать в Петербурге крепкий республиканский коллектив, на который можно было бы положиться в решающий момент. Первых адептов своих Пестелю естественно было

* Восстание декабристов, т. VI.

искать в Кавалергардском полку, как вследствие своих личных связей с ним, так и потому еще, что этот наиболее аристократический полк издавна привык располагать судьбою трона, а в 20-х годах в офицерском корпусе его шло явное брожение. Напомним, что в кавалергардах начинали свою служебную карьеру Лунин и Мих. Орлов, Волконский и Арт. Муравьев. А при изысканиях следственной комиссии о тайных обществах, восемнадцать кавалергардов оказались причастными к делу *.

Петербургская ячейка была строго аристократической по своему составу. Пять тысяч анненковских душ отнюдь не являлись в ней исключением **. Перед отъездом из Петербурга Пестель возвел в «бояре» Вадковского и Свистунова, возложив на них руководство петербургской организацией, а на прощальном совещании у Свистунова, в числе других, принял в «братья» Анненкова. На первых порах, казалось, что Пестель не ошибся в своих расчетах. В лице Вадковского, Свистунова, несколько позднее Горожанского, отчасти Анненкова и др., петербургская ячейка нашла смелых и энергичных деятелей, быстро пополнивших ряды ее представителями и других гвардейских полков, а вскоре затем вынесших деятельность свою и за пределы Петербурга ***.

На следствии Пестель утверждал, что руководители филиала были с ним «ознакомлены через Матвея Му-

* Полковники: А. Л. Кологривов, В. И. Пестель, И. Ю. Поливанов (в отставке с 1824 г.); ротмистры: гр. Л. П. Витгенштейн (флигель-адъютант), В. П. Ивашев (адъютант главнокомандующего 2-й армией), гр. З. Г. Чернышев; поручики: И. А. Анненков, А. С. Горожанский, А. А. Крюков (адъютант главнокомандующего 2-й армией), П. П. Свињин, кн. Ф. А. Шербатов; корнеты: Д. А. Аршывашев, Ф. Ф. Валковский, Н. А. Васильчиков, кн. А. Н. Вяземский, Н. Н. Депрерадович, А. М. Муравьев и П. Н. Свистунов.

** Из членов ячейки, за отцом Чернышева было около 10 тысяч душ, за матерью Свистунова до 5 тысяч, за отцом Горожанского — 3750, за Вадковским — около 2500, за Кривцовым — около 1000 и т. д.

*** Подробно о петербургской ячейке см.: Н. М. Дружинин. Семейство Чернышевых и декабристское движение. Сб. «Ярополец», М. 1930.

равьева и находилась в полном революционном и республиканском духе *. Сами молодые петербургские «якобинцы» очень горячо отрицали справедливость этого утверждения, и хотя в данном случае ими должно было руководить естественное стремление умалить свою вину, но доля правды была и в их отрицаниях.

Члены этой аристократической ячейки легко могли увлечься политическим радикализмом и республиканизмом, проповедываемым и Пестелем. В этом отношении «Русская Правда» показалась им несравненно созвучнее, нежели буржуазная «Конституция» Никиты Муравьева, которую Анненков, например, читал около того же времени у Рылеева **. Их особенно увлекала идея «тиранубийства», и они вдохновенно обсуждали планы царубийства, которое непременно ассоциировалось в их представлении с блестящей большой залой, залитой огнями и наполненной нарядной толпой. Характерно, что и сам Анненков, из всего своего декабристского прошлого, запомнил только вызов Вадковского на царубийство.

Однако за этим импозантным актом, отдававшим античной героикой, скрывались вещи, гораздо менее приятные—земельный передел, демократическое равноправие, короче говоря, — социальная программа Пестеля. Все это оказывалось в непримиримом противоречии с классовыми интересами аристократических членов петербургского филиала. Поэтому развернувший на первых порах большую деятельность филиал этот в 1825 г. столь же быстро рассыпается при первом столкновении с реальной действительностью. Новопринятые члены впадают в совершенную бездеятельность, а старейшие—явно манкируют своими обязанностями.

Все они высказались категорически против вооруженного выступления, не отвечая за свой полк. Они бы, наверное, нашли в себе более энергии и инициативы, если бы восстание возглавлялось Орловыми или Зубовыми, а не Рылевым и Трубецким. Но социальные симпатии и

* Восстание декабристов, т. IV, стр. 163.

** Показание М. Муравьева-Апостола. «Восстание декабристов», т. I, стр. 210.

интересы их в этот момент скорее влекли их к Зимнему дворцу, а не к дому Рылеева у Синего моста. В частности Анненков, повидимому, тщательно избегал перед восстанием посещать собрания заговорщиков. На совещание к Оболенскому 12 декабря он приехал с Арцыбашевым тогда уже, когда все раз'ехались, выслушал от Оболенского план выступления, высказался против него и подтвердил неподготовленность кавалергардов к возмущению *.

Это оппортунистическое настроение Анненкова накануне восстания не имело практических оснований: рядовой состав Кавалергардского полка оказался весьма расположенным к возмущению. 14 декабря, во время принесения присяги, в полку возникло серьезное волнение, потушить которое удалось исключительно благодаря инертности офицеров-заговорщиков. Чтение манифеста перед фронтом полка, выстроенного в манеже, вызвало беспокойное движение в рядах. Полковой командир, ген. Апраксин, не уверенный в том, что солдаты согласятся присягать, приказал эскадронным командирам подробно из'яснить историю междоусобицы. Офицеры сами не имели достаточного представления о смутных обстоятельствах дела. Поэтому, должно быть, их толкования показались слишком пространными прибывшему в это время дивизионному начальнику Бенкендорфу. Действительно, антракт этот был весьма рискован. Бенкендорф велел присягать «без рассуждений», но по рядам кавалергардов пронесся ропот. Пришлось дать им время успокоиться. Получился новый, второй антракт, который, как и первый, при возбужденном состоянии солдат, мог быть, несомненно, весьма успешно использован заговорщиками. Но они бездействовали, и Апраксину удалось решить дело эффектным ходом. Он снял каску, поднял правую руку и принес перед полком торжественную клятву, что цесаревич Константин отрекся от престола добровольно, а Николай назначен наследником волею Александра. Полковой командир пользовался доверием, и, не побуждаемые к возмущению извне, солдаты дали себя успокоить.

* Восстание декабристов, т. I, стр. 247.

Уже позднее, при известии о возмущении москвичей, Анненков и Арцыбашев устремились за помощью к Горюханскому. Но момент был безнадежно упущен, да и руководила ими в этом случае растерянность, а не желание действовать.

Таким образом, тот факт, что 14 декабря Кавалергардский полк выступил против мятежников, очевидно, всецело должен быть отнесен за счет поведения офицерского корпуса. В мятежном каре не оказалось ни одного заговорщика-кавалергарда. Одни из них дипломатично выехали из Петербурга, другие выступили на площадь против восставших в рядах своего полка. В числе последних был и Анненков. Он со своим взводом даже прикрывал орудия бригады полковника Неслуховского *, того самого, который, выступая на подавление мятежа, «забыл» взять боевые снаряды.

После событий 14 декабря Анненков еще четыре дня оставался на свободе, а 17 декабря даже вступил в караул на кавалергардскую гауптвахту **. Чье-то случайное упоминание имени его в числе заговорщиков послужило причиной ареста Анненкова 19 декабря и заключения на городскую гауптвахту, откуда после первого же допроса 25 декабря он был переведен в Выборгский шлосс. В это время он еще на будущее смотрел оптимистически: государь обнадежил его на личном допросе, да и самая отправка из Петербурга, где сходились все нити следственного аппарата, как будто свидетельствовала о том, что его роли в тайном обществе не придается серьезного значения. Затем тучи сгущаются—следственная комиссия от Матвея Муравьева-Апостола получила указания на присутствие Анненкова при обсуждении плана цареубийства. 1 февраля он снова в Петербурге, и новый допрос разом стер всякие иллюзии.

С этого времени Анненков впадает в состояние близкое к прострации, из которого выходит для того лишь, чтобы помышлять о цареубийстве. В первой же записке к любимой женщине из крепости он мог только пожаловаться: «Ни одной иглы, чтобы уничтожить мое су-

* А. Е. Розен. Записки декабристов. Спб., 1907.

** Там же, стр. 76.

ществование». Вырванному из привычной атмосферы, в тревоге одиночного заключения, перед лицом неведомого и тем более страшного будущего, Анненкову решительно не на что было опереться. Настоящее представлялось совершенно неопределенным, поскольку оно логически не вытекало из прошлого. Последним, на что он оказался способен, явилась попытка повеситься на полотенце, после чего он всецело предался на произвол судьбы. Видимо, несколько расшевелила и вывела Анненкова из состояния апатии мысль его невесты о бегстве за границу, мысль, к которой он, как это явствует из черновой рукописи записок, отнесся весьма сочувственно. Однако недостаток средств заставил отказаться от намерения покинуть Россию и покориться своей участи, которая для него, отнесенного ко второму разряду государственных преступников, определялась бесконечными годами сибирской каторги.

3

Если каждой из одиннадцати женщин, сто лет назад покинувших вся и все, чтобы следовать за своими мужьями в Сибирь, пришлось преодолеть много препятствий, то положение Полины Гебль в этом отношении оказалось особенно тяжелым, ибо она находилась в менее выгодных условиях: Полина Гебль была официально всего лишь невестой, а разрешения на поездку в Сибирь выдавались только женам, и никому другому. Ей пришлось для получения высочайшего разрешения следовать за Анненковым признаться Николаю I в том, что у нее есть ребенок от Анненкова. Для такого признания требовалось немало мужества в те времена. Трудно сказать, что подействовало на Николая, когда он разрешил иностранке ехать в Сибирь обвенчаться с государственным преступником. Был ли он побежден смелостью и настойчивостью молодой женщины, сумела ли она возбудить в нем какие-либо иные чувства *, но, так или

* Ходили слухи о каком-то исключительном внимании, оказываемом императором Полине Гебль. Она сама говорит об этом в таких выражениях: «Говорили, что мне присылал обеды сам государь, но, право, мне было не до обедов...» (см. стр. 127).

иначе, разрешение было дано в обход точного и ясного смысла всех высочайших распоряжений о правилах для «невинных жен» государственных преступников *.

Много пришлось положить Полине Гебль труда и энергии для того, чтобы сломить сопротивление матери своего мужа — Анны Ивановны Анненковой. Старуха Анненкова — колоритнейшая фигура крепостнической эпохи. При всем ее самодурстве, у нее были свои расчеты, и, конечно, жена сына нужна была ей далеко не только как красивая игрушка. В Полине старуха видела единственный мыслимый форпост против притязаний ее родных на наследство. Поэтому-то она всемерно стремилась удержать невестку от поездки в Сибирь и, видя крушение своих надежд, пыталась даже молить о препятствиях какого-то святого (см. ст. 141). Но все старания Анненковой разбились об энергию Полины Гебль. Победа последней облегчилась тем, что старуха отнюдь не была дипломаткой и действовала, не скрывая своих намерений.

Иначе дело обстояло с родственниками мужа, и с их стороны Полине Гебль пришлось вынести, быть может, наибольшее количество всяких неприятностей. Нарисовать картину ее переживаний помогают нам отдельные фрагменты ее записок, в свое время из соображений семейного характера выпущенные ее дочерью О. И. Ивановой из печатного текста. Родственники Анненкова проявили весьма откровенное поползновение поживиться наследством государственного преступника. Главным действующим лицом в этой непривлекательной истории был Николай Николаевич Анненков, адъютант великого князя Михаила Павловича, двоюродный брат декабриста. Он являлся негласным представителем интересов отцовской родни Анненкова. На другом фланге стояла родня со стороны матери, якобиевская, в большом ко-

* Об этом см. у П. Е. Щеголева «Жены декабристов» в сборнике статей «Исторические этюды». Следует добавить, что К. П. Ледантю, невеста Ивашева, получила позволение ехать в Сибирь и обвенчаться с Ивашевым уже после того как такое же разрешение было дано Полине Гебль. По словам М. А. Веневитинова, Ледантю решилась просить Николая I о поездке в Сибирь только под влиянием примера П. Гебль (М. А. Веневитинов. Роман декабриста, «Русская Мысль», 1885, кн. X).

личестве населявшая дом старухи Анненковой на ролях бедных родственников, придавленных деспотизмом Анны Ивановны. Естественно, что их аппетиты были много скромнее, и опасности они не внушали.

Объектом особых забот и домогательств Н. Н. Анненкова являлись 60 тысяч рублей, отобранные у Ивана Александровича при аресте. Противник был хитрый, и если с А. И. Анненковой он не стеснялся в средствах, то по отношению к Полине Гебль был крайне осторожен. Но и она не уступала ему в хитрости. Замечательная в этом отношении сценка между ними, исключенная О. И. Ивановой из напечатанного текста. «Однажды утром прислали за мною карету от г-жи Вадковской, двоюродной сестры отца твоего. Я нашла у нее Н. Н. Анненкова. Мне тотчас бросилось в глаза, что они немного чересчур любезны. Вадковская после некоторых приготовлений, сказала: «N'est pas, ma chère, que tu ne veuX pas des 60.000 r., que mon cousin a dit de vous remettre?» Я отвечала, что никаких претензий не имею на то, что принадлежит Анненкову, и что, конечно, не буду хлопотать о 60 тысячах. Мы стояли все трое у стола. Когда Н. Н. Анненков услышал мой ответ, то сделал такое самодовольное движение, что оно не ускользнуло от меня. Потом я узнала, что билеты в это время были уже в руках его отца...» Из столкновения опытного царедворца и молоденькой модистки победительницей вышла последняя. Полина Гебль отлично понимала необходимость усыпить врага и потому вопрос о материальном обеспечении своем она откладывала до того времени, когда будет уже вместе с мужем. Пока же ей необходимо было поддерживать по возможности мирные отношения с его родными. Она отлично учитывала все то, что могла ожидать от них. Посылая Михаилу Павловичу письмо с просьбой поддержать ее ходатайство перед государем, она наказала человеку не отдавать его, если дежурным ад'ютантом будет Н. Н. Анненков: «так я была уверена в его нерасположении», — пишет она *.

* Впоследствии, в Сибири, война за наследство возгорелась с новой силой и прекратилась только со смертью участников

Наконец все препятствия оказались пройденными, и Полина Гебль получила возможность следовать за Анненковым. Первый этап тяжелого и длинного пути был пройден. Но будущее сулило еще много горя, и требовалось немало мужества, чтобы справиться со всей тяжестью его.

По приезде в Читу Анненкова с головой окунулась в бесчисленные домашние заботы, обилие и сложность которых вызывались самыми условиями сибирской каторги. Нужно было подумать о тюфяке и подушке для Ивана Александровича, позаботиться о снабжении его домашней стряпней, о постройке дома, об огородах и о целом ряде других мелочей, каждая из которых в обстановке острожной жизни превращалась в серьезное и важное дело. Анненкова подробно повествует о том, какие овощи выращивала она в своем огороде, какими пирогами кормила мужа, как боролась с жесткими, особенно на первых порах, условиями каторжного режима. Для всего этого требовались не только энергия и большой запас жизнерадостности, на отсутствие которых Анненкова пожаловаться отнюдь не могла, — много помощи оказывала ей привычка к труду, приобретенная еще в годы юности. Вероятно, не без некоторой гордости бывшая модистка сознавала свое превосходство в этом отношении над остальными женами декабристов, с трудом приспособившимися к тяжелой и столь непривычной им жизни.

Все внимание Анненковой было поглощено заботами о том, как скрасить жизнь мужа. Ни о чем другом думать она уже не имела времени. А казалось бы, что теперь-то и следовало подвести некоторые итоги обстоятельствам, приведшим ее мужа и его товарищей на каторгу. Теперь можно было не только думать, но и говорить об этих вопросах: среди декабристов она могла, должно быть, найти неутомимых собеседников. Несомненно, в это время в среде декабристов накапливался тот материал, который впоследствии был положен в основу отдельных мемуаров. Однако Анненкова в своих записках ни единым словом не обмолвилась о том, что эти вопросы каким бы то ни было образом ее занимали. Видимо, она не была расположена разбираться в них—

настоящее, сплошь заполненное неусыпными заботами о муже, представлялось ей более важным, чем недавнее прошлое. Точно так же и новые ее друзья не любили, как видно, предаваться воспоминаниям о только что перенесенной катастрофе. Это представляется совершенно естественным после знакомства с той социальной средой, с тем кругом заговорщиков, из которого вышел Анненков и с представителями которого он сохранял особенно тесную связь и в Сибири. Само собой разумеется, что из общения с этими людьми Анненкова не могла почерпнуть ни особого пиетета, ни сколько-нибудь действенного интереса к недавнему декабристскому прошлому. Они склонны были скорее к обратному — к тому, чтобы вытравить память о событиях, которые унесли петербургских республиканцев далеко в сторону от пути, начертанного им их классовыми интересами.

На этом следует остановиться особо.

4

Правительственное возмездие наряду с Анненковым не пощадило и других членов петербургской ячейки, вопреки их скорой измене боевым лозунгам. Те из них, над которыми тяготело обвинение соучастия в умыслах цареубийства, подобно Анненкову, отправлены были на разные сроки в каторгу, остальные переведены в армейские полки на Кавказ.

Петербургская ячейка, однако, сохранилась, в некотором смысле, и после декабрьского разгрома. Мы разумеем то в высшей степени характерное обстоятельство, что, после осуществления над ними приговора, эти вчерашние петербургские якобинцы все свои силы полагают на реставрацию своего додекабристского положения. Оговоримся, что последнее характерно не только для них, но и для довольно значительной группы декабристов, в свое время наиболее обеспеченной и наименее радикально настроенной.

Петербургская ячейка, в этом отношении, знает только два исключения. Это — Ф. Ф. Вадковский и А. С. Горюжанский, т. е. именно те два единственные члена фи-

лиала, которые в 1825 г. удержались на революционных позициях и до самого разгрома не свернули своей заговорщицкой работы. Вадковский, в сибирский период тесно примкнувший к той скорее разночинной, нежели помещичьей группе декабристов, которая в массе своей сохранила верность идеям буржуазной революции, растратил свой богатый запас жизненных сил на неудачные торгово-промышленные операции. Несравненно трагичнее сложилась судьба Горожанского. После четырехлетнего заключения в Петропавловской крепости, он был определен поручиком в 7-й линейный Оренбургский гарнизон. Но служба его там продолжалась не более 2—3 месяцев. 18 декабря 1830 г., за «дерзкий поступок и произнесение непристойных слов на счет особы его величества», Горожанский, по высочайшему повелению сослан в Соловецкий монастырь под строгий присмотр и там сошел с ума *. С самого прибытия его в монастырь начинают поступать тревожные рапорты от настоятеля. Оказывается, что Горожанский ведет жизнь смиренную, но в преступлениях своих не сознается и в нем замечается помешательство ума. 9 мая 1833 г. Горожанский заколол ножом часового, а 30 декабря настоятель доносил о том, что помешательство Горожанского «состоит во мнении, что он есть бог, на каковом ложном божеском о себе мнений столь утвердился, что никаких увещательных слов слышать не может, отчего даже приходит в бешенство и считает себя в праве и властным всегда и всякого убить, и если б дать ему ныне свободу, то он с убийственною злобою на каждого бросался б; а дабы он не мог сделать кому-либо вреда, то содержится в чулане без выпуска». Несмотря на явное помешательство, все просьбы родственников о смягчении его участи не достигали цели. Там, в чулане, и умер Горожанский в 1846 г.

Прочие бывшие члены петербургской ячейки безразлично отворачивались от сибирских купеческих кругов и еще менее того склонны были к произнесению дерзновенных слов по адресу царя. Они упрямо и настойчиво

* Ц. А. Синодальная канцелярия, 1830, № 821.

одолевают скользкие ступени иерархической лестницы, с которой столкнуло их случайное участие в декабрьских событиях. Те из них, которые были переведены в армию — на Кавказ, либо боевыми подвигами укрепляют свою карьеру и впоследствии дослуживаются еще до высоких чинов (Депрерадович, Суворов, Кологривов, Добринский), либо спешат при первой возможности выйти в отставку и затем отдаются мирным, но весьма прибыльным сельским занятиям (Васильчиков, Плещев, Свиньин, Гангеблов).

Несравненно труднее и длительнее оказывается этот путь к восстановлению своего додекабристского прошлого для тех из них, которые были лишены прав и сосланы в Сибирь. Чернышев и Кривцов добиваются перевода рядовыми на Кавказ и там, с получением первых офицерских чинов, выходят в отставку. Свистунов и Анненков борются за возврат свой к прошлому в Сибири, на гражданском поприще.

Это была настойчивая и тяжелая борьба. Замечательно, что насколько Анненков оказался пассивен и безволен в роли заговорщика и потом подсудимого, настолько же он проявил буквально железную волю и упорство в этой борьбе. И это тем более удивительно, что в домашнем быту он был до крайности вял и флегматичен. Борьба эта начинается с 1839 г., с момента приема Анненкова в Туринске на гражданскую службу. С переводом в 1841 г. в Тобольск, столицу Западной Сибири и резиденцию генерал-губернатора, возможности Анненкова значительно расширяются. «Я забыл сказать вам, что Анненков произведен в статские юнкера, т. е. по высочайшему повелению помещен в канцеляристы 1-го разряда, — с явной иронией сообщал Басаргин в 1842 г. Пущину. — Он и Свистунов живут в Тобольске dans le grande monde, ездят на все балы и должны будут делать и у себя вечера» *.

Можно ли после этого удивляться тому, что в воспоминаниях Анненковой, всегда чутко воспринимавшей настроение среды, в которой она вращалась, нет ника-

* Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных. М. 1926, стр. 102.

ких следов размышлений или разговоров на декабристские темы? В свете всего вышесказанного это умолчание приобретает глубокий социальный смысл.

5

Неиссякаемый запас жизненных сил, исключительная энергия и жизнерадостность, наконец мягкое и отзывчивое сердце — все эти качества обеспечивали Анненковой всеобщую симпатию, которой проникнуты отзывы лиц, встречавшихся с нею в Сибири. В. П. Ивашев, в 1839 г., из Туринска сообщает сестре: «Переведены сюда Анненковы, они приехали. Жена нашего союзника — женщина приятная, мать пренежная...» Камилла Ивашева пишет сестрам: «Вот уже два дня, что я точно вновь очутилась в обществе Петровского завода, так как мы наслаждаемся прибытием г. и г-жи Анненковых, которых я не видала уже больше года и даже не смела надеяться на радость соединения с ними...» В одном из позднейших писем Камилла пишет, что она очень хотела бы дать сестре представление об Анненковой, этой «замечательной личности». «Она так очаровательна у себя в доме, где сумела создать весьма приятную обстановку, и где она, можно сказать, разывается, расточая ласки и заботы всем окружающим *.

Особенного внимания заслуживает отзыв об Анненковой Достоевского, видевшего ее в Тобольске, куда его привезли вместе с другими петрашевцами в 1849 г. Прошло шесть лет со времени этой встречи, и Достоевский уже из Семипалатинска пишет Анненковой (от 18 октября 1855 г.): «Я всегда буду помнить, что с самого прибытия моего в Сибирь вы и все превосходное семейство ваше брали во мне и в товарищах моих по несчастью полное и искреннее участие. Я не могу вспомнить об этом без особенного утешительного чувства и, кажется, никогда не забуду. Кто испытывал в жизни тяжелую долю и знал ее горечь — особенно в иные мгновения, тот понимает, как сладко в такое время

* О. К. Буланова, Роман декабриста. Декабрист В. П. Ивашев и его семья. М. 1826, стр. 229 и сл.

встретить братское участие совершенно неожиданно... Вы были таковы со мною, и я помню встречу с вами, когда вы приезжали в Омск, и когда еще я был в каторге». В письме из Омска от 22 февраля 1854 г., к своему брату, Михаилу Михайловичу, Достоевский говорит о встрече с Анненковой и ее дочерью О. И. Ивановой как об одном из лучших воспоминаний его жизни.

В годы каторги Анненковой приходилось делить свое внимание между детьми и мужем, столь нуждавшимся в ее заботах, другими декабристами и наконец своей родной семьей, которую она отнюдь не забывала. По словам Е. К. Гагариной, Анненкова после приезда из Франции в Россию постоянно переписывалась со своей матерью, живо интересуясь всеми, кого она оставила на родине. С момента ее отъезда в Сибирь связь с семьей, конечно, была сильно затруднена. О том, с какими трудностями приходилось Анненковой переписываться с матерью, свидетельствует письмо последней от 12 октября 1831 г. из Бовуа. «Моя дорогая дочь! После целой вечности жестокого ожидания я только что получила уверенность, что ты жива. Французский посол в Петербурге ответил на мою просьбу, с которой я обратилась к нему в апреле этого года, чтобы узнать, что случилось с тобою. Я отправляю это письмо тем же путем, чтобы быть уверенной, что оно до тебя дойдет, так как вот уже на пятое письмо я не получаю ответа. Ты можешь представить, что я выстрадала за полтора года! Умоляю тебя приложить все усилия, чтобы дать мне весть о себе. Проси губернатора переслать ответ через французское посольство в России. Это, я думаю, самый надежный способ получить ответ...» *.

14 декабря 1835 года декабристы второго разряда, к которому принадлежал Анненков, были освобождены от каторжных работ и водворены на поселение. Однако действительность горько обманула все ожидания. Анненковы, как рассказывает Е. К. Гагарина, часто впо-

* Собр. Е. К. Гагариной. Подлинник написан по-французски. Об отношениях Анненковой с семьей см. также приложение на стр.

следствии говорили, что настоящая каторга для них только и началась со времени выхода на поселение. Мелкие уездные власти чинили поселенным декабристам массу неприятностей, отравляя им существование ничтожными придирками. Положение Анненковых было вдвойне тяжелым. Ко всем несчастьям присоединились заботы о материальном положении: семья увеличивалась, а средств почти не было. Кроме того, здоровье Анненковой сильно пошатнулось, и она стала часто и подолгу хворать. В большинстве случаев ее болезни были результатом частых беременностей — она родила восемнадцать раз, из них только семь благополучно. В письмах к чинам правительства (см. приложения) она подробно пишет о состоянии своего здоровья *.

Годы каторги и ссылки крепко связали чету Анненковых. Характеры их, видимо, великолепно дополняли друг друга. Вот как характеризует отношения Анненковых Е. И. Якушкин, сын декабриста, в письме к жене, написанном в 1855 году из Сибири: «Упасть духом он (Анненков. Р е д.) мог бы скорее всякого другого, но его спасла жена. Как бы ни были стеснены обстоятельства, она смеется и поневоле поддерживает бодрость в других... Анненков женился на ней и хорошо сделал, потому что без нее со своим характером совершенно погиб бы. Его вечно все тревожит, и он никогда ни на что не может решиться...» **. Особенно ценно для характеристики отношений Анненковых свидетельство И. И. Пущина, по собственному его признанию, не принадлежавшего к числу поклонников Анненковой: «Не могу не отдать ей справедливости: она с неимоверной любовью смотрит на своего мужа, которого женой я никак бы не хотел быть. Часто имею случаи видеть, как она даже недостатки его старается выставить добродетелю. Ред-

* Е. П. Ледантю в 1837 г. сообщал К. П. Ивашевой о тяжелой болезни Анненковой, которая была почти парализована, и только благодаря искусному лечению Вольфа получила облегчение (О. К. Буланова, назв. соч., стр. 214).

** Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных. М. 1926, стр. 41.

ко ей удастся убедить других в этом случае, но такого намерения нельзя не уважать *.

6

Возвращение в Россию дало наконец Анненковым все, что отделяло их до сих пор от жизни людей их круга, внутренней связи с которым они не порывали никогда. Права гражданства, прежнее положение в «обществе», право владения недвижимым имуществом — такова была награда за долгие годы изгнания. Анненковы зажили обычной жизнью русских помещиков, как будто бы не было за плечами ни каторги, ни еще более тягостных лет поселения. Формулярный список Анненкова (см. стр. 290) представляет зрелище весьма назидательное. Каждый пройденный год откладывается в нем хоть одной знаменательной строчкой, олицетворяющей собой преодоление новой ступеньки чиновной лестницы. Из Сибири он возвращается титулярным советником, а 70-е годы застают его уже владельцем 10 тысяч десятин земли в Нижегородской и Пензенской губерниях, надворным советником и бессменным нижегородским уездным предводителем дворянства. Декабристское прошлое оказывается начисто стертым. Легко допустить, что, выйдя в отставку после смерти матери, Анненков к старости занял бы то же самое положение, если б и не пронеслись над его головой бури, оказавшие столь разрушительное действие на судьбу его более последовательных товарищей.

Анненков горячо и искренно приветствует реформы Александра II, особенно — крестьянскую, по собственному свидетельству, сохранив старую ненависть к рабству. Порядки «американских плантаций», по его выражению, свидетелем которых Анненкову не раз приходилось быть во время своих раз'ездов, вызывали в

* И. И. Пущин. Записки о Пушкине и письма. М. 1925, стр. 143. О глубокой любви Анненковой к мужу и о ее влиянии на него говорят М. Н. Волконская («Записки», изд. 3-е, стр. 87), М. Д. Францева («Из воспоминаний», «Ист. Вестн.» 1888, кн. 5, стр. 405—406). Много раз говорил о том же в личных беседах с авторами настоящих строк Е. К. Гагарина.

нем всегда острое возмущение и будили энергию к работе по скорейшей ликвидации крепостной зависимости. Он и действительно проявил в этом направлении большую активность, зарекомендовав себя одним из наиболее убежденных нижегородских деятелей реформы. Это, однако, не мешало Анненкову оставаться весьма расчетливым и даже жестким хозяином. В его письмах к жене постоянно встречаются жалобы на крестьянские недоимки, на недостаточную энергию и плутовство старост, на потравы и пр. Он советует сыновьям применять решительные меры к ликвидации крестьянской задолженности, рекомендуя при этом не стесняться в выборе средств. К подобной расчетливости принуждало Анненкова запутанное положение, в котором находились его имения после хозяйничания родственников.

Если, таким образом, Анненков, легко присособился к новым условиям ведения хозяйства, наступившим после реформы 1861 г., то Прасковья Егоровна была, видимо, в курсе всех его дел, оказывая ему неизменную помощь и поддержку. Бывшая модистка в роли русской помещицы чувствовала себя превосходно, нисколько не давая повода заподозрить ее в том, что когда-то она была очень далека даже от мысли войти в круг родовитого и состоятельного дворянства.

Личная жизнь Анненковой с годами становилась все тяжелее. В характере ее мужа начинали проявляться мрачность, деспотизм, суровость. «В семейной жизни—вспоминает внучка Анненковых М. В. Брызгалова,—все подчинялось воле деда. Характер у Ивана Александровича был крутой, к детям он относился сурово». Эти качества прогрессировали и приняли в конечном итоге форму настоящей душевной болезни. Последние годы жизни Анненкова прошли уже в состоянии полного нарушения умственной деятельности. Прасковье Егоровне пришлось оберегать покой и ухаживать за человеком, пораженным тяжелым психическим недугом. Надо отдать ей справедливость: переносила она все эти тяготы с удивительным мужеством и твердостью.

Дочь представителя одной из родовитых дворянских фамилий Франции, ставшая продавщицей модного ма-

газина, потом — жена государственного преступника, разделившая с ним каторгу и ссылку, и наконец—одна из наиболее почитаемых дам нижегородского общества, жена предводителя дворянства — таков жизненный путь Анненковой. В настоящей книге нашли себе отражение все этапы его. Из них наиболее интересным и важным, бесспорно, представляется тот, в течение которого она близко соприкасалась с декабристами. Просто и талантливо изобразила она их среду. И если читатель в записках жены декабриста не найдет ответа на множество вопросов, связанных с декабристским движением, то это не вина мемуаристки: среда, в которой она вращалась, не могла ни поставить, ни разрешить ни одного из таких вопросов. Это обстоятельство придает запискам Анненковой, при всей их чрезвычайной субъективности, глубокое социально-политическое значение.

Сергей Гессен.

Ан. Предтеченский.

ВОСПОМИНАНИЯ
Полины Анненковой

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Детство.—Замок Шампиньи.—Великая французская революция.—
Арест и заключение отца.—Булоньский лагерь.—Император На-
полеон.—Негр Кастенг.—Школьные шалости.—Смерть отца.

Я помню себя очень рано, с полуторагодового воз-
раста. Это, конечно, покажется невероятным каждому,
но, право, я ничего не преувеличиваю. Мать моя всегда
изумлялась моей памяти, когда я ей рассказывала
какой-нибудь случай, поразивший меня в детстве, и
всегда сознавалась в верности моего рассказа. Самое
первое мое воспоминание — то, что я чуть-чуть не вы-
пала из окна, куда посадила меня одна из моих тету-
шек, чтобы смотреть на иллюминацию. Окно было за-
крыто *persienne* *, которая не открывалась уже несколь-
ко лет, ее задерживал снаружи камень. Тут вдруг ка-
мень этот свалился, и *persienne* растворилась, — едва
только тетушка успела схватить меня, и я хорошо по-
мню свои слезы от испуга и ужас тетки. Происходило
это в городе Сен-Миеле, где жили тогда мои родители.

Родилась я в Лотарингии, в замке Шампиньи, близ
Нанси, в 1800 году, 9 июня. Замок Шампиньи, при-
надлежавший когда-то владельцам того же имени,
стоит на горе и окружен стеною и башнями (теперь,
может быть, это уже развалины). Как все средневековые
замки, Шампиньи имел подвалы, где хоронились его
владельцы. Революция, ничего не щадившая, потрево-
жила кости владельцев Шампиньи. Подвалы были пере-
рыты, и скелеты выброшены из своих пышных гробов.

* Оконный ставень из горизонтальных отдельных планок. •

Я хорошо знала потом одну истую революционерку, гражданку Малерм, участницу в разорении катакомб. Она забавлялась тем, что скатывала с горы, на которой стоял замок, черепа его владельцев; один из черепов попался ей набитый золотом. Эта женщина оказала семье моей огромную услугу: она спрятала отца от жандармов, имевших приказание арестовать его, в тех самых катакомбах, которые были предметом ее ненависти. Несмотря на то, что отец мой был аристократ и роялист, гражданка Малерм сжалилась над ним.

Во время самого сильного разгара революции, в 1793 г., отцу моему было 17 лет. Он служил в королевских драгунах и стоял с своим полком в Безансоне. Однажды, не знаю по какому случаю, офицеры этого полка, а в том числе и отец мой, вышли на площадь Безансонскую и прокричали: «Vive le Roi» *, прибавляя ругательство на республику. Народ бросился в иступлении на них и, схвативши за косы (тогда военные носили косы), повлек в крепость. Дорогой несчастные молодые люди были жестоко избиты, их били чем попало и бил кто хотел — и женщины, и дети. Отец мой получил в голову несколько ран обломками какого-то стула. В крепости они просидели полтора года. Их было 16 человек и все почти подверглись казни. В крепости их содержали жестоко, давали на каждого только по 6 золотников хлеба в сутки, и если бы не благотворительная сестра Марта, которая приходила к ним с набитыми хлебом карманами, они бы умерли с голода. Сестра Марта получила потом крест от Александра I за ее добродетельные подвиги. Отца моего спасла молодость, да подоспевшее во-время падение Робеспьера¹. Отец был выпущен из крепости, но получил бумагу, в которой было сказано: «Indigne de servir la république» **. С этой бумагой он отправился к Моро, тот сказал ему: «Gardez ces papiers, jeune homme, ils vous seront utiles un jour» ***. Но, несмотря на одобрительные слова Моро,

* «Да здравствует король».

** «Не достоин служить республике».

*** «Сохраните эти бумаги, молодой человек, они когда-нибудь вам пригодятся».

отца моего уже никуда не принимали, и он долго был без места. Вот почему и жил он в замке Шампиньи у своего приятеля Шосоне, который купил замок. Женился он в 1799 г. на m-lle Горси. Когда был открыт заговор Жоржа Кадудалья и Пишегрю, отца заподозрили в соучастии с ними, но это было несправедливо; вероятно, поэтому его и оставили в покое².

Известно, что вскоре после этого заговора Наполеону подставили адскую машину, и он, так счастливо спасшийся от нее, с яростью преследовал виновников этого дела³. Отец мой снова пал под подозрение и на этот раз был преследован. Жандармы отыскивали его и явились к его матери. Та, чтобы спасти себя, выдала сына и открыла им место его жительства, даже сама привела жандармов в Шампиньи. Такие примеры во время революции были не редки, но не менее того они приводят сердце в содрогание. Вот от этих-то жандармов и спасла отца та женщина, о которой я уже говорила. В благодарность за ее доброе сердце и великодушное дело, я всегда называла ее «maman Mallerme» *. Это ей льстило, но она часто говаривала: «Oui! maintenant maman, maman, et quand tu seras grande, les aristocrates t'apprendront à dire: fi, Mallerme» **.

В то время когда явилась к нам бабушка с жандармами, мне было только несколько месяцев, мать держала меня на руках. Она пришла в такое негодование на старуху, что схватила что-то, чтобы бросить в нее, и меня выронила из рук. Я была поднята одним из жандармов и осторожно передана матери. Она рассказывала потом, что не понимала, как я могла уцелеть, потому, что пол, на который я упала, был из каменных плит. При вторичном появлении жандармов отец спрятался в пшеницу, которая во Франции растет очень высоко. Но, как кажется, он был обязан своим спасением также и тому, что его не слишком тщательно разыскивали. Таким образом ему удалось спастись от преследований.

* Мамаша Малерм.

** «Ну, да, теперь мамаша, а как вырастешь. — аристократы научат тебя говорить: фи, Малерм!»

В 1802 году отец мой, поддерживаемый протекцией и ходатайством разных лиц, был наконец принят на службу Наполеоном I. Мне было два года, и я хорошо помню, как отец отправился в Булоньский лагерь, где получил место казначея во флоте⁴. На нем был голубой мундир с малиновыми отворотами и серебряные эполеты; мундир мне чрезвычайно нравился. К отцу я была привязана до крайности с самых пеленок, и отъезд его врезался у меня в памяти со всеми подробностями.

Мать моя отправилась за отцом, оставя нас в пансионе. Моложе меня была еще сестра. Потом нас обеих привезли в Булонь. Там мы обе носили матросское платье, и нас выдавали за мальчиков, потому что на них шло особенное содержание: выдавалось по 33 франка в месяц на каждого и, кроме того, припасы. Не знаю, было ли это общее положение для всех служащих в Булоньском лагере, но помню, что и посторонние в лагере, кто имел сыновей, получали то же самое. Мне было тогда четыре года. Отец любил меня без памяти, баловал ужасно и всюду таскал с собою. Таким образом я бывала с ним часто у адмирала Камбиза. Однажды тот, лаская меня, взял на руки и говорит: «Какой ты хорошенький мальчик». Я на ухо отвечала ему: «Тебя обманули, господин, я — девочка, а не мальчик». Он очень смеялся над моим ответом, но сделал вид, как будто не понял, в чем дело. Часто также отец водил меня с собою в лагерь, но так как для четырехлетнего ребенка путь был не близкий, то меня всегда почти нес на руках кто-нибудь из знакомых офицеров, которых у отца было очень много — каждый день решительно обедало человек сорок или пятьдесят. Когда мы подходили к лагерю, я с большим любопытством следила за отцом, пока он переговаривался с часовым вполголоса. Мне страх хотелось узнать, что именно было сказано, и когда отец отказывался отвечать на мои пытливые вопросы, я начинала целовать офицера, у которого была на руках, умоляя его объяснить мне загадку, и потом долго сердилась на них за то, что они не хотели удовлетворить моему детскому любопытству.

Лагерь меня очень занимал. Я помню палатку, в которой останавливался Наполеон, когда об'езжал лагерь. Она ничем не отличалась от солдатских палаток, была такая же небольшая и простенькая, убрана внутри так же незатейливо: железная кровать, стол и маленькое зеркало составляли всю меблировку, на стене висели серый плащ и треугольная шляпа. Помню и самого Наполеона, всегда сопровождаемого своим неизменным мамелюком Рустаном ⁶. Когда нам случалось встречать его, я мигом снимала свою матросскую шляпу и, поднимая ее вверх на шпаге моего отца, кричала: «Vive l'Empereur!» * Властелин Франции, всегда ласково и улыбаясь, кивал мне своей могучей головой.

У меня до сих пор живы в памяти спектакли, которые давались в Булони. Однажды взяли меня на представление битвы под Маренго ⁶. В другой раз я была с матерью в ложе. Меня поразило, когда мы вошли, что все бинокли обратились на нас. Мать моя, как я узнала потом, считалась красавицей и обращала на себя внимание везде, где появлялась. В этот вечер на ней было черное креповое платье, отделанное оранжевым атласом и, вероятно, в этот вечер она была особенно хороша, потому что и на меня сделала впечатление. Я все время смотрела на нее и любовалась. На другой день я рассказывала всем и каждому все, что видела и слышала в театре. Отца это очень забавляло, и он, сажая меня к себе на колени, заставлял беспрестанно повторять все куплеты, которые я напевала с большою верноcтью. Вообще у меня еще с детства была страсть к музыке и какая-то особенная способность передавать голосом все, что я слышала. Так, я помню марш, который играли, когда войска отправлялись в поход в 1805 г. перед аустерлицким сражением ⁷. Отец потом выучил меня словам. Вот они, их сложили солдаты:

Adieu, péniche et bateau plat,
Et prame, et canonnière,
Tambour, il bat, il fuit partir
A l'heure qu'on nous appelle.

* «Да здравствует император!»

Adieu, nos chers petits pigeons,
Cantine el cantinière,
Nous reviendrons dans nos cantons.
Oui! dam! après la guerre *.

Остальные куплеты я не помню. Отец заставлял меня беспрестанно напевать этот марш.

Что я любила еще — это слушать его рассказы про чью-нибудь храбрость. Меня очень занимала история Латур-д'Оверня и его сердца, которое сохранилось в полку, получившем название от своего храброго солдата⁸. Сердце находилось в урне, и всякий вечер, когда делали оклик солдатам, первый гренадер выходил с урной в руках и, поднимая ее вверх, отзывался: «Presant» **, потом, опуская прибавлял: «Mort au champ d'honneur!» *** К нам часто ходил из этого полка батальонный командир Камброн. Мы его очень любили за то, что он позволял делать с собою, что хотелось. Часто, поваливши его на пол, мы лазали по нем без всякой церемонии. Я помню Камброна, как он, отправляясь в поход, проходил со своим батальоном мимо балкона, на котором мы стояли с отцом, и кричал ему, делая саблей знак прощания: «Il ne faut pas que cela te dégargouille!» **** Тогда была мода между военными говорить таким языком [Камброн был брат того Камброна, который в Ватерлооскую битву⁹ прокричал: «La garde meurt, mais ne se rend pas!» ***** Впрочем, не один Камброн баловал нас, все офицеры были чрезвычайно ласковы, беспрестанно приносили нам букеты цветов, лучшие фрукты и задаривали игрушками. Только одного из них не любили мы — это каписана Creve-Cœur. У него был негр, с которым он иногда дурно обходился. Однажды бедный Мушет — так звали негра — заснул. Капитан, чтобы разбудить его, зажег сверток

* «Прощайте, шлюпка, плоскодонка, катер и канонерка! Барбан уже бьет, надо отправляться, когда нас позовут. Прощайте, милые голубчики, погребок и маркитанка! Мы вернемся домой! О, да! вернемся после войны!».

** «Здесь!»

*** «Погиб на поле чести!»

**** «Не надо, чтобы это заставило булькать твою кровь!»

***** «Гвардия умирает, но не едается!»

бумаги и поднес ему под нос. Такое обращение привело нас в величайшее негодование. Мы с сестрою бросились на безжалостного капитана и грозили, что выколем ему глаз, если он не оставит бедного Мушета. «Creve-Oeil, nous te creverons un oeil!» * — кричали мы ему и отстояли своего любимца негра.

Я уже сказала, что отец мой был казначеем во флоте. Каждое первое число к нему приносили несколько ящиков, наполненных мешками с золотом и серебром. На каждом мешке была означена сумма денег, заключавшихся в нем. Надо было все поверять, и этот труд лежал на моей матери. Однажды, поверяя мешки, она нашла один с золотом между теми, которые были с серебром. Он был наполнен франками вместо су, ошибка была огромная. Отец мой, узнавши об этом, тотчас же отправился с мешком к Бутро, главному казначею. Бутро, увидя мешок и думая, что ошибка в свою пользу, сказал отцу, не дожидаясь объяснений, что не он виноват, коль скоро деньги были уже приняты отцом. Отец был ужасно вспыльчив и нетерпелив. «Sacre imbécile, c'est à ton désavantage que tu les trompé!» ** — отвечал он ему, оставляя мешок. Такие ошибки случались нередко. Раз отец был обсчитан на 800 франков, но Бутро отказался возвратить ему деньги. Когда отцу случилось потом найти данный лишний мешок, он опять стнес его к Бутро, и, бросивши на пол, повернулся к нему спиною, не сказавши ни слова. Когда жалование раздавалось, меня заставляли помогать отсчитывать деньги, и я ставила тоже столбики из золотой и серебряной монеты на бюро отца. Медная и мелкая монета раздавалась на вес. Для этого были устроены особенные весы, монета высыпалась на пол, ее сгребали и клали, как теперь помню, на весы лопатами.

Отец мой был всеми очень уважаем и любим за свой прямой и благородный характер, но особенно он был известен своею честностью, бескорыстием и был отлично аттестован адмиралом Камбйзом [и Брюиксом].

* Игра слов: Creve Oeil значит — «выколи глаз»; буквально: «Выколи Глаз, мы тебе выколем глаз».

** «Подлый дурак, ты обманываешь их на свою же голову!»

При раздаче крестов Почетного легиона, Наполеон, читая аттестат отца, спросил его: «Vous êtes garçon monsieur?» — «Non, Sire, j'ai quatre enfants» — «Cela vous fait d'autant plus honneur» *, — сказал Наполеон, и подал ему крест. Когда войска выступили в поход, место, занимаемое отцом, было упразднено. Ему обещали другое, при Иосифе Бонапарте, короле неаполитанском, но отец сильно захворал, и место было отдано другому. Мы жили тогда в Переи — одно из предместий Корнси.

Болезнь, которой подвергся отец, была эпидемическая, кажется, тиф. Не только он слег в постель, но и мать, и маленький брат мой, и все люди, так что во всем доме не оставалось ни одного человека на ногах, кроме старого матроса и меня. Сестра моя была тогда в Нанси, в семействе Гюго, куда увезли ее из Булони. Отец мой был очень дружен с четырьмя братьями Гюго, отцом и дядями поэта. Все они служили в Булоньском лагере. Наполеон, узнавши о болезни отца, прислал своего доктора Лоре. Заставши всех в постелях, Лоре с удивлением спросил, кто ходит за больными, и еще больше удивился, когда узнал, что сиделкой была я, семилетняя девочка. Удивительно, в самом деле, как я сохранилась от эпидемии, особенно ухаживая за больными, как я делала, не отходя от них ни днем, ни ночью. Я всем давала лекарство и приготавливала тоже тизану ** с помощью старого матроса, который приносил мне дрова и разводил огонь. Лоре, после сделанного им визита, прислал от себя доктора и двух сиделок. Отец мой выздоровел прежде матери и поехал в Лотарингию, взявши меня с собою, потом уже приехала и мать с братом.

Вскоре отец получил место при Иосифе Бонапарте, которого Наполеону вздумалось пересадить на испанский престол. Иосиф находился тогда со всем двором своим в Бургосе. Отец отправился туда, получивши две тысячи франков на дорогу. Мать осталась на время

* «Вы холосты?» — «Нет, ваше величество, у меня четверо детей». — «Тем более это вам делает честь!»

** Прохладительное питье.

с нами в Шампиньи. Только мы в это время жили уже не в том замке, где я родилась. В Шампиньи был еще другой замок под горой, из которого Наполеон сделал прекрасный артиллерийский парк, где главным доктором был отец моей матери. У него-то и оставались мы. Начальником парка был m-r Кастенг — негр, женатый на m-lle де-Богарнэ. Станным покажется, каким образом m-lle де-Богарнэ была замужем за негром. Но во время революции, в это страшное время смешения всех и всего, все было возможно. M-lle де-Богарнэ должна была погибнуть dans les noyades de Nante *. В то время как ее уже связанную с кем-то готовились бросить в воду, Кастенг заявил желание жениться на ней¹⁰. Разбирать было некогда и m-lle де-Богарнэ приняла руку и сердце великодушного негра. Наполеону не могло нравиться такое родство, а отвергнуть его было невозможно. Чтобы помирить одно с другим, Кастенга держали в Шампиньи, где он был скрыт от всех глаз, а между тем занимал приличное место и получал большое содержание. [Наполеон назначил его начальником парка, — об этой личности нигде не говорится]. Мать моя была довольно близка с m-me Кастенг. Я хорошо помню как ее, так и ее мужа. У них был сын, который, несмотря на то, что не был так черен, как отец, был гораздо безобразнее его. Это ему, однако, не помешало жениться на хорошенькой девушке, m-lle де-Блэй. Они имели человек пять детей, одни были мулаты, другие — совершенно белые.

В Шампиньинском парке было 4500 человек одних рабочих. Мы должны были оставаться тут до приезда отца в Мадрид, куда мать собиралась за ним ехать. Нас с сестрой она хотела поместить в пансион в Нанси, а после в Шампиньи. Мы ходили в школу, которая была учреждена монахинями. Они сами занимались с нами и имели обычай тем, кто хорошо вел себя в продолжение недели, раздавать серебряные медали с изображением божьей матери и надписью: «За хорошее поведение». Сестра моя получала медаль каждую субботу, я — никогда, потому что была воплощенная шалость и всегда бол-

* Во время нантских утоплений.

тала без умолку, а святые сестры любили, чтобы держали себя тихо и скромно. Мать часто упрекала меня за то, что я не умела заслужить медали. Мне страшно хотелось ее утешить, но сдержатъ свою буйную натуру я не была в состоянии, особенно помолчать было выше сил моих, и я решилась на хитрость. Выходя из школы, я сорвала медаль с сестры, прежде чем она успела оглянуться, и бросилась бежать домой. Мать очень удивилась, увидя на мне медаль, поздравила меня и утешила сестру, которая шла за мною вся в слезах. Мать воображала, что ее другая дочь плачет о том, что, привыкши получать медаль каждую субботу, возвращалась теперь без нее. Но вслед за нами явилась монахиня и объяснила, в чем дело. Тогда меня наказали. Странное дело: мать моя была чрезвычайно строга, я ее страх боялась, но это не мешало мне несколько делать разные шалости, на которые я была чрезвычайно изобретательна. Между прочим, я была очень дружна со всеми крестьянскими девочками. Всего больше я любила меняться с кем-нибудь из них платьями, часто надевала их костюм и находила, что он удобнее и красивее моего.

Когда отец оставил нас, мне было восемь лет. Я горько и неутешно плакала, расставаясь с ним, как будто, предчувствовала, что не увижу его больше. Никогда не забуду, какое это было грустное прощанье для всех нас. Сам он был страшно печален в день отъезда. Из Бэйонна он писал матери: «C'est aujourd'hui que je mets le pied sur la territoire d'Espagne, j'ai un pressentiment, que je ne reverrai plus ma patrie. Je ne sais pourquoi, les paroles de cet homme, dont je t'ai parlé, me riviennent toujours à la mémoire» *. Когда отца выпустили из Безансонской крепости, он хотел видеть Моро и для этого поехал в Париж. Дорогой в одной из гостиниц он встретился с человеком, который произвел на него странное впечатление. То был немой. Долго он всматривался в отца, наконец спросил, написавши на столе, не желает ли он узнать будущее. Отец не верил в предсказания, но из любопытства просил та-

* «Сегодня я вступаю на территорию Испании. Я предчувствую, что больше не увижу моей родины. Я не знаю почему, но слова того человека, о котором я говорил тебе, постоянно приходят мне на память».

инственного незнакомца сказать ему что-нибудь. Тот написал: «Vous vous marierez bientôt, vous aurez beaucoup d'enfants et un dans le nombre, du quel on parlera beaucoup. Vous ne mourrez pas de votre belle mort, mais dans un pays étranger *». Вот эти-то последние слова и тревожили отца моего. Из Бургоса он писал, что был прекрасно принят королем Иосифом, и казался очень доволен своим местом, которое должно было принести 30 тысяч франков содержания. Письмо это из Бургоса было последнее. Вскоре двор Иосифа отправился в Мадрид. Не знаю почему, отец мой хотел непременно ехать верхом и купил для этого лошадь. Братья Гюго, которые перешли вместе с ним к Иосифу, неотступно уговаривали его не отставать от свиты короля и сесть лучше в одну из карет.

Но есть какой-то неизбежный рок, который иногда нами управляет. Несмотря на добрые советы своих друзей и видимую опасность при путешествии одному по дороге, где часто путешественники были останавливаемы гверильясами ¹⁾, и опасность эта увеличивалась тем, что с ним были бумаги и деньги; но несмотря на все это отец выехал из Бургоса верхом, сопровождаемый своим человеком. С ними была еще третья лошадь, запасная, на которую они привязали чемодан с бумагами. В одно время с ними выехали братья Гюго, но они были в экипаже. Подъезжая к деревне Аранда, человек заметил отцу, что его лошадь расковалась. Отец отвечал: «Можно заехать в деревню, чтобы подковать ее». Аранда лежала немного в стороне от дороги. Он прищипил свою лошадь, поклонился Гюго и поскакал туда, крикнув им, что скоро надеется догнать их. Человек последовал за ним. 23 октября 1809 года в'ехали они в Аранду, но уже оттуда им не было суждено выехать. Отец, человек, лошади, бумаги — все пропало без вести. Предполагают, что они должны были быть убиты гверильясами. Король Иосиф дал приказание разыскать по крайней мере след этого убийства, но все труды были

* Вы скоро женитесь, у вас будет много детей, и об одном из них будут много говорить. Вы умрете не своей смертью, но в чужой стране».

напрасны. Ничего не было открыто, найдено только в колодцах пропасть изрубленных тел, но кто были эти несчастные — невозможно было узнать.

Все эти подробности были сообщены моей матери одним из Гюго, который осторожно извещал ее о несчастии, так ужасно и так внезапно разразившемся над нами. Невозможно описать, в какое отчаяние впала бедная мать моя. Она уже никогда не могла оправиться от этого удара, да и некогда было: одно несчастье следовало за другим, как это почти всегда и бывает.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дядя Леклер.—Прощение о пенсии.—Первое причастие.—Неугомонная ветренница.—«Домашний арест».—Семейство Сос.—Поход 1812 года.—Русские войска во Франции.—Торжество роялистов.—Нужда.—Первое сватовство.—От'езд в Париж.

Матери моей было 27 лет, когда она осталась вдовою с четырьмя детьми. Она имела свое состояние, но по французским законам не могла распоряжаться им, потому что отец не оставил ни духовной, ни доверенности, а мы были малолетние. Состояние перешло в руки опекунов. Главным из них был дядя Леклер, муж сестры матери моей, человек крутой и скупой до крайности. Он самовольно стал распоряжаться всем, давал, что хотел, матери, и часто оставлял нас в самой крайней нужде. Мать моя, как женщина, не умела бороться с ним, при том же здоровье ее все более и более расстраивалось. Ужасные нервные припадки начали часто посещать ее. Она слабела и падала духом.

Мне было 9 лет, когда мать заставила меня подать просьбу императору Наполеону. Он тогда возвращался, уже не знаю откуда, в Париж и должен был остановиться для обеда в Вуа — станция в 6 или 7 лье от Шампиньи и недалеко от Коммерси, где находился дворец, в котором сгорел король польский, Станислав Лещинский¹². Известно, что обеды Наполеона продолжались недолго. Мы рано встали утром и спешили в Вуа в день его приезда. Туда бежал народ толпою, чтобы посмотреть на своего идола. Мать надела мне белое платье [завила волосы], взяла за руку и повела к дому, где остановился Наполеон. В то время, когда он готовился

сесть в карету, она выдвинула меня вперед, и я протянула прошение. Наполеон приказал взять его и, расспрашивая мать, чего она желает, потрепал меня по щеке. Прощение было о пенсии, потом мать просила, чтобы кого-нибудь из нас приняли на воспитание в какое-нибудь казенное заведение. Наполеон прислал ей 12 тысяч франков единовременного пособия, положил пенсию в 2 тысячи франков и соглашался принять или меня с сестрою к m-me Кампан ¹³, или братьев в Сен-Сирское училище, предоставляя выбор воле нашей матери ¹⁴. Она, рассчитывая, что девочек легче будет воспитать дома, чем мальчиков, просила принять братьев. Их записали, но поступить они в то время не могли, потому что были малы.

После того как я подавала просьбу Наполеону, мы провели год в Туре у своих знакомых, потом переехали в Сен-Миель. Тут мы жили у прабабушки со стороны моей матери. Это была старенькая, маленькая женщина, чрезвычайно добрая. В 11 лет я была с нею почти одного роста и водила ее под руку каждое воскресенье к обедне. После обедни у ее дома собирались нищие, выносили всегда корзину с хлебом и пирогами, а карманы ее были наполнены мелкими монетками, и она всем раздавала милостыню. На похоронах у нее было 800 нищих, и умерла она 115 лет. Она была m-lle Saint-Henrie, вела родословную от каких-то королей и говорила, что сделала мезальянс, выйдя замуж за прадедушку Горси, который был сын аптекаря. Это не помешало им, однако, прожить 58 лет вместе в невозмутимом согласии.

Когда мне минуло 11 лет, m-lle Додо, монахиня, одна из тех монахинь, которых революция разбросала повсюду, отнявши у них монастыри, начала готовить меня к говению. Она наставляла меня и толковала мои обязанности. Первое причастие у католиков играет очень важную роль, и приготовления к этому дню большие. В продолжение двух лет надо ходить каждое воскресенье в церковь на уроки катехизиса, а последние шесть недель — каждый день. Нас было всего 500 человек, девочек и мальчиков, ходивших на уроки к кюре Марки. Все мы с невыразимым нетерпением ожидали

торжественного дня, и, право, это был лучший день в жизни. Когда настал этот день, меня одели в белое платье с голубым кушаком и на голову надели большой вуаль и венок из белых роз. Все должны быть непременно одеты одинаково для этой церемонии, и в этом случае самые бедные не отстают от других. Иногда родители работают целые годы, чтобы только прилично одеть ребенка, который идет в первый раз к причастию.

Между тем мать моя продолжала плакать, и ребяческое мое сердце разрывалось при виде ее страдания. Всегда больная, она не выходила почти из дому, и я, как старшая в семье, заменяла ее во всем: ходила на рынок, хлопотала по хозяйству и с ранних лет приучилась обо всем заботиться. [Мать моя должна была заплатить 4 тысячи франков, а дядя ей ничего не давал. Я отправилась к нему, захвативши лист гербовой бумаги. Когда я вошла к нему, он писал и продолжал писать, не обращая на меня внимания. Я нашептывала ему на ухо, что матери нужны деньги. Наконец мне надоело его невнимание, я выдернула у него перо и бросила на пол. Он отшучивался, взял другое перо и продолжал писать. Я схватила чернильницу и начала бегать кругом стола. Видя, что от меня не отделаешься, он начал отговариваться тем, что у него нет гербовой бумаги. Тогда я вытащила финансовый лист и положила ему на глаза. Он дал наконец заемное письмо, которое я с триумфом отнесла матери. Она передала его заимодавцу. Мы на несколько времени успокоились. Я была вообще характерна очень живого.]

Во Франции принято вообще, чтобы все девушки зарабатывали деньги на свои мелкие расходы, и мы с сестрою не отставали от других. Продавая свое шитье и вышивание, мы получали от 4 до 5 франков в день. Но недалеко от нас жила девушка, которая выручала до 36 франков в день, зато, бедная, вогнала себя в чахотку. В Сен-Миеле было много семейств, потерявших все в революцию, и дочери их работали. Впрочем, m-ells Тьерри, Обри работали тоже, несмотря на то, что отцы их имели состояние.. Но дело-делом, а шалости тоже шли своим чередом. Я умела то и другое вести вместе. Влезть куда-нибудь было моим лучшим удовольствием. Одна-

жды пришли сказать моей матери, что я на крыше дома. Она выбежала, чтобы заставить меня сойти, но, увидя, в какой я находилась опасности, не имела духу ничего сказать и упала в обморок. Через десять минут я была возле нее и покрывала руки ее поцелуями. Она была с нами чрезвычайно строга и ничего нам не спускала, но в этот раз, вероятно, обрадовавшись, что я цела и невредима, оставила меня без наказания. Спускаясь с крыши, я чуть не разбила себе голову, но это мне не помешало, однако, выкинуть другую штуку в этом же роде и не менее опасную.

Дом, где мы жили тогда, был огромный. Это была прежде церковь, принадлежавшая к монастырю, который находился тут, но в революцию был разорен. Из дортуаров монахинь сделали театр, а церковь обратили в дом, где наделали квартир. Мы нанимали второй этаж. Возле нашего дома, как раз под моим окном, находился небольшой домик и такой низенький, что крыша его была на аршин ниже моего окна. Мне пришло в голову, что хорошо было бы вылезть в окно, а крыша маленького домика, как нарочно поставленного тут, меня очень соблазняла. Только не легко было попасть на нее, потому что она была очень поката, к тому же она находилась не совершенно под моим окном, а подавалась немного назад, и надо было смело шагнуть из окна, чтоб попасть только на самый крайчик крыши. Но чем больше нужно было смелости, тем сильнее она являлась во мне. Опасность имела для меня какую-то прелесть, и я, не рассуждая нисколько, что могла дорого поплатиться за свою храбрость, отправилась в окно и вмиг была на крыше, к изумлению всех подруг моих, которые были свидетельницами этого воздушного путешествия. Теперь, как я вспомню, мне кажется, что все это произошло во сне. С крыши надо было как-нибудь попасть вниз, но это уже меня нисколько не затрудняло. Я вошла преспокойно в слуховое окно, прошла чердак, спустилась по маленькой скверной лесенке и очутилась в комнате посреди множества сапожников, прилежно сидевших за своим делом. Добрые люди ужасно перепугались и удивились моему появлению. Я просила у них позволения пройти через их квартиру и возвра-

тилась домой. Но матери уже донесли о моем поведении, и на этот раз мне не прошло даром: меня посадили на хлеб, на воду и заперли в пустую комнату, которая была в третьем этаже. Сидеть взаперти было для меня невыносимо, несмотря на то, что подруги не оставляли меня без утешения. Они на другой же день заключения подали мне в окно по веревке, которую я связала из всего, что попало мне под руку, и спустила им, корзинку с фруктами. Мне следовало просидеть в моей тюрьме неделю, но я раньше заслужила свое прощение. В комнате, куда меня заперли, был комод со старыми вещами, между которыми я отыскала два старых платья, одно — сестрино, другое — мое. Оба они были из одной материи и не годились нам, потому что мы из них выросли, но я рассудила, что из обоих все-таки должно выйти одно, и принялась шить для себя платье. Подруги подали мне, опять-таки в окно, иголок, ниток и ножницы. Работа приходила уже к концу, когда мать, которая приходила навещать меня каждый день, заметила ее. Она нашла, что платье очень удачно и ловко сделано, и за такое прилежание выпустила меня. После такого урока я по крыше уже более не лазила, но все-таки и после этого еще не раз мои шалости приводили бедную мать в отчаяние.

[В 1809 г. я была свидетельницей происшествия, которое меня ужасно поразило. Недалеко от Сен-Миеля в своей деревне жило семейство де-Моргадель; один из сыновей был отравлен своей женой. Она была близко знакома с моими тетками, и за несколько дней до совершения ею преступления одна из моих теток с своей подругой ездили к ней в гости. Разговаривая с ними, она переложил (?) свое замужество и сказала им: «Никогда не выходите замуж против вашей воли, это — несчастье на всю жизнь». Через год мы были свидетельницами, как несчастная m-me де-Моргадель шла на эшафот. Это была женщина лет 25, прекрасная собой, высокого роста, длинная черная коса почти покрывала ее. У нее были необыкновенные волосы, и она просила, чтобы ей обрезали их только на эшафоте. В тележку она не хотела сесть и шла пешком покойной и гордой поступью.

В церкви, где я причащалась, находилась удивительная вещь. Это — снятие со креста, высеченное в камне. Не знаю, чьей это работы, но только церковь была выстроена именно для этого камня, который находился внутри. Работа великолепная. На первом плане спаситель, которого кладут в гроб, апостолы и Мария Магдалина — дальше.]

В Сен-Миеле у нас было много знакомых, кроме того я помню всех, кто там жил, и между прочими семейство Соса, того самого Соса, который остановил Людовика XVI во время его бегства в Варенне ¹⁵. Тогда Сос был купцом и держал небольшую свечную лавку. Потом Наполеон дал ему место в Кольмаре, и он значительно разбогател, а после, не знаю почему, Сос переехал в Сен-Миель. Мать моя рассказывала мне, что когда прусское войско, ожидавшее Людовика XVI на границе, вошло в Варенн, то жена Соса в испуге бросилась в колодезь и, хотя была вытащена оттуда, однако ж, вскоре после этого скачка умерла. Сос женился вторично на девушке, получившей порядочное воспитание, и от второго брака имел дочь, которая была большая красавица, но, странное дело — она не находила себе жениха. Все обегали ее... От первой жены у Соса было, кажется, двое детей. Я помню дочь его m-lle Боннет. Она любила рассказывать про те дни, которые провела у них [несчастливая семья несчастного Людовика] несчастная семья, т. е. Людовик XVI и Мария-Антуанетта, и всегда, повторяла с наслаждением, как она отвечала m-me Elisabethte: «Je n'ai que du fromage blanc et c'est encore trop bon pour toi» *, когда та просила у нее бульону. Мать никогда не могла слышать этих слов и умоляла Боннет замолчать, но та в ответ на ее просьбы заливалась громким смехом. Но есть неисповедимый закон, по которому нам всегда возвращаются страдания, причиненные нами ближнему. Боннет умерла преждевременно от тяжелой и мучительной болезни. Предсмертные ее страдания были так невыносимы, что крики ее долетали до соседей. Народ говорил: *La Bonnette paye s s vieux pêches*” **

* «У меня нет ничего, кроме сыра, да и тот еще слишком хорош для тебя».

** «Боннет расплачивается за свои старые грехи».

Все воспоминания моего детства до 1812 года разнообразны и так многочисленны, что все это составляет какой-то странный калейдоскоп в голове моей. Я видела знаменитую комету, предшествовавшую войне 1812 года [жары тогда стояли невыносимые, воздух казался раскаленным, поля все выгорели, зато вино было дешево], и помню, как французские войска отправились в поход, когда Наполеону вздумалось покорить всю Европу. В этом походе участвовал один из моих дядей, брат матери. Накануне своего выезда он ужинал у нас и, прощаясь с матерью, сказал: „*Dieu sait, si je reviendrai. Nous allons nous battre contre les premiers soldats du monde, les russes ne reculent pas**“. Слова эти поразили меня, я пристально посмотрела на дядю. Он, как будто, предсказал судьбу свою, потому что лег на поле Бородинской битвы ¹⁶.

Кто не был очевидцем того горя и отчаяния, которое овладело Францией после кампании 1812 года, тот не может себе представить, что за ужасное то было время! Повсюду слышались плач и рыдания. Не было семьи, которая не надела бы траур по муже, сыне или брате... Но тут начинается целый ряд бедствий для всей Франции, и стоны и слезы увеличились, когда Наполеон сделал второй набор. Тогда забирали всех без исключения, не щадя и семнадцатилетних юношей. В городе, где мы жили, не оставалось буквально ни одного мужчины, кроме стариков и детей. Но всего страшнее и печальнее было видеть возвращение солдат после Лейпцигской битвы, когда Наполеон, разбитый, должен был отступать ¹⁷. Солдаты шли в беспорядке, измученные, недобвольные, убитые духом, проклиная того, кого сперва боготворили. Они были в таком изнеможении, что едва передвигали ноги и беспрестанно останавливались под огнями, чтоб попросить кусок хлеба или напиток.

За ними следом шла ужасная болезнь, — чума. Увеличивая их бедствия, она сообщалась и жителям тех мест, через которые они проходили. Госпитали в городах были полны больными. Каждый день умирало

* «Бог знает, вернусь ли я. Мы идем сражаться с первыми в мире солдатами, русские не отступают».

невероятное число несчастных. Священники и сестры милосердия, ухаживая за ними, получали болезнь и умирали тоже. Поутру, когда отворялись окна, глазам представлялось ужасное зрелище: по улицам везде лежали мертвые тела или умирающие солдаты. В то время стояла суровая зима, и была гололедица, несчастные скользили, падали и не имели сил подняться на ноги. Их собирали в повозки, которые проезжали каждое утро. В то время и мать моя захворала и слегла надолго в постель. Все тело ее покрылось черными пятнами.

Между тем союзные войска подвигались. Вся Франция трепетала. 14 января 1814 г. в Сен-Миель вступили донские казаки. Их расставили по домам. На нашу долю пришлось тоже порядочное число.

Матери моей было хуже. Болезнь ее усиливалась и становилась опасною. Она была совершенно уверена, что уже не встанет и, боясь оставить нас в городе, который был занят неприятелем, решила отправить к бабушке — матери отца моего, жившей не на большой дороге. Мать рассчитывала, что там мы будем в безопасности, и, призвавши меня, как старшую в семье, приказала собираться в дорогу, но нелегко ей было оторвать меня от себя. Я ни за что в свете не решалась покинуть ее одну в такую минуту, и она наконец должна была согласиться оставить нас при себе. К счастью, ей вскоре стало лучше, только она очень медленно поправлялась, а войска все тянулись. Одни сменялись другими. За донскими казаками, которые составляли авангард, шли пруссаки, потом австрийцы, баварцы, саксонцы и снова русские, но им мы были рады. Они были очень тихи и невзыскательны и удивляли нас своею кротостью и вежливостью. Только им не нравился наш белый хлеб, они просили все черного и жаловались, что вино не довольно крепко. Самые несносные и дерзкие были австрийцы. Их мы терпеть не могли. Ужасно, что стоило содержать и прокормить эти войска! Места, где они проходили, были совершенно разорены. Мать моя еще больше других почувствовала всю тяжесть расходов. Средства ее истощились, она должна была истратить небольшой капитал, который ей удалось скопить, и этого даже не хватало.

Вдобавок ко всему этому горю мать лишилась пенсии, когда Священный союз заставил Наполеона удалиться на остров Эльбу¹⁸. Тогда и братья мои лишились права вступить в Сен-Сирское училище. Но в это время мать еще надеялась найти поддержку в Бурбонах, которые возвращались. Вместе с другими роялистами, она много ожидала от нового короля, хотя, в сущности, она не принадлежала ни к какой партии, и хотя нужда заставляла ее склонить голову и перед Наполеоном, но в душе она оставалась верная своим убеждениям, была преданная роялистка и с ужасом смотрела на перевороты, сделанные революцией. Наполеона она ненавидела и называла кровопийцей Франции. [В Сен-Миеле у нее был довольно большой круг знакомых из аристократов, потерявших все в революцию. Весь этот круг радостно встрепенулся по возвращении Бурбонов.]

С возвращением Бурбонов роялисты оживились. Многие из них были хороши с матерью. Les d-lles де-Бусмар и де-Фикельмон потащили и меня с собою на благодарственный молебен. Тогда они пелись во всех церквах. Мне тоже налепили на голову белую кокарду, величиной в тарелку. Потом, когда Ларошфуко, осматривая Лотарингию, проезжал через Сен-Миель, меня заставили кричать, поднимая платок вверх: „V' ve le R' i! * Это было тем страннее, что я стояла в то время на балконе с другими молодыми девушками, более подходящими к моему возрасту, которые все принадлежали к красным, но Бусмар и Фикельмон, бывшие в это время в доме против нашего балкона, делали мне в окно знаки, чтоб я была за них. Красные очень обиделись моею выходкою и одна из них, m-lle Ликет, явилась к матери моей за объяснениями. Насилу мать успокоила [революционную республиканку] молодую гражданку. Меня водили также, одетую в глубокий траур, на панихиду по Людовике XVI. Тут я увидела с большим удивлением m-lle Сос, стоявшую у самого катафалка. Она была, как и другие, вся в черном, горячо молилась и плакала. Красота ее в эту минуту еще более бросалась в глаза.

* «Да здравствует король!»

Недолго продолжалось торжество роялистов. Через год толпа разъяренного народа с трехцветным знаменем в руках бегала по улицам, врывается в дома и заставляет всех подписываться за Наполеона, угрожая смертью тем, кто вздумал бы сопротивляться. Бедная мать моя тоже подписалась. Роялисты были в опасности. Народ посылал им беспрестанно ругательства и грозился истребить их. Особенно кричали против Бусмаров. Мать велела мне одеться в платье нашей горничной, надеть её крестьянский чепчик, и вместе с нею послала к Бусмарам, чтобы посоветовать им оставить лучше Сен-Миель, но я нашла их уже совсем готовыми к отъезду, и они в ту же ночь выехали. Вскоре и мать моя должна была удалиться из Сен-Миеля.

После Ватерлооского сражения она боялась, чтобы не пришлось опять прикармливать войска, и бежала в Бове, оставя нас на время—сестру и меня—у дяди Леклера. Мы прожили ту зиму, с нетерпением ожидая того времени, когда должны были вернуться к матери. Житие у дяди было очень плохое. Он был отвратительно скуп, считал каждый кусок хлеба, который мы клали в рот, а по вечерам гасил свечи, уверяя нас, что можно работать и при свете камина. Все это было тем более бессовестно с его стороны, что в руках его находилось все состояние моей матери, но любовь к деньгам заглушала в нем все чувства и доходила до такой степени, что он прятал их даже от жены своей. Однажды она нашла нечаянно мешок с золотом, запрятанный им где-то очень далеко. В мешке было 5 тысяч франков, и благодаря этой находке, тетка нас одела, в чем сестра и я давно нуждались.

Наконец нас отвезли в Бове. Тут у матери моей было много кузин и знакомых. Нас очень обласкали и полюбили, особенно меня, вероятно, за мой веселый и живой характер. Но жизнь становилась все труднее и труднее. Лишившись пенсионера, мать должна была довольствоваться доходами с своего имения, а доходы эти были до того ограничены заботами дядюшки, что не было возможности существовать на них. Мать приходила в отчаяние и не знала, что делать. Мы с сестрою принялись работать, но при всех наших желаниях не могли

зарабатывать достаточно, чтоб существовать так, как уже привыкли. Особенно мать, прежде очень избалованная, не могла без страдания отказываться от своих привычек. Притом же было еще два маленьких брата. Родственники и знакомые советовали матери поместить нас куда-нибудь, но это не так легко было сделать, как им казалось. В гувернантки мы не годились. Работая постоянно, мы мало имели времени учиться и основательно образовывать себя.

На меня, как на старшую, мать положила все свои труды. У меня уже тогда открывался большой голос, и еще с детства бог наградил меня необыкновенно верным слухом. Несмотря на то, что я совсем не знала музыки, я пела все романсы и все арии, какие только попадались мне под ухо, и, вероятно, пела недурно, потому что меня слушали с удовольствием и заставляли всегда повторять. Чувствуя в себе большие способности к музыке и страстно любя ее, я умоляла мать поместить меня в консерваторию. Родные были за меня, но мать никак не соглашалась. „Je ne consentirai j. mais à voir ma fille sui les tréteaux“ *,—говорила она, обливаясь слезами, и согласилась лучше заставить меня приобретать другим трудом, который она считала более честным, и она отдала меня в коммерческий дом ¹⁹. После революции это было принято. Много бедных девушек из лучших разоренных фамилий поступало в магазины учиться работать или в купеческие конторы.

Я забыла рассказать, что в то самое время, как рассуждали о том, куда поместить меня, за меня сватался один молодой человек. Все родные хором решили, что я должна выйти за него. В 17 лет нетрудно уговорить девушку, и я согласилась принять сделанное мне предложение, тем более, что мать моя желала этого. М-г Либер не то, чтобы мне нравился, не то, чтобы нет. Он был собою недурен, а главное — сердце мое было свободно. Начались уже приготовления к свадьбе, когда вдруг неожиданный случай спас меня от величайшего несчастья выйти замуж за человека нелюбимого. К нам зашел один родственник, который был в Бове проездом. Ничего не

* «Я никогда не соглашусь видеть мою дочь на подмостках».

зная о моей свадьбе, он начал рассказывать, что перед тем, как к нам зайти, был в кондитерской, где встретил бывшего своего-друга Антона Либер, и что тот проиграл при нем 18 тысяч франков на биллиарде. Родственник наш очень сожалел о несчастье, постигшем его друга, но никак не подозревал, какую важность имел рассказ его в эту минуту. Как только он вышел, я бросилась к ногам матери и умоляла ее отказать моему жениху. Мне казалось, что если он был в состоянии проиграть в один вечер так много денег, так проиграет и меня, если я сделаюсь его женой. Я пришла в такое отчаяние от этой мысли, что начала уверять мать мою, что брошусь в реку, если она не согласится отказать немедленно Либеру. Она, впрочем, и не думала сопротивляться моему требованию, и свадьба моя таким образом расстроилась.

Вскоре после неудачного сватовства Либер, мать моя заключила контракт с коммерческим домом в Париже, Моно, по которому я должна была прожить у них три года. Надо было расстаться с Бове и ехать в неизвестный мне и совершенно чуждый Париж. Грустно было отрываться от родных и покидать все, что было дорого сердцу, но в 17 лет все легко принимается. Я тогда, конечно, не предвидела, да и не могла предвидеть, сколько горя и испытаний ожидало меня в новой жизни, которая открывалась передо мною. Я вступила в нее совершенно покойно. Мать и родные долго и горько плакали обо мне, а я старалась их утешать и мало думала о себе самой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Модный магазин Моно. — Предвидение будущего. — Контракт с московской фирмой Дюманси.—Отъезд в Россию.—Приключения в пути.—Встреча с Шатобрианом. — Роман Дюма.

5 февраля 1817 г. я оставила Бове, где так тихо провела несколько лет между родными и подругами. Переезд был небольшой: я на другой же день была в Париже. Тут только я почувствовала всю горечь моего нового положения, очутившись между людьми мне неизвестными, совершенно чужими, к тому же малообразованными.

Их привычки, образ мыслей, обхождение — все меня шокировало, и много стоило мне слез и усилий, чтоб сломить себя и привыкнуть к ним, во-первых, а потом привыкнуть и к моим новым обязанностям, которые были совсем нелегки. [Контракт был на три года. Там кормили дурно, я ужасно плакала. Каждый год ездила к матери на именины. Потом поместили сестру, она не вынесла, после шести месяцев вернулась домой. Она и брат дивились моей силе воли, сестра хотела отравиться.] Условия контракта были самые-строгие: я не могла никуда выйти без позволения хозяев. Впрочем, не имела охоты, потому что Париж возненавидела и во все время, проведенное мною там, я ни разу не видела ни Версаля, ни других окрестностей Парижа, а ходила только к одной из моих теток, которая, потеряв мужа своего в кампании 1812 г. и оставшись тоже без всяких средств, должна была идти в гувернантки и жила тогда у графини де-Блакер. Сама графиня и ее дети были очень приветливы и ласковы. У них-то я и проводила по воскресеньям

несколько приятных часов, а, кроме того, не имела никаких других развлечений.

1823 года 17 сентября я выехала из Парижа, тогда истек срок контракта с домом Моно. Меня не пускали купцы, советовали мне открыть торговый дом и предлагали в кредит товар, но я не была уверена тогда в своих силах, сомневалась в умении повести такое большое дело и не решилась принять их предложение, а приняла другое: именно предложение ехать в Россию. Какая-то невидимая сила влекла меня в эту неизвестную в то время для меня страну. Все устраивалось как-то неожиданно, как будто помимо моей воли; и я заключила другой контракт—с домом Дюманси, который в то время делал блестящие дела в Москве.

Мать моя ужасно плакала, провожая меня. Я ее утешала тем, что вернусь скоро, но последние слова ее были, что она больше не увидит меня, и она мне напомнила один престранный случай, о котором в то время я совсем позабыла. [Я ей говорила: „Au revoir, maman, je reviendrai dans trois années“.— „Non,—отвечала моя мать,— je te ne reverrai jamais—tu te maries à un russe“ .*

Однажды в Сен-Миеле, когда я сидела в кругу своих подруг, те шутили и выбирали себе женихов, спрашивая друг друга, кто за кого хотел бы выйти. Я была между ними всех моложе, но дошла очередь и до меня, тогда я отвечала, что ни за кого не пойду, кроме русского. Все очень удивились моему ответу, много смеялись надо мною и заметили, что у меня странная претензия, и где же взять мне русского? Я, конечно, говорила это тогда не подумавши, но странно, как иногда предчувствуешь свою судьбу.

С матерью простилась я довольно легко, несмотря на то, что страстно любила ее. Брат провожал меня до Руана, где я должна была сесть на купеческое судно, последнее, которое отправлялось тогда, потому что был уже сентябрь месяц 1823 г. В Руане я сделала неожиданную встречу, которая принесла мне потом еще более не-

* «До свидания, мама. я вернусь через три года». «Нет, я тебя никогда не увижу, ты выйдешь замуж за русского».

Полина Анненкова (р. Гебль) в 1825 г.

*С оригинальной миниатюры Мартинэ
(Из собрания Пушкинского Дома)*

ожиданную пользу. Когда обедали мы с братом за общим столом, я назвала его, как обыкновенно делается во Франции, по фамилии. К нам тотчас же подошел человек почтенных лет и спросил: не дети ли мы того Гебль, у которого он служил в Булоньском лагере, и очень был рад узнать, что, действительно, его любимый начальник был наш отец. Теперь он был капитаном купеческого судна и отправлялся в Кильбев, где оно стояло. То, на которое я должна была сесть, было датское, очень маленькое судно, а нам предстоял очень трудный путь. Всего тяжелее было для меня выехать из Руана, где я должна была расстаться с последним близким мне человеком, с моим братом. Точно у меня что оторвалось от сердца, когда мы отошли от берега и скрылся Руан. Я упала на свою койку и горько зарыдала. В Кильбеве мы должны были ждать попутного ветра.

Я забыла сказать, что, уезжая из Парижа, я оставила там собачку, которую нашла на улице. Эта собачка была так ко мне привязана, что стала страшно тосковать без меня, и мать прислала мне ее в Руан. Долго это животное было мне неизменным и верным другом, проводило в 1826 г. в Сибирь, и никогда не отходило от меня, пока не издохло у моих ног.

Приехав в Кильбев, мы бросили якорь. В тот же день отправлялся оттуда на своем судне мой знакомый капитан. Но отходя от берега, он каким-то образом зацепился своим судном за наше и что-то попортил. Мой бедный капитан был в отчаянии. Начались переговоры между капитанами, и я служила переводчиком, потому что один был француз, а другой — датчанин, и они друг друга не понимали²⁰. Дело, впрочем, устроилось. Нашему капитану заплатили за убыток, а судно надо было поправить, и мы прожили в Кильбеве целый месяц. Пока капитаны переговаривались и заставляли меня переводить, французский прислал мне огромный ящик с разными винами и фруктами. Все это мне очень потом пригодилось. Вина, конечно, не для меня самой, а моим спутникам были очень полезны, когда нас застала страшная буря у норвежских берегов, продолжавшаяся целую неделю. Ужасное было время! Паруса обрывало беспрестанно, матросы не успевали чинить их. Всеми

овладело страшное уныние, молодые матросы все лежали без чувств, старые держались, но были мрачны и угрюмы.

Пока мы стояли в Кильбеве, я наняла квартиру в гостинице, которая стояла на берегу моря и была содержима добрейшими людьми в мире. То было семейство честного нормандского крестьянина. Эти люди ласкали меня как родную. Дочь находила особенное удовольствие наряжать меня в свой костюм, сын, ходившей на охоту и возвращавшийся каждый день с добычей, отдавал ее всегда мне. Даже попугай, которого они держали, был приветлив ко мне. Он беспрестанно повторял слова своих гостеприимных хозяев: «C'est pour madame Paule» *.

Еще было у меня развлечение в Кильбеве — это бегать по доске, а это была очень опасная шутка. Доска лежала одним концом на набережной, другим — на борте судна. Она имела по крайней мере четыре сажени длины и была такая тоненькая, что теперь, когда я вспомню, у меня замирает сердце, а тогда я бегала по этой дощечке без малейшего опасения. Когда я достигала середины, доска подо мною подгибалась, потом подбрасывала меня довольно высоко, но меня это несколько не пугало, и я несколько раз в день совершала это путешествие.

Когда я хлопотала о паспорте, я познакомилась с писателем Шатобрианом, который был министром иностранных дел. Он пожелал меня видеть, потому что решимость двадцатитрехлетней молоденькой женщины ехать в Россию заинтересовала его. Он сказал мне, что удивляется моей храбрости ехать в такую дальнюю и холодную страну. Я отвечала, что сам же он не боялся путешествий, и он, улыбаясь, взял меня за руку, говоря: «Je vous souhaits beaucoup, beaucoup de courage, mon enfant!» **. Как теперь вижу перед собой его седую голову и прояснительный взгляд. Слова Шатобриана не могли не сделать на меня впечатления, но ничто не могло поколебать меня в моем желании ехать в Россию. Я решилась на это совершенно покойно, нимало не ду-

* «Это для г-жи Поль»²¹.

** «Я вам желаю много, много мужества, мое дитя».

мая о трудностях, которые мне предстояло побороть. Мне казалось, что все это так и должно быть. [Мне давали пропасть рекомендательных писем, благодаря им я везде была принята прекрасно.] \

Если я вхожу в такие подробности моего детства и первой молодости, это для того, чтобы объяснить разные недоразумения на счет моего происхождения и тем прекратить толки людей, не знавших правды, которую по отношению ко мне и моей жизни часто искажали, как, например, это сделал Александр Дюма в своей книге: «Mémoires d'un maître d'arme», в которой он говорит обо мне и в которой больше вымысла, чем истины ²².

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Знакомство с Анненковым.—Его родственники.—«Королева Голконды».—Встреча на Пензенской ярмарке.—Совместное путешествие. — Смерть Александра I. — Первая разлука. — 14 декабря 1825 года. — Тревожное настроение в Москве.

В 1825 г., за шесть месяцев до происшествий 14 декабря, я познакомилась с Иваном Александровичем Анненковым. Он начал неотступно за мною ухаживать, предлагая жениться на мне. Оба мы были молоды, он был чрезвычайно красив собою, необыкновенно симпатичен, умен и пользовался большим успехом в обществе. Совершенно понятно, что я не могла не увлечься им. Но целая бездна разделяла нас. Он был знатен и богат, я — бедная девушка, существовавшая своим трудом. Разница положений и чувство гордости заставляли меня держаться осторожно, тем более, что в то время я с недоверием иностранки относилась к русским. Что заставляло меня особенно удаляться от Ивана Александровича, это ужасный пример в одной француженке, который был у меня в то время на глазах. Эта француженка, вышедшая замуж за русского (Полторацкого), была более чем несчастна с ним. Жизнь ее была так печальна, что она не выдержала и вскоре умерла. Ей казалось, что всякая иностранка, выходящая замуж за русского, подвергалась той же участи, какая выпала на ее долю. С сожалением смотрела на меня эта несчастная женщина и всячески старалась предостерегать: «Берегитесь, душа моя, — повторяла она мне беспрестанно, — вы молоды и хороши, много соблазну ожидает вас, а мужчины русские так лукавы и так изменчивы».

Между тем Иван Александрович не переставал меня преследовать и настоятельно требовал обещания выйти за него замуж, но я желала, чтоб он предварительно выхлопота^л для женитьбы согласие своей матери, что было весьма не легко сделать, так как мать его была известна как женщина в высшей степени надменная, гордая и совершенно бессердечная. Вся Москва знала Анну Ивановну Анненкову, окруженную постоянно необыкновенною, сказанною пышностью, так что ее прозвали «la reine de Golconde» *. Французы много мне рассказывали про нее, и те, которые принимали во мне участие, были уверены, что эта недоступная, спесивая женщина восстанет против брака сына своего с бедною девушкой.

Иван Александрович надеялся, однако, склонить ее, но это была одна надежка. [Буря, разразившаяся 14 декабря, переменяла все наши планы и надежды наши.] Ничто не ручалось за успех, напротив, можно было ожидать,—и я замечала, что Иван Александрович сам боялся этого, — что в случае ее требования разойтись со мною, если бы только он не подчинился ее воле, она была в состоянии лишить его наследства, которое в то время было громадно, так как он оставался единственным наследником после смерти брата своего Григория Александровича, убитого на дуэли. Половина состояния, которым в то время владела Анна Ивановна Анненкова, перешла к ней от отца ее Ивана Варфоломеевича Якобия, бывшего наместника Сибири ²³. Остальное было передано ей по духовному завещанию в пожизненное владение ее покойным мужем, Александром Никаноровичем Анненковым; стало быть, все находилось в руках Анны Ивановны, и она имела возможность при первом неудовольствии на своего сына лишить его всего. Понятно, что я не могла желать подвергать любимого человека гневу его матери, и никогда не решилась бы сделаться виновницею его разорения.

Несмотря, однако же, на все мои предосторожности, сама судьба сближала меня с ним, и вскоре один случай помог этому. Мы были тогда в Пензе, куда собралось множество народа по случаю ярмарки. Я приехала с домом Дюманси, который имел модный магазин, где я бы-

* Королева Голконды.

ла старшей продавщицей. Анненков приехал за ремонтом лошадей для Кавалергардского полка, в котором он служил. С ним было очень много денег, и я узнала, что шайка игроков сговаривалась обыграть его, а раньше я слышала, что его обыграли уже в один вечер на 60 тысяч рублей. Тогда, чтобы спасти его от заговора негодяев, я решилась употребить разные женские хитрости, и в тот самый вечер, когда игроки ожидали его, продержала у себя до глубокой ночи. На другой день он узнал все от своего человека, был очень тронут и остался мне признательным. С тех пор человек его, который был ему очень предан, часто приносил мне его портфель на сбережение ²⁴.

Наконец, закупив лошадей, Анненков стал собираться уезжать. Ему предстояло большое путешествие: он должен был объехать все свои имения, находившиеся в Пензенской, Симбирской и Нижегородской губерниях. Нам приходилось расстаться, и я заметила, что Иван Александрович становился все мрачнее и задумчивее, а мне становилось жаль его, тем более, что, несмотря на блеск и богатство, его окружавшие, он казался глубоко несчастным. [Мне французы много рассказывали об его матери, которая его не любила и обращалась с ним неимоверно строго. Я замечала, что мать много отравляла ему жизнь...] Его прекрасное, задумчивое лицо выражало иногда так много грусти, что невозможно было относиться к нему безучастно. Казалось, он скрывал какую-то глубокую печаль, какую-то затаенную мысль.

В то время я и не подозревала, что он участвовал в тайном обществе, но замечала только, что мать много отравляла ему жизнь, и это заставляло меня все более и более к нему привязываться. С другой стороны, меня стало осаждать собственное горе. Жизнь моя, до тех пор веселая и беззаботная, вдруг стала изменяться. Я встретила разные неожиданные неприятности в семье, где жила, а Иван Александрович все твердил мне про свою любовь, и я чувствовала тем женским инстинктом, которым одарила нас природа, что он говорил искренно. Наконец я поняла и сознала, что для меня уже невозможно счастье без него.

Однажды вечером он пришел ко мне совершенно расстроенный. Его болезненный вид и чрезвычайная бледность поразили меня. Он пришел со мною проститься и говорил: «Если б вы знали, что ожидает меня, то, вероятно, сжалились бы надо мною». Я не поняла тогда всего смысла его слов, но он уже предчувствовал свою судьбу.

Расстаться с ним у меня не достало духу, и мы выехали вместе из Пензы 3 июля 1825 года. В одной из деревень его, где была церковь, он настаивал, чтоб мы обвенчались, и уже приготовил для этого священника и двух свидетелей, но я решительно отказалась от брака без согласия его матери.

В Симбирской губернии мы долее всего оставались в селе Петине. Это богатейшее имение на Суре, и тут я в первый раз ела знаменитые сурские стерляди. Барский дом в Петине был довольно старый и запущенный. Когда мы приехали, ставни кругом были закрыты. Я, по живости своего характера, тотчас же обежала все комнаты и была очень удивлена, заметя в одной из них, где ставни не успели еще раскрыть, в углу целую грудку чего-то, покрытую толстым слоем пыли. Я тотчас же побежала за Иваном Александровичем, и когда мы с ним стали рассматривать, что лежало в углу, то оказалось, что то была старинная серебряная посуда, и когда свесили всю эту посуду, то оказалось 60 пудов серебра. Иван Александрович приказал все сложить попрежнему и запечатать комнату. Он ничем не распоряжался без ведома своей матери.

Она постоянно жила в Москве и, конечно, не знала, что делалось в ее имениях. В Москве у нее был свой дом, который стоит и до сих пор (1861 г.) на углу Петровки и Газетного переулка²⁵. В Сокольниках была богатейшая дача с замечательными оранжереями. Дача эта была так известна своею роскошью и обстановкою, что иностранцы, приезжавшие в Москву, ездили ее осматривать. Там особенно в одной из комнат обращали на себя внимание двери из цельного богемского хрусталя, сделанные с необыкновенно роскошными бронзовыми ручками.

В ноябре месяце того же 1825 г. мы приехали в Москву. По мере того как мы приближались к Москве, Иван Александрович все становился задумчивее. Ясно было, что его что-то сильно тревожило. Расспрашивать его о том, что он, казалось, хотел скрыть, я стеснялась, но ясно видела, что им все более и более овладевало какое-то беспокойство. Наконец все сделалось понятным для меня. Внезапно и совершенно неожиданно разнеслась весть, что скончался император Александр I, и эта весть как громом поразила всех. Это было именно 29 ноября, что Москва узнала о кончине своего государя²⁶. Анненков был страшно поражен этою новостью, и я стала замечать, что смерть императора тревожила его по каким-то особенным причинам. В то время к нему собиралось много молодых людей. Они обыкновенно просиживали далеко за полночь, и из разговоров их я узнала, наконец, что все они участвовали в каком-то заговоре. Это, конечно, меня сильно встревожило и озаботило, и заставило опасаться за жизнь обожаемого мною человека, так что я решилась сказать ему о моих подозрениях и умоляла его ничего не скрывать от меня. Тогда он сознался, что участвует в тайном обществе и что [неожиданная смерть императора может вызвать страшную катастрофу в России, и заключил свой рассказ тем, что] * его, наверное, ожидает крепость или Сибирь. Тогда я поклялась ему, что последую за ним всюду.

2 декабря 1825 г. он простился со мною и уехал в Петербург, это было ночью. Второпях он забыл свой портфель, в котором было на 60 тысяч банковых билетов на его имя. Предполагая, что они ему понадобятся, я приготовилась скакать за ним с портфелем и садилась уже в повозку, когда он сам зашел ко мне, вернувшись с первой станции²⁷. Судьба как будто нарочно устроила это, чтобы дать возможность нам обняться в последний раз перед тем, как страшная буря должна была разразиться над нами и разлучить нас надолго. После этого последнего прощания мне суждено было увидеть его только в крепости **.

* В рукописи эти слова отсутствуют.

** «О собачке Кой» — заметка в рукописи.

Проводив друга моего, я впала в безотчетную тоску. Мрачные предчувствия теснили мне грудь. Сердце сжималось и ныло. Я ожидала чего-то необыкновенного, сама не зная, чего именно, как вдруг разразилось известие о том, что произошло 14 декабря. Вся Москва [была объята ужасом] опять встревожилась. В домах царствовало глубокое уныние. На улицах встречались одни мрачные и грустные лица, все ходили как приговоренные и никто не смел громко говорить [о случившейся катастрофе] о случившемся. Это было время всеобщего страха, печали и слез. В это время забежал ко мне Петр Николаевич Свистунов, который служил в Кавалергардском полку, был впоследствии сослан по делу 14 декабря [но не застал меня дома]. Он не был в Петербурге в день 14 декабря. Я знала, что Свистунов — товарищ и большой друг Ивана Александровича, и была уверена, что он приходил ко мне не даром, а, вероятно, имея что-нибудь сообщить о своем друге. На другой же день я поспешила послать за ним, но человек мой возвратился с известием, что он уже арестован²⁸. Можно себе представить мое отчаяние при мысли, что та же участь ожидает и Ивана Александровича. С тех пор как он на ходился в Петербурге, я не имела от него ни одного письма и решительно не знала, что с ним сделалось. Бросаясь ко всем, к кому только была возможность обратиться, чтоб получить о нем хотя малейшее известие, я ничего не могла узнать, никто не мог сказать мне ничего положительного и верного. Одни говорили, что он ранен, другие — что убит, третьи — что он в крепости. Чему было верить, на чем остановиться — не было возможности решить. Чтоб сколько-нибудь подкрепить себя, я каждый день ходила в католическую церковь. Там молитва утешала меня и обновляла душевные силы. Но дойти до церкви я никогда не могла покойно, ужас преследовал меня все время. На Кузнецком мосту, который нельзя было миновать, я всякий раз встречала повозки, тщательно закупоренные со всех сторон и сопровождаемые жандармами. Повозки эти [наполненные, конечно, жертвами царского гнета] были наполнены арестованными, и приводили меня в содрогание. Картина была невыносимо тяжелая и печальная. Одним словом,

невозможно описать все, что я испытала в то короткое время, пока узнала правду о том, что произошло 14 декабря 1825 года в С.-Петербурге.

Между тем, пока я находилась в такой мучительной неизвестности, Иван Александрович был арестован и отвезен в крепость. Сначала его отвезли в Выборг, где посадили в замок, а потом перевезли в Петропавловскую крепость. Но я узнала обо всем этом только в январе месяце 1826 года.

Вот как рассказывал впоследствии сам Иван Александрович в кругу близких ему людей про свой арест.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Рассказ И. А. Анненкова о 14 декабря.— Арест.— Допрос у императора.— Угрозы.— Генерал Левашев.— Выборгский шлосс.— Второй допрос в Петербурге.— Петропавловская крепость.— Раскрытие плана цареубийства.

14 декабря я не был в рядах возмущившихся. Еще 12-го числа в собрании у князя Оболенского я высказал, что не отвечаю за Кавалергардский полк, где служил тогда, потому что знал очень хорошо, что солдаты не были расположены к вспышке, которая готовилась, да и сам я видел в поднятии войск большую ошибку и не рассчитывал на удачу предприятия. 14-го числа я вышел на площадь с Кавалергардским полком, занимая свое место, как офицер 5-го эскадрона. Полк был расположен на том конце площади, и я стоял у самого дома Лобановых, у того угла, который к Невскому. Командовал полком граф Апраксин²⁹. Что происходило в тот день, уже известно всем, говорю только о тех подробностях, которые, кроме меня, едва ли кто знает. Государь был верхом, раз'езжал все время, был страшно расстроен и бледен, как полотно. Великий князь Михаил Павлович, казалось, сохранял более хладнокровия. По окончании дела я возвратился в казармы и был свободен до 19-го числа, но ожидая, понятно, каждую минуту ареста. Наконец 19-го числа дежурный офицер по полку часов в 11 ночи приехал ко мне и сказал: «Ну, одевайся, только шпаги не бери». Мы поехали к эскадронному командиру Фитингофу, который тотчас же отвез меня во дворец. Там ввели меня в зало, где я нашел двух своих товарищей по полку: Александра Муравьева

и Арцыбашева. Мы сошлись, чтобы поздороваться, но дежурный развел нас по углам и запретил говорить. Кроме нас троих, в зале была толпа генералов и придворных. Все говорили о происшествиях 14 декабря, очень горячились, возмущались смелостью предприятия и громко порицали участников в этом деле, называя их злодеями, нисколько не стесняясь нашим присутствием. Многие хвалились своими подвигами...

Через несколько времени одна из дверей залы растворилась и в ней показался Николай Павлович, со словами: «Подите сюда». Я снова был поражен странною бледностью его лица. Я первый вошел в комнату, в которой был государь. Он тотчас же запер дверь в зал, увлек меня в амбразуру окна и начал говорить:

— И вы забыли милости покойного государя! Вас давно надо было уничтожить, но брат по своей доброте щадил и прощал вас.

Этим император Николай Павлович намекал на мою бурную молодость и особенно на то, что я не был наказан по всей строгости законов покойным императором Александром Павловичем за дуэль с Лапским, где я имел несчастье убить своего противника и за это просидел только три месяца на гауптвахте. Государь говорил отрывисто, повелительно. Я не мог не заметить в нем страшного волнения и гнева, с трудом сдерживаемого. Он продолжал:

— Были вы в обществе? Как оно составилось? Кто участвовал? Что хотели?

Как я ни старался отвечать уклончиво и осторожно, но не мог не выразить, что желали лучшего порядка в управлении, освобождения крестьян и пр. Государь снова начал расспрашивать:

— Были вы 12 декабря у Оболенского? Говорите правду, правительству все известно.

— Был.

— Что там говорили?

— Говорили о злоупотреблениях, о том, что надо пресечь зло.

— Что еще?

— Больше ничего.

— Если вы знали, что есть такое общество, отчего вы не донесли?

— Как было доносить, тем более, что многого я не знал, во многом не принимал участия, все лето был в отсуствии, ездил за ремонтом. Наконец тяжело, нечестно доносить на своих товарищей.

На эти слова государь страшно вспылil:

— Вы не имеете понятия о чести! — крикнул он так грозно, что я невольно вздрогнул. — Знаете ли вы, что заслуживаете?

— Смерть, государь.

— Вы думаете, что вас расстреляют, что вы будете интересны, нет — я вас в крепости сгною!

После этого государь отпустил меня, приказав послать моих товарищей. Я, выходя из комнаты государя, подошел к Муравьеву, чтобы сказать вполголоса: «Ступай, тебя зовет». Тогда все присутствующие в зале пришли в такой ужас, что бросились к нам и в смущении своем повторяли: «Нельзя говорить». С трудом я мог их успокоить и убедить наконец, что исполняю волю государя. Тогда пошел Муравьев. Он был очень молод, застенчив и немного заикался. Государь сделал те же вопросы, как и мне. Муравьев, вероятно, сконфузившись, начал отвечать по-французски. Но едва он произнес: «Sire», как государь вышел из себя и резко ответил: «Когда ваш государь говорит с вами по-русски, вы не должны сметь говорить на другом языке».

Потом таким же порядком государь допрашивал и Арцыбашева. После этого мы опять все трое были в зале, но через несколько времени меня снова потребовали. Когда я вошел, государя уже не было в той комнате (он удалился к императрице). За столом сидел Левашев и, посадив меня в кресла против себя, начал снова допросы, но на этот раз уже подробнее и в надлежащем порядке. Спросил имена членов общества; я назвал Пестеля, зная, что он уже арестован, и избегал называть других. В это время вошел снова государь и, подошедши к столу, за которым мы сидели, он оперся на него рукою. Тогда в присутствии государя Левашев стал говорить так: «Вы слишком много на себя взяли, молодые люди, и кто вам вложил в голову такие преступные

мысли? Вы заботились о судьбах народов, а связали государю руки в его благих намерениях на 50 лет».

Последние слова Левашева поразили меня. Он снова начал настаивать, откуда мы почерпнули такие идеи. Я указал на Европу, на некоторые книги, которые читались тогда. Левашев все записывал, а государь продолжал стоять, опираясь на стол. Меня наконец отпустили и снова позвали Муравьева и Арцыбашева. Через несколько времени опять отворилась дверь и государь, подозревая меня, сказал: «Позовите ваших товарищей».

Мы, все трое, опять вошли в комнату, где он находился. Тогда он приказал позвать графа Апраксина и обратился к нему со словами: «Полк распущен, офицеры ничего не делают». Помолчав немного, обратился снова к нам: «Вас всех давно надо было перевести в армию. Судьбами народов хотели править — взводом командовать не умеете».

В эту минуту государь был гораздо спокойнее, гнев его смягчился. Со мною он обошелся даже милостиво, взял меня за пуговицы мундира, притянул к себе и снова упрекнул: «Забыли милости покойного государя — это неблагодарность». Тогда граф Апраксин подтолкнул меня сзади, шепнув: «*Baisez donc la main*» *. Я сделал движение, но государь отдернул руку, говоря: «Я этого не ищу». Потом опять начал: «Вас за это всех надо продержать в крепости 6 месяцев, надеюсь, что после этого вы выкинете глупости из головы и будете заниматься службою». С этим он нас отпустил, прибавя, обращаясь к графу Апраксину: «Я вам поручаю их, генерал, а если кто смеет упрекнуть их прошлым, вы будете отвечать мне за них» ³⁰.

В эту минуту мы, конечно, вообразили, что нам даруют свободу, и, обрадованные, направились к той двери, в которую вошли, но тут нас попросили в другую комнату, где каждого окружили солдаты с саблями наголо и повели на гауптвахту. Там рассадили порознь. Дежурный офицер Прянишников оказал мне некоторое участие. На пол положили тюфяк, на который я улегся,

* «Целуйте же руку»

но не надолго. Вскоре Прянишников сказал мне, чтобы я послал на квартиру за сюртуком, да велел бы кстати взять побольше белья. Я начал догадываться, что меня хотят куда-то отправить. И действительно, не замедлил явиться фельд'егерь, с которым надо было отправиться. В этих случаях, понятно, всего ужаснее неизвестность, и я пытался узнать от фельд'егеря, куда он везет меня, но сколько я ни старался, на все мои вопросы он упорно молчал или отвечал сердито: «Вам какое дело? вот увидите».

Между тем мы ехали к Выборгской заставе. Когда миновалась Петропавловская крепость, я вздохнул свободнее, но в то же время вспомнил, что дорога, по которой мы скакали, вела и в Шлиссельбург, и что там крепость не хуже других. Мысль попасть в крепость была для меня самой ужасной, и сердце болезненно сжималось, когда я думал об этом. Между тем мы продолжали скакать. Мучимый неизвестностью, ожиданиями, и теряясь в догадках, я опять обратился к фельд'егерю с разными вопросами, но тот оставался верен своим обязанностям и продолжал молчать. Только на последней станции перед Выборгом он сознался, что везет меня именно туда. Это меня немного обрадовало, потому что я знал, что другие крепости гораздо страшнее еще, чем в Выборге, как, например, крепость Сварт-Гольм, где потом сидел Батенков, который прекрасно выразил в своих стихах безотрадность и ужас одиночества Свартгольмской крепости³¹. Страшная крепость по своему местоположению.

По приезде в Выборг меня посадили в замок. Александра Муравьева отвезли в Нарву, Арцыбашева — не знаю куда³². В Выборге сидеть было довольно сносно. Офицеры и солдаты были народ добрый и сговорчивый, большой строгости не соблюдалось, комендант был человек простой, офицеры часто собирались в шлосс, как на рауты. Там всегда было вино, потому что у меня были деньги, я был рад угостить, офицеры были рады выпить и каждый день расходились очень довольные, а комендант добродушно говаривал: «Я полагаюсь на ваше благоразумие, а вы моих-то поберегите»³³. Чувствительные немки, узнав о моей участи, принимали во мне

большое участие, присылали Выборгские крендели и разную провизию, даже носки своей работы. Однажды кто-то бросил в окно букет фиалок, который я встретил с глубоким чувством благодарности: цветы эти доставили мне несказанное удовольствие.

Таким образом прошло три месяца. В марте месяце 1826 г. дела Следственной комиссии приняли более серьезный оборот, была открыта мысль о цареубийстве и сделаны некоторые показания на меня. Снова явился фельд'егерь и отвез меня в Петербург, прямо в Главный штаб³⁴. Когда я входил по лестнице, меня поразила случайность, какие иногда бывают в жизни: и перед которыми нельзя не остановиться: я очутился в том самом доме, где провел свое детство. Меня ввели даже в ту самую комнату, где я когда-то весело и беззаботно прыгал, а теперь сидел голодный, потому что меня целый день продержали без пищи и никто не позаботился даже спросить, не голоден ли я. Тут я видел одного из своих родственников, который ужаснулся только тем, что у меня выросла борода, и не нашел ничего более сказать мне. К счастью, я встретил тут Стремоухова, своего товарища по службе, и спешил воспользоваться этим случаем, просил Стремоухова повидать мою дорогую Полину и передать ей, что я жив³⁵. С тех пор как мы расстались с нею в Москве, я не имел от нее известий, тоска по ней с'едала меня и я был уверен, что она не менее меня страдала от неизвестности.

Из Главного штаба меня привезли в Эрмитаж, где Левашев вторично снял допросы, начав словами: «Вы в первый раз сказали неправду, потому что не могли не знать о цареубийстве». Я повторил, что не знал, и говорил истинную правду. После этого допроса отворились двери Петропавловской крепости, и меня посадили в 19-й номер. Не могу не обратить еще раз внимания на странную случайность: 19-е число я считаю для себя несчастным, роковым; 19-го числа я имел дуэль с Ланским, 19-го числа арестован, под № 19-м сидел в Петропавловской крепости, и еще несколько таких случаев было в моей жизни.

Когда привезли меня из Эрмитажа в крепость, то повели в Невскую куртину. На вопросы мои, куда ведут,

комендант отвечал: «Сами увидите». Е. М. [Подушкин] уверял, что есть отличный номер⁸⁶. Меня ввели в небольшую комнату со сводом. По середине еще можно было стоять во весь рост, но к бокам комнаты надо было сгибаться. Стояла лазаретная кровать, на которой лежал матрац из соломы, на столике горела лампада. Е. М. опять начал утешать: «Не горюйте, все пройдет, номер отличный, сухой, теплый». Я осмотрелся, с трубы так и капало. На меня надели халат, туфли и заперли дверь. Первое чувство было такое, что положили живого в могилу. Потом пришла мысль не есть. Так прошел день, другой, на третий приходит Е. М.

— Что вы не кушаете?

— Не хочется.

— Полноте, кушайте, ведь заставят.

— Каким образом?

— Вставят машинку в рот и нальют бульона, а то запрут под землю, там мешки есть такие, ну, это — не то, что здесь, темно, сыро, нехорошо. Все пройдет, вот и Ермолов сидел (в царствование Павла I), а как выпустили, то мне и не кланяется⁸⁷. Вот и с вами также будет.

Угрозы насчет бульона, вливаемого насильно, и мысль о мешках навели на меня невольно ужас. На четвертый день я стал есть. Через месяц меня повели в Следственную комиссию, как обыкновенно водили всех — с завязанными глазами, и допросы снова начались.

Однажды ко мне входит плац-ад'ютант, страшно бледный, подает мне 5 лимонов и просит не выдавать его. Один из лимонов был надрезан, и в нем я нашел записку от Васильчикова. Он писал, что один из членов нашего общества показал, что принял его при мне, и прибавлял, что от меня зависит спасти его или погубить. Потом Васильчиков был переведен на Кавказ офицером⁸⁸. Вскоре после того как я получил лимоны, меня опять повели в комиссию. На этот раз в зале было только двое из членов Следственной комиссии: граф Бенкендорф и князь Голицын. Оба знали меня с детства, князь Голицын бывал часто у моей матери.

— Послушайте, Анненков, — начал Голицын, — я вам желаю добра, поверьте, говорите правду.

— Извольте, ваше превосходительство.

Тогда Бенкендорф продолжал:

— Вы знаете, государь милосерден. Сознайтесь чистосердечно, ведь ваша вина незначительна. Есть государственные люди, замешанные в этой истории, но вы ничего ведь не можете изменить. Вашей смерти не нужно, будьте только откровенны. Если вы во всем сознаетесь и раскаетесь, то самое большое наказание — вас разжалуют в солдаты и сошлют на Кавказ. Теперь начинается персидская война, первое дело — и вы офицер, а там можно служить или выйти в отставку, это — ваше дело. Не сознаетесь — вас оставят в крепости, вы имеете теперь понятие о ней, ведь это живая могила.

Слова Бенкендорфа невольно наводили на меня ужас, и я в эту минуту подвергался страшной внутренней борьбе. По совести, я действительно, многого не знал, что происходило за последнее время в обществе, так как мало виделся с участвовавшими в нем, но слышал, что летом, когда я ездил за ремонтом, главные члены общества собирались в Новой деревне. Царская фамилия жила тогда в Елагинском дворце, и Александр I часто гулял один. Вадковский предлагал воспользоваться этим случаем и выстрелить из духового ружья³⁹. Рассчитывали, что тогда произойдет суматоха, и этим думали воспользоваться, чтобы ввести конституцию. Но обо всем этом только говорили и нашли лишним сообщать другим членам общества, и я узнал об этом гораздо позднее, поэтому говорил истинную правду, когда отвечал на все вопросы Бенкендорфа «не знаю», но он не верил и продолжал настаивать.

— Вы сами себе вредите, — заговорил он опять, — я понимаю, что теперь вы не хотите сознаться в том, что говорили за бокалом шампанского, но вы напрасно упорствуете, вас ожидает крепость, будьте лучше откровенны.

— Да я готов, но положительно ничего не знаю.

— Государь милостив и, если вы сознаетесь, он вас простит, иначе...

Понятно, что в эту минуту нервы у меня были сильно расшатаны всем пережитым, крепость стояла перед глазами, как фантом. Несмотря на всю твердость моего характера, я настолько был потрясен, что наконец, почти машинально выговорил, что, действительно, слышал о цареубийстве. Тогда Бенкендорф тотчас же велел подать мне бумагу, и я так же машинально подписал ее. Меня снова отвели в крепость. Е. М. [Подушкин] пришел на другой день и стал меня укорять: «Что вы, батюшка мой, там наделали, зачем наговорили на себя? Теперь чаю не велели давать».

Этим кончились допросы, и до сентенции Ивана Александровича более не трогали.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Первые вести об Анненкове.—Анна Ивановна Анненкова и ее причуды.—Посылки в крепость.—Приговор.—Рождение дочери.—Козни родственников.—От'езд в Петербург.

Между тем я изнывала с тоски по нем и после напрасных попыток, сделанных мною в Москве, чтобы узнать что-нибудь о постигшей его участи, я решилась наконец отправить одного из преданных ему слуг в Петербург, чтобы узнать, где он мог находиться. Но для этого нужны были деньги, а у меня уже вышли те, которые оставил мне Иван Александрович, уезжая в Петербург. Расставаясь, мы не предвидели всего, что потом случилось в такое короткое время, и думали, что расстаемся не надолго. Заложив свои бриллианты и турецкие шали, я наконец отправила человека в Петербург. В то время с матерью его я еще не виделась, но знала, что она мало заботилась о нем. Когда человек был готов к от'езду, я послала его к бездушной старухе, чтобы спросить, не прикажет ли она что-нибудь передать несчастному сыну. Она отвечала, что ничего, и приказала только благодарить меня за мои заботы.

Из Петербурга человек писал мне отчаянные письма, объяснял, что, несмотря на все его старания, он ничего не может узнать насчет своего барина, что посятся слухи, что он в крепости, но в какой именно — невозможно допытаться. Отчаяние мое возрастало с каждым днем. Я более не в состоянии была выносить такой неизвестности, но господь сжалился надо мной, и наконец блеснул для меня луч надежды отыскать любимого мною человека. Ко мне зашел Стремоухов, брат того, кото-

рого Анненков встретил потом в Главном штабе. Этот служил также в кавалергардах, но не был замешан в истории 14 декабря. От него я узнала, что Иван Александрович находится в крепости в Выборге; это было в январе месяце 1826 г. Оба брата Стремоуховы были прекрасные, очень сердечные люди. В то время было очень нелегко узнать что бы то ни было об участи, постигшей молодых людей после 14 декабря. Стремоухов сумел это сделать, заставив болтать одного господина, которого встретил за столом в гостинице и в котором подозревал шпиона. От этого господина он узнал также подробности о том, что происходило в роковой день, и утешал меня тем, что Иван Александрович не был ранен и что он не может быть так строго осужден, как другие, потому что на площади находился со своим полком. [Но у него, к несчастью, было большое состояние и много родственников наследников, которые, как голодные волки, обрадовались обстоятельствам, благоприятным для них, и я уверена, что их влияние помогло в том, что И. А. был потом строже осужден.] Я немного успокоилась после визита Стремоухова, но тоска все более душила меня. Я чувствовала непреодолимую потребность увидеть любимого человека и думала только о том, как бы поехать к нему. Но из Москвы выбраться мне было не легко: кроме того, что средства мои истощались, и я должна была снова работать, против меня начались интриги со стороны живущих в доме матери Ивана Александровича, которых был целый легион.

Старуха была окружена приживалками и жила невозможной жизнью. Позднее, когда она меня потребовала к себе, я была поражена всем, что увидела. Мне, как иностранке, казалось, что я попала в сказочный мир. Дом был громадный, в нем жило до 150 человек, составлявших свиту Анны Ивановны. Парадных комнат было без конца, но Анна Ивановна никогда почти не выходила из своих апартаментов. Более всего поражала комната, где она спала. Она никогда не ложилась в постель и не употребляла ни постельного белья, ни одеяла. Она не выносила никакого движения около себя, не терпела шума, поэтому все лакеи ходили в чул-

ках и башмаках, и никто не смел говорить громко в ее присутствии. Без доклада к ней никто никогда не входил. Чтобы принять кого-нибудь, соблюдалось двадцать тысяч церемоний, и нередко желавшие видеть ее ожидали ее приема или выхода по целым часам.

В официантской сидело постоянно 12 официантов. На кухне было 14 поваров, и огонь никогда не переводился, потому что Анне Ивановне иногда приходила фантазия спросить что-нибудь закусить не в назначенный час, и это случалось всего чаще ночью, так как для сна у нее, так же как и для обедов и завтраков, не было назначенных часов. Все делалось по капризу, по первому требованию Анны Ивановны. Комната, где она постоянно находилась, была вся обита малиновым штофом. Посредине было сделано возвышение, на котором стояла кушетка под балдахином; от кушетки полукругом с каждой стороны стояло по 6 ваз из великолепного белого мрамора самой тонкой работы, и в них горели лампы. Эффект, производимый всей этой обстановкой, был чрезвычайный. В этой комнате Анна Ивановна совершала свой туалет, также необыкновенным способом. Перед нею стояло 6 девушек, кроме той, которая ее причесывала. На всех 6 девушках были надеты разные принадлежности туалета Анны Ивановны: она ничего не надевала без того, чтобы не было согрето предварительно животной теплотой. Для этого выбирались все красивые девушки от 16 до 20 лет, после 20 лет их назначали на другие должности. Даже место в карете, перед тем как ей выехать, согревалось тем же способом, и для этого в доме содержалась очень толстая немка, которая за полчаса до выезда садилась в карете на то место, которое потом должна была занять Анна Ивановна. Пока она выезжала, немка нагревала место в креслах, в которых Анна Ивановна всегда сидела.

Надменность и эгоизм Анны Ивановны Анненковой, а также ее необыкновенные причуды становятся понятными, если знать ее жизнь. Она была единственная дочь Ивана Варфоломеевича Якобия, наместника всей Сибири в эпоху императрицы Екатерины II. Матери своей не знала, так как лишилась ее при своем рождении. Отец

ее страстно любил и баловал. Когда она кончила свое воспитание в Смольном, то поехала к отцу в Сибирь, где, несмотря на свою молодость, сразу стало полноправною хозяйкою, окруженною несказанной роскошью, так как в то время начинали устанавливаться торговые сношения с Китаем. Можно себе представить, какие богатые и редкие подарки несли торговые люди такому сильному человеку, как наместнику сибирскому, и каким поклонением окружали балованную дочку. Якобий вывез из Сибири и редкие китайские материи, и дорогие меха, и наконец значительную сумму денег. Бкладные листы были утеряны под конец жизни Анны Ивановны ее поверенным. Вышла замуж Анна Ивановна поздно, под сорок лет: так долго не могла найти себе человека по сердцу ⁴⁰.

Я уже сказала, что Анна Ивановна никогда не ложилась в постель, она спала на кушетке, на которую расстилалось что-нибудь меховое, и покрывалась она каким-нибудь салопом или турецкою шалью. На ночь она не только не раздевалась, но совершала даже другой туалет, не менее парадный, как дневной, и с такими же церемониями. Надевался обыкновенно белый пеньюар, вышитый или с кружевами на шелковом цветном чехле, потом пышный чепчик с бантами, затем шелковые чулки, непременно телесного цвета, и белые башмаки, по тогдашней моде, с лентами, которые завязывались, а бантики тщательно расправлялись, как будто бы она ехала на какой-нибудь бал. В таком пышном туалете она прилежала на кушетку и никогда не оставалась одна. При ней было до 40 избранных девушек и женщин разного возраста, которые поочередно должны были находиться в ее комнате. На ночь в комнату Анны Ивановны вносились диваны, на которых и помещались дежурные. Они должны были сидеть всю ночь и непременно говорить вполголоса. Под их говор и шопот дремала причудница, а если только они умолкали, она тотчас же просыпалась. Стол ее был не менее прихотлив, как все остальное, и накрывался каждый день на 40 приборов. Сама она обедала за особенным столом, к которому приглашались только избранные, а зачастую даже в своей комнате, куда вносился уже накрытый стол на

4 прибора, так как она требовала около себя положительной тишины и спокойствия. Она не хотела знать никакой заботы, никакого горя, и когда ее второй сын, Григорий, был убит на дуэли, то ей решились сказать об этом только год спустя ⁴¹.

Ее многочисленными имениями управлял Чернобой, из ее же крепостных, наживший себе несколько домов в Москве, а всем хозяйством заправляла дальняя родственница Мария Тихоновна Перская ⁴². Все доходы с имений привозились и сдавались Марии Тихоновне, в комнате которой стоял комод, куда ссыпались деньги по ящикам, по качеству монеты, и наверное Мария Тихоновна сама не знала хорошенько, сколько ссыпалось в комод и сколько из него расходовалось. Беспорядок и воровство в доме были так велики, что под конец жизни Анны Ивановны все серебро, которого было немало, было все заложено. Оно выкупалось из ломбарда, когда давался какой-нибудь обед, и на другой день снова закладывалось. После ссылки сына ее в Сибирь, разорение пошло так быстро, что в 1830-х годах Анна Ивановна жила уже на квартире, продав свой пышный дом и дачу в Сокольниках ⁴³, а когда она умерла, в 1842 г., то нечем было похоронить ее, и расходы на похороны были сделаны Алексеем Григорьевичем Тепловым, женившимся на ее внучке, дочери моей, Александре Ивановне ⁴⁴.

Но, когда я попала в 1826 году в дом старухи Анны Ивановны Анненковой, то у нее всего было так много, что комнаты, где хранились эти богатства, были похожи на магазин. Одних платьев счетом было до 5 тысяч. Для них велась особенная книга, с приложением образчиков, по которым Анна Ивановна назначала, какое платье желала надеть. Два сундука были наполнены самыми редкими кружевами, ценностью в 100 тысяч рублей. Целая комната была занята разными дорогими мехами, привезенными как говорили из Сибири. Анна Ивановна страшно любила наряжаться, забирала очень много по магазинам, особенно в английском, который был тогда в моде, и где она пользовалась безграничным кредитом, так как магазину было известно, что в Лондонском банке находится громадный капитал, на ко-

торый она имела право. Когда ей нравились какие-нибудь материи, то покупала целыми кусками, чтобы у других не было подобных. Когда я ее узнала, она была окружена ореолом величия, к ней ездила вся Москва, и, между прочим, бывал часто митрополит московский Филарет, который в 1827 году меня напутствовал, когда я уезжала в Сибирь. Эта бездушная женщина была неимоверно строга с своим сыном, и он являлся к ней не иначе, как затянутый в мундир, и постигшее его несчастье нисколько не расшевелило ее. Она не сделала ни шагу для того, чтобы утешить его или облегчить его участь. Только из тщеславия или гордости, пока сын ее был в крепости, послала она серьги дочери Подушкина, оцененные в 5 тысяч ⁴⁶. Когда узнала, что я собираюсь в Петербург, чтобы видеть ее сына, она сделала все, чтобы отклонить меня от этой поездки. Ко мне явилась одна из ее приближенных (Караулова) и всячески уговаривала не ездить, уверяя, что я этим много могу повредить Ивану Александровичу [что так как я француженка, будут думать, что я либералка, и что это может много повредить ее сыну] ⁴⁶.

Между тем человек, которого я посылала в Петербург, вернулся и, конечно, не привез мне ничего утешительного. Сердце разрывалось, я стремилась к любимому мною человеку и не могла вырваться из Москвы, где приковывала меня страшная нужда. Мне положительно нечем было существовать, и я должна была усиленно работать, чтобы не умереть с голоду, а у меня на руках были еще люди, которые раньше служили Ивану Александровичу и которых мне жаль было распустить. Таким образом я прожила своими трудами до марта месяца 1826 г. В марте месяце приехал ко мне Стремоухов, брат того, который был прежде, и сообщил, что видел Ивана Александровича в Главном штабе, что дал ему слово повидать меня и сколько возможно успокоить, но между тем Стремоухов предупредил меня, что дела принимают более серьезный оборот, и что у Ивана Александровича остается мало надежды на освобождение. От меня Стремоухов пошел к Анне Ивановне, чтобы сказать ей, что сын ее нуждается во всем. Он в то время был без белья, без платья и даже без сапог, а

деньги, которые он имел с собою, истощились. Но все это несколько не потревожило бездушную старуху. Она приняла Стремоухова по-боярски, заставила долго ждать себя, вышла, сопровождаемая целою свитою приживалок, и объявила, что вещи сына ее находятся в ка-кавалергардских казармах, и что там, вероятно, есть все, что ему нужно. Стремоухов вернулся ко мне, возмущенный таким приемом до глубины души.

Тогда я начала собирать все, что могла найти, добилась несколько белья, разных мелочей, везде вышла и нацарапала свое имя «Pauline» и наконец достала его любимый халат и отправила это все ему через Стремоухова. Но так как халат был очень красивый и дорогой, то не дошел до узника. Плац-майор крепости По-душкин нашел, что халат хорош и для него *.

С тех пор, как был у меня Стремоухов, до июля месяца, т. е. до объявления приговора, происшедшего 13 июля 1826 г., я не имела никаких известий об Иване Александровиче ⁴⁷. Приговор в Москве произвел страшное впечатление, снова все впали в глубокое уныние. Ко мне с этой ужасной новостью прибежал Затрапезный. Этот человек был страшный пьяница, нигде не служил и жил только тем, что ему давал Иван Александрович. Когда он прибежал ко мне, я тотчас же послала человека в типографию с 25-рублевою ассигнацией, и человек возвратился с только что напечатанным листом, так что он был еще сырой. Затрапезный читал мне [ругая правительство] и заливался слезами.

Интересно, как было сообщено узникам о приговоре. Родственникам и женам было разрешено видаться с ними раз в неделю, и жены под разными предлогами, а иногда переодетые, беспрестанно пробирались в крепость. Когда сделалось известным более или менее, к чему будут приговорены заключенные, тогда Фонвизина и, кажется Давыдова, переодетые, отправились пройти по стене, окружающей крепость, по которой, как известно, совершался раз в год крестный ход в один из весенних праздников. Так как они были одеты в простое платье, то часовые не обратили на них вни-

* «Об сентенции» — заметка в рукописи.

мания. Они, держась на известном расстоянии, стали как будто перекликаться, и наконец Фонвизина прокричала: «Les sentences seront terribles, mais les peines seront commuées *». В ответ на эти слова разнесся страшный гул по казематам. Узники отвечали: «Merci» **.

Что касается меня лично, то мне было очень не легко пробираться в крепость, так как я на это не имела права ни родственницы, ни жены, и мне стоило больших усилий и денег всякий раз, как я добивалась свидания с Иваном Александровичем.

Пока я оставалась в Москве, горе осаждало меня со всех сторон. Господь послал мне столько испытаний в это время, что теперь (1861 г.), когда я вспоминаю все, то удивляюсь, что может вынести иногда женщина! 11 апреля 1826 г. у меня родилась дочь, после чего я жестоко захворала и слегла на 3 месяца в постель. 6 недель я лежала при смерти, потому что молоко бросилось в голову. Желая кормить своего ребенка, я нажила себе грудницу. Страдания были жестокие, увеличенные, конечно, душевными скорбями и тревогами, но самое ужасное было то, что я не могла работать, и потому впадала с каждым днем все более в нужду. [Квартиру нанимала я на канаве, которой уже нет теперь, у Кузнецкого моста, в доме Шора, а недалеко от меня жила твоя бабушка в своем пышном и богатом доме.] Между тем все меня оставили, все знакомые, в которых я думала видеть много друзей, отвернулись от меня. И только одна француженка, старушка Шарпантье, меня не покидала и ухаживала за мной как за своей родной дочерью, да еще одно прелестное существо, молодая девушка из горничных Анны Ивановны, ходила ко мне. Однажды она принесла с собой портрет ее молодого барина и поставила в ногах у меня на кровати, пока я задремала. Проснувшись и увидя портрет, я залилась слезами ***. Кажется, через эту девушку дошли,

* «Приговор будет ужасен, но наказание будет смягчено».

** «Еще один случай об сентенции», — заметка в рукописи.

*** Вчера я не могла продолжать записывать. Несмотря на то, что мать говорила о давно прошедшем, она так живо описывала мне свое тогдашнее безотрадное положение, свои страдания, тоску, заботы, что слезы наконец задушили меня, и перо выпало

наконец слухи до Анны Ивановны о моем ужасном положении. Не знаю, была ли она этим тронута, или опять-таки из тщеславия, но она прислала мне 600 рублей. Первое мое движение было не принимать деньги, но старушка Шарпантье не позволила мне сделать эту глупость.

Рождение дочери сильно встревожило всю семью Анненковых. Думали, что мы обвенчаны, одни желали этого и радовались, другие боялись. Особенно Анна Ивановна была этим озабочена. Она даже сама допрашивала, обвенчаны мы или нет, человека, которого я посылала к ней за приказаниями, когда отправляла его в Петербург. Сыну она отвечала, что не имеет ничего передать и ничего не послала ему, но человеку сулила 2 тысячи, чтобы только он открыл ей все. Тогда человек поклялся, что мы не обвенчаны. [Нужно объяснить тебе, почему бабушка так добивалась правды. Ты знаешь, что у отца твоего было большое состояние, из которого 7-я часть поступила бы мне, и все сестре твоей, если бы мы были обвенчаны (слово не разбрано); она не согласилась бы на это прежде, пока отец твой был знатен и богат, но когда он уже был осужден, она желала этого, чтобы спасти имение от наследников, которые тотчас же и начали ее преследовать, посылали всякий день к ней полицию и, когда узнали, что она хочет перезаложить имение, — они тоже спешили воспользоваться обстоятельствами, — тогда они объявили свои права и наложили запрещение. Она

из рук. Мы так с нею увлеклись, что просидели далеко за полночь. В доме было тихо, все спали, и мы оставались одни совершенно. Она говорила откровенно, с увлечением, и я бы дорого дала, чтобы точнее и яснее передать все, что от нее слышала. Но те, кто будут пробегать эти строки, поймут, вероятно, так же, как и я, что должна была испытать молодая женщина, покинутая всеми, без вести о любимом человеке, с маленьким ребенком на руках, поймут также и то, сколько нужно было ей твердости и силы характера, чтобы, едва оправившись от жестокой болезни, приниматься опять за работу и работать не шутя, для препровождения времени, а работать настойчиво, с упорством, так, чтобы заработать достаточно денег для выкупа своих шалей и бриллиантов, с намерением продать это все потом и на вырученные деньги ехать в Петербург отыскивать отца моего.

(Вставка О. И. Ивановой в рукописи.)

имела духовное завещание от бабушки на пожизненное пользование имением.] Мне кажется, в эту минуту мать была бы рада узнать противное, потому что в таком случае я и дочь являлись наследницами, а старуха думала, что это может спасти состояние, которое в то время, как я узнала позднее, было уже сильно расстроено, несмотря на весь блеск и величие, окружавшие еще Анну Ивановну. Убедившись, что мы не обвенчаны, она решилась перезаложить имение и этим, конечно, погубила бы все окончательно, если бы родственники Анненковы, которые узнали о ее намерении, не поспешили бы заявить свои права и наложить запрещение. Таким образом была спасена та часть состояния, которая находилась в пожизненном владении Анны Ивановны по духовному завещанию мужа ее, Александра Никаноровича Анненкова. И уцелела настолько значительная часть, что впоследствии Иван Александрович, по возвращении из ссылки, получил из нее до 10 тысяч десятин.

Все, что Анна Ивановна имела от своего отца, было ею прожито, все несметное ее богатство, все дорогие, драгоценные вещи, находившиеся в ее доме, все исчезло бесследно. За несколько лет до своей смерти она впала в болезненное состояние, и понятно, что живущие в доме делали, что хотели. Понятно, насколько рождение дочери Ивана Александровича должно было взволновать и встревожить всех ее приближенных. Крестины ребенка также всех озаботили. Я, как католичка, не спешила исполнить этот обряд. Тогда начали являться ко мне некоторые из родственников и стали уговаривать крестить ребенка в православную веру. Я наконец согласилась, и восприемниками ее были Бахметьев и Титова.

Едва я оправилась от болезни, как начала собираться в Петербург, но никак не могла добиться паспорта. В то время меня начали осаждать приближенные Анны Ивановны то своим вниманием, то разными преследованиями. Пока я хворала, меня все забыли и оставили в покое, но когда узнали, что я хлопочу о паспорте, чтобы ехать в Петербург [опять прислали мне сказать, что если я поеду в Петербург, то только могу повре-

дить этим отцу твоему. Чем могла повредить я, когда он был уже осужден?], то стали снова убеждать меня не ездить и даже интриговали, чтоб я не могла получить паспорта, но тут на помощь ко мне явилась одна француженка m-lle Фелис, которая жила в доме Шульгина, московского обер-полицеймейстера. Она приехала ко мне, хотя я ее совсем не знала. «Я не имею удовольствия вас знать, — сказала она, входя ко мне, — но мне жаль вас, я знаю, что вам делают много неприятностей и не пускают в Петербург. Хотите иметь паспорт?» Я, конечно, с радостью приняла ее предложение. Через час у меня был паспорт, выданный Шульгиным. Много лет прошло с тех пор, но я не могу забыть услуги, оказанной мне добрейшей m-lle Фелис. [Когда я ныне была в Париже (в 1861 г.), я ходила благодарить ее.] Как только паспорт был в моих руках, так я, не медля ни минуты, собралась в дорогу и выехала в Петербург на другой день, поручив ребенка старушке Шарпантье.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Записки Анненкова из крепости.—Лишения заключенных.—Интриги Якобия.—Тайные встречи.—Учитель фехтованья.—План бегства за границу.—Первое знакомство с Анной Ивановной.—Опять в Петербурге.—Покушение Анненкова на самоубийство.—Опасная переправа через Неву.—Ночное свидание.—Внезапное отправление Анненкова в Сибирь.—Гебель у великого князя.—Фельд'егерь Желдыбин.

По приезде в 1826 году в Петербург я остановилась в гостинице, где, однако ж, оставаться не хотела, и послала за Стремоуховым, чтоб просить найти мне квартиру, что он тотчас же исполнил, и я на другой день переехала в Офицерскую улицу. Никогда не забуду всех услуг, оказанных мне Стремоуховым. Он сообщал мне все новости и своими услугами много раз выводил из разных затруднений. Ему обязана я, что вскоре по приезде в Петербург получила записку от Ивана Александровича через какого-то унтер-офицера. Можно себе представить мой восторг при получении этой первой записки со дня нашей разлуки. Я узнала наконец, что человек, столь дорогой для меня, жив, но узнала также, в каком он находится отчаянии. В записке было только несколько слов, но в этих словах было столько выстраданного и пережитого, что сердце болезненно сжималось, читая их: «*Ou es tu donc, — писал мой неизменный друг, — qu'as tu fait, mon enfant? Mon dieu! pas aigulle pour aneanter mon être!* *». За эту записку надо было дать 200 рублей унтер-офицеру,

* «Где же ты, что ты сделала, мое дитя? Боже мой, ни одной иглы, чтобы уничтожить мое существование».

конечно, в то время ассигнациями⁴⁸. Стремоухов также сказал мне, что, если я желаю видеть Петропавловскую крепость, то это возможно будет сделать, и объяснил моему человеку, как пробраться туда. Я тотчас же отправилась. Когда мы подходили к крепостным воротам, я невольно приостановилась, но человек мне сделал знак, что можно идти далее. Мы осторожно пробирались. Когда вошли во двор, человек показал мне на окна, вымазанные мелом, прибавя вполголоса: «Там сидят они». Но окон было много, и как было узнать, за которым из них мог сидеть Иван Александрович. [Он сперва был в Невской куртине, потом в Николаевской.] Несмотря на неудачу моих розысков, я все-таки возвратилась домой гораздо покойнее от одной мысли, что я недалеко от любимого человека, и с надеждою скоро увидеть его.

Между тем, ко мне явились люди, которые служили прежде Ивану Александровичу [и, не знаю как, открыли, что я в Петербурге], и объяснили, что один из родственников, именно Якобий [один из тех, которые считали себя его наследниками], бывает у него в крепости и только раздражает его своими визитами. [Якобий видел твоего отца раз в неделю у коменданта крепости, как это было дозволено всем родственникам осужденных. После сентенции к нему явился на свидание и Н. Н. Анненков, нынешний контролер, но не затем, чтоб поддержать его или утешить родственным участием, а затем, чтоб узнать его распоряжения об его состоянии. Вообще, в этом отношении с ним поступали отвратительно, все объявили права свои на наследство, иные писали записки и просили не забыть о них в своих распоряжениях, другие просили то одну, то другую вещь на память] *. От них я узнала, что Якобий имел от матери Ивана Александровича 1500 рублей, которые должен был передать ес сыну, но нашел, что эта сумма велика для крепости, и передал только 500 рублей, а остальные оставил у себя⁴⁹. Иван Александрович зашил эти деньги в помочи, но однажды, когда он был в бане, помочи распорол и деньги вы-

* «О свиданиях» — заметка в рукописи.

нули [вероятно, часовые. Ничего нельзя было иметь, крали все ужасным образом]. Таким образом, несчастный узник был лишен возможности получить то, что другие имели на свои деньги, и часто подвергался даже голоду, не будучи в состоянии выносить пищу, которую давали в крепости, хотя для того, чтоб кормить осужденных, отпускались довольно большие деньги, но они, вероятно, расходились по разным карманам, а их кормили довольно плохо [Вообще, их кормили сносно только до сентенции.]. Самое чувствительное лишение было — недостаток белого хлеба, и, чтобы иметь его, Иван Александрович распустил свои серебряные эполеты, которые ему удалось каким-то образом продать. Много еще других подробностей сообщили мне бывшие слуги Ивана Александровича. Преданность их ему и участие, которое они принимали в судьбе своего барина, трогали меня до слез. Якобия я знала за человека грубого и черствого, но не имея возможности открыто просить свидания с Иваном Александровичем, я решилась обратиться к посредничеству его, как ни был он мне противен [Якобий принял меня очень сухо и даже не посадил]. Я умоляла передать Ивану Александровичу, — чтобы как-нибудь только дать ему знать, что я в Петербурге, — крест, который я всегда носила, куда я спрятала бумажку со словами: «Je te suivrai en Sibirie» *. Завернув все это хорошенько в цепочку, я передала Якобию. Крест он передал, но на вопрос Ивана Александровича: «Pauline est ici» ** не знаю почему, нашел нужным отвечать, что нет, и уверял, что получил от меня крест еще в Москве.

Невозможно себе представить, до какой степени люди иногда бывают злы без всякой причины. Так, Якобий преследовал меня, как только мог, наговаривал на меня плацмайору крепости Подушкину, убеждая его не пускать меня в крепость, и тот одно время приказал гонять меня, так что однажды я была выведена из церкви. Не могу забыть, сколько я страдала от Якобия. Иван Александрович его также очень не любил, но он

* «Я пойду за тобой в Сибирь».

** «Полина здесь?»

был единственный из родственников, который бывал и то время в крепости, и мы оба поневоле хватались за него, чтобы добиться свидания. Однажды Иван Александрович передал ему письмо ко мне. Узнав об этом случайно, я следила за Якобием. В крепость я пробиралась беспрестанно, и видя, как Якобий выходил от коменданта, я бросилась к нему и уталоляла отдать мне письмо, но он грубо отвечал, что никакого письма не имеет. Между тем, отошедши от него, я заметила, что он вынул письмо из кармана и собирается прочесть его. Я снова бросилась к нему с мольбами, но он почти оттолкнул меня. Впоследствии я узнала, что письмо это было передано Якобием матери Ивана Александровича. Вообще, все родственники с ее стороны и все жившие в ее доме относились к ее несчастному сыну отвратительно. Они осаждали его своими письмами, пока он был в крепости. Одни напоминали не забыть их в своих распоряжениях, другие просили то одну, то другую вещь на память. Якобия я однажды застала в дорогом, очень богатом халате Ивана Александровича и в его торжковых сапогах. Даже очки золотые Ивана Александровича, с которыми тот по своей близорукости никогда не расставался, были на Якобие. Впоследствии очки эти от него вытребовали.

[Я уже сказала, что родственники имели право видеть узников только раз в неделю, каждый имел свой день. Их приводил на свидание плац-адъютант к коменданту, оставались один час, не более. На одном из этих свиданий был забавный случай с Луниным. Тетка его, К. Ф. Муравьева, которая постоянно бывала у своих сыновей, иногда видала и Лунина — своего племянника. Комендант Подушкин всегда угощал чаем дам, приходивших на свидание. Однажды, когда сидели у него Муравьева и Лунин, по обыкновению принесли поднос с чашками...

К отцу ходили в среду, но я не могла притти сказать открыто, что желаю его видеть, я не имела даже прав родственницы и должна была придумывать разные разности, чтобы добраться до него.] Чтоб пробраться в крепость мне всякий раз стоило большого труда, а иногда и много денег, но это нисколько не охлаждало

меня. Я беспрестанно и всюду появлялась, так что на меня наконец был сделан донос такого рода, что есть одна француженка, которую так часто видно, что она уже надоела всем. Когда об этом доложили государю, он отвечал: «Оставьте ее». Как я ни хлопотала, но не могла добиться видеть Ивана Александровича иначе, как во время прогулки и не более как минут на пять. В первый раз, когда мне наконец привелось его встретить, он проходил мимо меня в сопровождении плац-ад'ютанта. Вид его до такой степени поразил меня, что я не в силах была двинуться с места: после блестящего кавалергардского мундира на нем был какой-то странный костюм из серой нанки, даже картуз был из той же материи. Он шел тихо и задумчиво, опустив голову на грудь, и прошел мимо, не узнав меня, так как был без очков, без которых ничего не видел. В ту минуту я уже немного опомнилась от своего первого впечатления и заметила, что плац-ад'ютант мне делал едва заметный знак рукой, чтобы я подошла, но я не решилась это сделать, так как стояла против гауптвахты, на которой в это время меняли караул, и, чтобы как-нибудь привлечь внимание Ивана Александровича, я пустила собачку, которую держала на руках и с которой никогда не разлучалась, и потом стала звать ее. Тогда я увидела, что Иван Александрович очень удивился, услышав мой голос, и вернулась домой, успокоенная несколько мыслью, что он уже знает о том, что я в Петербурге. В другой раз, переодевшись в платье горничной, когда я снова бродила по крепости, я вдруг увидела Ивана Александровича, который, гуляя по садику, куда их выпускали также, подошел к калитке и приостановился. В один миг я бросилась к нему на шею, крепко обняла, поцеловала и исчезла прежде чем часовой успел одуматься.

Главное, что заботило меня в то время — это мысль, что он подвергается разным лишениям. Особенно я не могла помириться с тем, что он часто бывает голоден, и ломала себе голову, каким образом доставлять ему что-нибудь съестное. Передать что бы то ни было невозможно было без посредства Подушкина, а тот каж-

дый раз ломался и говорил, что он подвергается страшной ответственности, однакож каждый раз соглашался, когда я делала подарки его дочери. Таким образом я часто снимала с себя то ту, то другую вещь, которую тогда носила, и наконец отдала лорнет с цепочкой, несмотря на то, что мне очень было больно с ним расстаться, так как это был подарок Ивана Александровича.

Не одна я пробиралась в крепость, другие дамы делали то же самое, несмотря на то, что для них были назначенные дни для свидания с мужьями. Но так как назначался один день в неделю, то этого им казалось мало, и они пользовались минутами гулянья, чтобы повидать своих мужей ⁶⁰. Так, однажды, я встретила в большом волнении Михаила Александровича Фонвизина, который, вероятно, привык видеть во время прогулок жену свою. Он спросил меня: «*Madame n'avez-vous pas vu passer une très jolie femme?*» *

В это время я познакомилась с Гризье, бывшим учителем фехтования в Москве, у которого и Иван Александрович брал уроки. Рассказы Гризье впоследствии дали повод Александру Дюма написать по поводу меня роман, под заглавием. «*Memoires d'un maître d'armes*». [Не могу не вспомнить с благодарностью то, что сделал Гризье.] Гризье пришел ко мне с полным желанием и готовностью услужить мне и бывшему его ученику, которого, он, как видно, очень любил, и так любезно предлагал располагать его кошельком, говоря, что знает очень хорошо, как дурно относятся родные к Ивану Александровичу, что, наконец, заставил меня воспользоваться его услугами. Я взяла у него 200 рублей, которые, конечно, поспешила потом возвратить при первой возможности.

Между тем у меня явилась очень смелая мысль, которую я решила привести в исполнение, это увезти Ивана Александровича за границу. А случай познакомил меня с одним немцем, который продавал мне свой паспорт за 6 тысяч рублей. Беспреданно бывая в крепости, я познакомилась там со многими и узнала, что выве-

* «Сударыня, не встретили ли вы очень красивую женщину?»

сти оттуда Ивана Александровича было бы не так трудно, как казалось сначала. Потом мы могли сесть на купеческое судно и с помощью паспорта, под чужим именем, пробраться далее. Но для этого необходимы были деньги и много денег, а у меня их не было. [Тогда отец твой советовал мне ехать к его матери, надеясь, что она поможет нам.] Тогда я начала придумывать разные хитрости, чтобы пробраться к матери Ивана Александровича, от которого, впрочем, я тщательно скрывала свое намерение, так как была уверена, что он не согласится на бегство, в то время как товарищи его должны будут отправиться в Сибирь. Но я мечтала уговорить его в решительную минуту, а пока убеждала, что мне необходимо ехать к его матери, на что он наконец согласился. Ему, так же, как и всем, было известно, что не легко попасть к его матери, Анне Ивановне, которая жила недоступной барыней. Чтоб помочь мне пробраться в заколдованный дом старухи, он написал три письма, два — к родственницам, живущим в доме, именно — к Титовой и Карауловой, а третье — к Варваре Николаевне Анненковой. Только эта последняя имела достаточно твердости характера, чтобы сказать Анне Ивановне обо мне, когда я приехала в Москву. Другие не подумали и заикнуться.

Сначала старуха очень встревожилась, объявила, что Варвара Николаевна поступила неосторожно, сказав ей без особых приготовлений, что я вернулась из Петербурга, но на другой день прислала за мной карету. Карета была у моего подъезда в 9 часов вечера. Я, конечно, не заставила ждать себя, зато меня заставили ждать в приемной комнате и только в 2 часа ночи позвали к моей будущей *belle-mère*. Встреча наша, конечно, не могла обойтись без внутреннего волнения с той и другой стороны. Я с трудом сдерживала биение моего сердца, столько уже выстрадавшего. В эту минуту во мне с новой силой проснулось то чувство гордости и сознания своего достоинства, которое заставляло меня сначала избегать и удаляться Ивана Александровича. По советам я могла смотреть прямо в глаза этой надменной женщине, потому что не искала ее сына в то время, когда он был знатен и богат, и если предалась потом

всею силою любви к нему, так это потому, что он казался глубоко несчастным.

Когда я вошла в комнату Анны Ивановны Анненковой, она сидела в большом кресле. Один угол этой комнаты был весь устроен образами, что меня поразило, как француженку. Перед образами теплилась лампада. На старухе был пышный ночной туалет, один из тех, какие ею совершались на ночь. Она была вся в белом, я была вся в черном. Входя, я поклонилась ей очень церемонно, она привстала с своего кресла. Тогда одна из окружавших сказала мне: «*Ma cousine veut vous embrasser, madame*» *. Я подошла ближе, она бросилась ко мне на шею и зарыдала. Я хотела ее утешать, она остановила меня: «*Laissez moi pleurer, madame, ces larmes me feront du bien*» **. В эту минуту казалось, что все величие, окружавшее эту женщину, ее оставило: она являлась матерью. Но этот порыв материнского чувства продолжался недолго. [Потом она благодарила меня, говорила, что я ангел-хранитель ее сына, что без меня он бы погиб.] У меня были письма ее сына, которые я просила позволения прочесть ей, на что она изъявила свое согласие. В одном из писем сын просил ее позаботиться о нем, обеспечить жизнь его в Сибири, и так как он лично не имел ни на что права, то просил все сделать на мое имя. Все это она прослушала молча и не сказала ни слова, но когда я [начала читать другое письмо, в котором сын ее просил помочь бежать за границу] стала говорить ей о своем намерении увести Ивана Александровича за границу, и просить в этом ее содействия, она откинулась назад в своем кресле и отвечала: «*Mon fils un fuyard, madame!? Je n'y consentirai jamais, il subira son sort honorablement*» ***. Ответ прекрасный, может быть, но заглушающий чувства матери. Я же думала в эту минуту более всего о самом Иване Александровиче, и невольно воскликнула: «*C'était bon pour les*

* «Моя кузина хочет вас поцеловать, сударыня».

** «Дайте мне поплакать, сударыня, эти слезы принесут мне облегчение».

*** «Мой сын беглец, сударыня!? Я никогда не соглашусь на это, он честно покорится своей судьбе».

romains, madame, mais ce temps est passé» *. На этом и кончилась моя попытка увезти Ивана Александровича за границу ⁵¹.

Между тем Анна Ивановна продолжала присылать за мной каждый день карету. Она говорила, что мой веселый французский характер оживляет ее и заставляет забывать горе, одним словом, что я ей так понравилась, что она не может жить без меня. Часто, усаживая около себя, она целовала меня, и говорила, что не хотела бы со мною расстаться. С ее стороны это была необыкновенная нежность, потому что эта женщина никогда никого не ласкала. Она меня всячески задерживала, даже давала вечера, воображая этим развлечь меня. На вечерах всегда присутствовала вся разряженная, но мне было, конечно, не до этого: я рвалась к сыну и никак не могла постигнуть, каким образом могла мать оставаться в своих раззолоченных креслах, одетая в бархат, принимая гостей в то время, как сын ее томился в душном и сыром каземате, лишенный света, воздуха и самых необходимых вещей, не всякий день имея даже кусок белого хлеба. [В казематах от сырости было такое множество блох, что они не давали покоя, ноги были всегда, как в ботфортах, до такой степени покрывались этими насекомыми.]

Несмотря на все мои усилия вернуться скорей в Петербург, я еще несколько времени не могла вырваться от Анны Ивановны. Впрочем [у меня было одно утешение]: от Ивана Александровича я получала довольно часто известия, и в этом помогала мне одна добрейшая немка, с которой я условилась, везущая из Петербурга, что она будет ходить в крепость в мое отсутствие, переолетая в платье горничной. Таким образом, она переправляла мои записки и получала от Ивана Александровича для меня. Обыкновенно записки переправлялись через солдат, и за это им платили очень щедро.

Не могу не рассказать одного случая, который меня очень встревожил и поразил, как черта характера русского солдата. Одна из записок попала в руки большого пьяницы. Я на другой же день узнала об этом, по-

* «Это годится для римлян, сударыня, но это время уже миновало».

тому что Иван Александрович спросил меня, получила ли я такую-то записку, и очень был встревожен, когда я ответила, что нет. Тогда он сообщил мне приметы солдата. Я тотчас же догадалась, который из них, потому что всех их знала в лицо, и хотя не говорила по-русски, но отлично объяснялась с ними знаками. Они также все знали меня. Солдат с запиской пропал на целую неделю, и я очень обрадовалась, когда наконец, после долгих розысков, встретила его на дворе крепости. Он, казалось, также очень был рад меня видеть и показывал мне знаками, что ему нужно говорить со мною. Я подошла к нему, и каково же было мое удивление, когда он вытащил записку из-за голенища своего сапога, объясняя, что он напился пьян, что его допрашивали о записке и даже очень били, но что он не сознался в том, что записка у него. Я была более всего поражена, что он даже не уничтожил ее и возвратил мне в целости.

В Москве я пробыла только восемь дней, но Иван Александрович нашел, что это слишком долго, и я получила от него письмо, где он торопил меня вернуться к нему. Он писал, что зима устанавливается, что их, наверное, отправят в Сибирь, и что, таким образом, мы более не увидимся. Тогда, несмотря на все задержки Анны Ивановны, я поторопилась выехать из Москвы. Как она ни сетовала на меня за это, но отпустила милостиво, дала в этот раз денег на дорогу [4 тыс. ассигнациями] и предложила взять к себе ребенка, которого я оставила со старушкой Шарпантье, на что, конечно, я была рада согласиться. Таким образом, моя старшая дочь, а ее внучка, оставалась при ней до самой ее смерти. Но едва я приехала в Петербург, как, выходя из дилижанса, была страшно встревожена тем, что узнала от одного из прежних слуг Ивана Александровича. Этот преданный человек ожидал меня тут, чтобы передать, что барин его едва не лишил себя жизни, думая, что я его совсем оставила⁶². Тогда я бросила все вещи, которые были со мною, на руки этому человеку и, не заезжая на квартиру, поскакала в крепость. Была уже ночь, и человек старался удержать меня и убедить, что так поздно мне никуда нельзя будет пробраться, но я

ничего не слушала и через несколько минут была уже у Невы. Это происходило в декабре месяце, 9-го числа, 1826 года.

В это время мосты были все разведены, и по Неве шел страшный лед. Иначе, как на ялике, невозможно было переехать на другую сторону. Теперь, когда я припоминаю все, что случилось в ночь с 9-го на 10 декабря, мне кажется, что все это происходило во сне. Когда я подошла к реке, то очень обрадовалась, увидав человека, привязывавшего ялик, и еще более была рада узнать в нем того самого яличника, который обыкновенно перевозил меня через Неву. В такую пору, бесспорно, не только было опасно пускаться в путешествие, но и безрассудно. Между тем, меня ничто не могло остановить, я чувствовала в себе сверхъестественные силы и необыкновенную готовность преодолеть всевозможные препятствия. Лодочник меня также узнал и спросил, отчего не видал так долго. Я старалась ему дать понять, что мне непременно нужно переехать на другую сторону. Он отвечал, что это положительно невозможно, но я не унывала, продолжала его упрашивать и наконец сунула ему в руку 25 рублей. Тогда он призадумался, а потом стал показывать мне, чтобы я спустилась по веревке, так как лестница была вся покрыта льдом. Когда он подал мне веревку, я с большим трудом могла привязать ее к кольцу, до такой степени все было обледеневши, но, одолев это препятствие, мигом спустилась в ялик. Потом только я заметила, что руки у меня были все в крови: я оборвала о ледяную веревку не только перчатки, но и всю кожу на ладонях.

Право, не понимаю, как могли мы переехать тогда, пробираясь с такой опасностью сквозь льдины. Бедный лодочник крестился все время, повторяя: «господи, помилуй». Наконец с большим трудом мы достигли другого берега. Но когда я подошла к крепостным воротам, то встретила опять препятствие, которое, впрочем, ожидала: часовой не хотел впустить, потому что было уже 11 часов ночи. Я прибегла опять к своему верному средству, сунула и ему денег. Ворота отворились, я быстро прошла до церкви, потом повернула направо к зданию, где были офицерские квартиры, пошла по

лестнице, где было темно, хоть глаз выколи, перепугала множество голубей, которые тут свили свои гнезда, потом взошла в комнату, где на полу спали солдаты. Я в темноте пробиралась, наступая беспрестанно им на ноги. Наконец добралась до комнаты Виктора Васильевича. Это был один из офицеров, которого я знала более других, особенно жену его [фамилии его я не знаю]⁵³. У них было еще темнее, но я так хорошо знала расположение их комнаты, что ощупью дошла до кровати и разбудила жену Виктора Васильевича, говоря, что мне необходимо видеть его. Он тотчас же вскочил, я объявила, что хочу видеть Ивана Александровича. Он ответил, что никак нельзя, и начал рассказывать, как Иван Александрович хотел повеситься на полотенце, но, к счастью, полотенце оборвалось, и его нашли на полу без чувств. На это я стала ему доказывать, что мне тем более необходимо видеть Ивана Александровича. Виктор Васильевич колебался, я взялась опять за кошелек, вынула сторублевую ассигнацию и показала ему. Тогда сон у него прошел, он сделался сговорчивее и отправился за Иваном Александровичем, а я вышла на улицу и прижалась у какого-то здания, близ которого проходил какой-то канал [или маленькая речка, не знаю, только тут мы всегда виделись с твоим отцом]. Это было довольно пустынное место, где почти не было проходящих.

Вскоре Виктор Васильевич привел узника. Мы горячо обнялись, но едва успели обменяться несколькими словами, как Виктор Васильевич начал торопить нас и все время тащил Ивана Александровича за рукав. Чтобы выиграть еще хотя одну минуту, я сняла с себя последнюю цепочку с образом и отдала Виктору Васильевичу. Он немного подождал, потом опять начал сердиться. Делать было нечего, приходилось расстаться. Я успела только передать Ивану Александровичу кольцо с большим бриллиантом, которое посылала ему мать, и сказала, что напишу все, что имею еще передать ему от нее. [Он прибавил, чтобы я просила Виктора Васильевича предупредить меня, когда их будут отправлять в Сибирь.] Мы простились, и надолго этот раз. Иван Александрович, сделав несколько шагов, вернул-

ся, торопливо передал мне кольцо, говоря, что отнимут, и прибавил, что их, вероятно, скоро увезут в Сибирь. Тогда я сняла с своей руки другое, маленькое кольцо, которое всегда носила и которое было составлено из двух очень тоненьких кольчиков. Я разделила их, отдала ему одно, догоняя его, другое оставила у себя и сказала вслед, что, если не добьюсь позволения ехать за ним в Сибирь, то пришлю другую половину кольца. Все это было сделано в одну минуту. Вскоре вернулся ко мне Виктор Васильевич, которого я просила проводить меня из крепости.

У меня была на всякий случай вторая квартира на Петербургской стороне и, чтобы попасть в нее, мне приходилось выйти из крепости в те ворота, против которых были поставлены некогда, а именно в ночь на 13 июля 1826 года, пять виселиц, и всякий раз, как мне случалось проходить через это место [мне казалось все, что пять несчастных мучеников шли передо мною], мне казалось, что пять несчастных повешенных идут передо мной. Несмотря на всю мою твердость, я никак не могла отделаться от этих призраков. Виктор Васильевич проводил меня, и через несколько минут я была на квартире, которая была в двух шагах от крепости. Но едва я взшла к себе и присела к столу, приготовившись писать, чтобы передать Ивану Александровичу все, что не успела сказать ему, как вдруг страшный шум поразил меня. Я услышала звон колокольчиков и свист ямщиков. Не будучи в состоянии отдать себе отчета в том, что так поразило меня, я упала на диван в каком-то мучительном предчувствии. В это самое время вбежала ко мне жена Виктора Васильевича и старалась объяснить (она не говорила по-французски), что Ивана Александровича увезли. Я не могла притти в себя и думала, что она говорит, что скоро увезут его, но она в отчаянии повторяла, что уже увезли. Этой женщине было предложено мною 2 тысячи рублей вознаграждения, если только она предупредит меня заранее, когда должны будут увезти Ивана Александровича. Понятно, что, не успев этого сделать, она приходила в отчаяние. Наконец, после больших усилий, я поняла, что говорят мне, и узнала от нее, что не успе-

ла я выйти из крепости, как приехало несколько повозок с фельд'егерем и жандармами, потом вывели узников, закованных в цепи, в числе которых был Иван Александрович, посадили их в повозки и помчались⁵⁴.

Это были первые из осужденных второй категории декабристов, которых увозили в Сибирь. Ранее, до коронации, но тотчас после сентенции, в июле 1826 года, было отправлено восемь человек: князь Трубецкой, князь Волконский, князь Оболенский, Василий Давыдов, два брата Борисовых, Артамон Муравьев и Якубович. По первому зимнему пути были отправлены Никита и Александр Муравьевы, Торсон — моряк и Иван Александрович Анненков⁵⁵. Потом уже одних за другими отправляли и остальных. Тогда носились слухи, что Муравьевых и Анненкова не без причины поспешили отправить, а именно потому, что мать Муравьевых, Екатерина Федоровна, которая безумно любила сыновей своих, потом жена одного из них, Никиты, Александра Григорьевна, рожденная графиня Чернышева, и наконец, я — были самые беспокойные, самые смелые. Мы всем из властей в С.-Петербурге решительно надоели, и от нас не знали, как отделаться.

Когда я наконец сознала всю истину, слушая жену Виктора Васильевича, я потеряла голову и не могла положительно сообразить, что мне делать. Всего ужаснее была мысль, что могли увезти осужденных не в Сибирь, а в одну из крепостей, и там оставить их, если не навсегда, то надолго⁵⁶. Я знала, что всего более их пугала возможность оставаться в крепости, и все они смотрели, как на большое облегчение их участи, если их сошлют в Сибирь. Сама я вполне разделяла их страхи и опасения и в эту минуту сгорала желанием и нетерпением узнать куда их увезли.

Тогда я вспомнила, что Николай Николаевич Анненков, которого раньше не было в Петербурге, должен был вернуться в это время. Он был ад'ютантом при великом князе Михаиле Павловиче. Я послала за извозчиком и приказала везти себя во дворец. Приходилось делать большой об'езд, чтобы переехать Неву в том месте, где уже встал лед, это, кажется, было около Смольного. Хозяйка квартиры уговаривала меня подождать

до утра и убеждала, что мне необходимо одеться, но я отвечала, что она с ума сошла, что я одета очень хорошо, позабыв совершенно и не сознавая, что на мне был надет старый халат Ивана Александровича, который я очень любила, но в котором, конечно, невозможно было показаться во дворец. Хозяйка, испугавшись, видя меня в таком состоянии, более не противоречила, и через час (то было еще раннее утро, часов восемь) я была во дворце великого князя. Там в мужском халате вбежала я в ярко освещенный зал, где в то время находился Николай Николаевич Анненков и множество военных. Он бросился ко мне навстречу, обнял и увлек в другую комнату, стараясь успокоить. [потом он говорил, что был уверен в эту минуту, что я помешалась]. Я умоляла сказать, куда могли увезти Ивана Александровича — в Сибирь или в крепость. Он уверял, что не знает, но дал слово известить меня и, действительно, через час, не позже, после того, как я уехала от него, дал знать, что увезли в Сибирь. Я осталась глубоко благодарна Николаю Николаевичу за участие, которое он оказал мне в эту ужасную для меня минуту *.

От него я поехала к Титову, и как только получила известие, что Иван Александрович отправлен в Сибирь, так просила Титова послать за лошадьми, и мы тотчас же поскакали с ним на первую станцию, но, как и надо было ожидать, никого уже там не застали [К Ф. Муравьева и невестка ее, Александра Григорьевна, рожденная гр. Чернышева, виделись со своими на первой станции]. Титов спросил почтовую книгу, там была записана только фамилия фельд'егеря Желдыбина и города: Омск, Красноярск, Иркутск. [Недалеко от Бятки отец твой встретил почтальона, молодого мальчика, лет 19, просил его зайти ко мне в Москве, сказать, что он видел его здоровым. Я дала почтальону 25 рублей.]

Фельд'егерь Желдыбин был ужасный человек. Он обходился жестоко с теми, кого вез, не давал им ни есть, ни отдохнуть, бил ямщиков и загонял несколько лошадей. И все это для того, чтобы успеть доскакать с од-

* Эта фраза в рукописи отсутствует.

ними до места назначения, кажется, до Иркутска, и вернуться за другими: так соблазнительны были для этого изверга прогоны и разные сбережения от сданных на его руки арестантов. Как ни был смел его расчет, однако же, удался. Позднее Иван Иванович Пущин (лицеист по воспитанию, друг А. С. Пушкина) был отправлен с этим самым фельд'егерем. [Он, когда вез Пушина, так избил ямщика своей саблей, что ямщик вскоре умер. Он за это был под судом ⁵⁷.]

Мало, что этот зверь Желдыбин заставлял беспощадно мчаться первые жертвы свои, но он еще чуть не заморозил всех. Никто из них не имел шубы. Иван Александрович был в* офицерской шинели, между тем морозы стояли жестокие, и у него руки, и особенно ноги, закованные в железо, распухли страшным образом. А главное, с ним не было денег, так что на одной из станций он отдал свой носовой платок женщине, которая накормила его. [Фельд'егерь нигде не кормил их, только в Вятке губернатор велел накормить, и дали порядочный обед ⁵⁸.] Впрочем, Муравьевым, которых ждали на первой станции мать их, Екатерина Федоровна и жена Никиты, Александра Григорьевна, было передано много денег, и они при первой возможности, когда только можно было запастись теплым платьем и всем необходимым, делились со своими товарищами. Екатерина Федоровна задарила также и Желдыбина, но и это не помогло. Он до самого Омска мчался, не обращая внимания на то, что его упрашивали остановиться где-нибудь, чтобы купить еще теплого платья. Только в Омске * удалось им это сделать. Тут был Степан Михайлович Семенов, участвовавший также в их обществe, но переведенный в Омск на службу ⁵⁹. Семенов купил им сибирские шубы-дохи. Тут их накормили очень хорошо и наделили запасами провизии на дорогу **.

* Здесь, как и выше, в печатном тексте ошибочно сказано: Томск.

** «О Семенове я буду говорить после» — заметка в рукописи.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

«Соединиться или умереть».—Встреча в дилижансе.—Равнодушие Анны Ивановны к судьбе сына.—Неудача с паспортом.—Интриги родственников.—История с шестьюдесятью тысячами.—Костюмированный бал.—Решение обратиться к императору.

Вернувшись домой, после напрасной поездки на станцию, я тотчас же взяла билет в дилижанс и на другой день выехала. Перед отъездом, однакож, успела получить через одного из солдат в крепости записку от Ивана Александровича, в которой было сказано: «*Se rejoindre ou mourir*» *. В дилижансе со мною ехал полковник Глазенап и кавалергардский офицер⁶⁰. Они говорили по-французски и все время о том, что происходило 14 декабря. Я с любопытством слушала их. Полковник спросил, много ли было [кавалергардов], замешанных в этой истории. Кавалергард отвечал, что довольно, но что более всего они сожалеют об Анненкове, которого очень любили в полку. При этом я не могла выдержать более и зарыдала. Это их очень удивило и заинтересовало, как видно, потому, что, когда мы встретились на следующей станции с знакомыми мне французами, они тотчас же спросили их, кто я такая. После этого были очень любезны со мной и предупредительны [оказывали мне разные маленькие услуги]. На одной из станций, где был большой зал, кавалергард сказал мне, что тут недавно Анненков давал им великолепный обед, где много было выпито шампанского [завязался разговор...].

* «Соединиться или умереть».

Вернувшись в Москву, я прямо поехала в дом Анны Ивановны Анненковой. Она уже знала, что сын ее отправлен в Сибирь, казалась опечаленною, даже плакала, но не предавалась горю. Напротив, еще утешала меня и всячески старалась рассеять мои мрачные мысли, но несмотря на все ее старания, я ни на минуту не могла забыть, что Ивана Александровича везут закованного в Сибирь. В это время воображение мое следовало за ним и рисовало самые ужасные картины. Я впала в болезненное состояние, лишилась совершенно сна и аппетита. У меня оставалось только одно желание, одна мысль, на которой я вся и сосредоточилась, это ехать в Сибирь, во что бы то ни стало. А Анна Ивановна все меня отговаривала. То пугала Сибирью, представляя все ужасы страны дикой, холодной, уверяя, что я не в состоянии буду ни преодолеть все трудности такого дальнего путешествия, ни вынести всех лишений, какие меня там ожидают; то утешала меня тем, что сын ее не может долго оставаться в ссылке, и уверяла, что он должен возвратиться не позднее, как через два года. [Тогда никто не понимал еще колоссального деспотизма Николая, все ожидали, что он еще опомнится, что он это только так — захотел попугать, пошутить. Но Николай шутил шутки нехорошие, как узнали потом.] Тогда все родственники сосланных питали надежду, что ссылка не будет продолжительной. Известно уже, как они ошиблись: декабристы пробыли в Сибири 30 лет, вплоть до восшествия на престол незабвенного Александра II освободителя.

Хотя я невольно поддавалась уверениям как Анны Ивановны, так и многих других, что Иван Александрович пробудет в ссылке не более двух лет, однакож решила все-таки ехать в Сибирь и обратилась к Шульгину, московскому обер-полицеймейстеру, который бывал часто у Анны Ивановны, с просьбою выдать мне паспорт. На мои расспросы, — как ехать и могу ли я это сделать беспрепятственно, — Шульгин отвечал, что, конечно, задерживать меня никто не имеет права, и что до Иркутска я, наверное, доеду свободно, но что он не ручается, пустят ли меня далее. Тогда я решила добираться хотя бы до Иркутска и там до времени оста-

Полина Анненкова

ваться. [Тогда все надеялись, что отец твой пробудет только 2 года в ссылке.] Конечно, я не могла себе представить, какое расстояние отделяло бы меня еще от Ивана Александровича, и воображала, что, таким образом, я, во всяком случае, буду к нему ближе. Шульгин был так любезен, что через несколько дней привез мне паспорт, но вскоре явился за ним и просил возвратить ему, говоря, что было получено из Петербурга приказание не пускать меня в Сибирь. Приказ был прислан из собственной его величества канцелярии, что заставляло думать [многих], что тут был сделан какой-нибудь донос. [Кому я говорила о моей встрече в дилижансе, полагали, что это могло быть его дело, потому что его подозревали в шпионстве.] Когда Шульгин остановил меня, я уже успела все приготовить к отъезду, и даже экипаж был куплен, но препятствие являлось непреодолимым, и приходилось уступить необходимости.

Горе и отчаяние овладели мною. Я не в силах была более владеть собой и слегла в постель. От сильной потери крови сделался такой упадок сил, что я не могла подняться с постели без того, чтобы не упасть в обморок, пока наконец молодость и громадный запас здоровья не взяли верх. Болезнь уступила лечению, и я стала поправляться, хотя очень медленно. Как только я почувствовала, что силы возвращаются, так сейчас же стала придумывать, как устроить свои дела. Мысль ехать в Сибирь не оставляла меня, это сделалось положительно моею *idée fixe*, но после явившегося препятствия мне невозможно было двинуться иначе, как хлопотом высочайшее разрешение на поездку в Сибирь. Я сознавала, что для этого было только одно средство: обратиться к милости самого государя, но в то же время знала, что очень трудно, почти невозможно дойти до него. В то время все боялись напомнить императору Николаю Павловичу чем бы то ни было о декабрьской истории и о тех, кто участвовал в ней.

Положение мое в эту минуту было невыносимое. Я удивлялась тогда, и позднее мне несколько раз приходилось задумываться над тем, зачем и для чего люди так много друг другу делают зла. Как объяснить, что заставляло всех в то время так сильно восставать про-

тив моего желания, в сущности, очень естественного и никому решительно не приносившего ни малейшего ущерба ни в чем, — ехать в Сибирь. Я еще понимала, что те, которые имели право унаследовать состояние Ивана Александровича Анненкова, после того как он считался политически умершим, могли желать, чтобы я не следовала за ним, но надо отдать им справедливость, что они никогда не восставали против моих намерений приехать к нему в Сибирь. Впрочем, надо объяснить, что здесь я говорю о наследниках со стороны Анненковых, тех именно, которые имели право на состояние после отца Ивана Александровича. Другое дело те, которые могли претендовать на состояние якобиевское, то есть со стороны его матери. От этих лиц я встретила бездну неприятностей и в особенности от всех, живших тогда в доме Анны Ивановны. Последние положительно интриговали против меня и старались запугать, уверяя, что не только меня не пустят в Сибирь, но, что, если я буду хлопотать об этом, то прикажут выслать за границу. Признаюсь, что более всего я боялась последнего, потому что такая мера должна была разлучить меня навек с тем, кого я так глубоко любила. Что заставляло меня более всего страдать, так именно то, что сама мать любимого мною человека восставала против моего желания следовать за ее сыном в Сибирь. «Зачем хотите вы ехать, — говорила она мне, — сын мой молод, здоров и легко перенесет свою ссылку [к тому же, поверьте, что он долго не останется]. Поверьте, вы гораздо более принесете пользы и ему самому, если останетесь со мною. Вы мне еще нужнее, чем сыну, иначе вы меня бросите совершенно одну. Нет ни одной души из всех окружающих меня, которая была бы ко мне привязана. Когда вы уедете, они отравят меня». [Она всякое утро пила воду святую и заставляла меня прежде пробовать.]

И еще много подобного говорила старуха, в которой эгоизм заглушал голос матери. Впрочем, была доля справедливости в ее эгоистических желаниях. После ссылки сына и моего отъезда разорение ее пошло быстрыми шагами, благодаря окружавшим. Но что я могла сделать, чтобы спасти ее? Молодая, неопытная, не имея никакого понятия о русских законах, разве я мо-

гла остановить ее разорение? Наконец, я не в состоянии была принести чувства, которые питала к ее несчастному сыну, в жертву каким бы то ни было расчетам. Я думала только о том, что будет с Иваном Александровичем, если я его оставлю.

В это время я узнала, что Наталья Дмитриевна Фонвизина, жена генерал-майора Михаила Александровича Фонвизина, сосланного по делу 14 декабря, собирается ехать в Сибирь к своему мужу. Тогда я решилась идти к ней и просила дать совет, как действовать. Она находила, что самое будет лучше обратиться к императрице Александре Феодоровне, но мне казалось, что лучше идти прямо к государю. Какой-то тайный, непонятный для меня самый голос руководил мною в эту минуту, и я решила идти, броситься к ногам того, перед которым в то время все трепетали. Однакож после моего свидания с Фонвизиной я провела еще почти шесть месяцев в страшных колебаниях, все не зная, на что мне решиться. Время шло невыносимо медленно.

Я забыла сказать раньше, что когда Иван Александрович был арестован в декабре 1825 года, то при нем находились те ломбардные билеты, которые он взял с собою, когда мы расставались с ним в Москве. Билетов было на 60 тысяч, и они были отобраны с прочим имуществом его. Все это хранилось в собственной его величества канцелярии. Я знала, что Иван Александрович несколько раз просил графа Бенкендорфа, чтобы билеты эти были переданы мне. Просил и барона Фитингофа, бывшего его эскадронного командира, который бывал у него в крепости, чтобы он похлопотал об этом. Потом Фитингоф даже предлагал мне свои услуги и хотел просить государя приказать положить эти деньги в банк на мое имя. Но я отказалась от предложения Фитингофа, говоря, что у меня будет к государю гораздо важнее просьба, что я буду просить разрешения императора ехать в Сибирь и потому ни о чем другом не хочу хлопотать, боясь возбудить против себя неудовольствие, а может быть, и гнев государя. [Другие хлопотали об этих деньгах.] Анна Ивановна писала государю и просила его дозволения на передачу 60 тысяч в ее руки. Государь отвечал: «Si elle a droit à cet argent, qu'elle

aille par distance *. [Не одна бабушка хлопотала о 60 тысячах. Те, которые считали себя наследниками отца твоего, боялись, что эти деньги ускользнут от них, и добились забрать в свои руки. Однажды утром прислали за мною карету от г-жи Вадковской, двоюродной сестры отца твоего. Я нашла у нее Н. Н. Анненкова. Мне тотчас же бросилось в глаза, что они немного чересчур любезны. Вадковская после некоторых приготовлений, сказала мне: «N'est ce pas, ma chère que tu ne veux pas des 60 m. r., que mon cousin a dit vous remettre?»** Я отвечала, что никаких претензий не имею на то, что принадлежит Анненкову, и что, конечно, не буду хлопотать о 60 тысячах. Мы стояли все трое у стола. Когда Н. Н. услышал мой ответ, то сделал такое самодовольное движение, что оно не ускользнуло от меня. Потом, я узнала, что билеты в это время были уже в руках его отца, Николая Никаноровича.] Тогда родственники заявили свои права, и деньги были переданы им. Дальше я расскажу в свое время, как милостью государя деньги эти были переведены на мое имя, и на проценты с этого капитала мы и жили все время в Сибири.

Анна Ивановна объясняла мне свои хлопоты о 60 тысячах рублей тем, что она желала этими деньгами заплатить проценты, накопившиеся на одном из ее имений, потом продать его и вырученные деньги положить на мое имя. Но она умерла, не сделав никаких решительно распоряжений ни в пользу сына, ни в мою. Впрочем, когда спросили ее согласия на то, чтобы 60 тысяч были переведены на мое имя, она не замедлила ответить утвердительно.

Когда я жила у нее, в 1827 году, она более всего хлопотала, чтобы меня рассеять и развлечь. Понятно, что для меня положительно никакое развлечение не было возможно. Я старался убедить в этом Анну Ивановну и хлопотала отклонить ее от непонятного желания устроить бал, в то время как мы не имели даже известий о ее сыне. Мне казалось это чудовищным. На время о ба-

* «Если у нее есть право на эти деньги, пусть хлопочет».

** «Не правда ли, моя дорогая, что ты не захочешь те 60 тыс. рублей, которые мой кузен поручил вам передать?»

ле замолчали и приостановили приготовления, но потом Анна Ивановна объявила, что бал будет непременно, и назначила его на 6 января 1827 года. Мало того, она пожелала, чтобы бал был костюмированный, и приказала всем, жившим у нее в доме, готовить себе костюмы. Я уже говорила, что дом Анны Ивановны был наполнен разными приживалками при ней, а также близкими и дальними родственницами. Между ними было много молодых и хорошеньких девушек, они, конечно, были рады потанцевать и нарядиться. Все ожидалось снова, начались приготовления, более всего хлопотали выбором костюмов. Анна Ивановна приказала подать себе книги с рисунками из разных опер и балетов, сама пересматривала их, выбирала костюмы, давала советы, но потом, вдруг, отсылала книги, надувалась и не говорила со мною. Я никак не могла понять, что с ней делалось, и в душе своей думала, что она занимается всем этим только для того, чтобы заглушить госку по сыне, но что мысли ее так же, как и мои, уносятся далеко. К сожалению, я ошиблась. Те, которые знали ее лучше, чем я, наконец объяснили мне в чем дело: «*Madame se fâche, parce que vous ne choisissez pas de costume, vous voyez donc, que c'est pour vous qu'elle fait le bal*» *. Нечего было делать, я, скрепя сердце, наконец сказала, что наряжусь, как только ей будет угодно. Тогда она повеселела, приказала снова принести книги и выбрала для меня костюм из оперы «Волшебная Лампа». Костюм был действительно великолепный и очень дорогой, но это не смущало Анну Ивановну. В ее кладовых находилось все, что было нужно и для этого, и для всех остальных костюмов. Даже были такие вещи, каких нельзя было найти в то время в магазинах. Мне надели на голову кружевной вуаль, который стоил 14 тысяч франков. В день бала тоска душила меня, я не могла видеть всего, что делалось, и беспрестанно обливалась слезами. Танцевать, понятно, я не была в состоянии. Тогда Анна Ивановна надулась и не говорила со мною весь вечер. Под конец бала я сделала тур вальса

* «Мадам сердится потому, что вы не выбираете себе костюма. Вы же видите, что она делает этот бал для вас».

и подошла к ней спросить, довольна ли она мною. Она отвечала: «Non, madame, très mécontente, je vous avais prié et je desirais, que vous dansiez toute la soiree»*. Этого было слишком, я убежала в свою комнату и залилась слезами. После бала она несколько времени не говорила со мною, потом понемногу успокоилась и снова начала ласкать меня.

Однажды, когда на мне было темное бархатное платье (к ней всегда надо было являться разодетою, как на бал), она нашла, что цвет платья очень шел ко мне, позвала свою Надежду, у которой хранились все ее драгоценности, приказала принести одну из шкатулок с бриллиантами и надела на меня не менее как тысяч на 100 вещей. Это был целый парюр из великолепных камей, обложенных крупными бриллиантами, даже кушак был такой же. Позднее, когда я рассказывала Ивану Александровичу об этой забаве его матери, у нас с ним уже ничего не было. Мы жили тогда в Чите, около Нерчинска, и нуждались во всем. Он мне сказал шутя: «Tu as eu tort de ne pas lui faire ta révérence et de pas t'en aller avec tous ces diamants» **.

Между тем мысль ехать в Сибирь не покидала меня. Наступала весна. Наконец в мае месяце узнала я, что император Николай Павлович собирается в Вязьму, где готовились большие маневры⁶¹. Мне внезапно пришла мысль скакать туда, чтобы подать просьбу государю. В Петербурге в то время подойти к государю было немислимо, и я рассудила, что в Вязьме он будет доступнее, и не ошиблась.

Мне удалось тогда сделать такое дело, которое все считали невозможным. Но в этом, конечно, я вижу волю провидения, оно мною и руководило всегда. Когда я сказала Анне Ивановне о своем намерении ехать в Вязьму, она еще с большей настойчивостью стала удерживать меня и, чтобы поколебать, не щадила ничего. Наконец сказала: «Vous ne connaissez pas encore

* «Нет, сударыня, очень недовольна, я желала и просила вас, чтобы вы танцовали весь вечер».

** «Ты напрасно не откланялась ей и не ушла со всеми этими бриллиантами».

mon fils, madame, il est soupçonneux, vous imaginez d'aller ou il y a 70 m. hommes, mais il doutera de vous».

Эти слова привели меня в такое отчаяние, что я убежала в свою комнату и машинально, не зная, что делать, чем успокоить себя, раскрыла книгу, которая лежала на столе. Это было «Подражание Иисусу Христу». Я прочла, не помню что именно, но смысл был такой: дерзай — и достигнешь. Меня так это убедило, что я позвала человека и приказала итти за подорожной в Вязьму. Между тем, я послала также за одним французом, м-г Лефевр, и просила его написать мне просьбу на имя государя, что он и сделал тотчас с большою любезностью и, отдавая, сказал: «J'étais dans la diligence avec Charlotte Cordée, quand eile est venu à Paris pour assassiner Marat» **. Я отвечала ему, смеясь, что еду в Вязьму вовсе не с этим намерением. На другой же день, а именно 12 мая 1827 года, я выехала из Москвы.

* «Вы не знаете еще моего сына, сударыня, он ревнив. Вы собираетесь ехать туда, где будут 70 тыс. мужчин, и, конечно, он будет сомневаться в вас».

** «Я ехал в дилижансе вместе с Шарлоттой Кордэ, когда она направлялась в Париж, чтобы убить Марата».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Вяземские маневры.—Беспрестанные тревоги.—Содействие Лобанова-Ростовского.—Просьба на высочайшее имя.—Упражнения великого князя.—Решительный день.—Полина Гебль и Николай I.—Посещение Дибича.—Бородинское поле.—Встреча со стариком крестьянином.

15 мая 1827 года я была уже в Вязьме, несмотря на то, что лошадей было очень трудно доставать, но деньги везде помогают. Я платила сверх прогонов и давала щедро на чай. Таким образом перегоняла беспрестанно полковников и генералов, которые скакали также в Вязьму. Под'ехав к самой Вязьме, я вообразила, не знаю почему, что меня не пропустят, и от страха и волнения у меня так сильно билось сердце, что темнело в глазах. Но шлагбаум подняли, и я вздохнула свободнее. В Вязьме я знала, что была гостиница, которую содержал француз, и велела вести себя прямо туда. Но в гостинице было такое множество военных, и положительно ни одной женщины, что неприятно было оставаться там. Тогда знакомый мой француз предложил мне отдельную квартиру, приготовленную им для французского консула Веера, который почему-то не приехал, и квартира оставалась свободной. Несмотря на то, что она была страшно дорсга, и условия были такие, что пробыть день или месяц, все равно надо было заплатить 400 рублей, я все-таки согласилась взять ее, тем более, что квартира эта была в двух шагах от дворца и рядом с тем домом, где помещался великий князь Михаил Павлович.

Как только я немного устроилась в своей квартире, так сейчас же послала за м-г Палю — француз, кого-

рого я также знала, когда еще раньше жила в Москве. Он не замедлил явиться, сообщил все, что делалось в это время в Вязьме, и сказал, что м-г Мюллер уже тут. Государь должен был приехать на другой день. Мюллер был метр-д'отель при покойном государе Александре Павловиче и в то время находился при императоре Николае Павловиче. С ним я встречалась по приезду в Москву на балах, которые давали тогда французы, и просила Палю привести мне его непременно. Палю был прелестный старик, чрезвычайно обязательный, вежливый до тонкости, настоящий француз старых времен. В нем я нашла большую нравственную поддержку, он был для меня самым нежным отцом в те ужасные минуты, которые пришлось мне пережить в Вязьме. Нелегко было решиться в то время подойти к государю Николаю Павловичу с такою просьбою, какова была моя. К тому же я была так изнурена от душевной тревоги, что едва держалась на ногах. Палю не оставлял меня ни на минуту, и, только опираясь на его руку, я была в состоянии двигаться. Он привел мне и Мюллера. Тот изумился, когда увидел меня, так я в то время изменилась. Он не хотел верить, чтобы я была та самая, которую он когда-то встречал на балах. Я просила Мюллера посоветовать мне, как и когда будет удобнее подать просьбу государю. Он отвечал, что даст мне ответ через полчаса, и действительно, вскоре после того как вышел от меня, вернулся и сказал, что я должна непременно прежде всего обратиться к князю Алексею Лобанову-Ростовскому, так как он более всех любим государем. Тогда, поблагодарив Мюллера, мы тотчас же с Палю отправились разыскивать кн. Лобанова. Но очень было трудно застать князя дома. Первый раз, когда мы с Палю подошли к дому, где он остановился, нам сказали, что он на маневрах [но меня это не испугало]. Немного погодя, когда мы вернулись, отвечали, что он обедает у государя. Таким образом, мы в этот вечер подходили семь раз к его квартире и только в восьмой раз застали его наконец у подъезда, разговаривавшего с крестьянами. Когда он кончил, я подошла. Он просил подождать немного и ушел к себе. Через несколько минут нас позвали, и князь вышел в

мундире, тогда как раньше был в военном сюртуке. На его вопрос, чем он может быть полезен, я отвечала:

— Mon prince, on m'a dit, que c'est à vous, que je devais m'adresser, pour savoir comment [m'y prendre pour] présenter une supplique à sa majesté l'empereur.

— De quoi s'agit-il, madame?

— Veuillez prendre connaissance de ma supplique, mon prince» *.

Он пробежал просьбу, но не совсем поняв смысл ее, обратился ко мне со словами:

— Mais les autres dames ont reçu la permission, madame, de suivre leurs maris.

— Oui, mon prince, mais elles sont leurs femmes légitimes, et moi je n'ai pas droit à ce titre, je n'ai pour recommandation que l'amour, que je porte à m-r Annenkoff, et c'est un sentiment de quel on doute toujours.

— Mais, madame, vous me ferez croire à l'avenir **.

Потом прибавил он:

— Du resfe, madame, ces messieurs dans votre pays auraient été condamnés à mor?

— Oui, mon prince, mais ils auraient eu des avocats pour les défendre ***.

Тогда князь Лобанов-Ростовский посмотрел на меня выразительно; у него были прекрасные черные глаза. Он не прерывал меня, я хотела продолжать и высказать, что во Франции Иван Александрович не был бы осужден так строго, потому что не был взят с оружием в руках и 14 декабря находился в своем полку, который не возмущался, но в это время вошел граф

* — Князь, мне сказали, что я должна обратиться к вам, чтобы узнать, как подать просьбу его императорскому величеству.

— О чем вы просите, сударыня?

— Соболаговолите познакомиться с моею просьбой, князь.

** — Но другие дамы получили ведь разрешение следовать за своими мужьями.

— Да, князь, но они — законные жены. У меня же нет прав на это имя, а за меня говорит только моя любовь к Анненкову, а это чувство, в котором всегда сомневаются.

— Но, сударыня, вы хотите меня заставить верить в будущее.

*** — Собственно говоря, сударыня, в вашей стране эти господа были бы приговорены к смерти.

— Да, князь, но у них были бы адвокаты для защиты.

Строганов, тоже флигель-адъютант. Тогда я поклонилась Лобанову, а он сказал, чтобы я оставила ему просьбу. Мы с Палю вышли, но едва отошли от квартиры князя, как услышали за собою торопливые шаги и, обернувшись, увидели князя Лобанова, который, казалось, догонял нас. И действительно, он отдал мне просьбу, говоря, чтобы я прибавила на ней «в собственные руки его величества», и прибавил, чтоб на другой день я была бы непременно с просьбою у подъезда дворца в то время как государь будет садиться в коляску. Наконец посоветовал написать также великому князю Михаилу Павловичу и просить его ходатайствовать за меня. Мы с Палю поспешили вернуться домой и принялись немедленно сочинять письмо к великому князю. Вот оно:

Monseigneur! l'éloge brillant de vos bienfaits qui retentit encore dans ma patrie, m'en hardit aujourd'hui d'implorer le secours de votre altesse impériale. Je vous supplie à genoux d'intéresser pour moi auprès de sa majesté impériale pour la demander que j'ai faite par une supplique, qui sera présentée à sa majesté par laquelle je demande à suivre en exil un criminel d'état et de pouvoir, en l'épousant, unir mon sort au sien, afin de ne plus le quitter.

J'aime à me flatter, monseigneur, que vous n'abandonnez pas une mère affligée, qui depuis dix neuf mois n'a pu trouver un instant de repos, et qui n'a d'autre espérance, que dans la clémence de sa majesté et dans l'extrême bonté de votre altesse impériale.

Je renonce à ma patrie et remplirai pieusement tout ce que les lois me prescriront. Annenkoff m'avait promis l'hyménée. N'ayant pu accomplir sa promesse je ne doute pas cependant, qu'il ne persiste dans le même sentiment. Sa majesté n'a qu'à l'ordonner, j'attendrais avec la plus grande résignation.

Veuille, monseigneur, excusez la liberté de votre très humble suppliante et y jeter un oeil de compassion sur sa demande.

Je suis de votre altesse impériale la très respectueuse et très dévouée servante *.

Письмо это было мною отправлено с человеком к Николаю Николаевичу Анненкову, адъютанту великого князя, с просьбой передать его высочеству, что Николай Николаевич не замедлил сделать, как пришел мне сказать человек, которого я посылала **. [Когда я послала к нему письмо, то наказала человеку не отдавать его, если будет дежурным адъютантом Н. Н. Анненков. так я была уверена тогда в его нерасположении, что и оказалось потом. Но человек возвратился, отдавши письмо — дежурным был Бибиков]. В это время я подошла к окну и увидала, что великий князь садился в коляску с Лобановым, чтобы ехать к государю. Кн. Лобанов говорил что-то с оживлением, а великий князь, казалось, внимательно слушал его. У меня нервы так были расстроены и напряжены, что мне показалось, что они говорят обо мне. Эта мысль так меня встревожила, что я вскрикнула вслух, несмотря на то, что была одна в комнате: «C'est de moi, qu'ils parlent!» ***. Человек прибежал на мой крик и спрашивал, что со мной, но я сама не знала, что со мною делается.

* «Ваше высочество! Блестящая похвала вашей доброте, известной в моей стране, дала смелость обратиться за помощью к вашему императорскому высочеству. Я умолю на коленях просить за меня у его императорского величества исполнить просьбу, которая будет подана его величеству. В ней я прошу разрешения следовать в ссылку за государственным преступником и там обвенчаться с ним, чтобы навсегда соединить свою судьбу с его судьбой и никогда с ним не разлучаться. Я льщу себя надеждой, что вы не оставите несчастную мать, которая вот уже девятнадцать месяцев не имела минуты покоя и у которой нет никаких надежд, кроме надежды на милость его величества и на доброту вашего императорского высочества. Я отказываюсь от родины и буду свято исполнять все, что закон мне предпишет. Анненков обещал жениться на мне. Он не имел возможности исполнить свое обещание, и я не сомневаюсь, что он не изменил своему намерению. Его величеству стоит только приказать, и я буду ждать с величайшей покорностью. Ваше высочество, простите смелость вашей покорной просительницы и не откажите сочувственно отнестись к ее просьбе. Глубоко вас уважающая и преданная слуга вашего императорского высочества».

** Эта фраза в черновой рукописи отсутствует.

*** «Это они говорят обо мне».

Через час Палю пришел за мной, и мы пошли с ним к дворцу приискивать место, где встать, так как на другой день я должна была подать просьбу государю. Перед дворцом была такая толпа, что мы с трудом могли пробраться к подъезду. Едва остановились мы, как я увидела на балконе Лобанова с великим князем. На этот раз я не ошиблась, что Лобанов говорил обо мне, потому что он с балкона показывал на нас. Услышав в то же время за собой какой-то шум, я обернулась и увидела верхом жандармского генерала. Это был граф Бенкендорф. Он горячился и, опять-таки указывая на нас, подозвал к себе квартального, который тотчас же подошел. В эту минуту я жестоко струсил: мне представилось, что меня приказывают схватить и отправить за границу. Я до такой степени растерялась, что совершенно бессознательно сняла с себя часы, деньги и отдала все это человеку моему, который очутился тут, следуя за нами, конечно, из любопытства. Между тем квартальный подошел к Палю, спросил, как его зовут, жена ли я его? Палю отвечал, что нет, дочь — нет. Я стояла чуть жива и дрожала, как лист, в полной уверенности, что меня тотчас же схватят. Но в это время подоспел мне на помощь князь Лобанов-Ростовский. Сошедши с балкона, он подошел ко мне со словами, которые в эту минуту были как нельзя более кстати, потому что иначе, мне кажется, я бы от страха и отчаяния лишилась рассудка, если бы этот страх не рассеялся тотчас же. Лобанов говорил, что моя просьба уже известна великому князю, что его высочество будет ходатайствовать за меня перед государем, и что я могу надеяться на успех. Когда подошел к нам князь Лобанов, квартальный тотчас же исчез, чему я более всего была рада *.

Все-таки я вернулась домой совершенно разбитая и утомленная. Ночь я провела в ужасных мучениях, то терзаемая сомнениями, то поддерживаемая надеждою. К утру только, часов в пять, я начала было засыпать, как вдруг меня разбудил страшный шум барабанов. Я вскочила, стала прислушиваться и была очень удив-

* «О бале» — заметка в рукописи.

лена тем, что шум этот происходил в комнате великого князя. А так как мою квартиру отделяла только одна стена от помещения великого князя Михаила Павловича, то понятно, что я не могла спать под этот шум. Великий князь учил барабанщиков выбивать бой. Я встала и подошла к окну, чтобы освежить себя утренним воздухом. Тут поразила меня сцена, которая, как иностранку, меня очень заняла. У под'езда великого князя стоял солдат, очень красивый мужчина, большого роста, затянутый в мундир, и такой прямой, что походил на деревянного. Около него суетился офицер, осматривал со всех сторон, обмахивал своим батистовым платком пыль с мундира и даже с сапог. Я догадалась, что они должны были представляться великому князю. [Эта сцена развлекла меня немного.] Когда все затихло, я снова предалась своим думам и ожиданиям.

Наступающий день был самым решительным для меня в жизни. Я должна была быть у дворца с моею просьбою к десяти часам. Когда пришел за мною Палю, я давно уже была одета и ждала его. На мне было белое простое платье, шляпка с огромными полями, как тогда носили, и черная турецкая шаль. У дворца опять была толпа. Мы с Палю встали как можно ближе к под'езду. Мой старик тоже принарядился. Одетый в черный фрак, с шляпою в руках, с его седыми, густыми волосами, зачесанными назад, он был очень представительен. Князь Лобанов предупредил меня, что бой барабанов должен будет возвестить выход государя. К одиннадцати часам барабаны забили, и на лестнице дворца показался император Николай Павлович в сопровождении целой толпы генералов и ад'ютантов. Я была снова поражена гробовым молчанием, которое царствовало в толпе, и подумала, что у нас во Франции бывает не так. За государем следовал князь Лобанов. Он оглянулся в ту сторону, где мы стояли с Палю, и от моего напряженного внимания не ускользнуло, что он что-то сказал государю. В эту минуту я чувствовала, что силы оставляют меня, ноги дрожали, и не мудрено: с тех пор как я выехала из Москвы, я ни разу не села за стол, чтобы с'есть хотя бы ложку бульона, и питалась одной сахарной водой. Мюллер присы-

лал мне каждый день целый обед из дворца, но я ни до чего не дотрагивалась и отдавала все человеку. Упоминаю об обедах, потому, что это дало повод ко многим толкам [говорили, что мне присылал обед сам государь, но, право, мне было не до обедов]. Я так ослабела в то время, что должна была сделать большое усилие, чтобы подойти к государю. Когда я протянула руку, чтобы вручить ему просьбу, Николай Павлович взглянул на меня тем ужасным, грозным взглядом, который заставлял трепетать всех. И, действительно, в его глазах было что-то необыкновенное, что невозможно передать словами. Вообще, во всей фигуре императора было что-то особенно внушающее. Он отрывисто спросил:

— Что вам угодно?

Тогда, поклонившись, я сказала:

— Sire, je ne parle pas le russe, je veux implorer la grâce de suivre en exil le criminel d'état Annenkoff.

— C'est ne pas votre patrie, madame, vous seriez, peut-être, bien malheureuse.

— Je sais, Sire, mais je suis prête à tout [je suis mère] *.

Тогда государь сделал знак кому-то, чтобы взяли просьбу, между тем приложился, все смотря мне в глаза. Я низко присела. Потом, садясь в коляску Николай Павлович приложился еще и, наконец, отъезжая, обернулся в мою сторону и приложился в третий раз. Я никак не думала, чтобы все три поклона императора относились ко мне. Но Палю, который поддерживал меня сзади под руки [потому что я дрожала, как лист, от волнения], шептал мне: «Rassurez vous, cela va bien, l'empereur vous salue» **. [В самом деле, Николай был чрезвычайно любезен]. Все это ободрило меня. Я возвратилась домой гораздо покойнее и с какою-то уверенностью и надеждой на успех.

* — Государь, я не говорю по-русски, я хочу получить милостивое разрешение следовать в ссылку за государственным преступником Анненковым.

— Это не ваша родина, сударыня. Может быть, вы будете очень несчастны.

— Я знаю, государь, но я готова на все (я — мать).

** — «Успокойтесь, все хорошо, государь вас приветствует».

После обеда государя Мюллер прибежал ко мне сияющим лицом, поздравлял и уверял, что дело мое выиграно, потому что государь за обедом говорил обо мне и, видимо, был тронут моей просьбой. Государь был в самом лучшем расположении духа и говорил Мюллеру, который стоял за его стулом: «*Mais vous voulez donc nous faire mourir, mon cher, à force de nous faire trop bien manger*» *.

Вечером я пошла в сопровождении Мюллера к князю Лобанову, который повторил мне слово в слово то, что я уже знала, прибавив, что он заранее уверен в моем успехе. Потом сказал, что барон Дибич очень желает меня видеть, и что я хорошо сделаю, если пойду к нему. Я, конечно, готова была исполнить желание Дибича, но меня смущало только итти одной, так как Палю в этот вечер не мог сопровождать меня. Откладывать, впрочем, было некогда, и я решилась отправиться, взяв человека, чтобы проводить меня. Дибич занимал маленький домик против самого дворца, с прескверной лестницей, которая вела на балкон, и другого входа в его квартиру не было. Когда я подошла и увидела на балконе множество военных, то очень сконфузилась и, обращаясь к человеку, который понимал по-французски, невольно сказала: «*Mon Dieu, combien d'officiers!*» **. Добрый мой Степан ободрял меня, говоря: «Ничего, барыня». Тогда я преодолела робость, овладевшую мною в первую минуту, завернулась в свою шаль, надвинула шляпу на глаза, стараясь скрыть лицо, и стала подниматься по лестнице. Едва я поднялась, как ко мне подбежал какой-то адъютант, говоря, что барон не может принять меня, потому что едет сейчас к государю, так как государь оставляет Вязьму. Я отвечала: «*Veillez dire au baron, monsieur, qu'il a désiré me voir*» ***. В это время, взойдя в переднюю, я увидела целый ряд комнат перед собою и в самой дальней Дибича, который шел ко мне навстречу. Он был маленького роста, поразительно дурен собою и шел, хромя

* «Но, мой друг, вы хотите нас уморить, заставив так много есть».

** «Боже! Сколько офицеров!»

*** «Будьте добры сказать барону, что он хотел меня видеть».

и переваживаясь с боку набок. Подходя ко мне, он повторил то, что я уже слышала два раза: «L'empereur a lu votre supplique, madame, il en a été touché, j'ai lu aussi et j'ai versé des larmes, je vous félicite, vous réussirez» *.

Возвратясь домой, я тотчас же послала за лошадьми и, простившись с моим другом Палю и Мюллером, выехала из Вязьмы. По дороге, когда нам пришлось проезжать мимо Бородинского поля, я приказала человеку остановиться. Тут я вышла из экипажа и помолилась за тех, которые облили эту землю своей кровью. В числе прочих был убит один из моих дядей. Подъезжая к Москве, верст за пятьдесят, на одной из станций человек сказал мне, что в избе есть один старик больной, который просит меня зайти непременно. Я была очень удивлена этим и упрекала Степана, говоря, что он, наверное, что-нибудь тут разболтал. Но Степан настаивал, и я наконец уступила и вошла в избу. Старик крестьянин сидел на кровати, длинные седые волосы и большая борода покрывали буквально ему грудь и плечи. Увидя меня, он привстал немного со своей постели и поклонился низко, касаясь пола своей дряхлой рукой. Еще более поразили меня слова старика. В то время я начинала уже понимать по-русски и, с помощью Степана, который мог перевести несколько, я узнала, что старик говорил так: «Здравствуй, матушка! Я узнал от твоего человека, зачем ты ездила к государю. Дело, матушка! Господь сохрани тебя, ведь я знаю, чего они хотели: господа-то хотели свободы нашей, свободы крестьян».

Когда я въезжала в Москву, солнце стояло уже высоко и освещало ярко московские колокольни. Город точно улыбался, везде ставили березки, — в этот день была Троица.

* «Государь читал вашу просьбу, сударыня, он был растроган. Я ее тоже читал и прослезился. Поздравляю вас, ваша просьба будет исполнена».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Путешествие в Троицко-Сергиевскую лавру.—Ссора с Анной Ивановной.—Записка от Е. Ф. Муравьевой.—Приглашение к генерал-губернатору.—Разрешение на отъезд в Сибирь.—Толки и пересуды. — Конец Якобия. — Московские канцеляристы. — Прощание с дочерью.—Отъезд.

Когда я вернулась из Вязьмы, Анна Ивановна, недовольная тем, что я не оставалась при ней, приняла меня очень сухо, почти не говорила со мною, и когда хотела сказать что-нибудь, то обращалась к третьему лицу. В это время некоторые из живущих в доме се собирались в Троицко-Сергиевскую лавру [я пошла с ними, чтобы сократить время ожидания ответа на просьбу]. Я воспользовалась этим случаем, чтобы помолиться, и мы все отправились пешком. Пройдя в первый день 25 верст, на другой, конечно, мы слегли. Особенно у меня с непривычки очень распухли ноги, однако же, отдохнув, все-таки дошли и даже назад вернулись также пешком. Меня приводило в восторг православное богослужение, я находила его великолепным, отстояла обедню и всенощную и горячо и искренно молилась. В церкви было много купцов, которые, узнав, что я ни слова не говорила по-русски, дивились на меня и потом пришли в восторг, когда увидели, с каким аппетитом я ела русское постное кушанье. Когда, по возвращении в Москву, я снова пошла в католическую церковь, куда имела привычку ходить почти каждое утро, аббат Герье заметил мне, почему так давно не видать меня. И на мой ответ, что я ходила помолиться к Троице, стал упрекать, что я, католичка, хожу в русские монастыри, но кончил тем, однако же,

что согласился со мной, что молиться все равно в какой бы то ни было церкви.

По прошествии некоторого времени я получила от великого князя Михаила Павловича письмо, которое передал мне адъютант его, Николай Николаевич Анненков. Очень сожалею, что потом в Иркутске, когда губернатор потребовал все мои бумаги, мне пришлось сжечь это письмо вместе с другими, также от его высочества. Это письмо было в таком смысле, что, по повелению государя, комендант Нерчинских заводов Лепарский должен был спросить Анненкова, желает ли он на мне жениться⁵². «А так как я не сомневаюсь в утвердительном ответе Анненкова, — писал великий князь, — то заранее могу вас поздравить».

Вскоре после этого Анна Ивановна собралась в Сокольники на свою великолепную дачу. [Там сестра твоя сильно захворала, я измучилась, проводя целые ночи у ее кровати; послали за Мухиным, он объявил, что нет надежды, но она выздоровела однако же и, когда начала поправляться, начала и лепетать.] Мы пробыли все лето там, и когда возвратились в Москву, Анна Ивановна все еще не говорила со мною. Между тем, мы, по обыкновению, каждый день ездили с ней кататься в карете, и она сочла бы преступлением с моей стороны, если бы я вздумала не поехать.

Однажды мне удалось испросить ее согласия на то, чтобы заказать некоторое платье для Ивана Александровича, так как я была уверена, что он нуждался во всем. Когда все было готово, я разложила все вещи на стулья и просила ее посмотреть. Она вошла в комнату, где находились вещи и, осмотрев все с большим вниманием, заметила: «*Est ce que cela ne sera pas trop beau, madame?*» *. Укладывая вещи в чемодан, я сунула в карман одной из бекеш письмо, в котором подробно описывала все, что со мною случилось с тех пор как мы расстались с Иваном Александровичем. Мне очень хотелось также зашить куда-нибудь деньги, я уже держала их в руках и часа три ходила с ними по комнате, но не решилась этого сделать. Когда че-

* «Не будет ли все это слишком хорошо, сударыня?»

модан с вещами был готов, я пошла спросить Анну Ивановну, могу ли его отправить. Она с видимым неудовольствием отвечала: «*Mais vous voulez donc, que l'empereur se fâche contre moi*» *. Удивительно, до какой степени эта эгоистичная женщина не любила своего сына. Особенно, мне кажется, она не могла простить ему его образа мыслей и увлечения, тем более — его участия в декабрьской истории. [В каземат она писала сыну, что любит меня более, чем его]. Однажды она так предалась своему неудовольствию на сына, что начала проклинать его. Я бросилась на колени и насилу могла успокоить ее. Меня так огорчило, что я не могу отправить чемодана Ивану Александровичу, что я ушла в свою комнату и на этот раз заперлась и решила не выходить. Через несколько времени Анна Ивановна прислала узнать о моем здоровье, а потом присылала мне разные разности, то букет цветов, то фруктов, наконец написала записку, очень любезную, и спрашивала, когда я выздоровлю. Я отвечала, что тогда только, когда она позволит отослать чемодан. Разрешение последовало. Я, обрадованная, немедленно отправила посылку и явилась к ней.

Несколько дней спустя, утром, когда она одевалась (а я всегда должна была присутствовать при ее туалете), принесли записку от Екатерины Федоровны Муравьевой. Та писала: «*Madame, une lettre de ma belle fille m'apprend que votre fils manque de touf, et je crois de mon devoir de vous en informer*» **. Екатерина Федоровна была необыкновенно любящая, нежная и заботливая мать. Сыновья ее ни в чем не нуждались во все время ссылки и даже много помогали своим товарищам. Когда они жили на поселении около Иркутска, Екатерина Федоровна много перевела им денег через иркутских купцов, а потом совершенно обеспечила детей их, ро-

* «Но вы хотите, верно, чтобы государь рассердился на меня; сударыня?»

** «Сударыня, из письма моей невестки я узнала, что сын ваш во всем нуждается, и я думаю, что мой долг довести об этом до вашего сведения». В этом месте на полях рукописи отметка: «Кто была А. Г., и такая мать Муравьева. Как письма доходили до нее».

жденных в Сибири. [Тогда Анна Ивановна обратилась ко мне и просила, чтобы я отвечала Екатерине Федоровне]. На письмо Екатерины Федоровны Анна Ивановна приказала М. Т. Перской, которая заправляла всем домом и была также ее секретарем, отвечать: «*Madame Annenkoff a déjà envoyé tout ce donc son fils peut avoir besoin*» *. Потом Анна Ивановна бросилась целовать меня и говорила: «*Décidément vous me portez bonheur en tout*» **.

В ноябре месяце 1827 года Вадковская прислала за мною и передала два письма. Одно было от великого князя Михаила Павловича. Великий князь писал, что государь разрешает мне ехать в Сибирь, но предупреждал, что я не должна никому об этом сообщать, пока меня не потребуют к генерал-губернатору. Вадковская была крестная мать Ивана Александровича. Она и дочь ее, Елагина ***, с радостью приняли милость государя целовали меня, называли героинею, и Елагина благословила меня образом. Когда я возвратилась к Анне Ивановне, вечером, в тот же день приехала к ней Титова и сказала что-то на ухо. Тогда Анна Ивановна посмотрела на меня искоса и упрекнула говоря: «*Madame, vous etes bien biscrète*» ****. Я созналась, что, действительно, уже знала о милости государя, но что не имела права говорить об этом. На другой день квартальный принес мне бумагу, где было сказано, что меня просят приехать к князю Голицыну — московскому генерал-губернатору.

Когда я явилась в канцелярию, там было множество народу. Мне подали бумагу, писанную по-русски, я читать не могла и передала Степану, чтобы он перевел мне. Бумага была о том, что государь император разрешает мне ехать в Сибирь. Я с радости, забыв где я, начала хлопать в ладоши и прыгать, повторяя: «*J'ai la*

* «Госпожа Анненкова уже послала все, в чем сын ее мог нуждаться».

** «Решительно, вы приносите мне во всем счастье».

*** В рукописи: «...Елагина, которая была крестная мать отца твоего и родная тетка по отцу».

**** «Сударыня, вы очень неискренни».

permission d'aller en Sibirie!» * [Тогда все говорили, что я с ума сошла]. Мой веселый характер, несмотря ни на какие испытания и горе, беспрестанно брал верх над всем. Потом я должна была идти к самому князю Голицыну. Он очень любезно меня принял и просил приехать на другой день, говоря, что бумаги, которые я должна подписать, на русском языке, и что, вероятно, я не пойму их, а потому он прикажет перевести.

На другой день, когда я снова явилась к генерал-губернатору, бумаги были мне прочитаны секретарем князя в его присутствии. В одной из них было сказано, что государь приказал спросить меня, что будет мне нужно на дорогу и сколько денег. Я отвечала, что прошу дать мне фельд'егеря, если найдут это возможным, но что в деньгах я не нуждаюсь, так как получила от родственников Ивана Александровича достаточно. Действительно, Вадковская и Елагина дали мне: одна 2 тысячи рублей, другая — 1 тысячу рублей. Я ожидала получить также что-нибудь и от Анны Ивановны, но она ничего не дала. Князь Голицын объяснил мне, что нельзя государю отвечать отказом, на что я сказала, что в таком случае прошу все, что будет угодно государю, прислать мне.

Бумаги, которые сообщили мне, были следующие (одну из них я подписала):

L'ordre de monsieur le général-gouverneur militaire de Moscou à monsieur le grand maître de police de Moscou, du 6 novembre 1827 № 221. En ajoutant ici le rapport du général-déjour de l'état, major de sa majesté impériale (№ 1332) de l'étrangère Pauline Gueb e, qui a supplié la permission de partir en lieu d'exil du criminel d'e at An en koff pour l'épouser, et la copie des règles ci-jointes, relativement aux femmes des criminels, exilés aux travaux publics.—je recommande à votre excellence de faire annoncer le contenu de ces papiers à la dite ueble et prendre d'elle des avis: si elle désire, conformément aux règles ci-dessus mentionnées, de partir pour Nertchinsk, afin de s'unir

* «Я получила разрешение ехать в Сибирь».

par le mariage légitime avec le criminel Annenkoff et en cas si elle consentira de lui demander, combien d'argent aura t-elle besoin pour son voyage. En annonçant ces papiers vous ne manquerez pas de donner à Gueble des éclaircissements à quoi elle sera exposée par le mariage avec le criminel Annenkoff. Après avoir exécuté cette prescription vous me ferez le rapport en présentant les papiers ci-joints“.

Rapport à monsieur le général-gouverneur militaire de Moscou par le général-déjour de l'état major de sa majesté impériale, du 30 octobre 1827. N° 1332.

L'étrangère Pauline Gueble le 14 de mai de cette année avait supplié sa majesté l'empereur à Viasma de lui permettre de partir pour le lieu de l'exil du criminel d'état Annenkoff, ci-devant lieutenant au régiment des Chevaliers Garde, pour l'épouser. Comme le dit Annenkoff, sur la demande, que lui fut faite à ce sujet, avait répondu: qu'il épouserait volontiers mlle. Gueble, si le gouvernement accorde sa permission, on en fit le rapport à sa majesté l'empereur et sa majesté a daigné ordonner: de permettre à l'étrangère Pauline Gueble de partir pour Nertchinsk et d'épouser le criminel d'état Annenkoff et que, si elle a besoin de quelques secours pour son voyage, de le lui accorder.

Je prie très humblement votre excellence de vouloir bien ordonner, qu'on annonce à l'étrangère Pauline Gueble, demeurante à présent à Moscou près du pont de Marechaux, dans la maison de madame Annenkoff, cette volonté de sa majesté et les règles ci-jointes, que l'on observe par rapport aux femmes de criminels, qui sont envoyés aux travaux publics de lui faire demander en même temps: si elle souhaite, ayant en vue ces règles, de partir pour Nertchinsk, afin d'y épouser le criminel Annenkoff et que si elle le désire, de quel espèce de secours elle aura besoin

pour son voyage—du résultat je prie votre excellence de m'honorer de votre réponse.

Règles par rapport aux femmes des criminels, qu'on envoie aux travaux publics:

1) Les femmes de ces criminels, en suivant leurs maris et continuant avec eux l'union conjugale, doivent naturellement participer à leur sort et perdre leur premier état, c'est-à-dire, elles ne seront plus regardées que comme femmes des exilés aux travaux publics et leurs enfants, qui seront nés en Sibérie, sentiront au nombre des paysans code la couronne.

2) Aussitôt qu'elles partiront pour la contrée de Nertchinsk, il ne leur sera permis de prendre avec eux ni des sommes d'argent, ni des effets d'un grand prix, car ceci est non seulement défendu par les règles, qui existent à ce sujet, mais il est même nécessaire pour leur propre sûreté, puisqu'elles vont dans des lieux, peuplés de gens à toutes sortes de crimes et que par conséquent en ayant avec elle de l'argent et des choses précieuses, elles peuvent s'exposer à des événements dangereux.

3) Il n'est permis à chaque femme d'être suivie que d'une seule personne du nombre des esclaves, arrivés avec elle, et cela encore de ceux, qui y consentiront de bon gré et donneront des obligations, signées de leur propre main, ou faute de savoir écrire ils déclareront leurs consentiments, personnellement, en pleine présence du gouvernement, les autres pourront retourner en Russie.

4) Si les femmes de ces criminels arriveront chez eux de Russie avec la résolution de partager le sort de leurs maris et qu'elles désireront demeurer ensemble avec eux dans l'ostrog (une maison de correction), cela leur est permis, mais alors les femmes ne doivent avoir auprès d'elles personne pour leur service. Mais si elles demeureront séparées de leurs maris hors de l'ostrog,

dans ce cas elles peuvent avoir auprès d'elles pour leur service, mais pas plus d'un seul homme ou d'une seule femme.

5) Il est permis aux femmes, qui souhaiteront de demeurer séparées hors de l'ostrog, de voir leurs maris d ns l'ostrog une fois après tous les deux jours, mais toutes communications des femmes avec leurs maris par le moyen de leurs serveurs est sévèrement interdites.

6) Si les esclaves, arrivées avec les femmes, ne voudront pas y rester avec elles, il leurs est permis de retourner en Russie, mais sans leurs enfants nés en Sibérie.

7) Il est sévèrement prescrit que les criminels et leurs femmes ne puissent apporter avec eux, ni recevoir après de qui que ce soit de grandes sommes soit en argent comptant, soit en choses de grand prix excepté la somme nécessaire pour leur entretien et cela même pas autrement, que par le moyen du commandant, qui leur libérera cette somme par parties et selon leur besoin.

8) Les femmes des criminels, soit qu'elles demeurent dans l'ostrog ou hors de celui là, ne peuvent envoyer leurs lettres autrement qu'en les rendant ouvertes au commandant, il n'est de même permis aux criminels et à leurs femmes de recevoir les lettres, qui leurs seront adressées, que par le commandant; toute autre communication par écrit d'une autre manière est sévèrement défendue.

Vérifiée par le grand maître de police général-major Schoulguine.

„Mon général. Ayant reçu de votre excellence, en copie: 1) l'ordre de monsieur le général-gouverneur militaire de Moscou, du 3 novembre 1827, № 221, adressé à vous, 2) le rapport à son excellence par le général-déjour de l'état major de sa majesté impériale du 30 octobre № 1332 et 3) les règles relativement aux femmes des criminels, exilés, aux travaux publics, et après avoir lu tous

ces papiers, j'ai l'honneur de répondre, que je consents à tous et je pars à Nertchinsk pour épouser le criminel d'état Annenkoff et y rester toujours. Concernant la somme qui me faut nécessaire pour le voyage, je n'ose en fixer aucune; mais je serais satisfaite de tout ce que sa majesté l'empereur daignera me faire remettre.

J'ai l'honneur d'être très respectueusement de votre excellence, la très humble.

Перевод.

Приказ московского военного губернатора г. московскому обер-полицмейстеру от 6 ноября 1827 г. № 221. Прилагая при сем рапорт дежурного генерала штаба его императорского величества (№ 1332) об иностранке Полине Гебль, убедительно просившей дать ей разрешение следовать на место ссылки за государственным преступником Анненковым, с тем, чтобы вступить с ним в брак, и копию с прилагаемых при сем правил касательно жен преступников, сосланных на каторжные работы,—предлагаю вашему превосходительству объявить содержание этих бумаг вышеуказанной Гебль и отобрать у нее показание, желает ли она, сообразуясь с вышеупомянутыми правилами, отправиться в Нерчинск, с целью вступить в законный брак с государственным преступником Анненковым, и, в случае ее согласия, спросить ее, сколько денег потребуется ей на путешествие. Объявляя Гебль содержание этих бумаг, вы не приминете раз'яснить ей, чему именно она подвергает себя, вступая в брак с преступником Анненковым. Исполнив это предписание, вы донесете мне об этом, представив прилагаемые при сем бумаги.

Московскому военному генерал-губернатору дежурного генерала штаба его императорского величества рапорт от 30 октября 1827 г. № 1332. Иностранка Полина Гебль 14 мая сего года умоляла его величество государя императора, в Вязме, дозволить ей отправиться на место ссылки государственного преступника Анненкова, бывшего поручика Кавалергардского полка, с целью вступить в брак. Так как вышеуказанный Анненков на сделанный ему по этому поводу вопрос отвечал, что он охотно женится на девице Гебль, если правительство разрешит ему вступить в брак, то об этом было донесено государю императору, и его величество повелеть соизволил: дозволить иностранке Полине Гебль отправиться в Нерчинск и выйти замуж за госу-

дарственного преступника Анненкова, и если она нуждается в каком-нибудь пособии для этого путешествия, даровать ей таковое.

Покорнейше прошу ваше превосходительство приказать объявить иностранке Полине Гебль, проживающей в настоящее время в Москве, близ Кузнецкого моста, в доме г-жи Анненковой, таковую волю его величества и прилагаемые при сем правила, соблюдаемые по отношению к женам преступников, ссылаемых в каторжные работы, спросив ее в то же время, желает ли она, ознакомившись с этими правилами, отправиться в Нерчинск, с тем, чтобы вступить там в брак с преступником Анненковым, и, в случае такового желания с ее стороны, в каком именно пособии она будет нуждаться для своего путешествия. О результате прошу ваше превосходительство почтить меня ответом.

Правила, касающиеся жен преступников, ссылаемых на каторжные работы:

1. Жены этих преступников, следуя за своими мужьями и оставаясь с ними в брачном союзе, естественно, должны разделять их участь и лишиться своих прежних прав, т. е. они будут считаться впредь лишь женами ссыльно-каторжных, и дети их, рожденные в Сибири, будут причислены к числу государственных крестьян.

2. С момента отправления их в Нерчинск им будет воспрещено иметь при себе значительные суммы денег и особенно ценные вещи, это не только воспрещается имеющимся на этот счет правилами, но необходимо даже для их собственной безопасности, так как они едут в местности, населенные людьми, готовыми на всякое преступление, и, следовательно, имея при себе деньги или драгоценные вещи, могут подвергаться случайным опасностям.

3. Каждой женщине дозволяется оставить при себе лишь одного из крепостных, прибывших с нею, притом из числа тех, кои согласятся на это добровольно и дадут обязательство, подписанное ими собственноручно, или за безграмотностью объявят свое согласие лично, в присутственном месте; прочим будет дано право вернуться в Россию.

4. Если жены этих преступников придут к ним из России с намерением разделить участь своих мужей и пожелают жить вместе с ними в остроге, то это не возбраняется им, но в таком случае жены не должны иметь при себе никого для своих личных услуг. Если же они будут жить отдельно от мужей, вне острога, то они могут иметь при себе для услуг отнюдь не более одного мужчины или одной женщины.

5. Женам, которые пожелают жить вне острога, разрешается видаться с их мужьями в остроге, однажды, через каждые два дня. Всякое сообщение жен с их мужьями через слуг строго воспрещается.

6. Если крепостные, прибывшие с женами преступников, не захотят остаться при них, то им разрешается вернуться в Россию, но без детей, родившихся в Сибири.

7. Преступникам и их женам строго воспрещается привозить с собою или получать впоследствии от кого бы то ни было большие суммы денег, или особенно ценные вещи, кроме денежной суммы, необходимой для их содержания, и то не иначе, как через посредство коменданта, который будет выдавать им эту сумму частями и смотря по их надобностям.

8. Жены преступников, живущие в остроге или вне его стен, не могут посылать писем иначе, как вручая их открытыми коменданту. Точно так же самим преступникам и их женам дозволяется получать письма не иначе, как через посредство коменданта. Всякое письменное сообщение иным способом строго воспрещается.

Сверял обер-полицмейстер, генерал-майор Шульгин.

Ваше превосходительство, получив от вашего превосходительства в копии: 1) приказ г. московского военного генерал-губернатора, от 3 ноября 1827 г., за № 221, отданный на ваше имя; 2) рапорт, представленный его превосходительству дежурным генералом штаба его императорского величества, от 30 октября за № 1332, и 3) правила, касающиеся жен преступников, сосланных на каторжную работу, и прочитав все эти бумаги, честь имею ответить, что я согласна на все в них изложенное и отправляюсь в Нерчинск, чтобы вступить в брак с преступником Анненковым и поселиться там навсегда. Что касается денежной суммы, необходимой для моего путешествия, то я не смею определить ее размер, но буду довольна всем тем, что его величеству благоугодно будет повелеть выдать мне.

Честь имею быть с совершенным почтением вашего превосходительства покорная слуга Полина Гебль *.

Толкам и разговорам по случаю дарованного мне государем позволения ехать в Сибирь не было конца. В доме Анны Ивановны все волновались. Титов пришел мне передать, что Якобий, тот самый, который так много мне вредил, пока Иван Александрович был в крепости, говорит, что когда я получу деньги от государя, то, конечно, не поеду в Сибирь, а, наверное, вернусь во Францию. Это меня так возмутило и обидело, что я не выдержала и передала об этом Анне Ивановне, которая возмутилась не менее меня, и наконец сказала, что я ей сделала бы большое одолжение, если бы помогла ей избавиться от Якобия, который также жил в ее доме [что он давно ей надоел. Она терпеть не могла всех родственников, которые считались наслед-

* Перев. В. В. Тимошук. «Русская Старина», I. 58, 1888 г., стр. 380—381.

никами, и говорила громко за столом: «Quand je pense que tout cela se sont mes héritiers, mais ils sont mon âge» *. Уполномоченна ею, я отделала Якобия жестоко. «Vous avez dit, m-r, que je voulu fuire en France avec l'argent que j'ai reçu pour ma route. [строка не разобрана], ras vous avez gardé 1000 r. sur 1500 que M-me Annenkoff vous avait chargé de remettre à son fils M-me Annenkoff a une iette de son fils qui l'affirme»**. На это он ничего не отвечал, но когда я сказала, что твоя бабушка просила его оставить ее дом, он отвечал, что куда же он пойдет, что ему нечего есть. Впоследствии ему нашли какое-то место].

Уполномоченная Анною Ивановной, я, конечно, была очень рада высказать Якобию то, что давно накопилось у меня против него на сердце. Он сначала старался отделаться шутками, но потом сильно призадумался, когда я ему объявила решительное желание Анны Ивановны, чтобы он оставил ее дом. Наконец я потребовала, чтобы он мне возвратил очки Ивана Александровича, которые тот очень любил, а он имел дерзость носить их на глазах у всех нас. Очки эти, не меня даже стекол, Иван Александрович носил до самой глубокой старости. [На другой день за мною прислала опять Вадковская и радовалась, что я отделала Якобия.]

Анна Ивановна, между тем, все продолжала, несмотря ни на что, удерживать меня и долго еще, кажется, питала надежду поставить на своем ***. В то время, когда я заперлась в своей комнате и не выходила, пока она не разрешила отослать чемодан с вещами Ивану Александровичу; она присылала ко мне одну из своих барышень сказать, что если бы я осталась при ней, то

* «И подумать только, что это все мои наследники, но ведь они все одного возраста со мною!»

** Вы говорили, сударь, что я хотела бежать во Францию с деньгами, полученными мною на дорогу..., ибо вы присвоили 1000 р. из 1500, которые г-жа Анненкова поручила вам передать ее сыну. У г-жи Анненковой имеется письмо сына, подтверждающее это.

*** «Как бабушка ездила молить святого о препятствиях» — записка на полях рукописи.

она решила купить для меня дом, для убранства которого она уже многое приготовила, и что я тогда буду жить у себя. Но я отвечала, что если государю не угодно будет разрешить мне ехать в Сибирь, то я ни за что не останусь в России и возвращусь во Францию. Теперь, когда разрешение уже получено, она все еще старалась удержать меня, и как ни странно покажется, но я замечала, что она даже говорила с Тургеневым, секретарем князя Голицына, который также часто бывал у нее, чтобы задержать меня. [Я заметила, что между ними какие-то заговоры против меня.]

Князь Голицын в это время куда-то собирался. Я так испугалась, чтобы меня не задержали под каким-нибудь предлогом во время его отсутствия, что поехала к князю Голицыну и, несмотря на то, что мне об'явили, что князь не принимает, вошла к нему. Он, впрочем, был очень любезен и обещал на мою просьбу сделать распоряжение, уезжая, чтобы бумаги, какие будут для меня, не задерживали. Действительно, спустя семь дней, Шульгин, который также часто бывал у Анны Ивановны, передал мне, что на другой день просит меня приехать к нему в канцелярию, где не замедлили мне выдать все бумаги, которые я ждала с таким нетерпением, а наконец сам Шульгин вынес мне 3 тысячи рублей, все сторублевыми ассигнациями, и, подавая вместе с тем какую-то бумагу, просил меня подписать ее. Бумага вся была покрыта цифрами. Я с удивлением спросила Шульгина, что это за бумага. Он отвечал, что это нумера тех сторублевых ассигнаций, которые я получаю на дорогу от государя Николая Павловича, и прибавил, улыбаясь, что государь, вероятно, не доверяет им, т. е. полиции. Уходя, я вынула 25 рублей, чтобы дать чиновнику, который переводил мне бумаги, и не знала, как предложить ему, так как он был увешан весь орденами, но он принял и очень благодарил меня. [Когда я в первый раз пришла в канцелярию Шульгина, я начала тем, что положила 25 руб. асс. Один молодой человек, впрочем, очень порядочной наружности, сказал мне, что они не имеют сдачи. Я просила взять все 25 рублей и очень удивилась, что все чиновники остались довольны.]

Возвратясь домой, я была в таком восторге, сознавая, что ничто более не могло удержать меня, что, забыв совершенно, что Анна Ивановна не разделяет со мною этого восторга, вбежала к ней в комнату и разложила перед ней на стол все бумаги мои и деньги. Она сделала неприятное движение и, как всегда бывало с нею, когда что-нибудь не нравилось ей, откинулась назад в своих креслах. Но я не помнила себя от радости и побежала к себе готовить все к отъезду.

Я забыла рассказать что, уезжая из Петербурга, когда Иван Александрович был отправлен в Сибирь, я ездила к графине Лаваль, чтобы повидать француза m-г Вошэ, который жил у нее в доме и провожал в Сибирь дочь ее, княгиню Трубецкую, жену декабриста, полковника князя С. П. Трубецкого. В то время Вошэ только что возвратился из своего дальнего путешествия и собирался снова в дорогу, так как ему было приказано оставить Россию. От Вошэ я достала маршрут, и он успел мне рассказать, что, когда он возвращался из Иркутска, где он оставил княгиню Трубецкую, то при въезде в Петербург его попросили на гауптвахту, где продержали четверо суток, бумаги его были отобраны, и сам государь подчеркнул все заметки, сделанные Вошэ о Сибири, и после этого объявили ему, что он более не может оставаться в России. [Это был благодарный и честный молодой человек.]⁶³

Когда я уезжала, к Анне Ивановне собралось множество народу, все старались рассеять и развлечь ее. Не легко мне было оставить ребенка. Бедная девочка моя как будто предчувствовала, что я покидаю ее: когда я стала с нею прощаться, она обвиняла меня рученками и так вцепилась, что насилу могли оттащить ее, но взять ее с собою было немыслимо. Потом я встала на колени перед Анной Ивановной и просила благословить меня и сына ее, но она объявила, что эта сцена ее слишком расстраивает. Впрочем, погода немного, позвала и просила передать сыну, что когда она продаст симбирское имение, то положит капитал на мое имя. [Потом из Нерчинска я несколько раз писала от имени твоего отца и просила ее не забыть его.] Но имение было продано,

другие также, и она ничего не сделала ни для сына, ни для меня, его жены.

Меня посадили почти полумертвую в экипаж. В это время кончился спектакль, а театр был в двух шагах от дома. Тогда французы, выходявшие из театра, остановили мой экипаж и, прощаясь со мною, провожали благословениями. Я отправилась в Сибирь немного успокоенная напутствиями и пожеланиями моих сродственников, французов.

Было одиннадцать часов ночи, когда я оставила Москву 23 декабря 1827 года.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Тяготы путешествия.—В восемнадцать дней до Иркутска.—Жестокie морозы.—Дорожные приключения.—Русская красавица.—Встреча с декабристом Корниловичем.—Сибирское радушие.—
Приезд в Иркутск

По мере того как я удалялась от Москвы, мне становилось все грустнее и грустнее. В эту минуту чувство матери заглушало все другие, и слезы душили меня при мысли о ребенке, которого я покидала. Меня провожали два человека, выбранные мною еще заранее из многочисленной дворни Анны Ивановны. Один из них был тот Степан, который сопровождал меня всюду, и которого я очень любила, тем более, что он служил мне переводчиком. Другой — Андрей, которого мне почти навязали. Несмотря на то, что этот Андрей старался мне угодить всем и прислуживал с большой предупредительностью, я ему не доверяла, но принуждена была, однакож, взять его с собою, так как третий — Михайла, который сначала было согласился сопровождать меня, потом отказался, а Андрей сам предлагал услуги свои, и кормилица девочки моей за него очень ходатайствовала ⁶⁴.

Подорожную, за которую я заплатила 400 рублей 80 коп. (конечно, ассигнации), выдали мне в Москве только до Иркутска, так что мне не было известно, куда далее я должна буду ехать, и только в Иркутске узнала я, что именно — в Читу.

До Казани добралась я с трудом, потому что, не имея понятия о зимних дорогах, не умела выбрать экипажа, а купленный мною в Москве оказался слишком тяжел. В Казани на мое счастье были две тетки Ивана Алексан-

дровича, у которых я и остановилась. Они приняли во мне большое участие и помогли запастись теплым платьем на дорогу, а также выменять мой тяжелый возок на две кушеческих повозки, крытые рогожами. Эти экипажи были так легки и так прочны, что нисколько нас не задерживали, лошади точно летели. Правда, что и дороги были бесподобные. Наконец моей быстрой езде много способствовал бланк, выданный Давыдовым, начальником всех сибирских почт, по просьбе одной из почтенных тетушек Анненкова в Казани.

Из этого города выехала я 4 января 1828 г., в 12 часов ночи, и были в Перми 6-го. Везде, где я ни появлялась, все изумлялись, с какою быстротою я ехала. Мне самой непонятно теперь, как могла я выносить такую быструю езду, при таком ужасном холоде, какой был в ту зиму. Из Москвы до Иркутска я доехала в 18 дней и потом узнала, что так ездят только фельд'егеря. Зато, однажды, меня едва не убили лошади, а в другой раз я чуть-чуть не отморозила себе все лицо, и если бы на станции не помогла мне дочь смотрителя, то я наверное не была бы в состоянии продолжать путь. Эта девушка не дала мне взойти в комнату, вытолкнула на улицу, потом побежала, принесла снегу в тарелке и заставила тереть лицо. Тут я только догадалась, в чем дело. В этот день было 37° мороза, люди тоже оттирали себе лица и конечности, и мы мчались снова.

Выезжая из Перми, я заметила, что нам заложили каких-то необыкновенно маленьких лошадей (башкирских), но таких бойких, что они не стояли на месте. Между тем повозку мою тщательно закупирили от холода и крепко застегнули фартук. Степан сидел на козлах, Андрей ехал в другой повозке, ямщик был молодой мальчик. Я стала наблюдать, что он все греет себе руки, заложив вожжи под себя. Вдруг лошади, почуя, что ямщик распустил вожжи, помчались с необыкновенной силой, мигом сбросив ямщика и человека с козел. Постромки у пристяжных оборвались, и осталась одна коренная, которая, спускаясь с пригорка, упала, повозка полетела вместе с нею и опрокинулась. Тогда все чемоданы, уложенные в повозке, свалились на меня. Со мной была неизменная моя собака (Ком), она страшно выла,

и я начинала буквально задыхаться, когда услышала шаги около повозки и увидела человека. Тогда я стала просить помочь мне поскорее. Человек этот, вероятно, был очень силен, потому что не затруднился поднять повозку и поставил ее на полозья. Я увидела перед собой башкирца, который ни слова не говорил по-русски. Мы смотрели друг на друга с недоумением. Я второпях, не подумав о том, что делаю, движимая чувством признательности к человеку, спасшему мне жизнь, вынула свой портфель, довольно туго набитый, и подала ему 25-рублевую ассигнацию. Но оглянувшись, спохватилась, что мы были с ним одни с глазу на глаз в дремучем лесу. Воздух был так густ, что кругом ничего не было видно. [Со мною была сабля, которую я достала и встала у экипажа, облокотившись на нее.] Так мы простояли целый час с моим спасителем. Он ехал с возом соломы, когда увидел меня в опасности и подоспел на помощь. Через час я слышала какой-то непонятный для меня в то время шум, но впоследствии слишком знакомый. Шум этот происходил от оков, в которых подвигалась целая партия закованных людей, иные были даже прикованы к железной палке. Вид этих несчастных был ужасен. Чтобы сохранить лица от мороза, на них висели какие-то грязные тряпки, с прорезанными дырочками для глаз.

Наконец я увидела и моих людей. Другую повозку лошади тоже понесли, ямщик, как и мой, свалился с козел, а лошади примчались на следующую станцию, с которой уже люди возвращались, разыскивая меня. Станция находилась в трех верстах, мы скоро добрались до нее, отдохнули и, оправившись от испуга, продолжали путь. Совершив переезд через Уральский хребет, мы достигли Екатеринбурга. Здесь люди мои потребовали остановки, чтобы отдохнуть, в чем, по справедливости, я не могла им отказать и в чем сама также очень нуждалась.

Недалеко от Екатеринбурга нас чуть-чуть не остановили какие-то люди, вероятно, не с добрым намерением. Из лесу выехал человек пять или шесть верхом и закричали на нас «стой!» Но ямщики наши не оробели, погнали лошадей с криком и свистом, отвечая, что едут не купцы, и мы ускакали.

В Барабинской степи, чтобы как-нибудь заставить меня выйти из экипажа, Степан на одной из станций убеждал меня зайти посмотреть на красавицу, а так как я часто высказывала, что в России мало красивых женщин, то Степан действительно подстрекнул мое любопытство. Я зашла в комнату и была поражена, увидев девушку лет восемнадцати, которая сидела за занавескою и пряла. Это была раскольница, и замечательно красивая.

В Томск приехали мы в воскресенье рано утром и остановились на день. Я воспользовалась остановкой, чтобы сходить к обедне и встретила в церкви двух сенаторов: Безродного и кн. Куракина, которые производили тогда в Сибири ревизию ⁹⁵.

Между Томском и Красноярском на одной из станций я встретила молодого человека с фельд'егерем. Это был Корнилович, отправленный сначала вместе с другими в Читинский острог. Теперь фельд'егерь, который год спустя после того как были отправлены все декабристы в Сибирь, привез Вадковского в Читку, вез обратно Корниловича в Петропавловскую крепость, как я узнала потом ⁹⁶. Позднее из Петропавловской крепости Корнилович был отправлен на службу на Кавказ, где вскоре скончался. Фельд'егерь, везший Корниловича, был гораздо человечнее, чем тот, который вез Ивана Александровича Анненкова с товарищами, так что при встрече со мною Корнилович был без оков, о чем, впрочем, он очень просил меня не говорить коменданту Читы Лепарскому. [Потом рассказывал, как фельд'егерь был болен несколько дней в Красноярске, и как он ухаживал за ним. Фельд'егерь был прекрасный человек.]

В Красноярске Степан и Андрей доказывали мне, что необходимо починить полозья у экипажей, но я более не хотела останавливаться и, несмотря на их уверения, что полозья не дойдут до Иркутска, доехала благополучно. Вопреки уверениям Александра Дюма, который в своем романе говорит, что целая стая волков сопровождала меня всю дорогу, я видела во все время моего пути в Сибирь только одного волка, и тот удалился, поджавши хвост, когда ямщики начали кричать и хлопать кнутами.

Проезжая через Сибирь, я была удивлена и поражена на каждом шагу тем радушием и гостеприимством, которые встречала везде. Была я поражена и тем богатством и обилием, с которым живет народ и поныне (1861 г.), но тогда еще более было приволья всем. Особенно гостеприимство было сильно развито в Сибири. Везде нас принимали, как будто мы проезжали через родственные страны, везде кормили людей отлично, и когда я спрашивала, — сколько должна за них заплатить, ничего не хотели брать, говоря: «Только богу на свечку пожалуйте». Такое бескорыстие изумляло меня, но оно происходило не от одного радушия, а также и от избытка во всем. Сибирь — чрезвычайно богатая страна, земля необыкновенно плодородна и не много надо приложить труда, чтобы получить обильную жатву.

В Каинске мне рассказал почтмейстер, как княгиня Трубецкая, рожденная графиня Лаваль, проезжая летом, должна была бросить в этом городе карету свою, которая сломалась дорогой и некому было починить ее. Таким образом, эта женщина, воспитанная в роскоши, выросшая в высшем кругу, изнеженная с детства, проскакала 1750 верст в сквернейшей тележке, потому что в Каинске, кроме перекладной, она ничего не могла достать, а кто знает, что такое перекладная!

Около Красноярска я съехала на одной из станций с губернатором Енисейской губернии⁷⁷. Подстрекаемый любопытством, прочитав мою иностранную фамилию и предполагая, что я еду к кому-нибудь гувернанткой, он подошел ко мне и, очень извиняясь, что обращается с расспросами, сознался, что не может устоять против желания узнать, каким образом, не говоря по-русски, я решилась ехать так далеко. [Я отвечала ему шутя — мой веселый характер беспрестанно брал верх, несмотря ни на какое горе, — я отвечала Степанову: «Non, m-g, je ne montre pas ma langue» *]. Но когда я ему объяснила, куда именно я еду, то он с большим участием отнесся ко мне и просил поклониться всем осужденным, особенно барону Владимиру Ивановичу Штейнгелю и братьям Нико-

* «Нег, сударь, я не показываю своего языка» — игра слов: видимо, Степанов спросил, как она обходится без языка.

лаю и Михаилу Александровичам Бестужевым. Немного далее я встретила одного молодого человека [в военном платье], который, узнав о цели моей поездки, проследил за мной, говоря, что у него много там товарищей, что он тоже участвовал в обществе, но сослан в Сибирь на службу. Сожалею, что я забыла его фамилию.

Наконец достигла я Иркутска, к величайшей радости моих людей, которые очень утомились дорогой, а главное — страдали от морозов. [В'езжая в Иркутск, нужно было переехать Ангару. Она замерзает у города, как нарочно, чтобы дать проехать, но налево не была замерзши. Из воды выходил густой пар, солнце грело, но мороз был трескучий. Я считала, что станций от Москвы до Иркутска было 25.]

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Губернатор Цейдлер.—Новые препятствия в Иркутске.—Письмо матери.—Пророчество Ленорман.—Купцы Наквасины.—Показная роскошь.—Прodelки Андрея.

Когда губернатор иркутский Цейдлер прочел мою дорожную, то не хотел верить, чтобы я, женщина, могла проехать от Москвы до Иркутска в восемнадцать дней, и, когда я явилась к нему на другой день моего приезда, в 12 часов, он спросил меня, не ошиблись ли в Москве числом на подорожной, так как я приехала даже скорее, чем ездят обыкновенно фельд'егеря. Просмотрев все мои бумаги, которые я должна была ему показать, а также и письма, Цейдлер об'явил мне, что письма должен оставить у себя. Мы сидели в его кабинете, где в это время топился камин. Между разными незначительными письмами были те два, которые я получила от великого князя Михаила Павловича. Прежде чем Цейдлер успел их прочитать, я поспешно взяла все эти письма с его стола, и со словами: «*Si je ne puis les garder, alors permettre moi de les bruler*» *, так же поспешно бросила их в камин. Цейдлер так был озадачен моим поступком, что только мог выговорить: «*Comme vous êtes vive, madame*» **. Таким образом, я должна была расстаться с письмами великого князя Михаила Павловича, которые мне, понятно, очень хотелось сохранить.

В Иркутске остановилась я в семействе купца Наква-

* «Раз я не могу их сохранить, то позвольте мне их сжечь».

** «Как вы прытки, сударыня».

сина, к которому имела из Москвы письмо ⁶⁸. Едва ли на всем земном шаре найдется другая страна, как Сибирь, по своему гостеприимству. Наквасины приняли меня как самую близкую родственницу, с полнейшим радушием, окружили таким вниманием, заботами, что я со слезами благодарности вспоминаю всегда то время, которое провела в их семье и которое было для меня очень тягостно, так как губернатор, под разными предлогами, задерживал меня очень долго в Иркутске, несмотря на то, что все бумаги из Петербурга были им получены. Сначала он отсылался тем, что генерал-губернатор Лавинский был в отъезде, но потом я убедилась, что это была одна придирка, так как он отпустил меня все-таки ранее, чем вернулся Лавинский ⁶⁹. Настоящей причины — почему меня задерживали — я понять никак не могла, но позднее узнала, что из Петербурга было сделано распоряжение, чтобы нас, всех дам, последовавших за осужденными, старались бы задерживать и уговаривать не ездить далее Иркутска и убеждать вернуться назад. Но, однакож, несмотря на все старания начальства, ни одна из нас не отступила от исполнения своего долга ⁷⁰. Одно осталось для меня загадкою, почему Александру Иванову Давыдову, которая прибыла при мне в Иркутск, отпустили ранее меня, тогда как меня, несмотря на все мои просьбы и мольбы, продержали очень долго. [Когда Цейдлера спросил Лепарский, почему меня так долго задержали в Иркутске, он отвечал, что потому, будто бы, что я хотела проехать мимо, не отдавши своей подорожной.]

Однажды вечером, когда я сидела у губернатора, принесли при мне письма. От меня не ускользнуло, что один конверт, довольно толстый, был из Франции. Прочитав издали на нем свое имя, я взяла его, хотя это было довольно бесцеремонно с моей стороны. Губернатор заметил тогда, что обязан просматривать письма наши, прежде чем передать нам их, но все-таки взятый мною конверт оставил у меня в руках. Распечатав его, я нашла несколько писем моей матери, одно из них было ответом на мою просьбу. Перед отъездом из Москвы, я писала ей и просила сходить к m^{lle} Ленорман, тогда известной гадальщице, и спросить ее о моей участи. Мать

писала, что исполнила мое желание, и что m-lle Ленорман удивила ее, во-первых, тем, что сказала прямо, что она спрашивает ее о своей дочери, которая очень далеко и которой судьба очень странная; что много придется ей испытать, много пережить, что предстоит ей опасность, которая, однакож, минует. Действительно, вскоре по приезде в Читу, меня чуть не убили, и мне кажется, что об этом именно и говорила m-lle Ленорман. Но самое интересное в предсказании m-lle Ленорман было то, что она говорила матери, что после долгих испытаний, когда мужу моему будет от 50 до 60 лет, он получит то, что потерял, хотя не все. Ивану Александровичу Анненкову было 55 лет, когда он вернулся в Россию, и родственники возвратили ему довольно значительную часть из его состояния.

Время, между тем, шло своим обычным течением, а губернатор Цейдлер не трогался моими мольбами. Наступила масленица, я все время жила у Наквасиных. Они, видя мое горе о том, что не пускают меня ехать далее, всячески старались развлекать меня, катали каждый день по Иркутску в великолепных санях, с великолепной упряжью и такими же лошадьми, угощали всем, что только можно было найти в Иркутске. Вообще они жили очень богато, наряжались страшно, выписывая все наряды из Москвы, и любили похвалиться своим богатством. Но роскошь их была только наружная и ограничивалась парадными комнатами, а вообще они жили очень грязно. Что кидалось мне более всего в глаза, это столовое белье, которое было очень грубое, очень редко менялось и совершенно не отвечало, как и вся вообще сервировка стола, очень вкусным и великолепным обедам.

Мне весьма хотелось им высказать, что при их богатстве следовало прежде всего обратить внимание на белье, но, почти не говоря еще ни слова по-русски, я не знала, как выразить то, что желала им сказать, а они часто повторяли, что они богаты, и это слово я уже твердо знала. Однажды, когда было человек до 40 гостей, и обед был действительно на славу, я не воздержалась от потребности высказаться, и на расспросы хозяйки, нравится ли мне их обед, отвечала, взяв скатерть

в руки: «Богат, богат, а это — свинья». Потом, испугавшись, что я обидела людей, которые меня так ласкали, и совершенно не желая этого сделать, я горько заплакала. Наквасины поняли мою мысль, но выходка моя их насмешила, и они были так деликатны, что, нисколько не обижаясь на мои слова, старались меня же утешить.

Девять лет спустя, когда из Петровского завода нас перевели на поселение, и мы остановились проездом в Иркутске, Наквасины пригласили меня со всей моей семьей обедать. Они были совсем уже другие люди, говорили по-французски, а я уже по-русски могла выражаться, и они высказали, что обязаны не кому другому, как мне, своей цивилизацией, что, со времени моего пребывания в их доме, им многое сделалось понятным, и с гордостью показывали мне свое белье, которое, действительно, было превосходное: все из лучшего батиста и полотна.

Наконец Цейдлер решил выпустить меня из Иркутска: 28 февраля 1828 года, я получила бумаги, без которых выехать не могла. Конечно, после этого я стала немедленно собираться в дорогу. Тогда только мне сделалось известным, что я должна ехать в Читу. Наквасины предупредили меня, что там ничего нельзя будет достать. Тогда я закупила в Иркутске всякой провизии, посуды, одним словом, что только могла взять с собою. Особенно старалась захватить вина побольше, зная насколько пребывание в крепости до отсылки в Сибирь изнурило всех и расстроило здоровье как Ивана Александровича Анненкова, так и других.

Людей, которые провожали меня, я не имела права взять далее. Из Петербурга было распоряжение оставлять их в Иркутске или отправлять обратно⁷⁰. Но Андрей бросился к моим ногам, со слезами просил взять его с собою и уверял, что он желает видеть своего барина и служить ему. Я поддалась его уверениям, хотя не любила его и знала некоторые его проделки еще в доме Анны Ивановны Анненковой, которые мне очень не нравились. [В доме бабушки еще я слышала об одной гадкой интриге между одной из живущих в доме и

не знаю еще кем. Были перехвачены записки и, как не могли открыть, кто именно из людей передавал их, пересекли многих. Этот Андрей имел дерзость признаться, что он передавал записки и хвастался, что не могли его уличить в этом.] Но он так упрашивал меня, что я наконец уступила просьбам и решилась оставить при себе, а Степана отправила обратно в Москву.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

От'езд из Иркутска.—Обыск.—Переправа через Байкал.—Задержка в Верхнеудинске.—Буряты.—Встреча с тайшею.

Выехала я из Иркутска 29 февраля 1828 года, довольно поздно вечером, чтобы на рассвете переехать через Байкал. Наквасины выехали далеко за город проводить меня. Губернатор заранее предупреждал, что перед от'ездом вещи мои все будут осматривать, и когда узнал, что со мною есть ружье, то советовал его запрятать подальше. Но, главное, со мною было довольно много денег [2 тыс. руб.], о которых я, понятно, молчала. Тогда мне пришло в голову зашить деньги в черную тафту и спрятать в волосы, чему весьма способствовали тогдашние прически. Часы и цепочку я положила за образа так, что когда явились три чиновника, все в крестах, осматривать мои вещи, то они ничего не нашли.

К Байкалу под'езжают по берегу реки Ангары. Эта замечательная река по своему необыкновенно быстрому течению, вследствие чего она зимой не замерзает, по крайней мере до января месяца. Около Иркутска Ангара очень широка, но в том месте, где она вытекает из Байкала, она течет очень узко, между двух крутых берегов. Все это было для меня так ново, так необыкновенно, что я забывала совершенно все неудобства зимнего путешествия и с нетерпением ожидала увидеть Байкал, это святое море, которое наконец открылось перед нами, представляя необыкновенно величественную картину, несмотря на то, что все было покрыто льдом и снегами. Признаюсь, что я с не совсем покойным чув-

ством ожидала переезда через грозное озеро, так как мне объяснили, что на льду образуются часто трещины, очень широкие, и хотя лошади приучены их перескакивать и ямщики запасаются досками, из которых устраивают что-то вроде мостика через трещину, но все-таки переезды эти сопряжены с большой опасностью. На мое счастье мы не встретили ни одной трещины и переехали Байкал с невероятною быстротою и остановились отдохнуть в Посольске, где находится монастырь *.

В Верхнеудинске меня задержали, несмотря на то, что я привезла письмо к казачьему атаману от Цейдлера, Но утром проехал генерал-губернатор иркутский Лавинский и забрал всех лошадей, так что мне пришлось прождать весь день, что меня очень огорчило. [Я остановилась у купцов и весь день проплакала. Меня угощали, я ничего не принимала. Они были так дики, что вывели заключение, что я пьяна и рассказывали об этом Н. Д. Фонвизиной.] Тут я провела несколько очень приятных часов в семействе Александра Николаевича Муравьева, который был сослан на службу в Сибирь, а впоследствии, в начале 1860 годов; был губернатором в Нижнем-Новгороде ⁷¹.

От Верхнеудинска до Читы 700 верст. Я с трудом подвигалась даже в своих легких повозках, так как снегу было очень мало, и мы ехали буквально по мерзлой земле. В Восточной Сибири никогда не бывает глубоких снегов, тогда как в Западной, напротив, выпадает очень много снегу. На всем протяжении от Верхнеудинска до Читы, в то время, как я ехала, почти не было никакого населения. Я встретила только три деревни, остальные станции состояли из бурятских юрт и станционного дома. Бурят вообще я встречала очень много, по дороге: они или перекочевывали с их многочисленными табунами, состоящими из коров, лошадей и преимущественно баранов, которыми они и питаются, или, раскинув свои юрты, отдыхали. Из этих юрт постоянно показывались совершенно голые ребятишки, несмотря

* «Не забыть об камне на Ангаре» — заметка в рукописи.

на сильнейший мороз; нередко показывались с куском бараньего сала в руках, который они с наслаждением сосали. Я с любопытством смотрела на этих дикарей самого кроткого, миролюбивого нрава. Местами, где по дороге не было совершенно снега, и лошади не в силах были стащить экипажи мои, нагруженные множеством разных вещей, буряты являлись нам на помощь с их лошадьми и ничего не хотели брать за оказанные услуги. Если их ребятишки были совершенно голые, то женщины по костюму несколько не отличались от мужчин: они все носили платье одного покроя, сшитое из овчин, и только волосы у женщин были заплетены в мелкие косички, украшенные кораллами, называемыми ими моржанами.

Когда мы подехали к Яблоновому хребту, была совершенная ночь, и ямщики отказались продолжать путь. Но верное мое средство — «на водку» — помогло и здесь. Мы тронулись, но с большим трудом стали подыматься в гору, которая была страшной высоты. Далее мне объявили, что на полозьях ехать невозможно, и я вынуждена была остановиться, чтоб поставить экипажи мои на колеса.

В то время как я взошла на станцию, в комнате было совершенно темно, так что трудно было различить что-нибудь, но мне показалось, что тут кто-то был до меня и при моем появлении исчез за перегородку, заговорив дверь и задвинув задвижку. Это меня так напугало, что я не могла заснуть, приказала Андрею достать свечи, которые были с нами, и просидела всю ночь на лавочке, прислонившись к стене. Когда начало светать, я позвала Андрея и велела подать чай. Тогда из-за перегородки вышел ко мне молодой человек, наружность которого и костюм поразили меня. Высокого роста, стройный, очень красивый, он мне вежливо и чрезвычайно ловко поклонился, хотя совсем не по-европейски. Лицо его, хотя совершенно азиатское, выражало очень много кротости, одет он был очень изящно, и чрезвычайно богато: на нем был халат азиатского покроя из голубой камфы, затканый шелком с серебром и обшитый бобровым мехом. Голова была обрита кругом, и коса, как носят китайцы. В руках бурятская шапка, тоже обши-

тая великолепным бобром. Это был тайша, бурятский князь, начальник этих инородцев.

Я предложила ему выпить со мною чаю, и он с видимым удовольствием принял мое предложение, но едва dokonчил чашку, как вышел из комнаты поспешно, даже не поклонившись мне. В окно я видела, как ему подали повозку с тройкою самых бойких и необыкновенно красивых лошадей. Он только успел сесть, как лошади помчались с быстротой молнии. Не прошло и получаса, как он уже вернулся с толмачем своим (переводчиком); через которого расспрашивал меня, кто я такая, куда еду, зачем, и когда человек мой удовлетворил его любопытство и сказал, что я еду к Анненкову, который в Читинском остроге, он был крайне удивлен, очень задумался, потом просил передать, что глубоко уважает меня и желает мне всех благ. Мы расстались. Я села в одну из повозок; а другую, так как она еще не была готова, оставила с казаком и кухаркой, которую везла из Иркутска.

До Читы оставалась только одна станция, и сердце во мне все сильнее и сильнее билось по мере того как я приближалась к цели моего путешествия.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Приезд в Читу.—Знакомство с А. Г. Муравьевой.—Первое разочарование.—Благородство Лепарского.—Подписка жен декабристов.—В ожидании встречи.—Грубость караульного.—Радость первого свидания.

[Наконец, показалась Чита.] Чита стоит на горе, так что я увидела ее издалека, к тому же бурят, который вез меня, показал мне пальцем, как только Чита открылась нашим глазам. Это сметливые люди: они уже успели приглядеться к нашим дамам, которые туда ехали, одна за другою. Чита ныне (1861) уездный город. Тогда это была маленькая деревня, состоявшая из восемнадцати только домов. Тут был какой-то старый острог, куда первоначально и поместили декабристов ⁷².

Мы переехали маленькую речку и в'ехали в улицу, в конце которой и стоял этот острог. Недалеко от острога был дом с балконом, а на балконе стояла дама. Заметя повозку мою, она стала подавать знаки, чтобы я остановилась, и стала настаивать, чтобы я зашла к ней, говоря, что квартира, которую для меня приготовили, еще далеко, и что там может быть холодно. Я приняла приглашение и таким образом познакомилась с Александрой Григорьевной Муравьевой. Это была чрезвычайно милая женщина, молодая, красивая, симпатичная, но ужасно раздражительная. Пылкая от природы, восприимчивая, она слишком все принимала к сердцу и с трудом выносила и свое, и общее положение, и скоро сошла в могилу, оставя по себе самую светлую память ⁷³.

В Читу я спешила приехать к 5 марта — день рождения Ивана Александровича — и мечтала, что тотчас

Иван Александрович Анненков

же по приезде увижу его. Даже на последней станции я принарядилась, но Муравьева разочаровала меня, объяснив, что не так легко видеть заключенных, как я думала. [Потом она расплакалась и сказала мне, что я, должно быть, очень добрая, потому что привезла с собою собачку, а она оставила свою.

Когда твоему отцу сказали, что я приехала, он сидел за обедом. У него ложка выпала из рук и он едва не упал.] В начале их пребывания в Читинском остроге, потом в Петровской тюрьме соблюдались большие строгости, всегда, правда, смягченные справедливым, благородным и великодушным характером коменданта Лепарского, который относился к нам, особенно к дамам, с полнейшим снисхождением, а мы часто употребляли во зло его деликатность и высказывали ему иногда очень неприятные вещи, когда находили какое-нибудь распоряжение несправедливым. Добрый старик с величайшим терпением выслушивал нас и старался успокоить. А как много зависела от него наша жизнь! Тихая и покойная, она могла сделаться невыносимой при других отношениях Лепарского к заключенным. Но он умел согласовать исполнение своего долга, своих обязанностей с такой деликатностью, что не давал никому чувствовать тяжелого положения, в каком мы находились, щадил всегда самолюбие, а с дамами обходился, как самый нежный отец. Но все это мы поняли позднее, и позднее оценили старика, а в ту пору, когда я приехала, дамы относились к нему с сильным предубеждением и называли «сторожем» ⁷⁴.

Все правила, которым мы должны были подчиняться тогда, я узнала от Александры Григорьевны Муравьевой и от Елизаветы Петровны Нарышкиной, которая тогда жила с Муравьевой. Нарышкина (рожденная Коновницына) была не так привлекательна, как Муравьева. Нарышкина казалась очень надменной и с первого раза производила неприятное впечатление, даже отталкивала от себя, но зато, когда вы сближались с этой женщиной, невозможно было оторваться от нее, она приковывала всех к себе своею беспредельною добротою и необыкновенным благородством характера ⁷⁵.

Комендат Лепарский сейчас же высказал свою за-

ботливость, которою неутомимо окружал нас во все время своего начальства, прислав сказать мне, что квартира моя готова, и на другой день пришел ко мне и сам, прочел разные бумаги, официальный смысл которых я не могла усвоить, но поняла, что мы не должны ни с кем сообщаться, никого не принимать к себе и никуда не ходить, а главное, запрещалось передавать в острог вино и что бы то ни было из спиртных напитков [и чтобы не клали вино в кушанье]. Тогда я сказала коменданту, что готова подчиниться всем правилам, но что насчет вина он подал мне прекрасную мысль, употреблять его в кушаньях, какие я, как француженка, умею приготовить. Это очень насмешило старика, хотя он уверял меня, что и в кушаньях запрещено употреблять вино. Наконец я сказала ему, что желаю видеть Ивана Александровича, что не напрасно же я приехала за шесть тысяч верст. Он объяснил, что сделает распоряжение, чтобы привели мне его. В то время без особенного распоряжения коменданта не приводили мужей к женам, и то, чтобы выпросить такое разрешение, надо было представить важную причину.

Вот подписки, которые давали дамы по приезде своем в Читу:

Я, нижеподписавшаяся, имея непреклонное желание разделить участь моего мужа, государственного преступника NN, Верховным уголовным судом сужденного, и жить в том заводском, рудничном или другом каком селении, где он содержаться будет, если то дозволится от коменданта Нерчинских рудников г. генерал-майора и кавалера Лепарского, обязуюсь по моей чистой совести соблюсти нижеписанные, предложенные мне им, г. комендантом, статьи; в противном же случае и за малейшее отступление от постановленных на то правил подвергаю я себя законному осуждению. Статьи сии моей обязанности суть следующие:

1. Желая разделить (как выше изъяснено) участь моего мужа, государственного преступника , и жить в том селении, где он будет содержаться, не должна я отнюдь искать свидания с ним никакими происками и никакими посторонними способами, но единственно по сделанному на то от г. коменданта дозволению и токмо в назначенные для того дни, и не чаще как через два дня на третий.

2. Не должна доставлять ему (мужу) никаких вещей, денег, бумаги, чернил, карандашей, без ведома г. ко-

менданта или офицера, под присмотром коего будет находиться муж мой.

3. Равным образом, не должна я принимать и от него никаких вещей, особливо же писем, записок и никаких бумаг для отсылки их к тем лицам, кому оные будут адресованы или посылаемы.

4. Не должна я ни под каким видом ни к кому писать и отправлять куда бы то ни было моих писем, записок и других бумаг иначе как токмо через г. коменданта. Равно, если от кого мне или мужу моему через родных или посторонних людей будут присланы письма и прочее, изъясненное в сем и 3-м пункте, должна я их ему же, г. коменданту, при получении объявлять, если оные не через него будут мне доставлены.

5. То же самое обещаюсь наблюдать и касательно присылки мне и мужу моему вещей, какие бы они ни были, равно и деньги.

6. Из числа вещей моих, при мне находящихся и которым регистр имеется у г. коменданта, я не в праве без ведома его продавать их, дарить кому или уничтожать. Деньгам же моим собственным, оставленным для нужд моих теперь, равно и вперед от коменданта мне доставленным, я обязуюсь вести приходо-расходную книгу и в оную записывать все свои издержки, сохраняя между тем сию книгу в целости; в случае же востребования ее г-м комендантом, оную ему немедленно представлять. Если же окажутся вещи излишние против находящегося у г-на коменданта регистру, которые были мною скрыты, в таком случае как за против (сего) учиненный поступок подвергаюсь я законному суждению.

7. Также не должна я никогда мужу моему присылать никаких хмельных напитков, как то: водки, вина, пива, меду, кроме с'естных припасов; да и сии доставлять ему через старшего караульного унтер-офицера, а не через людей моих, коим воспрещено личное свидание с мужем моим.

8. Обязуюсь иметь свидание с мужем моим не иначе как в арестантской палате, где указано будет, в назначенное для того время и в присутствии дежурного офицера; не говорить с ним ничего излишнего, и паче чего-либо не принадлежащего, вообще же иметь с им дозволенный разговор на одном русском языке.

9. Не должна я нанимать себе никаких иных слуг или работников, а довольствоваться только послугами представленных мне одного мужчины и одной женщины, за которых также отвечаю, что они не будут иметь никакого сношения с моим мужем и вообще за их поведение.

10. Наконец, давши таковое обязательство, не должна я сама никуда отлучаться от места того, где пре-

бывание мое будет назначено, равно и посылать куда-либо слуг моих по произволу моему, без ведома г-на коменданта или, в случае отбытия его, без ведома старшего офицера.

В выполнении сего вышеизъясненного в точности под сим подписуюсь. Читинский острог. 1828 года.

Копию сверял плац-ад'ютант штаб-ротмистр

К а з и м и р с к и й ⁷⁶.

После того как ушел от меня Лепарский, часа через два провели мимо моих окон несколько молодых людей, окруженных солдатами, но на этот раз без оков, так как они шли в баню. На возвратном пути один из них отстал от солдат и, подойдя к моему окну, в котором я открыла форточку, проговорил торопливо, что скоро поведут Ивана Александровича Анненкова. Тогда я поставила на крыльцо человека, с приказанием предупредить меня, как только он увидит своего барина, а сама превратилась вся в ожидание. Четверть часа спустя человек вызвал меня, и я увидела Ивана Александровича, в старом тулупе, с разорванной подкладкой, с узелком белья, который он нес под мышкою. Подходя к крыльцу, на котором я стояла, он сказал мне: «*Pauline, descends plus vite et donne moi ta main*» *. Я сошла поспешно, но один из солдат не дал нам познакомиться, он схватил Ивана Александровича за грудь и отбросил назад. У меня потемнело в глазах от негодования, я лишилась чувств и, конечно, упала бы, если бы человек не поддержал меня. Вслед за Иваном Александровичем провели между другими Михаила Александровича Фонвизина, бывшего до ссылки генералом. Я все стояла на крыльце, как прикованная. Фонвизин приостановился и спросил о жене своей. Я успела сказать ему, что видела ее и оставила здоровою.

Только на третий день моего приезда привели ко мне Ивана Александровича. Он был чище одет, чем накануне, потому что я успела уже передать в острог несколько платья и белья, но был закован и с трудом носил свои кандалы, поддерживая их. Они были ему коротки и затрудняли каждое движение ногами. Сопровождали

* «Полина, сойди скорее вниз и дай мне руку».

его офицер и часовой; последний остался в передней комнате, а офицер ушел и возвратился через два часа. Невозможно описать нашего первого свидания [той безумной радости, которой мы предались, после долгой разлуки, позабыв все горе и то ужасное положение, в каком находились в эти минуты] *. [Я бросилась на колени и целовала его оковы ⁷⁷.]

* В рукописи эти слова отсутствуют.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Свадьба. — Костюмы шаферов. — Инцидент с Муравьевой. — Встречи у тына. — Смольянинова. — Читинская стража. — Огороды. — Жены декабристов. — Покушение на убийство Анненковой. — Отравление Анненкова.

Наступил пост, и как Иван Александрович ни торопил коменданта Лепарского разрешить нам обвенчаться, но приходилось ждать. Наконец был назначен день нашей свадьбы, и именно 4 апреля 1828 года. Сам Лепарский вызвался быть нашим посаженным отцом, а посаженною матерью была Наталья Дмитриевна Фонвизина, вскоре после меня приехавшая в Читу. Добрейший старик позаботился приготовить образ, которым благословил нас по русскому обычаю, несмотря на то, что сам был католик. Отвергнуть его предложение заменить нам отца я не могла, но образ не приняла. Теперь не могу простить себе такую необдуманную выходку, в которой я много раз потом раскаивалась, и которая в то время очень обидела старика. Но я уже сказала, с каким предубеждением все мы смотрели тогда на Лепарского, которого только потом оценили. И мой легкомысленный поступок он так же великодушно простил мне, как прощал многое всем нам, снисходя всегда к нашей молодости и к тому положению, в каком мы находились.

4 апреля 1828 года с утра начались приготовления. Все дамы хлопотали принарядиться, как только это было возможно сделать в Чите, где, впрочем, ничего нельзя было достать, даже свечей не хватало, чтобы осветить церковь прилично торжеству. Тогда Елиза-

вета Петровна Нарышкина употребила восковые свечи, приезженные ею с собою, и освещение вышло очень удачное. Шафера непременно желали быть в белых галстуках, которые я им устроила из батистовых платков и даже накрахмалила воротнички, как следовало для такой церемонии. Экипажей, конечно, ни у кого не было. Лепарский, отъехав в церковь, прислал за мной свою коляску, в которой я и приехала с Натальей Дмитриевной Фонвизиной. Старик встретил нас торжественно у церкви и подал мне руку. Но так как от великого до смешного один шаг, как сказал Наполеон, так тут грустное и веселое смешалось вместе. Произошла путаница, которая всех очень забавляла и долго потом заставляла шутить над стариком. Мы с ним оба, как католики, весьма редко раньше бывали в русской церкви и не знали как взойти в нее. Между тем народу толпилось пропасть у входа, когда мы под'ехали, и пока Лепарский высаживал меня из коляски, мы не заметили с ним, как Наталья Дмитриевна исчезла в толпе и пробралась в церковь, которая, на нашу беду, была двухэтажная. Не знаю почему, старику показалось, что надо идти вверх, между тем лестница была ужасная, а Лепарский был очень тучен, и мы с большим трудом взойшли наверх. Там только заметили свою ошибку и должны были спуститься снова вниз. Между тем в церкви все уже собрались и недоумевали, куда я могла пропасть с комендантом. Это происшествие развлекло всех, и когда мы появились, нас весело встретили, особенно шутили наши дамы, которые уже находились в церкви и были смущены тем, что невеста исчезла. Не было только одной из нас, это Александры Григорьевны Муравьевой, которая накануне только получила известие о смерти своей матери, графини Чернышевой⁷⁸. Остальные все, Нарышкина, Давыдова, Янтальцева, княгиня Волконская и княгиня Трубецкая, присутствовали при церемонии. [На мне было перколевое платье.]

Веселое настроение исчезло, шутки замолкли, когда привели в оковах жениха и его двух товарищей, Петра Николаевича Свистунова и Александра Михайловича Муравьева, которые были нашими шаферами. Оковы сняли им на паперти. Церемония продолжалась недол-

го, священник торопился, певчих не было. По окончании церемонии всем трем, т. е. жениху и шаферам, надели снова оковы и отвели в острог ⁷⁹. Дамы все проводили меня домой. Квартира у меня была очень маленькая, мебель вся состояла из нескольких стульев и сундука, на которых мы кое-как разместились. [Расспросам не было конца, я в первый раз их всех видела и была как-то невольно церемонна с ними. Потом они мне это заметили и просили быть дружественнее.]

Спустя несколько времени плац-адъютант Розенберг привел Ивана Александровича, но не более как на полчаса ⁸⁰. Только на другой день нашей свадьбы удалось нам с Иваном Александровичем посидеть подольше. Его привели ко мне на два часа, и это была большая милость, сделанная комендантом. [Когда отец возвратился в острог, я послала туда пирогов, которые сама делала. Они были не хороши, но ели их с большим аппетитом.] Почти во все время нашего пребывания в Чите заключенных не выпускали из острога, и вначале мужей приводили к женам только в случае серьезной болезни последних, и то на это надо было испросить особенное разрешение коменданта. Мы же имели право ходить в острог на свидание через два дня в третий. Там была назначена маленькая комната, куда приводили к нам мужей в сопровождении дежурного офицера.

На одном из таких свиданий был ужасный случай с А. Г. Муравьевой, которая пришла больная, уставшая и, разговаривая с мужем, опустила на стул, который стоял тут. Офицеру это не понравилось, и особенно взбесило его то, что она говорила по-французски. Он был, кажется, в нетрезвом виде и под влиянием вина начал говорить грубости, наконец крикнул, схватив А. Г. Муравьеву за руку: «Говори по-русски, и как ты смеешь садиться при мне!» [Несчастный муж вспылал, но что мог он сделать?] Несчастливая женщина так перепугалась, что выбежала из комнаты в истерическом припадке. На крыльце в это время стояло несколько молодых людей, в том числе брат Муравьевой, гр. Чернышев, и Иван Александрович Анненков. Все бросились на офицера, Иван Александрович схватил его за воротник и отбросил назад, чтобы дать возможность Му-

равьевой пройти. Послали за плац-ад'ютантом, который не замедлил явиться, сменил офицера с дежурства, а молодых людей успокоил. Коменданта в это время не было в Чите, но на другой день он вернулся и тотчас по возвращении своем пошел к Александре Григорьевне, извинился за пьяного офицера и обещал, что вперед дамы не будут подвергаться подобным грубостям, а офицера, как виноватого, от нас перевел. История эта могла кончиться очень печально для заключенных, если бы только Лепарский был другой человек, но этот великодушный старик умел всегда всех успокоить ⁸¹.

В те дни, когда нельзя было идти в острог, мы ходили к тыну, которым он был окружен. Первое время нас гоняли, но потом привыкли к нам и не обращали внимания. Мы брали с собой ножики и выскабливали в тыне скважинки, сквозь которые можно было говорить, иногда садились у тына, когда попадался под руки какой-нибудь обрубок дерева. Об этих посещениях упоминает князь Александр Иванович Одоевский в своем прекрасном стихотворении, посвященном княгине Волконской:

И каждый день садились у ограды;

И сквозь нее небесные уста

По капле им точили мед отрады... ⁸²

Когда привезли в Читу Ивана Александровича с его товарищами, острог, в котором они были помещены позднее, тогда отделялся, и потому их поместили в старом, полуразвалившемся здании, где останавливались ранее партии арестантов. Несмотря на то, что здание это было полусгнившее, а зима была жестокая, они должны были, однакож, провести там всю вторую половину зимы, так как другого помещения не было. Спали они на нарах, и первое время ни у кого не было ни постели, ни белья [и в углу стояла необходимая кадка]. Тогда нашлась в Чите одна добрая душа, которая, сколько могла, прибегала на помощь заключенным. Это была Фелицата Осиповна Смольянинова, жена начальника рудников, женщина не получившая образования, но от природы одаренная чрезвычайно благородным сердцем и необыкновенно твердым характером ⁸³.

[Она принимала самое горячее участие в судьбе узников, и понимала их дело, благородные намерения и восторженные мысли.] Она была способна понимать самые возвышенные мысли и принимала живейшее участие во всех декабристах, но Иваном Александровичем она особенно интересовалась, потому что он был внук Якобия, наместника Сибири, которого Смольянинова помнила и к которому сохранила беспредельную преданность. [Говорили о ней, что она дочь Якобия.] Для меня она была самою нежною и заботливою матерью, мы просиживали вместе по целым часам, несмотря на то, что не могли говорить ни на каком языке, так как она не знала французского, а я не выучилась еще в то время говорить по-русски. Не знаю каким образом, только мы отлично понимали друг друга. Фелицата Осиповна позаботилась прислать Ивану Александровичу тюфяк и подушку, без которых не совсем было хорошо спать на нарах, потом прислала белья, в котором он нуждался до моего приезда, и очень часто присылала в острог разную провизию, особенно пирогов, которые в Сибири делают в совершенстве. [Когда приехал Лепарский, он осматривал их всех, женатым оставлял кольца, но отец твой носил кольцо мое на цепочке с крестом. Лепарский спросил его женат ли он, и когда узнал, что нет, то просил отдать кольцо. Отец твой отдал, но (рассказывал мне эту сцену сам старик) не мог удержаться и заплакал. Лепарский отдал ему кольцо.]

Между тем, осужденные все прибывали, и помещение становилось невыносимо тесным. Наконец к осени 1827 года был окончен временный острог, который был назначен для них исключительно, но и там было не много лучше. До семидесяти человек должны были разместиться в четырех комнатах. Спать приходилось также на нарах, где каждому было отведено очень немного места, так что надо было очень осторожно двигаться, чтобы не задевать соседа. Шум от оково был невыносимый [в каземете было темно, пороги брались подчас ощупью]. Но молодость, здоровье, а главное дружба, которая связывала всех, помогали переносить невзгоды. Оковы очень стесняли узников, казенные были очень тяжелы и, главное, коротки, что особенно для Ивана

Александровича было очень чувствительно, так как он был высокого роста. Тогда я придумала заказать другие оковы, легче, и цепи длиннее. Андрей мой угостил кузнеца, и оковы были живо сделаны. Их надели Ивану Александровичу, конечно, тайком и тоже с помощью угощения, а казенные я спрятала у себя и возвратила, когда оковы были сняты с узников, а свои сохранила на память. Из них впоследствии было сделано много колец на память и несколько браслетов⁸⁴.

Стража в Чите состояла из инвалидов, и часто нам приходилось сносить дерзости этих солдат, несмотря на то, что комендант очень строго взыскивал с них за малейшую грубость. Сами заключенные им охотно прощали, сознавая, что они это делали по глупости своей. Гораздо было чувствительнее и обиднее, когда из офицеров попадались такие, которые превратно понимали свои обязанности и позволяли себе грубые выходы, желая, вероятно, выслужиться или думая, что исполняют свой долг, так как из Петербурга, кажется, если не ошибаюсь, было приказание говорить «ты» заключенным.

Таким образом Иван Александрович был однажды выведен из терпения одним старым капитаном, который позволил себе сказать ему: «Открой твой чемодан». На что Иван Александрович отвечал ему: «Открой сам». Потом этот капитан сознался мне, что жестоко струсил, когда Иван Александрович отвечал ему, — так он был страшен в эту минуту от негодования. Я была в милости у этого капитана за то, что сравнила его однажды с Наполеоном I. За такой комплимент он приводил ко мне Ивана Александровича раньше других и приходил за ним на полчаса позднее. Это, конечно, служит доказательством того, что злобы на нас эти люди никакой не питали.

По приезде в Читу все дамы жили на квартирах, которые нанимали у местных жителей, а потом мы вздумали строить себе дома, и решительно не понимаю, почему комендант не воспротивился этому, так как ему было известно, что в Петровском заводе было назначено выстроить тюремный замок для помещения декабристов. Хотя, конечно, дома наши, выстроенные

вроде крестьянских изб, не особенно дорого стоили, но все-таки это была напрасная трата денег, так как мы оставались в Чите только три с половиной года, что не могло не быть известно заранее коменданту.

Местоположение в Чите восхитительное, климат самый благодатный, земля чрезвычайно плодородная. Между тем, когда мы туда приехали, никто из жителей не думал пользоваться всеми этими дарами природы, никто не сеял, не сажал и не имел даже малейшего понятия о каких бы то ни было овощах. Это заставило меня заняться огородом, который я развела около своего домика. Тут неподалеку была река, и с северной стороны огород был защищен горой. При таких условиях овощи мои достигли изумительных размеров. Растительность по всей Сибири поистине удивительная, и особенно это нас поражало в Чите. Когда настала осень, и овощи созрели, я послала солдата, который служил у меня и находился при огороде, принести мне кочан капусты. Он срубил два и не мог их донести, так они были тяжелы, пришлось привезти эти два кочана в телеге. Я из любопытства приказала свесить их, и оказалось в двух кочанах 2 пуда 1 фунт весу. Мне некуда было девать все, что собрали в огороде, и я завалила овощами целую комнату в моем новом доме. Трудно себе представить каких размеров были эти овощи: свекла была по 20 фунтов, репа — по 18 ф., картофель — по 9 ф., морковь — по 8 ф., [редька — 32 ф.] Конечно, мы выбирали самые крупные, но все-таки я уверена, что нигде никогда не росло ничего подобного. Овощи всем нам очень пригодились в продолжение зимы. Потом и другие занялись огородами. [Но на горе не так росло все. Там был у меня маленький садик с цветами, но в ночь со 2-го на 3 августа все цветы сделались черными от мороза, а день перед этим был нестерпимо жаркий. Когда я утром увидела сад, я думала, что мне облили все горячей водой, и человек насилу растолковал мне, что это случилось от мороза.]

В семи верстах от Читы есть деревня Кинон, и около этой деревни огромное озеро в семь или восемь верст в диаметре. Тут ловили бесподобных карасей и окуней, каждый карась весил не менее двенадцати фунтов. а

окуни не менее восьми. Но вдруг рыба так испортилась, что невозможно стало есть ее. Буряты, которым принадлежало прежде это озеро, не могли переварить, что оно перешло в руки русских и, видя, что они много промышляют, продавая рыбу, говорят, испортили озеро, бросая что-то вредное в озеро. В десяти верстах от Читы были отличные сенокосы. Я наняла двух работников, и они накосили мне в четыре недели восемь копен. Удивительное богатство и изобилие во всем в Сибири. Пока косили, я часто ездила на сенокосы. Из травы подымались стаи разной дичи.]

Иван Александрович с трудом переносил казенную пищу, на которую казна отпускала деньги, но довольно скудно, так что обед в остроге состоял из щей и каши большею частью. Я каждый день посылала ему обед, который приготавливала сама. Главное неудобство состояло в том, что у меня не было плиты, о которой в то время в Чите никто, кажется, не имел и понятия. Кухарки были очень плохие, и я ухитрилась варить и жарить на трех жаровнях, которые помещались в сениях. Когда я переехала в свой дом в октябре месяце, то там была уже устроена плита, и дамы наши часто приходили посмотреть, как я приготавливаю обед, и просили научить их то сварить суп, то состряпать пирог. Но, когда дело доходило до того, что надо было взять в руки сырую говядину или вычистить курицу, то не могли преодолеть отвращения к такой работе, несмотря на все усилия, какие делали над собой. Тогда наши дамы со слезами сознавались, что завидуют моему умению все сделать, и горько жаловались на самих себя за то, что не умели ни за что взяться, но в этом была не их вина, конечно. Воспитанием они не были приготовлены к такой жизни, какая выпала на их долю, а меня с ранних лет приучила ко всему нужда. [Вскоре по приезде я сильно захворала и чуть не умерла. Комendant каждый день приходил ко мне справляться о здоровье.]

Мы каждый день почти были все вместе. Иногда ездили верхом на бурятских лошадях в сопровождении бурята, который ехал за нами с колчаном и стрелами, как амур. Однажды вечером собрались ко мне все дамы.

Это было в сентябре месяце, когда вечера становятся довольно длинные. Этот вечер был восхитительный, но страшная темнота покрывала все кругом, только ярко блестели звезды, которыми небо было усыпано. Домик, занимаемый мною, стоял совсем в конце села и на довольно большом расстоянии от домиков, занимаемых другими дамами. За ним была поляна, а дальше густой лес, перед окнами через улицу был страшный обрыв, внизу прекрасный луг, орошаемый рекою Ингодою. Вид из окон был бесподобный, и я часто просиживала по целым часам, любуясь им, а вечером выходила посидеть на крылечко. В это время обыкновенно царствовали глубокая тишина и спокойствие. Природа безмолствовала, не слышно было человеческого голоса. В этот вечер, о котором я говорю, как всегда, сидела я на крылечке и распевала французские романсы.

Вдруг послышались громкие и веселые голоса, и воздух огласился звонким смехом. Я тотчас же узнала наших дам. Они шли, вооруженные огромными палками, а впереди их шел ссыльный еврей, который жил у А. Г. Муравьевой. Шел он с фонарем в руках и освещал дорогу. Мы радостно поздоровались. [В то время, несмотря на все лишения и беспрестанное горе, много было жизни, много сил душевных, молодость часто брала верх.] Гости [весело] объявили мне, что они голодны, что у них нет провизии, и что я должна их накормить. Они знали, что у меня всегда в запасе что-нибудь, потому что я все делала сама. Я была, конечно, рада видеть их и принялась хлопотать. Нашелся поросянок заливной, жареная дичь, потом мы отправились в огород за салатом с Елизаветой Петровной Нарышкиной, которая с фонарем светила мне. Ужин был готов, но пить было нечего. Отыскался, впрочем, малиновый сироп. К счастью, все были неразборчивы, а главное, желудки были молодые и здоровые, и поросянок и салат прекрасно запивались малиновым сиропом. Все это веселило нас и заставляло хохотать, как хохочут маленькие девочки.

Надо сознаться, что много было поэзии в нашей жизни. Если много было лишений, труда и всякого горя, зато много было и отрадного. Все было общее -- пе-

чали и радости, все разделялось, во всем друг другу сочувствовали. Всех связывала тесная дружба, а дружба помогала переносить неприятности и заставляла забывать многое. Долго мы сидели в описываемый вечер. Поужинав и нахохотавшись досыта, дамы отправились домой.

Во все время нашего пребывания в Чите мы не имели права держать наши деньги у себя, и должны были отдавать их коменданту, а потом просить всякий раз, когда являлась нужда в них. В расходах мы отдавали отчет коменданту и представляли счета. Таким образом, мне пришлось однажды просить Лепарского выдать мне 500 рублей, что он и не замедлил исполнить⁸⁵. Но едва писарь передал мне эти деньги, как вслед за ним вошел ко мне один поселенец, который жил в том же доме, где я нанимала квартиру. Этот человек был мною благодетельствован. Незадолго перед этим я устроила его свадьбу и все время помогала ему. Тут он явился, по всей вероятности, не с добрым намерением, потому что был очень взволнован и даже с трудом мог объяснить причину своего посещения, едва выговаривая, заикаясь, что просит дать ему утюг. В ту минуту мне не пришло в голову ни малейшего подозрения, и хотя мне казалось странным, что он так встревожен, но я готова была исполнить его просьбу и уже нагнулась, чтобы достать большой, тяжелый утюг из-под скамейки, на которой сидела, как вдруг дверь отворилась, и вошел мясник за деньгами. Тогда мой поселенец бросился со всех ног из комнаты, не дожидаясь утюга. Мясник с удивлением посмотрел на меня и спросил, зачем я пускаю таких людей к себе. Когда я объяснила, что тот приходил за утюгом, тогда мясник объявил, что или утюг служил только предлогом, или этот человек имел намерение воспользоваться утюгом, чтобы, если не убить меня, то ошеломить, зная что я получила деньги, которые в ту минуту открыто лежали у меня на столе. Тогда только я поняла, какой подвергалась опасности.

Несколько дней спустя после этого происшествия ко мне пришел на свидание Иван Александрович. Все это происходило в июле месяце, когда стояли нестерпимые

жары. Обыкновенно я готовляла закусить, когда ждала его к себе. Он поел немного и прилег на кровать отдохнуть, но вскоре попросил пить. Тогда, приотворив дверь, я попросила часового сказать Андрею, подать стакан квасу. Он довольно долго заставил ждать себя, а Ивану Александровичу очень хотелось пить, так что я взяла стакан из рук Андрея и второпях подала его. Иван Александрович разом выпил весь стакан, но с последним глотком остановился и сказал мне, что проглотил что-то очень неприятное. Я испугалась, думая, не пчела ли это, так как мух и пчел было очень много. Но Иван Александрович объяснил, что это было что-то круглое и довольно твердое, как орех. Потом ему было немного тошно, и скоро настало время вернуться в острог. Я осталась очень встревоженная.

На другой день, как только было возможно, я побежала к тыну. Ко мне подошел Петр Николаевич Сви-стунов и сначала объяснил, что Иван Александрович захворал, что ему ночью было очень нехорошо, а потом спросил, что он ел у меня. Я отвечала, что кроме супа и жаркого ничего, и что это никак не могло повредить ему, так как все, по обыкновению, было приготовлено мною самой. Вскоре подошел и Иван Александрович. Я изумилась, когда увидела его сквозь скважину: он был страшно бледен, лицо его осунулось и невероятно постарело. Он подошел ко мне и сказал, что подозревает, что Андрей дал ему что-то в квасе. И действительно, странно было и что он проглотил, и симптомы, которые заставили доктора подозревать действие мышьяка. Когда Ивану Александровичу сделалось дурно, он упал на пол, совершенно лишившись чувств, открылась сильнейшая рвота. Тогда мальчик, который прислуживал в тюрьме, начал кричать, что Анненкова отравили, и, прежде чем успели позвать доктора, этот мальчик успел сбегать куда-то за молоком и заставил выпить Ивана Александровича почти всю кринку. В Сибири в большом употреблении мышьяк, и там нередко случаи отравления, если питают злобу на кого, а молоко известно как противоядие, поэтому неудивительно, что мальчик так отнесся в данном случае.

Дом Анненковых в Чите
*С акварели работы И. А. Анненкова
(Из собрания Е. К. Гагариной)*

Не успела я успокоиться после этих двух неприятностей, как случилась третья. Те две тысячи, которые я сберегла в волосах, когда в Иркутске пришли осматривать мои вещи, хранились у меня на черный день и хранились с большими предосторожностями, потому что, как я уже сказала, мы не имели права держать у себя денег. Про эти две тысячи никто решительно не мог знать, кроме Андрея, которому, вероятно, было известно, по крайней мере приблизительно, сколько было со мной денег, когда я выехала из Москвы. К тому же я потом спохватилась, что он однажды видел у меня в руках портфель, в котором лежали эти деньги. Портфель я прятала с разными вещами в сундук, за неимением мебели в Чите, а сундук запирался очень крепким замком. Однажды вечером, пока я сидела у княгини Трубецкой, ко мне прибежал впопыхах мальчик, сын моей хозяйки, и рассказал, что в моей комнате выломали окно, замок в сундуке сломали и вещи разбросали по комнате. Я тотчас же пошла домой и нашла, что вещи хотя и были разбросаны, но были целы, не оказалось только одного портфеля, с деньгами. Мне не так было досадно потерять 2 тыс., как неприятно объявлять об этом коменданту. Между тем скрыть от него подобный случай не было возможности, и я вынуждена была во всем признаться. Человека моего и того поселенца, который приходил ко мне за утюгом, посадили на гауптвахту, потому что все имели на них сильные подозрения. У Андрея, когда осмотрели сундук, нашли разные вещи, пропавшие у меня раньше. В честности его я тем более имела причины сомневаться, что дорогой замечала, что он страшно обсчитывал меня на прогонах. Поселенца особенно подозревала хозяйка дома, где я жила. [Андрея Лепарский предлагал отправить в каторжную работу.] Оба обвиняемые просидели на гауптвахте пять месяцев, по прошествии которых вынуждены были их выпустить, так как не имелось против них явных улик. Но вскоре после того, как выпустили их, мальчик соседнего дома нашел под окном у меня сверток в грязной бумажке и тотчас же принес его матери своей. Та, развернув его, нашла тысячу рублей и была так честна, что немедленно заяви-

ла об этом коменданту. Предполагая, что эта тысяча из моих денег, комендант сделал распоряжение возвратить их мне, но другая тысяча не отыскалась. Андрей в пьянов виде хвастал, что остальные деньги перешли в руки чиновников, производивших следствие.

Вообще человек этот наделал мне много неприятностей, и я не раз раскаивалась, что уступила его желанию ехать со мной. Он все более и более пьнствовал и с этим вместе буянил ужасно, колотил кухарок, так что ни одна не хотела жить у меня, и наконец сделался невыносимо груб. Ивана Александровича он вовсе не любил и относился к нему так, что мне не раз пришлось убедиться, что он не хотел вернуться из Иркутска в Москву не столько из привязанности к своему барину, как уверял меня, сколько по каким-нибудь другим причинам [но потому, что был подкуплен родственниками, чтоб следить за нами. Может быть, по наущению их, он действительно имел намерение отравить твоего отца, но это осталось необ'яснимым, хотя ясно было, что он положил чего-то в стакан квасу, о котором я уже рассказывала, по признакам болезни последовавшей за этим]. Трудно решить, какие это были причины, и хотя происшествие со стаканом кваса невольно вызывало во всех мысль об отраве, но оно осталось тайною и исследовать насколько могли быть верны подозрения в этом случае было чрезвычайно трудно. Знаю только, что человек этот сделался для меня положительно невыносим, но мы так были стеснены нашим положением, что надо было действовать очень осторожно, чтоб отделаться и развязаться с Андреем.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Конец истории с шестьюдесятью тысячами. — Сенатский указ. —
Разрешение дочери носить фамилию Анненковой.

В конце декабря месяца 1828 года я была обрадована новою милостью, дарованною мне государем императором. Николай Павлович еще раз снизошел к моей просьбе и доказал, что если он был строг и неумолим в некоторых случаях, зато умел быть великодушным и справедливым. Может быть, то, что он сделал, было вне закона, но он властью своей обеспечил существование всей моей семьи, иначе нам нечем было бы жить в Сибири.

Надо объяснить, что, когда я приехала в Читу и сказала Ивану Александровичу, что мать его поручила мне передать ему, что поместит в ломбард на мое имя капитал в 300 тысяч, как только продаст одно из своих симбирских имений, он отвечал мне, что лучше меня знает мать свою, и уверен, что она никогда ничего не сделает ни для него, ни для меня. Потом очень упрекал меня за то, что я не заявила прав своих на 60 тысяч, которые были отобраны у него при аресте и которые он, действительно, предназначал мне. Наконец заставил написать Дибичу и просить представить государю просьбу мою о возвращении мне этих денег и о даровании дочери нашей фамилии Анненковой. Дибич представил просьбу мою, государь даровал все, о чем я просила [сестру признали Анненковой, без прав на наследство, потому что он отказал другим. Билеты были отняты у Н. Н. Анненкова, для этого был послан жандармский полковник в Симбирск, где жил Анненков, и

эти деньги были взяты, привезены в канцелярию государя и оттуда присланы в Читу].

Комендат Лепарский приехал ко мне в мундире об'явить милость государя и привез следующую бумагу, а также и деньги, все 60 тысяч, с которыми была страшная возня, так как в Чите невозможно было держать и пришлось хлопотать, во-первых, перевести их на мое имя, а потом отослать в Москву, где они и были помещены. Лепарский, прочитав мне сам указ сената, передал мне копию с одного за № 78846:

Указ его императорского величества самодержца всероссийского из правительствующего сената господину тайному советнику, иркутскому и енисейскому генерал-губернатору и кавалеру, Александру Степановичу Лавинскому. Правительствующий сенат слушали предложение г-на тайного советника, сенатора, управляющего министерством юстиции и кавалера, князя Алексея Алексеевича Долгорукого, что господин товарищ начальника главного штаба его императорского величества, от 16-го ноября, сообщил ему, г-ну управляющему, что государственный преступник Анненков, бывший поручик Кавалергардского полка, до осуждения его Верховным уголовным судом, прижил незаконную дочь с иностранкою Полиною Поль, с которою впоследствии, с высочайшего разрешения, вступил в законный брак, находясь уже по осуждении его в Сибири, в каторжной работе. При арестовании Анненкова оказалось в числе имущества его на 60 т. рублей ломбардных билетов, которые по осуждении его отданы были матери его, статской советнице Анненковой. За сим жена означенного преступника, Полина Анненкова, утруждала государя императора всеподданнейшим прошением, что муж ее еще до осуждения его определил ей вышеупомянутые 60 т. рублей, и сие назначение известно было жительствующей в Москве матери его, статской советнице Анненковой, с согласия коей оно и последовало, но наследники его оспаривают сии деньги; почему всеподданнейше просила повелеть возвратить ей оные; прижитой же ею с Анненковым дочери дозволить носить фамилию Анненкова. По высочайшей государя императора воле, вследствие сего прошения впоследствии бывшей, спрашивана была статская советница Анненкова, согласна ли она возвратить жене ее сына вышеупомянутые 60 т. рублей и желает ли, чтобы дочь их, прижитая до осуждения, носила имя Анненковой. На сие статская советница Анненкова сделала отзыв, что ей, действительно, известно было, что 60 т. рублей, у сына ее при арестовании его оказавшиеся, назначены были

в пользу жены его, Полины, на что она, Анненкова, как прежде была, так и теперь согласна, но впоследствии наследники сына ее, оспаривая деньги сии, взяли оные от нее посредством присутственного места, что же касается до представления дочери сына ее носить фамилию Анненковой, то она сочтет сие за особую монаршую милость. Государь император, приемля во всемирнейшее внимание, что преступник Анненков назначил нынешней жене его 60 т. рублей с согласия его матери, и что дочь сего преступника прижита им до осуждения его, высочайше повелеть соизволил, чтобы найденные в имуществе преступника Анненкова 60 т. рублей истребованы были обратно от наследников его и отданы жене его, Полине Анненковой, прижитой же с нею преступником Анненковым дочери позволить носить фамилию Анненковой, не предоставляя ей, впрочем, никаких других прав по роду и наследию законами определенных. О таковом высочайшем повелении, он, г-н управляющий министерством юстиции, предложил правительствующему сенату для зависящего к исполнению одного распоряжения. Приказали: во исполнение высочайшего его императорского величества повеления учинить следующее: 1) об истребовании от наследников Анненкова обратно 60 т. рублей и немедленном доставлении их жене его, Полине Анненковой, и объявлении о сем высочайшем повелении матери Анненкова, статской советнице Анненковой, предписать московскому губернскому правлению: 2) о объявлении сего высочайшего повеления ей, Полине Анненковой, для учинения о том распоряжения по Сибири, где ныне сия Анненкова находится, предписать вам, г-ну генерал-губернатору и кавалеру и г-ну генерал-губернатору Вельяминову, и о том послать указы. Ноября 30-го дня, 1928 года. Подлинный подписан: в должности обер-секретаря А. Куц, скреплен секретарем Соловьевым, справлен сенатским регистратором Торсковым.

Верно: Управляющий Отделением Матвей Воинов.
С подлинным сверял Колежский Секретарь Онуфрей Шевелев.

С копию сверял Генерал-майор Лепарский»⁶⁰.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Рождение дочери Анны. — «Противозаконные» беременности. — Волнение Лепарского. — Нелегальное письмо в Петербург. — Легкомыслие унтер-офицера. — Неприятный разговор с Лепарским. — Арест Смольяниновой.

16 марта 1829 года у меня родилась дочь, которую назвали в честь бабушки Анною, у Александры Григорьевны Муравьевой родилась Нонушка ⁸⁷, у Давыдовой сын — Вака. Нас очень забавляло, как старик наш комендант был смущен, когда узнал, что мы беременны, а узнал он это из наших писем, так как был обязан читать их. Мы писали своим родным, что просим прислать белья для ожидаемых нами детей. Старик возвратил нам письма и потом пришел с объяснениями. «*Mais, mesdames, permettre moi de vous dire, — говорил он запинаясь и в большом смущении, — vous n'avez pas le droit d'être enceintes*», потом прибавлял, желая успокоить нас: «*Quand vous serez accouchées, c'est autre chose*» *. Не знаю, почему ему казалось последнее более возможным, чем первое. Когда родились у нас дети, мы занялись ими, хозяйством, завели довольно много скота, который в Чите был баснословно дешев, и весь 1829 год прошел довольно тихо. Только одно преклечение со мною взволновало и встревожило меня.

Однажды Смольянинова, с которой я продолжала быть в самых дружеских отношениях, пришла ко мне с известием, что отправляется из Нерчинска караван с

* «Но позвольте вам сказать, сударыни, что вы не имеете права быть беременными. Когда у вас начнутся роды, ну, тогда другое дело».

серебром, и что один из унтер-офицеров, назначенных сопровождать его, — ее крестник. Она говорила, что уверена в скромности этого человека, и что можно без опасения доверить ему письма к родным. А так как мы были стеснены в нашей переписке, то я с радостью ухватила за этот случай, чтобы написать Анне Ивановне Анненковой в Москву более откровенное и подробное письмо, а главное, имела неосторожность вложить записку, написанную самим Иваном Александровичем к матери его, правда, очень коротенькую и совершенно невинную, но всем заключенным строго было воспрещено писать родным. В этом случае дамы наши заменяли секретарей и поддерживали переписку. Каждая из нас имела на своем попечении по несколько человек, от имени которых и писала родственникам. Более всего выпадало на долю кн. Волконской и кн. Трубецкой, так как они лично были знакомы со многими из родственников заключенных. Им приходилось отправлять иногда от 20 до 30 писем за раз. Заключенные же были совершенно лишены права писать во все время, пока находились в каторжной работе.

Унтер-офицер охотно согласился передать письмо мое, не подозревая, вероятно, насколько это было важно. Я же никак не могла предвидеть того, что случилось по неосторожности самого молодого человека. Приехав в Москву, он поспешил передать письмо Анне Ивановне, та приказала ему выдать сто рублей, а он не нашел ничего лучшего сделать, как сшить себе мундир на эти деньги из тонкого сукна для представления государю. Обыкновенно офицеры и унтер-офицеры, сопровождавшие караваны, должны были представляться и за исправное доставление серебра производились в следующие чины. Конечно, в таких случаях выбирались самые надежные, но именно благонравие-то и погубило нашего крестника. Лучше было бы, если бы он прокутил злополучные сто рублей, которые имели для него такие печальные последствия, но он, довольный своим новым мундиром из тонкого сукна, на расспросы офицера, с которым явился во дворец на представление, сознался в простоте души своей, что привез в Москву письмо от меня и получил за это щедрое вознаграждение, что и

дало ему возможность принарядиться. Офицер тотчас же донес об этом, так что это сделалось известным государю. Несчастного крестника посадили в крепость, а за письмом моим был послан фельд'егерь к Анне Ивановке. К счастью та догадалась не отдать записку Ивана Александровича, а мое письмо было доставлено самому государю Николаю Павловичу ⁸⁸.

Только четыре месяца спустя мы узнали об этом печальном происшествии. Комендант прислал за мною, и когда я к нему явилась, принял меня с необыкновенно важным видом и даже запер дверь на ключ. На это я расхохоталась, и спросила, к чему такие предосторожности, но потом уже не смеялась я, когда узнала в чем дело. Лепарский начал с того, что спросил: «*Vous avez écrit des lettres, madame?*» — «*Je n'en ai écrit, qu'une seule*» *, отвечала я, с намерением отпереться от записки Ивана Александровича. Лепарский все допытывался, что именно писала я в письме, которое попало так неожиданно в руки государя, и когда я сказала ему: «*Mais j'ai écrit, général, que vous êtes un honnête homme*» **, и объяснила, что просила присылать посылки через него, а не через Иркутск, где много пропадает вещей, тогда старик схватился обеими руками за голову и начал ходить по комнате, говоря: «*Je suis perdu!*» *** Иногда он был очень забавен, но что за дивный это был человек! Потом я спросила, какой ответственности все мы подвергаемся за такой проступок. Он отвечал, что я никакой: «*Pour vous c'est différent, madame, vous êtes protégé par l'empereur*» ****, но что Смольянинова должна будет просидеть четыре месяца под арестом, и, самое печальное, что крестник ее никогда уже не будет произведен в офицеры. Я пришла в отчаяние. Мне ужасно было жаль молодого человека, который так жестоко должен был поплатиться за свою наивность, и очень было совестно перед Смольяниновой, которой я

* «Вы написали письма, сударыня?» — «Я написала только одно».

** «Но я написала, генерал, что вы честный человек».

*** «Я пропал».

**** «Вам покровительствует государь, сударыня, вы не рискуете ничем».

была очень многим обязана. Комендант утешал меня, что Смольянинова будет подвергнута только домашнему аресту, но прибавил, что мне запрещено с нею видаться и показал при этом целую кипу бумаг, написанную по случаю всей этой истории.

Выйдя от него, я побежала к Фелицате Осиповне, извинялась перед нею, как только умела по-русски, потом подошла к ее мужу, который ходил в это время по комнате, сильно нахмурившись. Он без церемонии и довольно грубо оттолкнул меня. Тогда надо было видеть Смольянинову, с каким негодованием и достоинством подошла она к своему мужу и начала упрекать его за его грубую выходку, а меня успокаивать, прося не огорчаться. «Он не в состоянии понять вас», говорила великодушная женщина. Потом, разгорячившись, обратилась к мужу: «Вы думаете, может быть, что государь на вас смотрит, чего вы боитесь, не стыдно ли вам? [Вы служите двадцать пять лет государю вашему, и что получили вы за это? Чем вознаградил он вашу преданность?]» В эту минуту Фелицата Осиповна была прекрасна. Высокого роста, хотя с резкими, но выразительными чертами лица, она походила на древнюю римлянку. Несмотря на то, что нам было строго запрещено видаться, она находила возможность приходить ко мне по ночам, качать Аннушку, которая тогда была очень больна.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Декабрист Лунин. — Акатуевский тюремный замок. — «Грошевая милость». — Каторжные работы. — Трубецкая и Волконская в Богдатском руднике. — Жестокость Бурнашева. — Дружья среди бурят. — Заговор в Зерентуйском руднике. — Гибель Сухинова. — Перевод декабристов в Петровский завод. — Отъезд Анненковой из Читы. — Сибирские нравы.

В конце 1829 года привезли в Читу Лунина, который оставался в крепости, не знаю только в какой и почему, долее других. Это был человек замечательный, непреклонного нрава и чрезвычайно независимый. Своим острым, бойким умом он ставил в затруднительное положение всех, кому был подчинен. С ним, положительно, не знали, что делать. Несмотря на всю строгость относительно нашей переписки, он позволял себе постоянно писать такие вещи, что однажды получил от сестры своей через Лепарского письмо, которое начиналось так: «Je viens de recevoir votre lettre, froissé par la main, qui commande...» *. Письмо, действительно, дошло до нее все измятое.

Все наши письма проходили не только через коменданта Лепарского, которому мы были обязаны отдавать их незапечатанными, но они шли еще через III отделение, и, вероятно, более интересные из них читал сам государь Николай Павлович.

Лунин окончил дни свои во вторичной ссылке в Акатуе, куда был отвезен из места своего поселения, деревни Урики, близ Иркутска. Сначала предполагали всех декабристов поместить именно в Акатуе и даже

* «Я получила ваше письмо, скомканное рукою начальника...»

выстроили там для них помещение, но Лепарский донес, насколько это место могло быть губительно для здоровья, и тогда было решено строить тюремный замок в Петровском заводе. В Акатуе находятся главные серебряные рудники, и воздух так тяжел, что на триста верст в округности нельзя держать никакой птицы — вседохнут. На Лунина был сделан исправником донес, пока он находился в Урике, вследствие чего он и был вторично сослан в каторжную работу,⁸⁹.

После полуторагодового пребывания в Чите с заключенных были сняты оковы. Сделано это было с большою торжественностью: комендант прискал в острог в мундире объявить монаршую милость, и цепи снимались в присутствии его и всей его свиты. После того как мужья наши были освобождены от цепей, и с ними сделались милостивее, солдаты перестали нас гонять от ограды, и мужей стали пускать к нам каждый день, но на ночь они должны были возвращаться в острог [это была первая милость, которую нам делали, потом эти милости продолжались. Их княгиня Трубецкая называла «грошевыми»].

В Чите, и даже первое время в Петровском заводе, заключенные обязаны были выходить на разные работы, для чего были назначены дни и часы, но работы эти не были тягостны, потому что делались без особого принуждения. Это время служило даже отдыхом для заключенных, потому что в остроге, вследствие тесноты, ощущался недостаток воздуха. Сначала их выводили на реку колоть лед, а летом заставляли также мести улицы, потом они ходили засыпать какой-то ров, который, не знаю почему, называли «Чортовой могилой». Позднее устроили мельницу с ручными жерновами, куда их посылали молоть.

Мы, конечно, искали возможности поговорить с нашими мужьями во время работ, но это было запрещено, и солдаты довольно грубо гоняли нас. Кн. Трубецкая рассказывала мне, когда я приехала в Читу, как она была поражена, когда увидела на работе Ивана Александровича. Он в это время мел улицу и складывал сор в телегу. На нем был старенький тулуп, подвязанный веревкою, и он весь оброс бородой. Кн. Трубецкая не уз-

нала его и очень удивилась, когда ей муж сказал, что это был тот самый Анненков — блестящий молодой человек, с которым она танцевала на балах ее матери, графини Лаваль.

Кн. Трубецкая и кн. Волконская были первые из жен, приехавшие в Сибирь, зато они и натерпелись более других нужды и горя. Они проложили нам дорогу и столько выказали мужества, что можно только удивляться им. Мужей своих они застали в Нерчинском заводе, куда они были сосланы с семьей их товарищами еще до коронации императора Николая. Подчинены они были Бурнашеву, начальнику Нерчинских заводов. Бурнашев был человек грубый и даже жестокий, он всячески притеснял заключенных, доводил строгость до несправедливости, а женам положительно не давал возможности видаться с мужьями. В Нерченске, точно так же, как и в Чите, выходили на работы, но в Нерчинске все делалось иначе под влиянием Бурнашева: заключенных всегда окружали со всех сторон солдаты, так что жены могли их видеть только издали. Кн. Трубецкой срывал цветы на пути своем, делал букет и оставлял его на земле, а несчастная жена подходила поднять букет только тогда, когда солдаты не могли этого видеть.

Кроме того, эти две прелестных женщины, избалованные раньше жизнью, изнеженные воспитанием, терпели всякие лишения и геройски переносили все. Одно время кн. Трубецкая положительно питалась только черным хлебом и квасом. Таким образом они провели почти год в Нерчинске, а потом были переведены в Читу. Конечно, в письмах своих к родным они не могли умолчать ни о Бурнашеве, ни о тех лишениях, каким подвергались, и, вероятно, неистовства Бурнашева были приняты не так, как он ожидал, потому что он потерял свое место и только через длинный промежуток времени получил другое, в Барнауле, где и умер.

В Чите нас очень полюбили все, и многие даже плакали, когда мы уезжали, и провожали нас до самого переезда, который был в расстоянии двух или трех верст от селения ⁹⁰.

[К нам ездил часто в гости один бурят, его называли Натам. Он был совершенно на дружеской ноге: в'езжая на двор, спускал свою лошадь, приносил мне на сбережение деньги, потом садился на пол, поджавши ноги и говорил: «Давай кушать». Тогда любопытно было смотреть, как он поглощал все, что ему подавалось. Он ел в продолжение часа не останавливаясь, наконец лицо делалось масляное, и пот катился градом. Он пыхтел ужасным образом, но все-таки говорил: «Давай еще», пока не наедался до того, что наконец, не мог трогаться с места, с большим трудом поднимался и отправлялся спать. Зато у бурят — тоже способность голодать: они иногда по целым неделям не едят.] У меня было несколько друзей между бурятами. [Они — прекрасные охотники и стреляют чрезвычайно метко, особенно из лука: они попадают в цветок, который им назначают, на всем скаку лошади.] Они приходили к нам с разным товаром, и я часто у одного из них брала чай. Я уже говорила, что нам приходилось иногда переносить грубости солдат. Однажды, пока сидел у меня Иван Александрович, пришел мой приятель бурят и разложил весь свой товар на пол, и мы тихо и мирно все сидели, как вдруг не понимаю что сделалось с солдатом, который сопровождал Ивана Александровича: он вбежал в комнату, схватил бурята за ворот и вытолкал на улицу. Я бросилась, желая защитить несчастного бурята, но в это время, как подбежала я к двери, у меня на руках был ребенок, часовой хлопнул дверью так внезапно и так сильно, что не понимаю, как успела я отскочить, голова ребенка оказалась только на полвершка от удара.

Сколько раз все мы спрашивали себя, что бы с нами было, если бы наш справедливый, сердечный старик, наш уважаемый Лепарский, был другим человеком. Если при всех его заботах и попечениях о нас мы не могли избежать неприятностей, то трудно предвидеть, что могло бы быть в противном случае.

Наступил 1830 год, когда мы узнали, что уже решено перевести нас в Петровский завод⁹¹. Это известие всех нас очень взволновало и озаботило. Мы не знали, что нас ожидает там, место было новое, незнакомое

[Натан очень сожалел о нас, когда узнал, что мы переезжаем в Петровский завод. Он говорил, что там скверное место, потому что это было в горах.] В то время как мы собирались в дорогу, пришло ужасное известие из Нерчинского завода. Туда был сослан раньше всех других, тотчас по открытии Южного общества, Сухинов, который участвовал в Обществе и служил во 2-й армии. Сухинов был отправлен в цепях с партией арестантов и прошел до самого Нерчинска. Тут он содержался с прочими арестантами вместе, между которыми было много поляков, что дало ему возможность сблизиться с некоторыми из них. Он задумал с пятью сообщниками бежать из острога, и все уже было приготовлено, чтобы привести план в исполнение, когда заговор был открыт. Сухинова приговорили к наказанию кнутом, а остальных пять человек к расстрелянию. Но Сухинову дали возможность избавиться от такого позорного наказания и он [удавился своими кандалами] лишил себя жизни своими цепями ⁹². Наш добрейший Лепарский был жестоко расстроен этим печальным событием, тем более, что ему пришлось присутствовать при самом исполнении приговора. Мне пришлось видеть его тотчас по возвращении из Нерчинска, он весь еще находился под впечатлением казни, и, право, жаль было смотреть на бедного старика.

Между тем, наступило время нашего отправления в Петровский завод. Наших [узников] путешественников разделили на две партии: одна должна была идти в сопровождении цлац-майора и выступила 5 августа 1830 года. В ней находился Иван Александрович. Другая, под наблюдением коменданта, выступила 7 августа ⁹³. В день отправления Ивана Александровича я не могла проводить его, потому что сильно захворала. Он написал мне отчаянную записку. Тогда ничто не могло удержать меня. Я побежала догонять его, думая застать еще на перевозе. Верстах в трех от Читы надо было переезжать через Ингоду. Каково же было мое отчаяние, когда, подходя к перевозу, я увидела, что все уже переехали на ту сторону реки. На этой стороне я застала только коменданта и моего старого знакомого бурятского тайшу, с которым я встретилась на станции, ко-

гда ехала в Читу. Но тайша отвернулся от меня: им было строго запрещено сообщаться с нами, и он не хотел выдавать себя при начальстве. Комендант, видя в каком я горе, предложил мне переехать на ту сторону и приказал подать паром. Между тем, надвигались тучи, начиналась гроза и дождь уже накрапывал. Добрейший старик надел на меня свой плащ. Поездка моя увенчалась успехом: я застала еще на той стороне Ивана Александровича, успокоила его совершенно и простилась с ним. Но вернуться назад было не легко, разразилась такая гроза, какие бывают только в Сибири. Удары грома следовали один за другим без промежутка, и дождь лил проливной, я промокла до последней нитки, — несмотря на плащ коменданта, даже ботинки были полны воды, так что я должна была снять их и с большим трудом добралась до дому.

У меня давно уже было все готово к отъезду, и на другой день я выехала, держа на руках двух детей, одну девочку полуторагодовую, другую -- трехмесячную. Последнюю не знаю, как довезла, она дорогою сильно захворала. Пока я садилась в экипаж, ко мне пришел проститься один француз, который жил в Чите. Звали его Перейс. Он был очень порядочный человек и служил когда-то в армии Кондэ, потом эмигрировал в Россию, где ухитрился драться на дуэли, за это был арестован, но вздумал бежать и убил часового. Происходило это в царствование Екатерины II. Перейса судили, наказали кнутом и сослали в Сибирь. Мало того — ему вырвали ноздри, — вид его производил на нас ужасное впечатление. [Когда привезли в Читу Трубецкого, он рассказывал мне потом, что был очень удивлен услышавши, что этот француз говорил своему сыну: «Поклонись этим людям». Перейс рассказывал мне, что иногда ходил на охоту и доходил до Амура. Он уверял меня, что там в траве едва видно голову человека вер-хом.] *

Переехав Ингоду, я остановилась, чтобы проститься с Фелицатой Осиповной, которая провожала меня. Мы

* «Рассказать про быков» — заметка в черновой рукописи.

обе заливались слезами, она очень грустила, что мы все уезжали.

В эту минуту перед нами открылась прекрасная картина: показалась вторая партия декабристов. Лепарский ехал верхом на белой лошади, впереди всех шел Панов в круглой шляпе и каком-то фантастическом костюме, впрочем, довольно красивом. Другие также были одеты очень оригинально, а иные даже очень комично, но издали нельзя было различить всех деталей их разнообразных костюмов, а шествие было очень красиво. [Тогда туалет их не был уже такой, как вначале, только один Волконский не оставлял...]

Дорога от Ингоды шла степью, так что глазу не на чем было остановиться. На восьмой версте я заметила вдали трех человек верхом, которые неслись прямо на нас, как птицы. Доскакав до моего экипажа, они остановились, как вкопанные, пересекая нам дорогу и разом останавливая наших лошадей. Сначала я немного струсил, но потом узнала моего тайшу. Он был со своими адъютантами и, как мне говорили потом, поджидал меня, желая загладить, вероятно, свою нелюбезность в присутствии начальства. Тут он осведомился о моем здоровье, спросил, есть ли у меня дети, и когда узнал, что две девочки, очень поздравлял. По их понятиям девочка — капитал, потому что за них платят калым, и иногда очень большой. Тайша вскоре после нашей встречи умер. Мне говорили, что с тоски по матери, которую рано потерял. Этот сын природы и степей, вероятно, умел горячо любить и чувствовать, как и цивилизованные люди. Что поражало в нем, это необыкновенная эlegantность его манер.

На второй станции я переехала Яблоновый хребет. Проезжая в первый раз зимой и ночью через него, я не могла судить о той необыкновенной, поразительной картине, которая представилась теперь глазам моим. Ничего нельзя себе вообразить великолепнее и роскошнее сибирской природы.

Все наши дамы ехали не спеша, поджидая, конечно, случая, когда можно будет увидаться с мужьями, но комендант, заметя такой маневр с нашей стороны, приказал нам отправляться вперед и даже воспретил стал-

киваться на станциях, и отправил казака с приказанием заготовлять для нас лошадей, чтобы не могло происходить умышленных остановок или неумышленных задержек. Тогда нечего было делать, и мы грустно потянулись одна за другой [Муравьева поехала вперед, я за нею и т. д.]⁸⁴.

На одной из станций я встретила этого казака, посланного коменданта. Он назывался Гантамуров и происходил от китайских князей, сестра его была кормилицею Нонушки Муравьевой. Гантамуров был молодец высокого роста. Я видела, как он выехал со станции на бешеных лошадях. Там станции так устроены, что во дворе ворота при въезде и при выезде одни против других. Пока закладывают лошадей, их держат человека два или три, двое стоят у ворот, которые заперты. Когда лошади готовы, и все уже сидят в экипаже, тогда ворота разом открываются, люди отскакивают, а лошади мчатся так, что дух захватывает. Таким образом выехал и Гантамуров. Не прошло и полчаса, как его принесли без чувств, и он был весь в крови, но благодаря своему здоровью скоро очнулся, — впрочем, долго потом хворал. Признаюсь, у меня замирало сердце садиться в экипаж с такими лошадьми, имея на руках двух маленьких детей. Между тем делать было нечего и приходилось покоряться необходимости. Там иначе не умеют ездить.

На другой станции я застала семейство смотрителя в страшном горе. Сын смотрителя, молодой мальчик, лет пятнадцати, был послан проводить беглого, которого поймали, до Верхнеудинска, но дорогой беглый убил мальчика и скрылся. Подобные случаи в Сибири очень часто повторяются. Там беглых ловят, как диких зверей, за известное вознаграждение, зато и они, в свою очередь, не щадят никого, и им убить человека ничего не стоит.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Встреча с Юшневской. — Опасный переезд. — Ночлег у разбойников. — Таинственный француз. — Партия арестантов. — Петровский завод.

[В Верхнеудинске я встретила Вишневскую⁴⁵, которая ехала в Читу, но узнавши, что уже никого нет там, ждала своего мужа в Верхнеудинске. Выезжая из Верхнеудинска, надо было переехать Селенгу, которая, так как это было осенью, была в разливе. Тут был мост, но до моста надо было пройти по мосточкам, устроенным довольно плохо. Я пошла пешком, тут было с четверть версты. Не знаю, как я могла дойти, и как не закружилась у меня голова, я несла тебя на руках, экипаж мой перевезли на пароме. Тут мне заложили восемь лошадей, потому что станция была в 67 верстах. Дальше я должна была проехать через ужасное место: дорога заворачивалась, и на самом повороте был страшный обрыв, через который лежал мостик без перил. Надо было попасть на него, но лошадей было много, они путались, экипаж неловко повернулся, так что одно колесо осталось на воздухе. И теперь еще, когда вспомню об этом, у меня замирает сердце, однакож, бог спас.

Наставал уже вечер. Надо было ехать густым лесом, но тут были везде пикеты казаков, которые провожали меня от места до места. Наконец уже совсем стемнело, когда мы стали под'езжать к горе. Еще издали я увидала огоньки и под'езжая к ним заметила... (пропуск в рукописи). 120 человек прочищали дорогу. Дорога так утомила меня, что я расплакалась...

Андрей всю дорогу напивался кумысом. Когда мы достигли верхушки горы, была уже ночь, луна ярко осве-

шала, надо было опять спускаться. Влево горы продолжались, и густой лес темнел, вправо была просека, и вдали мелькали огоньки. Мне сказали, что это деревня Тарбогатай, где я должна была остановиться. Я обрадовалась, что мы скоро приедем, но до станции оставалось еще 18 верст. Я с утра нигде не останавливалась, измучилась ужасно и начинала чувствовать голод. На верхушке горы мы остановились, работники, видя, что я плачу хорошо за их труды, предложили проводить меня, я была очень рада, потому, что там очень опасно ездить — беглых множество. Тогда они верхом сопровождали меня до деревни, их было 18 человек — бурят, крестьян и казаков. Мы приехали в деревню уже в полночь. Я должна была остановиться у крестьянина Чебунина, — это был из самых богатых в деревне, и все они жили хорошо. Это были все раскольники, сосланные в царствование Екатерины. Деревня Тарбогатай чрезвычайно богата. Чебунина дом выбрал сам Лепарский для всех дам, которые одна за другою останавливались. Когда я в'езжала на двор, меня ждали, дом был весь освещен, и даже на дворе горели фонари. Меня ввели в сени, где были две двери, одни — прямо, в которые меня просили войти, другие — налево. Сам старик хозяин встретил меня со своею дочерью, он был видный старик благообразной наружности, но глаза у него были недобрые, и я это заметила тотчас же. Дочь его была довольно красива и очень хорошо одета. Он меня принял очень приветливо и говорил, что ему очень лестно, что комендант выбрал его дом, чтобы нам останавливаться. Дом был очень чистый, убранный, везде лежали ковры, мне очень хотелось хорошенько отдохнуть, но я была в затруднении с люльками, которые вешались на кольцо, а кольцо надо было ввинчивать в потолок: я боялась испортить штукатурку. Старик, заметя это, просил меня не церемониться, говоря, что если потолок будет немного испорчен, то это останется ему на память, и это говорил он с любезностью, которая удивляла в таком простом человеке. Дочь явилась с подносом и чашками и потчевала меня. Мне страшно хотелось есть, но нечего было делать, надо было довольствоваться чаем. Потом старик стал торопить меня

ложиться спать, говоря, что мне нужно будет рано выехать, потому что станция будет большая.

Я стала раздеваться и положила на стол часы с цепочкой, портфель с деньгами, молитвенник и три стакана серебряных. Старик вдруг вернулся и сказал мне, что лучше было бы все это положить под подушку. Меня немного удивило его замечание, но я далека была от всякого подозрения. Дочь его легла в моей комнате и даже рядом со мною. Едва начало светать, как старик разбудил меня, дочь его была уже на ногах и приготавлила чай. Меня удивляло, почему старик так торопился, я поспешила встать, и в ту минуту, как кормила тебя, дверь вдруг за мною растворилась, и слова, произнесенные на французском языке, поразили меня. Я обернулась: передо мной стоял старик с большою седой бородой, и такие же волосы падали на плечи. Одет он был как-то странно, совершенно по-летнему, несмотря на то, что была уже осень. Чулок на нем не было, но были только башмаки. Я начала его расспрашивать, какими судьбами он тут и кто он такой. Он рассказал мне, что (три слова неразб.), а потом в Сибирь он попал, не знаю как. В ту минуту, когда я его видела, ему было 107 лет. Каков был мой ужас, когда он объяснил мне, что я в доме известных разбойников, что сыновья старика занимаются разбоем как ремеслом. Тут я только поняла тревогу старика.

Выходя из своей комнаты, я заметила, что сыновья старика спали в той комнате, которой дверь я заметила, входя в дом. Потом мы узнали ужасные вещи про сыновей, на них лежало несколько убийств, они оставляли и грабили обозы. Особенно страдали священники, которых посылали в их деревню. Год спустя, после того как я ночевала у них, они остановили Занадвора, который вез казенные деньги, привязали его к дереву и деньги взяли. Их присудили к плетям и к каторжной работе, но они откупились, даже младший сын остался при отце, старший только должен был скрываться некоторое время. Дочь была в богатом сарафане, в шелковой рубашке и в кокошнике⁹⁶. Когда я садилась в экипаж, все встали на колени и кричали (неразб.). Буряты поклоняются лебедям, я не могла уго-

ворить их принести мне лебедей, но когда они увидели карты, так пожертвовали своим богом, и я часто встречалась с ними.

Выезжая из Тарбогатая, надо было ехать лесом густым. Проезжая полями, я заметила, что хлеб был неподобный. Потом надо было ехать лесом. Восемь человек провожали меня верхом. В этом именно лесу остановили Чебунины Занадворова. Там это случается часто, беглых по лесам пропасть.

Приехала я в следующую деревню довольно рано, но мне хотелось остановиться тут, и я расположилась. Дом был очень чистенький, как обыкновенно в Сибири. От Тарбогатая до Петровского природа чрезвычайно хороша, растительность удивительная, леса богатейшие, и эти места заселены едва. Я расположилась в своей горенке, как звук кандалов поразил меня, и через несколько минут перед моими окнами стояло более ста арестантов, они просили милостыню. Это была партия, которую вели из Иркутска в Петровск. Они были в остроге, но когда узнали, что я приехала, велели отворить себе двери и пришли просить милостыню. Их охраняли три казака, было от чего притти в страх и ужас. Я раздала им, сколько могла, денег, они остались очень довольны, затянули песню и отправились преспокойно в острог.

Тут я отлично отдохнула, на другой день мы рано выехали, лес скоро кончился, тогда открылась гора очень высокая, но издали она казалась совершенно черной. Я спросила, что это такое, мне объяснили, что это — птицы, дрозды. Действительно, когда мы проезжали, они подымались лениво и опускались потом.

Мне пришлось еще раз ночевать в одной деревне, где не было так хорошо, как в других. Мне отвели горницу, но я не могла заснуть, потому что в избе был ребенок, который ужасно кричал. Я наконец не выдержала и пошла посмотреть, что с ним. Изба была полна народу, но все спали, как убитые, бедные люди работали весь день, даже мать спала, позабывши о ребенке. Несчастный лежал в грязной люльке, и я с ужасом увидела, что на ноге у него был страшный нарыв. Я привязала ему хлеба с молоком, ребенок заснул, на другой

день нарыв лопнул, и ребенок улыбался. Через пять лет после этого происшествия мужик принес мне девочку пяти лет и, бедный, обливаясь слезами, говорил, что это тот ребенок, которому я помогла. Мать его убежала с солдатом.

На другой день приехала я в Петровск. Нельзя себе представить, какое тяжелое впечатление он сделал на меня. Подъезжая, мы все поворачивали. Наконец первое, что представилось глазам, была тюрьма, потом кладбище и наконец уже строения. Петровский завод был в яме, кругом горы, фабрика, где плавят железо — совершенный ад. Тут ни днем, ни ночью нет покоя, монотонный, постоянный стук молотка никогда не прекращается, кругом черная пыль от железа...]

ВОСПОМИНАНИЯ
Ольги Ивановны ИВАНОВОЙ

ОЛЬГА ИВАНОВНА ИВАНОВА

(Из воспоминаний дочери)

Ольга Ивановна Иванова — единственная из детей Анненковых помнила тюрьму *. Ей было 6 лет, когда семья выехала с каторги на поселение в с. Бельское. Жизнь в этом селе, тяжелую в материальном и моральном отношении, она хорошо помнила. Бельское считалось воровским и даже разбойничьим селом, и она помнила долгие ночи, когда родители по очереди не спали, а она сидела на скамеечке у ног матери. Затем, на поселении в Туринске и Тобольске, она опять оказалась в среде тех декабристов, о которых так тепло и сердечно говорит в своих отрывочных воспоминаниях. Особенно сердечную память сохраняла она о Свистунове, учив-

* В дополнение к очерку Е. К. Гагариной, считаем не лишним привести отрывки из воспоминаний современников о детстве и юности О. И. Ивановой. К. П. Ивашева писала родным после перевода Анненковых в Туринск: «Дочь их, прелестное девятилетнее дитя, почти ежедневно приходит к нам брать у меня урок музыки, а у матушки — французского языка. Она такая кроткая и приветливая, такая рассудительная, что видеть ее и заниматься с нею одно удовольствие...» (О. К. Буланова, назв. соч., стр. 230). Позднее с О. И. Ивановой встретился М. С. Знаменский и в своих воспоминаниях запечатлел «высокую, ослепительную блондинку Ольгу Анненкову». «Оленька, — пишет он, — говорит очень мало, она, кажется, и говорит только для того, чтобы показать, что в состоянии сказать умную и самобытную вещь, но что говорить ей вообще лень. Она своими тихими, флегматичными манерами очень напоминает отца» («Наш Край», 1925, VI, стр. 4). Восторженные отзывы о красоте О. И. Ивановой встречаются также в «Воспоминаниях» И. В. Погоржанского (об этих воспоминаниях см. примечание 152).

шем ее музыке, о докторе Вольфе, указания и советы которого помнила всю жизнь, и о Фонвизинных. В этой бездетной семье (сыновья их остались в России) она нашла много теплоты и даже баловства. Последнего отца ее, Иван Александрович, относительно детей не допускал, был строг и очень требователен.

Сильные и стойкие характеры родителей, их удивительная покорность судьбе, отсутствие жалоб на тяжелую жизнь, тесное общество исключительно образованных и воспитанных декабристов выработали в Ольге Ивановне сильный характер, большую энергию и самообладание, впоследствии очень пригодившиеся в ее легкой жизни.

В 1852 году, 30 апреля, Ольга Ивановна вышла замуж за Константина Ивановича Иванова, в то время адъютанта омского генерал-губернатора. В Омске молодые и поселились, живя очень скромно, так как у К. И., кроме жалованья, ничего не было. В 1854 году К. И. был переведен в Петербург, где молодая семья скоро увеличилась двумя детьми, Еленой и Сергеем, незамужней сестрой К. И. и братом Иваном Анненковым, служившим в Измайловском полку.

Ольга Ивановна всецело посвятила себя семье, что при скромном жалованьи мужа сулило много забот. Она была замечательно красива, но красотой серьезной и строгой: высокая, стройная и величественная. Ее покойный и углубленный характер направлял ее незаурядный ум на серьезное чтение и горячее внимание и изучение новых веяний. Ей, дочери и воспитаннице декабристов, пришлось в самом центре реформ переживать полное кипучей деятельности время конца пятидесятых годов и начала шестидесятых — осуществление заветных мечтаний декабристов, освобождение крестьян и судебную реформу. Но ей, горячей семьянинке и матери, ближе всего были стремления к широкому образованию женщины и ее равноправию и самостоятельности. Не имея возможности, по семейным обстоятельствам (ее муж в 1864 г. был переведен на службу сначала на Кавказ, а потом в Иркутск), принимать близкое участие в общественной деятельности, подобно дочерям декабриста Ивашева, М. В. Трубниковой и Е. В.

Черкесовой, с которыми она была в постоянных сношениях, она тем более отдалась семье и широко применила новые взгляды при воспитании своих детей, особенно дочери. А это не легко далось. Часть семьи мужа крайне неодобрительно относилась к ее новшествам, начиная с физического ухода: она детей не пеленала и не качала, учителей выбирала серьезных, не считаясь с денежными затратами, вызывая этим обвинения в нерассчетливости. И все-таки, несмотря на ограниченные средства и крайне редкие выезды из дома, она умела у себя собирать для серьезных бесед и чтений (карты отсутствовали), в чем ей помогал муж, прекрасный чтец и веселый рассказчик. Шли охотно, так как хозяева отличались редким гостеприимством и добротой. А когда дети подросли, она сумела и им собрать круг сверстников, охотно шедших и дороживших покойным семейным домом.

Она умерла от тяжелой болезни (рак) 10 марта 1891 г., в большой нужде.

Е. Гагарина.

ОТ АВТОРА

Заранее прошу снисхождения у тех, которые будут читать эти строки, набросанные совсем неумелым пером.

Первоначально я записывала кое-какие факты из моего детства, настолько исключительного, что оно действительно представляло немалый интерес для моих близких. Но теперь, когда горе и продолжительная тяжелая болезнь ведут меня, может быть, к преждевременной могиле, мне кажется, что я не имею права уносить с собой то, что принадлежит более или менее истории, а потому, уступая желанию тех, кто интересуется эпохой моих воспоминаний, спешу записать все, что с такою силою восстает в моей памяти, по мере того как я удаляюсь от жизни.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Петровский каземат. — Детские впечатления. — Генерал Лепарский. — Жены декабристов. — Камилла Ледантю. — Характеристика декабристов. — Свистунов. — Бечаснов. — Доктор Вольф. — Письмо Артамона Муравьева. — Волконская и Трубецкая. — Тяжелые утраты. — Раз'езд на поселение.

Первые мои воспоминания — тюрьма и оковы. Но несмотря на всю суровость этих воспоминаний они лучшие и самые отрадны в моей жизни.

Тюрьма, так живо и ясно сохранившаяся в моей памяти, — та самая, которая была построена в Петровском заводе для декабристов. Из их записок, напечатанных во многих журналах или изданных отдельными книгами, многое уже известно. Известно, что тюрьма была построена по плану, представленному на рассмотрение и утверждение самого государя императора Николая Павловича, и что предварительно в казематах не было окон. Все строение представляло из себя квадрат, половину которого, в виде покоя, занимало жилое здание, а другая была обнесена высоким тыном. Таким образом, внутри образовался большой двор, служивший местом для прогулок заключенных. Зимой часть двора отделялась для катка, и тут устраивались ледяные горы; нас, детей, часто водили на каток, где катались в креслах, что доставляло нам большое удовольствие.

В жилом здании помещались казематы. Это были довольно просторные, высокие комнаты, но без окон, и не имеющие между собою сообщения. Двери из них выходили в широкий и светлый коридор, над дверьми были продолговатые и узкие окошки, посредством которых и проникал свет. Но, когда приходилось чи-

тать или чем-нибудь заниматься, его было недостаточно, и надо было открывать двери в коридор, а это, конечно, представляло много неудобств. Недостаток света скоро повлиял на здоровье заключенных, что возбудило сильный ропот среди жен декабристов. Они в письмах своих в Россию к родным горько жаловались, что мужья их хворают и слепнут. Их сетования и жалобы дошли до государя, и тогда по его милостивому повелению были проделаны окна в наружной стене. Кажется, даже сам комендант Лепарский, присланный исключительно для сосланных по делу 14 декабря, донес, что здоровье заключенных может сильно пострадать от того, что они живут как бы в постоянных сумерках.

Я начинаю помнить тюрьму, когда окна были уже прорублены, но они были сделаны такие узкие и так высоко, что света все-таки никогда достаточно не проникало ⁹⁷. Посередине здания, с длинной его стороны, была гауптвахта. Ворота, через которые надо было проходить, запирались с внутренней стороны несколькими замками; визг задвижек, звон ключей, щелканье замков, дежурные ад'ютанты и множество часовых — все это не могло не врезаться в память ребенка, и я хорошо помню, как нас, брата и меня, иногда водили в казематы к тем товарищам моего отца, которые чаще бывали у моей матери. Понятно, что обстановка у заключенных была более чем скромная: кроме кровати, самых простых стульев ничего не было, но зато не было недостатка в книгах и журналах всякого рода, не только русских, но и французских, немецких и английских. Все это выписывалось дамами или присылалось родственниками в изобилии. Вообще, недостатка в чтении не было, и впоследствии у многих декабристов составились целые библиотеки. Умственная жизнь вознаграждала лишение свободы. Товарищи по ссылке передавали друг другу свои знания, таким образом многие научились тем иностранным языкам, которые им были неизвестны до ссылки. Дамы оказывали большую помощь в сношениях с родными и друзьями, оставленными в России. Они не только вели деятельную и постоянную переписку, но служили секретарями и другим сосланным; у каждой из них было по несколько чело-

век, за которых они писали письма, так как самим заключенным было строго запрещено писать даже самым близким родственникам. Письма дам проходили через руки коменданта и отдавались ему незапечатанными; точно так же письма из России проходили через его руки и должны были читаться им ⁹⁸.

К счастью декабристов, комендантом был старик генерал Лепарский, человек редкого сердца. В высшей степени справедливый и честный, он сумел соединить строгое исполнение своих обязанностей с полнейшим участием и вниманием к судьбе вверенных ему ссыльных. Он обнаруживал необыкновенное терпение даже в тех случаях, когда дамы не щадили его, а это случалось часто. И старику часто доставалось от них. Они без всякой церемонии высказывали ему свое мнение, когда какое-либо распоряжение правительства казалось им несправедливым. С их стороны понятны и их раздражение и их жалобы, так как это касалось людей близких их сердцам, но не всякий бы отнесся к этому с такой снисходительностью и таким истинным терпением, как Лепарский. Назначение его комендантом при тюремном замке Петровского завода было действительно благотельно для декабристов. Он был их единственный полный и непосредственный начальник, от которого они всецело зависели, и от которого также всецело зависело сообщать государю все, их касающееся. Будь другой человек их начальником, положение их могло сделаться невыносимым, что и почувствовалось многими из декабристов, когда они были разбросаны на поселение по разным местам Сибири. Отец мой после Петровского завода первое время был поселен в селе Бельске, недалеко от Иркутска, и ему, более чем другим, пришлось перенести всякого рода неприятностей от исправника, волостного головы и других местных чиновников. Под начальством же Лепарского, несмотря на полнейшее стеснение свободы и самый строгий присмотр, которому подвергались заключенные, жизнь их текла тихо и мирно; все это благодаря гуманности коменданта, его личным достоинствам, а в особенности его умению исполнять высочайшую волю того, чей выбор пал на благородного и достойного ста-

рика. «Задача твоя очень трудная, — сказал, как я не раз слышала от товарищей отца, государь Николай Павлович, — но я надеюсь, что ты сумеешь ее выполнить». Затем государь выразил желание, чтобы официально была соблюдена относительно декабристов полнейшая строгость, «чтобы не пришла другим охота повторить эту историю, но ты должен помнить, что они все молоды, и что люди в несчастии заслуживают снисхождения». Вот милостивые слова, которые передавались во время моего детства и которые свято умел выполнить Лепарский, не отступая в то же время от исполнения своего долга за все десять лет своего пребывания в Петровском заводе, где он и скончался в преклонных летах, когда уже почти все бывшие под его началом узники были переведены на поселение⁹⁹.

Без разрешения коменданта никто из заключенных не смел покидать тюрьму. Обыкновенно оно испрашивалось через дежурного ад'ютанта, который утром ежедневно обходил казематы, но иногда дамы писали записки Лепарскому, прося отпустить кого-либо из знакомых побывать у них. С своей стороны, комендант принимал во внимание каждую просьбу этого рода и никогда не делал затруднений, если только просимое согласовалось с установленными правилами и полученными инструкциями¹⁰⁰.

Раньше окончания постройки тюрьмы в Петровском заводе, пока декабристы находились еще в Чите, жены их постарались устроить себе помещения в слободе при заводе, в чем им помогал кто-то из служивших там. Таким образом, когда мужей перевели из Читы, почти у всех жен были куплены дома. Только баронесса Розен и Янтальцева или Юшневская не имели собственных, а нанимали у обывателей. Дамы были устроены хорошо и, насколько позволяли обстоятельства, комфортабельно. Они жили недалеко друг от друга на одной улице, которую сами декабристы называли «дамскою», а местные жили «барскою» или «княжескою». Я была слишком мала, когда меня перевозили в Петровский завод и сама помнить не могу, но слышала впоследствии не раз, что в первое время, пока женатым не разрешено было проводить

весь день на дому у своих жен, если не все дамы, то многие из них жили в тюрьме, где делили казематы со своими мужьями. Потом постепенно делались многие облегчения. Так, сперва позволили женатым уходить утром и возвращаться только ночевать, а со временем и это было смягчено, и им позволили даже ночевать в домах их жен.

Первых, которые не желали остаться в России, а решили разделить участь своих сосланных мужей, было девять, а именно: кн. Волконская, кн. Трубецкая, Нарышкина, Фонвизина, Муравьева, Давыдова, Юшневская, баронесса Розен и Янтальцева. Потом приехала в Читу моя мать. Она была невестой, когда отец был арестован и осужден, притом француженка, не русская подданная, а потому не могла воспользоваться установленными правилами, разрешающими женам следовать за их сосланными мужьями. Ей пришлось преодолеть много препятствий, чтобы приехать к отцу. Но она решилась лично просить государя Николая Павловича о дозволении соединить судьбу свою с судьбою любимого человека. Государь снизошел к ее просьбе, и свадьба ее происходила в Чите, при самой необыкновенной обстановке. Все это подробно рассказано ею самой в ее записках, уже известных под названием «Рассказы Прасковьи Егоровны Анненковой» и помещенных на страницах журнала «Русская Старина» за 1888 год.

Позднее, уже в Петровский завод, приехала другая француженка, Камилла Петровна Ледантю, прелестная и красивая молодая девушка, чтобы выйти там замуж за Василия Петровича Ивашева. Молодые люди гораздо раньше, еще до 14 декабря, были знакомы, так как мать Камиллы Петровны была гувернанткой в доме Ивашевых, где дочь ее воспитывалась вместе с сестрами Василия Петровича. Молодой Ивашев, служа в гвардии, не помышлял в то время о женитьбе, хотя не мог не интересоваться Камиллою Петровною. Со стороны же молодой девушки чувство было, как видно, гораздо глубже, и оно невольно высказалось в то время, как вся семья горевала и оплакивала человека, к которому она чувствовала непреодолимое сердечное влечение. Когда Ивашева вместе с другими отправили в Си-

Фердинанд Богданович Вольф в 1840-х гг.
С портрета работы декабриста Н. А. Бестужева
(Из собрания Ленинградского Музея Революции)

бирь, Камилла Петровна не скрывала более, что готова следовать за ним. Мать и сестра, нежно любившие несчастного, который для них как бы умер, порешили сообщить ему о великодушном порыве девушки, когда он был еще в Читинском остроге. Он долго колебался, страшась своего положения, не решался принять на себя такую ответственность, но товарищи уговорили его, и он с большой борьбой принял предложение Камиллы Петровны, на которое смотрел, как на жертву. Свадьба Ивашевых была в Петровском заводе уже не при таких тяжелых условиях и не при такой печальной обстановке, как свадьба моей матери в Чите.

Исключительное положение, в котором находились декабристы, переживаемые ими тревоги, опасения, рассказы о прошлом, стремления в Россию — обетованную землю, как они ее называли, — все это действовало на детское воображение и вырабатывало самые чувствительные, впечатлительные нервы. Такими и вышли старшие дети декабристов, родившиеся в Чите и Петровском заводе.

Мне было полтора месяца, когда мать везла меня на руках из Читы, где я родилась, в Петровский, и 6 лет, когда семья выехала из Петровского завода, и тут оканчиваются лучшие воспоминания моего детства. Няньки у меня никогда не было. Меня качали, нянчили, учили и воспитывали декабристы. При рождении акушерки тоже не было, и принял меня доктор Вольф, товарищ отца по ссылке, которого я потом полюбила до обожания.

Известно многим уже, какие люди были декабристы, с каким достоинством переносили свое положение, какую примерную, безупречную жизнь вели они сначала в каторжной работе, а потом на поселении, разбросанные по всей Сибири, и как они были любимы и уважаемы везде, куда бросала их судьба. Лично для меня они были незаменимы, я их потом везде искала, мне их не доставало в жизни, когда по выходе замуж я переехала в Россию. И это легко понять, когда вспомнишь, что декабристы за все время своего изгнания, даже во время поселения, когда тысячи верст их разделяли, составляли как бы одну семью, тесно связанную между собою

общими интересами и самой святою нежною дружбою. Естественно, что в Петровском заводе связь эта была еще сильнее и заметнее, а дружба неразрывнее, так как тогда положительно все было общее. Понятно, что у детей, все это видевших, составилось такое понятие, что все между собою родные, близкие, и что весь мир такой (другого они не видели), а потому тяжело им было потом в жизни привыкать к другим людям и другой обстановке. При этом положение было слишком изолированное, и такое отчуждение от жизни, от людей не могло не отзываться на детях. По крайней мере о себе могу сказать, что много выстрадала впоследствии от недостатка житейской опытности, и если с годами приобрела сколько-нибудь практичности в жизни, то заплатила за это большою ценою. Но если декабристы не научили нас житейской мудрости, зато они вдохнули нам такие чувства и упования, такую любовь к ближнему и такую веру в возможность всего доброго, хорошего, что никакие столкновения, никакие разочарования не могли потом истребить тех идеалов, которые они нам создали. Может быть, у них самих было много увлечений, может быть, они ошибались и нам, их детям, передали ту же способность, но стремления их были так честны, так благородны и возвышенны, что все те, кто сближались с ними в Сибири, были проникнуты к ним глубоким уважением. Они никогда не изменяли своим правилам, были искренни в своих убеждениях и поступках, и потому не допускали ни в чем обмана, лжи или лицемерия. Благо России и общественную пользу они ставили выше всего и всегда говорили, что 14 декабря было роковой ошибкой. Много и много раз приходилось мне слышать от них, что можно было бы принести гораздо большую пользу отечеству, служа своим идеалам мирным путем.

Но, несмотря на всю нежность, заботы и ласки, которыми нас окружали в детстве, мы не были балованными детьми, какими могли бы сделаться, так как кругом нас были люди, оторванные от своих семей. Почти всякий из них оставил на родине родственника-ребенка, а потому, естественно, привязывался к нам, хотя и чужим детям. Балованными мы потому не могли

быть, что с нами были строги, требовательны и даже взыскательны относительно наших маленьких обязанностей. Особенно в моей семье к нам относились строго, даже, можно сказать, сурово. Отец мой, несмотря на всю любовь к нам, которую потом столько раз в жизни доказывал, был к нам строг и суров. Мы его страшно боялись, несмотря на то, что он почти никогда не возвышал голоса. Это был человек с непреклонным характером и железной силою воли. Я никогда не слышала от него ни малейшего ропота на судьбу или сожаления о прошедшем. Он никогда не жаловался на свое положение, а оно было тяжелее чем других его женатых товарищей, которым родственники старались улучшить положение и много присылали из России как деньгами, так и всякими необходимыми вещами. Отец мой иногда нуждался даже в самом необходимом, несмотря на то, что до ссылки был наследником громадного состояния [но раз его сослали, родственники унаследовали те анненковские родовые имения, которые принадлежали ему, как единственному сыну...]. Но все это состояние оставалось в руках его матери, которая была уже в преклонных летах, ничем сама не занималась, и состояние расстроилось при ее жизни. За все же время ссылки своего сына она ему очень мало, можно сказать, почти не помогала. Мы жили исключительно на проценты с капитала в 60 тысяч, который милостью государя Николая Павловича был отдан моей матери. Эти деньги находились при отце в ту минуту, как его арестовали и, конечно, были отобраны вместе с другим имуществом. Потом они перешли в руки родственников, потому что отец был единственным сыном моего деда Александра Никаноровича и законом лишен прав и состояния.

По приезде в Читу мать обратилась с просьбой к государю возвратить ей эти деньги, так как они были уже ей подарены. Государь снизошел к этой просьбе, как и ко многим другим, капитал был положен в банк на имя моей матери, а проценты повелено было высылать в Сибирь. Таким образом, жизнь наша до некоторой степени была обеспечена, хотя, не получая пособий от своей матери — моей бабушки, отцу прихо-

дилось иногда очень трудно и вообще он был очень стеснен материально ¹⁰¹. Эти недостатки и лишения не были чувствительны в Петровском заводе, где, как я уже говорила, все было общее и жили одной дружной семьей. Особенно мы, дети, не чувствовали никакой разницы состояния. Нас часто приглашали в тот или иной дом, где было получено что-либо из России, и где все полученное делилось между нами. Так, однажды, за мною пришел Федор Федорович Вадковский от Трубецких с приглашением на детский праздник. Там разыгрывали присланные вещи в лотерею, что, конечно, очень заняло и радовало детей.

Всех чаще за время пребывания в Петровском заводе у нас в доме бывал Петр Николаевич Свистунов, которому я обязана позднее, уже когда мы жили в Тобольске, уроками музыки. Он страстно любил музыку и много ею занимался, и даже одно время перенес свой рояль (это было в Петровском, куда ему из первых был прислан рояль) к нам и тогда аккомпанировал матери моей, когда она пела даже русские романсы, несмотря на то, что была француженка, очень плохо говорила по-русски и никогда не училась музыке ¹⁰². У нее был замечательный природный слух и редко приятный контральто, хотя совершенно необработанный. Тогда у нас собиралось много товарищей отца обедать, а иногда оставались и вечером. Помню, что раз даже был бал, на котором много танцевали. Обеды были всегда очень вкусны; за невозможностью иметь мало-мальски порядочного повара, мать всегда сама следила за всем: ходила постоянно на кухню, которую везде старалась устроить возможно удобным образом, и сама приучала кухарок готовить.

Первые уроки из русского языка давал мне Бечасный, Владимир Александрович. Я сейчас как будто его вижу: маленького роста, он всегда ходил на цыпочках, вечно суетился и спешил. Он очень был предан моей матери и всегда старался помочь ей в ее заботах по хозяйству. Однажды у нас обедало довольно много гостей. Мать встала из-за стола и пошла за маринованными ягодами, которые она, должно быть, особенно хорошо приготавливала, так как я помню, что все их любили и всег-

да хвалили. Бечасный побежал за нею, чтобы помочь, и вскоре возвратился, держа огромную банку с маринадом в руках; видно было, как он старался нести ее как можно осторожнее. Не знаю, что могло произойти в дверях, но только банка выпала из рук и, конечно, разбилась в мелкие дребезги со всем содержимым. Произошел общий смех, и вообще Бечасному часто доставалось от товарищей за его неловкость¹⁰⁸. Шуткам и рассказам о нем не было конца.

Панов постоянно рассказывал мне басни и даже написал для меня первое издание басен Крылова, которое теперь составляет библиографическую редкость. От него же я узнала первые сказки: Красную шапочку, Спящую царевну и др. Как ни была я мала, но я очень не любила на себе пятен и однажды горько плакала, так как запачкала платье. Петр Николаевич Свистунов имел терпение продержатъ меня на коленях и утешать, пока я не успокоилась. Другой раз, когда я сильно захворала и мне поставили на грудь мушку, доктор Вольф и Артамон Захарович Муравьев не отходили от меня и по ночам сменяли друг друга.

Фердинанд Богданович Вольф вскоре сделался известен как очень искусный доктор. Слава о нем гремела, и к нему приезжали отовсюду, даже из Иркутска, просить его советов и помощи. Это был чрезвычайно сердечный человек, горячо любивший своих ближних. К больным своим относился с таким вниманием, какого я уже потом не встречала. С необыкновенно тихими, ласковыми и кроткими приемами, он умел очаровать и подчинить своей воле больных. С этим вместе он был очень образован, предан науке и во все время ссылки не переставал заниматься и интересоваться медициною. Недостатка в книгах по медицине, в хирургических инструментах, а также и в медицинских пособиях никогда не было. Благодаря заботам наших дам все это в изобилии выписывалось из России и присылалось родственниками. Позднее когда Вольф был поселен в деревне Урике, близ Иркутска, положительно весь Иркутск обращался к нему и за ним беспрестанно присылали из города. Может быть, тому способствовало его бескорыстие, которое доходило до того, что

он ничего не брал за свои визиты. Я помню один случай, произведший на всех большое впечатление. Однажды, когда он вылечил жену одного из самых крупных иркутских золотопромышленников, ему вынесли на подносе два цибика, фунтов на 5 каждый, один был наполнен чаем, а другой с золотом, и Вольф взял цибик с чаем оттолкнув тот, который был с золотом. Я была тогда ребенком, но у меня замечательно ясно врезалось в памяти, как все были поражены этим поступком и как долго о нем говорили. Тем более поражало всех такое бескорыстие, что Вольф не имел никакого состояния и жил только тем, что получал от Екатерины Федоровны Муравьевой, матери двух сосланных Муравьевых, желание которой было, чтобы он никогда не расставался с ее сыновьями. Он и был с ними неразлучен до самой смерти. жил сначала в Урике с обоими братьями, Никитой и Александром Михайловичами, потом, после смерти Никиты, переехал с Александром в Тобольск, где недолго его пережил. 60 с чем-то лет скончался этот достойный человек на руках отца и матери моих. Наружность Вольфа производила также впечатление: он был красив и необыкновенно приятен носил всегда все черное, начиная с галстука, и дома носил на голове маленькую бархатную шапочку, в виде фески. Жил он в Тобольске совершенным аскетом в маленьком домике в саду, выстроенном нарочно для него Александром Муравьевым. Замечательны были в этом человеке любовь к ближним, необыкновенное терпение и снисхождение ко всем. Он лично не искал в людях ничего от них не просил и не требовал, но был редкой отзывчивости, когда приходили к нему, призывая его на помощь, и он видел, что может быть полезен. В свое время я еще буду говорить о Вольфе, но все, что я бы ни сказала, говорить о Вольфе, но все, что я бы ни сказала, недобыл Фердинанд Богданович ¹⁰⁴.

Все, кого я здесь называла, занимались нами, моим братом и мною, как бы своими собственными детьми, но их ученицей, в строгом смысле этого слова, была я одна, так как брат был моложе. Наша детская болтовня всех забавляла. Много потешались над тем, что

я называла одного сосланного турка по имени Балла, который жил у нас, «Балла-душенька». С какой нежной заботливостью относились к нам, даже тогда, когда все сосланные жили врозь, несмотря на трудность писать друг другу, видно из письма к моему отцу моего крестного отца, Артамона Захаровича Муравьева. Оно было написано, когда мне было уже 14 лет и я была невестой, но свадьба не состоялась. Привожу это письмо, которое до сих пор у меня сохранилось целиком *.

Любезный Иван Александрович. Отъезд Владимира Александровича¹⁰⁵, дает мне давно ожидаемый случай напомнить о себе как вам, так и вашей уважаемой супруге. Будьте уверены, что мои чувства привязанности к вам несколько не уменьшились и все те же, как прежде, если же я вам не писал до сих пор, то только потому, что действительно я лишь первый раз встречаю едущего в Тобольск. Во время пребывания здесь г-на Казадаева, мы в разговорах часто вспоминали о вас и вашей жене. Он имеет к вам искреннее расположение, по отношению же ко мне он был крайне деликатен, почему я глубоко его уважаю и сохраню к нему всегдашнюю привязанность.

Примите, любезный Иван Александрович и добрейшая Прасковья Егоровна, мое поздравление и постоянное желание всего лучшего для будущего счастья моей прелестной и дорогой крестницы. Я часто встречаю товарищей по учению вашего будущего зятя, и все они не перестают его хвалить. Благодарю бога за его милость и эту счастливую встречу, как доказательство нового к вам милосердия. Я был бы счастлив знать, что моя милая Ольга хотя немного обо мне вспоминает. Что касается меня, то я ничего не забыл, даже ее первые фразы и привязанность к Балла, которая когда-то так часто заставляла меня смеяться. Я скоро ей напишу, а теперь обращаюсь к вам, чтобы вы напомнили ей о моей дружбе и передали желание всего лучшего. Попелуйте остальных членов вашего семейства, особенно Володю, который теперь большой мальчик и так хорошо учится. Напомните обо мне Петру Александровичу и Павлу Сергеевичу¹⁰⁶. Страдания Барятинского окончились, царство ему небесное. Мой поклон маме Фонвизиной и ее супругу. Почтительно целую ручки вашей жены и остаюсь сердечно преданный

Арт. Муравьев.

16 декабря 1844.
Малая Разводная.

* Подлинник, находящийся в Пушкинском Доме, на французском языке.

Понятно, что ребенку, выросшему в таких условиях, окруженному с колыбели любовью и вниманием, видевшему, что ни время, ни расстояние не сильны изменить раз образовавшиеся отношения, такому ребенку трудно было мириться с жизнью и привыкать к другим отношениям людей между собою. Часто види, как обстоятельства влияют на отношения, иногда даже самых близких между собою, я не раз вспоминала, что в детстве видела другое.

Из наших дам в Петровском заводе я более всего помню кн. Волконскую и Трубецкую. Других я ближе узнала уже впоследствии и говорить о них я буду потом. От матери я часто слышала, как много выстрадали две этих сильных, преданных женщины, последовавшие первыми за своими мужьями в Сибирь. Позднее, когда все были соединены в Чите, когда был назначен непосредственным начальником декабристов генерал-майор Лепарский, о высоких качествах души которого я уже говорила и который в высшей степени гуманно и справедливо относился к заключенным, наконец, когда жизнь более или менее установилась, тогда и горе, и невзгоды, при взаимной поддержке, легче переносились и были уже не так заметны. Но в первое время, когда немногие из декабристов, отправленные в Сибирь первыми, были привезены прямо в Нерчинский завод, куда и последовали кн. Волконская и Трубецкая жизнь была чрезвычайно трудна и полна лишений. О нравственных пытках, пережитых этими великодушными женщинами, нечего и говорить.

В Петровском заводе все было смягчено, даже оковы были впоследствии сняты, а когда я начинаю себя помнить, все женатые жили на домах со своими семьями. Правда, из тюрьмы никого из заключенных не выпускали иначе как с конвойными, которые находились даже и у женатых. Наш дом состоял из пяти довольно больших и высоких комнат, кроме передней и кухни, места постоянных забот моей матери. Не помню при всех ли домах, но у нас был огород с парниками, где летом постоянно трудились отец с матерью. Особенно вкусны были дыни, которых в Петровском заводе, конечно, нельзя было достать ни за какие деньги. В кон-

це «дамской» улицы, но на довольно большом от нее расстоянии, находилась плавильня для чугуна, который вырабатывался на заводе. Мы, дети, знали ее под названием «домны», и страшный огонь, не угасавший ни днем, ни ночью, наводил на нас ужас. На улицах, когда нас водили гулять, мы часто встречали большие партии закованных в цепи, и звук, производимый ими, остался у меня в ушах навсегда. В Петровском заводе был сад, называемый «комендантский». Мы очень любили ходить туда, так как там были качели, скамейки и беседки, которые устроил опять же добрейший старик, комендант Лепарский. Таким образом, жизнь текла мирно и однообразно, хотя, конечно, не без того, что тишина эта нарушалась иногда некоторыми приключениями. Так, например, однажды дети работающих на заводе вздумали бросать камнями в моего брата, но на записку моей матери управляющему заводом тотчас же были приняты меры, дети наказаны, и это больше уже не повторялось. Другой раз кн. Трубецкую напугал один негодяй, который в нетрезвом виде верхом преследовал ее в то время как она шла по улице. Замахиваясь кнутом, он все время повторял: «Ты прежде была княгиня, а теперь ты что?» Трубецкая едва успела вбежать к нам в дом страшно расстроенная и испуганная. Не помню, что сделали с этим человеком, но его, вероятно, не оставили без наказания.

Утраты и горе, не шалющие людей ни в каком положении, посетили также и узников Петровского завода. Все были страшно опечалены смертью одного из своих товарищей который скончался совершенно неожиданно. Это был Пестов. Вскоре после него семья декабристов перенесла новую утрату, которую все долго и горько оплакивали: скончалась одна из самых прелестных женщин, а именно Александра Григорьевна Муравьева, урожденная графиня Чернышева, жена Никиты Михайловича. Потом и в нашей семье смерть унесла сестру, которая была старше меня, и брата. Первое мое сознательное впечатление — это, когда я увидела ее, лежащую на столе.

Мать моя и некоторые из декабристов были католического вероисповедания, и когда раз в год из Иркут-

ска приезжал католический священник, то все католики собирались к нам в дом на молитву. Из тюрьмы приводили также слепого старика Сосиновича. Это был поляк, сосланный позднее, не имевший отношения к 14 декабря, но помещенный в Петровской тюрьме, где оставалось несколько свободных номеров. Несчастный старик ослеп от горя и тоски по сыне, с которым, как я слышала из разговоров взрослых, произошло что-то тоже очень печальное ¹⁰⁷.

Еще одно воспоминание из жизни на заводе осталось в моей детской памяти, это — бурят, который ездил к нам часто в гости; звали его Натан. Он, кажется, считал себя другом дома. Везжая на двор, пускал пастись лошадь, потом входил в комнаты, отдавал свои деньги на хранение матери, садился на стул и сейчас же спрашивал себе есть: «Давай кушать». Надо было видеть, как он ел! Он поглощал все, что ему подавали, не отдыхая в продолжение, по крайней мере, часа, пока с него начинал капать пот и лицо покрывалось точно маслом. Тогда он пыхтел, но все-таки говорил: «Давай еще», пока не наедался до того, что еле мог тронуться с места. Тогда с большим трудом он поднимался и отправлялся спать. Как бы извиняя свой аппетит, он нам рассказывал, что у бурят есть другая способность — голодать по несколько дней.

С 1831 года стали понемногу раз'езжаться из Петровского завода на поселение те, которым оканчивался срок каторжным работам ¹⁰⁸. Хотя между декабристами было много очень богатых людей, получавших частным образом от родных очень хорошие средства, но были и такие, которым не от кого было получать, а потому не имеющие никаких средств к существованию. Очень понятно, что мысль, как устроится и сложится жизнь на поселении, всех заботила, особенно неимущих, так как тем предстояло думать о куске хлеба. Бечасный был одним из таких и, по свойственной ему живости, он более других хлопотал, что видно из его письма к моей матери, где он с радостью сообщает распоряжение правительства, касающееся заботы о поселенных. «Теперь, мадам, — писал он, — если хотите знать новости, то могу сообщить не только верную, но

и не подлежащую никакому сомнению. Правительство дало знать не только уже поселенным, но и всем будущим поселенцам, что будет ежегодно выдаваться паек 200 рублей на прожитие и 60 рублей на одежду. Предоставляется им просить. Зная независимость вашего характера и доброту вашей высокой души, я сообщая вам эту новость, радостную как для вас, так и для нас, бедных пролетариев. Я, право, почти счастлив».

Не знаю, многие ли и кто именно воспользовались этим распоряжением, но знаю, что были такие, которые много получали из России и не нуждались в этом пособии ¹⁰⁹.

ГЛАВА ВТОРАЯ

От'езд Анненковых из Петровского завода. — Разбойник Горкин. — Крушение на Байкале. — Болезнь матери. — Правила о поселенных декабристах. — Высылка Анненкова из Иркутска. — Тревожные дни. — Неудача с хлопотами об оставлении в Иркутске. — Тяжелые роды. — В Бельске.

В 1836 году выехали из Петровского завода все, принадлежащие ко второй категории, а следовательно, и мой отец. Но по привычке своей никогда не спешить и по медлительности своего характера он выехал позднее других, а именно 20 августа, так что нам приходилось переезжать через Байкал в то время, когда там свирепствуют осенние бури, и мы едва не погибли при переправе через это бурное озеро.

Из числа тех, кто первыми оставили Петровский завод, Фонвизин, Митьков и Краснокутский были назначены в Красноярск ¹¹⁰. Отцу моему также очень хотелось поселиться там, но, не знаю почему, это не удалось, и он был назначен в село Бельское, около 130 верст от Иркутска. Там же недалеко, в деревне Урике, были поселены Волконский, братья Муравьевы — Никита и Александр, Вольф и Лунин, а в Каменке — Свистунов.

Наконец, после долгих сборов, наша семья покинула Петровский завод, где мы провели ровно 6 лет. Нас, детей, было трое. последнему брату не было еще и года. Дорога от Петровского до Байкала идет по самой живописной местности, и глазам иногда представляются изумительные картины. В одном месте пришлось подыматься по песчаной дороге на очень высокую гору. Лошади встали, отец высадил нас всех из экипажа, и мы пошли пешком, но усталые лошади не двигались с места. В это время навстречу показалась

повозка, в которой в сопровождении урядника сидел человек, закованный в ручные и ножные кандалы. Повозку остановили, и арестант предложил свои услуги — помочь лошадям вывезти в гору наши тарантасы, которые действительно были очень тяжелы от множества вещей, уложенных в них, особенно один, где был сундук с любимыми книгами отца, с которыми он никогда и потом не расставался. Это были по большей части сочинения энциклопедистов.

Человек, оказавший нам такую услугу, был известный разбойник, совершивший чуть ли не 30 разных преступлений, убийств и побегов. Звали его Горкин¹¹¹. Этот Горкин обладал особенностью, которая всех приводила в немалое смущение, а именно: когда он встряхивал руками и ногами, оковы спадали с них. Как говорили, он проделал это раз даже в присутствии генерал-губернатора Восточной Сибири Броневского, а теперь показал отцу после того, как помог сдвинуть экипаж. Броневский, говорят, пришел в ужас, когда Горкин освободился от оков, а простой народ приписывал это сверхъестественным силам. Происходило же это от того, как потом мне пришлось слышать, что Горкин умел так сжать кисти рук и поставить в такое положение ступни ног, что оковы естественно должны были спадать.

Расставшись с Горкиным, мы скоро достигли Байкала и остановились в Посольске, селе, на самом берегу озера. В то время пароходов еще не было, и переезд на небольших парусных судах, по-сибирски — баркасах, был сопряжен с большими неудобствами и даже с опасностями, особенно в бурное осеннее время, а был уже сентябрь месяц. Предстоящее нам опасное путешествие мы должны были сделать на небольшом купеческом судне и притом не особенно удобном. После трехдневного ожидания в Посольске, где также было не особенно удобно жить, капитан судна прислал сказать, что можно отправиться, так как начинал дуть попутный ветер; до тех же пор был полнейший штиль, и Байкал стоял спокойный, как зеркало. Уже вечерело, когда мы сели на судно. Капитан был молодой и неопытный. Несмотря на предупреждение старых матро-

сов, которые, по каким-то их приметам, предсказывали, что ветер должен измениться, он все-таки приказал поднять якорь. Мы поместились в каюте внизу, где отец подвесил люльку маленького брата, а нас, старших, уложили спать на койке.

Вскоре предсказания матросов начали сбываться. Ветер из попутного сделался противным, и к полночи разыгралась страшная буря. Судно качало немилосердно, оно скрипело и ныряло в волнах, которые подымались высоко и, разбиваясь, заливали палубу. Вода попадала даже и к нам в каюту. Мы с братом лежали, так как встать с коек было положительно невозможно, а меньшего мать взяла на руки и начала молиться. Отец вышел на палубу. Пришел капитан и, не знаю почему, запер каюту на ключ. Все опасались, что судно наше разобьет в щепки о подводные камни, на которые мы ежеминутно рисковали наскочить, так как управлять им не было никакой возможности. Темнота, между тем, была полная, и всеми начал овладевать страх. Внезапно почувствовался страшный толчок, и баркас покачнулся на бок. Мать с таким отчаянием рванула дверь каюты, что замок не выдержал. Капитан прибежал весь растерянный и, желая успокоить мать, приводил в пример, что генерал Чевкин, который незадолго до нас возвращался из-за Байкала с ревизии заводов, потерпел такое же крушение. Мать, как француженка, была чрезвычайно подвижного характера, очень живая, энергичная, и очень плохо говорила по-русски, но ответ у нее был всегда и на все готов. Она крикнула капитану, что ей нет дела до Чевкина. «У него одна горбѣк», желая сказать горб (известно, что генерал был горбат), «а у меня трое детей», отвечала мать. В это время произошел второй толчок, еще сильнее первого, потом третий, и судно затрещало еще с большею силою, так что казалось, что все рассыпалось. Тогда с палубы раздался отчаянный голос отца: «Pauline, passe moi plus vite les enfants, nous perissons!» [Полина, передай мне скорее детей, мы погибаем.] Мать, чуть ли не по колени в воде, быстро нас одела и перелача матросам, которые тотчас же вынесли нас на палубу, где мы услышали непонятное для нас слово «карга». Вскоре

все понемногу начали успокаиваться и благодарить бога. Карга означала мель, на которую выбросило наш баркас. Нас спасло то, что, прежде чем мы выбрались в открытое море, подул обратный ветер, который и понес нас назад в Посольск. Вблизи этого селения, далеко в море выдается песчаная коса; судно наше налетело на нее и глубоко врезалось в песок. На расстоянии не менее версты от того места, где мы стали на мель, на конце косы был маяк. Остаться на судне не было никакой возможности, и нам пришлось добираться до маяка по такому сыпучему и мокрому песку, что мы едва вытаскивали ноги. Но мы все-таки добрались наконец до теплого помещения, и мать спешила разложить и высушить вещи, а нас уложить спать на полу, где мы, измученные и утомленные, немедленно уснули крепким сном.

На другой день мы снова были в Посольске, который лишь накануне оставили, и где на этот раз нам пришлось остаться более двух недель, в ожидании, чтобы погода позволила нам решиться на переезд через Байкал. К тому же и баркас пришлось чинить, так как он сильно пострадал от перенесенных невзгод. Мать сильно захворала. Несмотря на всю силу своего характера, она все-таки сильно была потрясена всем, что пришлось пережить. Ее здоровье, прежде цветущее, теперь очень пострадало, и тем более, что она была беременна. Последствием пережитых тревог была болезнь, которую мать и потом долго страдала.

Отец был так напуган болезнью матери и крушением, что хотел отложить продолжение путешествия, а главное — переезд через Байкал, до будущей весны, но без разрешения генерал-губернатора, жившего в Иркутске, он, по своему зависимому положению, не имел права что-либо предпринимать, да притом и оставаться зимовать в Посольске было немыслимо. Он писал в Иркутск и просил разрешения остаться до весны по ту сторону озера, а именно в Верхнеудинске, где были хотя кое-какие удобства, но разрешения не последовало. Между тем, мать немного оправилась, погода наконец установилась, так что мы могли переехать на том же знакомом баркасе Байкал, на этот раз совершенно благо-

получно, а потом также благополучно приехали в Иркутск.

Но тут начались разные неприятности, огорчения, так что одно горе сменялось другим, не позволяя матери окончательно поправиться после тяжелой беременности и родов. Здоровье ее все более расшатывалось, и понятно, что как ей, так и отцу, желательно было некоторое время пробыть в Иркутске, чтобы отдохнуть от всех перенесенных волнений и поправиться. Но бывший в то время генерал-губернатором Восточной Сибири — Броневский ничего не принимал во внимание и, невзирая ни на какие просьбы отца, требовал, чтобы он немедленно выехал в Бельское — место, куда он был назначен на поселение. Жизнь в деревне представляла массу неудобств: дальность расстояния от города, невозможность иметь под рукою доктора, в пособии которого в то время так нуждалась мать, и всевозможные лишения в самых необходимых вещах, потребных для жизни образованного человека, все это было чень тяжело. Но более всего, что ужасало и страшило отца, это — безусловное подчинение сельским властям и полнейшая от них зависимость, вообще те условия, в которые были поставлены поселенные декабристы. Как потом это и оказалось, жизнь на поселении была несравненно тяжелее тюрьмы и каторжной работы. Правила были одинаковы для всех вообще, как для тех, которые были поселены в городах, так и для тех, которым назначены для житья деревни и села, но нечего и говорить, что последним было несравненно тяжелее, так как им приходилось иметь дело и зависеть от людей неразвитых и не понимающих положения вещей, хотя надо отдать справедливость, что отец не столько потерпелся от сельских властей, как от исправников и заседателей. Первые, напротив, насколько я помню, относились даже сочувственно и деликатно.

Насколько правила о поселенных были стеснительны, можно видеть из прилагаемого предписания от 25 июня, за № 396. Хотя оно относится до Громницкого¹¹², товарища отца по ссылке, но, как я уже сказала, они для всех были одинаковы.

Полина Анненкова в 1840-х гг.

*С акварели работы декабриста Н. А. Гестушева
(Из собрания Е. К. Гагариной)*

Черемховскому волостному
правлению.

Г. состоящий в должности иркутского гражданского губернатора в предписании от 20-го сего июня за № 720 пишет, что из числа доставленных сюда назначенных по высочайшему повелению на поселение государственных преступников, известных мне из предписания его превосходительства от 29-го мая № 124 — следует к водворению Петр Громницкий в селение Бельское, почему во исполнение предписания к нему г. генерал-губернатор Восточной Сибири его превосходительство поручает мне немедленно принять означенного Громницкого от г. городничего, с тем, какие у него находятся в поселении, его, Громницкого, туда донести его превосходительству и впоследствии, а именно с 1-го июля доносить ему ежемесячно о поведении его на основании предназначенных правил. В правилах же о государственных преступниках, изъясненных в предписаниях бывшего г. гражданского губернатора, изображено следующее:

1) В правилах же, о государственных преступниках изъясненных, принимая их в ведение, следует водворить на жительство в назначенные им места, под строгий надзор местного сельского начальства, чтобы они ни с кем не имели никаких связей, а колыми паче с людьми, замеченными в дурном поведении.

2) Внушить им, дабы старались обзавестись хозяйствами, быту поселян соответствующими, на каковой конец по силе высочайшей инструкции они могут получать от родственников своих, есть ли есть богатые, не более как до 2 т. рублей, равно и на ежегодное содержание до тысячи рублей, каковая сумма должна выдаваться через начальство по мере нужды их.

3) Из места жительства ни под каким предлогом ни в каких случаях выезд, за силою высочайшего повеления 22-го апреля 1827 года, никому из них не дозволяется.

4) Есть ли сии преступники будут посылать к родственникам или кому-либо другому письма свои, то всякой раз не иначе принимать от них, чтобы по наружности запечатанного пакета адресовано было на имя г-на губернатора, которые и доставить к его превосходительству при донесениях моих. Скрывание переписки строго воспрещается, почему сельское начальство должно иметь за оными преступниками неослабное наблюдение, так же от посторонних лиц не было бы получаемо ими писем и посылок.

5) Буде сии преступники пожелают себе купить дома или выстроить новые, также и другое какое заве-

дение на месте их жительства, приносящие каждому свою пользу, о том предварительно его превосходительству донести и велеть ожидать надлежащего разрешения допущено быть не может (sic!)

6) По прошествии каждого м-ца для донесения его превосходительству, государю императору и господину генерал-губернатору Восточной Сибири, возлагает на меня о поведении означенных преступников доносить его превосходительству об оных, притом и чем каждый из них в течение м-ца занимался.

7) Оным преступникам никаких обид и притеснений не делать и никому не дозвлет, а в случае какой-либо надобности оказывать должное вспомоществование.

8) Когда же придут государственные преступники на жительство своих мест и которого числа, немедленно о каждом порознь его превосходительству доносить с приложением описей их имущества.

9) Государственным преступникам, ежели они пожелают производить хлебопашество, отводить для сего потребное количество земли, как равно и сенокосные места в дачах тех селений, в коих они водворены, из которых дозволяется им выезжать токмо в тех же дачах на земледельческие работы и не долее притом, как на потребное для сего время, но за мету своих дач ни под каким видом отлучиться им не [по]зволять.

10) Сверх того, могут они заниматься разными ремеслами и рукоделиями и обучать оным других. Но строго им по закону воспрещается обучать детей грамоте.

Вследствие чего предписываю волостному правлению: а) коль скоро доставлен будет вышеозначенный преступник Петр Громницкий, г. заседателем Савинским, с коим я его отправил, немедленно принять в ведение свое, водворить в Бельскую слободу, предоставя местному сельскому начальству при снабжении оного полными упомянутыми о государственных преступниках правилами, иметь за ним строгий надзор, чтобы он ни с кем, а особливо с людьми подозрительными и развратными, никаких связей не имел; б) к сему внушить ему, чтобы он прилагал старание о устроении своего хозяйства, быту поселян соответствующего, на основании вышеизясненного положения; из места жительства своего выезд ему, кроме для земледельческих занятий в дачах того селения, где он водворен, ни под каким видом не дозволить, а в случае надобности ему в устройстве чего-либо по домообзаведению, доносить мне о том предварительно, для равномерного донесения г-ну начальнику губернии на разрешение; в) воспретить строго сему государственному преступнику иметь при себе всякого рода огнестрельное оружие; г) всем посылаемым им письмам к родственникам своим или к кому-либо дру-

гому, по запечатании адресовал бы он на имя г. иркутского гражданского губернатора, которые в таком виде обязано волостное правление, не раскрывая, доставлять ко мне в то же время при моих донесениях для представления его превосходительству, воспретив, впрочем, строго ему, преступнику, всякую переписку. Поставить в обязанность волостного и сельского начальства иметь в том за ним неослабное наблюдение, как равно и за тем, дабы им не было получаемо от посторонних лиц писем или посылок, и в случае появления таковых представлять в тот час оные ко мне; д) по прошествии каждого м-ца, начиная с 1-го июля, как о поведении того преступника Громницкого, равно и о том, чем именно он в течение м-ца занимался, доносить мне не позже 1-го числа следующего м-ца неукоснительно для равномерного о том донесения г. губернатору; е) стеснений никаких сему преступнику не делать и сего никому не дозволять, а в случае надобности оказывать ему должное вспомоществование. Которого же именно числа поступил он на жительство в Бельское селение и у кого остался в доме, немедленно мне донести с приложением в два ряда описи всему его имуществу, которое только у него окажется ¹¹³.

Громницкий уже находился в Бельске, когда назначили туда отца, который нисколько не ошибался, предвидя все неудобства жизни в небольшой и отдаленной деревне. В продолжение нашего двухлетнего пребывания в означенном селении мы не провели ни одного дня покойно.

Раньше отъезда из Иркутска отец, озабоченный здоровьем матери, еще раз обратился с просьбою к Броневскому и писал ему, прося как милости — назначить его на поселение в Красноярск, но генерал-губернатор не внял просьбам, найдя это невозможным, и приказал вывезти немедленно отца из Иркутска. Тогда, помню, мать впала в положительное отчаяние. Зима стояла жестокая, и она не могла бы вынести зимней дороги в ее болезненном и слабом состоянии и вдобавок с тремя маленькими детьми на руках. Итак, ехать нам с отцом было немислимо. Оставшись одни в Иркутске, мы страшно тосковали, мать постоянно плакала и каждый день была в слезах. Ничто не могло ее утешить, и она так была озлоблена на Броневского, что повела с ним ожесточенную войну. Отец, с своей стороны, погибал с тоски, он не выносил одиночества и положительно не

мог жить без матери, к которой всю жизнь был страшно привязан. Положение тем более было невыносимо, что нельзя было свободно переписываться, так как письма проходили через руки губернатора, а иногда их даже посылали в Петербург, что видно из письма отца к моей матери, которое он писал ей из Бельска в Иркутск.

1-го декабря. Бельск.

Я тебе пишу это письмо на всякий случай, мой дорогой и добрый друг, так как, конечно, оно будет совсем лишним, если ему придется проехаться в Петербург. Надеюсь, что по милости божьей мы будем уже вместе раньше его возвращения. Лучше было бы для нас обоих, если бы были настолько добры, чтобы раньше передали его тебе. У меня нет других средств сообщить тебе что-либо о себе. В настоящую минуту я как бы прокаженный: встречаю живых людей, избегающих сношений со мною, людей, неспособных даже сказать жене, что ее муж жив. Постарайся не падать духом и, пожалуйста, не огорчайся, так как мы скоро увидимся. Если я не добьюсь разрешения приехать в город к твоим родам, то ты приедешь в деревню, и мы во всяком случае будем в эту минуту вместе. Ты выберешь для дороги дни не особенно холодные, и господь поможет тебе и нашим детям. Уведомь меня, дорогой друг, заходит ли к тебе Вольф, когда его привозят в город лечить кого-нибудь, и кто твой и Ванюшин доктор? Большая мука для меня до сих пор не иметь никаких известий о ребенке. Я оставил его больным и мне очень тяжело было расставаться в такую минуту с семьей. Напиши мне по крайней мере, мой дорогой друг, что ты все так же благоразумна, и что сила воли тебя не покидает так же, как и прежде.

Подумай, что теперь перед родами силы нужны тебе больше, чем когда-либо, и наконец помни, что я только тогда могу быть спокоен, когда знаю, что ты не поддаешься неприятностям. Я велел выбелить стены комнаты, которую нанял для нас, а также вставил двойные рамы. Это не преминуло уменьшить и без того маленькие наши средства, и меня особенно бесят расходы на мое существование, так как это не уменьшает твоих городских, и мы расходует, таким образом, вдвойне. Только бы господь сохранил тебя с детьми, и не случилось бы с нами какого-нибудь несчастья. Перемени пожалуйста лакея: я его положительно боюсь, бог знает, что это за человек, но во всяком случае он

не внушает доверия. Прощай, мой дорогой друг, нежно целую тебя и детей, передай им мое благословение и моли господа скорее нас соединить. Твой муж

Анненков *.

Вместе с этим письмом отец писал также Броневскому следующее письмо:

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь.

Я пишу к вам с места моего заключения, куда привез меня г-н заседатель Лоскутов, невзирая ни на жестокую грудную боль, ни на лихорадку, захваченную мною при переезде через реку Китой и продолжающуюся по сие время. Жена моя, вынужденная остаться в Иркутске по случаю ее беременности, должна теперь избрать между двух крайностей одну: или находиться в разлуке со мною, или приехать ко мне и лишиться себя всех медицинских пособий в теперешнем критическом ее положении, о котором я объяснял уже господину гражданскому губернатору, и подвергнуться всем последствиям, может быть, несчастных родов. Мне не нужно в сем случае много говорить, чтобы представить вашему превосходительству всю горесть такого положения. Вы сами легко оцените ее, но прошу вас, если возможно, обоих сих несчастий избавить меня и вывести из этого ужасного положения, позволив мне немедленно приехать в Иркутск и находиться там до окончания беременности жены. Но если же это невозможно, то позвольте мне прибыть в Иркутск для объяснения лично вашему превосходительству важных для меня просьб и для препровождения моего семейства на место моего водворения.

Прошу ваше высокопревосходительство доставить прилагаемое письмо к жене моей, которая теперь находится в неизвестности о моем положении, и смею надеяться, что вы не оставите без внимания моих просьб и удостоите меня снисходительным ответом.

С глубочайшим почтением имею честь быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорный слуга.

Анненков.

28-го октября 1836.

Бельск.

На этот раз Броневский склонился на просьбы отца и дозволил ему приехать в Иркутск, чтобы перевести нас в Бельск, но здоровье матери все ухудшалось, и, таким

* Подлинник на французском языке.

образом, нам невозможно было ехать. Тогда Броневский снова приказал отцу немедленно отправиться на место его назначения. Прислали казака и нам не дали хорошенько проститься с отцом. Поступки Броневского были настолько несправедливы, что все в Иркутске ими возмущались и, не боясь его гнева многие часто навещали мою мать, здоровье которой в то время действительно находилось в опасности и возбуждало опасения. Даже жена гражданского губернатора Пятницкого часто сиживала у нас по целым вечерам¹¹⁴. Мать была доведена положительно до крайности, сильно волновалась и начала осаждать Броневского письмами.

«Ваше высокопревосходительство. — писала она ему, — так как время моих родов наступает, и я очень нездорова, я прошу вас оказать милость. разрешить мужу моему приехать в город, чтобы ходить за мною и моими детьми, которые положительно брошены на попечение посторонних лиц. Ваше превосходительство! Даже в то время, когда мы были в каторжных работах, нам оказывали милость и мы были вместе с нашими мужьями в подобные минуты страдания и опасности. Я вас умоляю не отказать мне в этом утешении теперь, когда участь наша смягчена милостью его величества. Если же вы не сообразовали мне в моей просьбе, прошу ваше превосходительство по крайней мере меня уведомить о том, чтобы я, несмотря на все мои страдания, имела возможность, каким бы то ни было способом дотащиться до деревни, где живет мой муж, чтобы быть с ним в минуту, когда жизнь всякой женщины находится в опасности» *.

Броневский ничего не отвечал. Непонятно. почему он так упрявился и не уступал на все ее просьбы и настояния переменить хотя бы место нашего поселения. Мой отец через ее посредство, указывал на Хомутово, которое было такое же село, как Бельское, но находилось ближе к Иркутску а главное — ближе к Урике, где жил доктор Вольф. Мать получила от отца черную следующую письма:

«В. пр.! Особенно затруднительное положение, в котором я нахожусь, заставляет меня взять на себя смелость обратиться к вам. Не откажите мне в вашей благосклонности. Я позволила себе утруждать вас, чтобы через ваше посредство добиться милости быть поселен-

* Подлинник на французском языке.

ной вместе с моим мужем в селе Хомутове. Счастливым случаем дает возможность выгодно купить там дом ¹¹⁸. Умоляю в. пр., соблаговолите сообщить мне, могу ли я его приобрести, а также, могу ли я или нет надеяться на эту милость. Вы мне сделаете большое одолжение, сообщив мне, если вы предвидите какое-либо затруднение к нашему переводу в это село, так как это избавит от ненужной траты денег, которых у нас мало. Прошу принять и т. д...».

На обороте по-французски же написано:

«Здесь записка, которая должна быть послана генерал-губернатору, если ни через Вольфа, ни через Наумова тебе не удастся узнать правду о его представлении. Ты увидишь, если это удобно. Во всяком случае, ее надо написать на целом листе бумаги и по команде, т. е. сперва губернатору, прося его доставить генерал-губернатору» *.

Броневский все-таки окостенел к мольбам матери. Тогда, выведенная окончательно из терпения, она хотя с большим трудом, но встала с постели, еще с большими усилиями оделась и лично поехала к нему, «Ваше превосходительство, — сказала она входя к Броневскому, — я позволила себе притти сказать вам, что вы можете делать мне неприятности только в течение шести недель, в продолжение которых я буду иметь возможность жаловаться его императорскому величеству и получить ответ из Петербурга».

Броневский обещал вызвать отца, но все-таки медлил. Отец впал в отчаяние и снова писал ему 16 декабря 1836 года:

Ваше превосходительство!

16 ноября, по приказанию вашему, меня вывели из Иркутска. Я должен был оставить больного ребенка и больную жену, ожидающую близких родов. Если в столь крайнем положении вам казалось неприличным оставить меня при ней, то позвольте мне приехать и взять ее из Иркутска по ее желанию. В деревне она не будет иметь медицинских пособий, но в случае несчастных родов, может иметь одно утешение — умереть на моих руках.

С глубочайшим почтением имею честь быть и т. д. вашего высокопревосходительства покорный слуга

Анненков.

16-го декабря 1836 года.

Бельск.

* Подлинник на французском языке.

Между тем, вернувшись от Броневского, мать почувствовала себя хуже и наконец 22 декабря преждевременно родила двух близнецов. Не обращая более внимания на Броневского, который все еще медлил вызвать отца, она нашла человека и отправила его в Бельск со следующей запискою: «Cher Ivanne je suis accouchée cette nuit de deux enfants. Arrive plus vite, et j'oublierai toutes mes peines. Je t'embrasse un million de fois. Ta femme P. Annenkoff.

Ce 22 decembre. 1836, midi» *.

Состояние здоровья матери было настолько опасно, что доктора решили сообщить о том Броневскому, который прекратил свои преследования и даже отнесся снисходительно к тому, что мать посылала к отцу без его ведома, и когда приехал отец, то позволил ему остаться до выздоровления матери и более теплого времени, но ни в каком случае не хотел переменить место поселения и настаивал на Бельске. Пришлось покориться обстоятельствам, и весною 1837 года мы оставили Иркутск, а вместе с тем много добрых знакомых, которые принимали горячее участие в семье нашей и сочувственно относились ко всем, переживаемым нами горестям и невзгодам ¹¹⁶.

В селе Бельске мы пробыли около двух лет и все это время находились в постоянных тревогах и волнениях. Жизнь была самая безотрадная и даже не совсем безопасная. Бельск когда-то был заселен ссыльными раскольниками, и в то время, когда мы жили там, большинство жителей занималось конокрадством, так что постоянно приходилось слышать, что там-то ограбили, там-то убили или, чего хуже, подожгли, чего мы особенно боялись, так как не имели почти никаких средств против пожара. Не проходило почти ни одного дня, чтобы не рассказывали о каком-нибудь ужасном происшествии. Раза два пробовали забраться и к нам. Мы все были так напуганы, что отец и мать ложились спать только тогда, когда вставала наша старая няня, находившаяся при нас.

* «Дорогой Иван! Я разрешилась этой ночью двойней. Приезжай возможно скорее, и я забуду все мои страдания. Обнимаю тебя миллион раз. Твоя жена П. Анненкова. 22 декабря 1836».

Положение наше в Бельске было тем более тяжело, что мы были тут совершенно одни, тогда как в другие места большею частью назначались на поселение по нескольку человек, а иные были назначены даже прямо в города, что делалось по просьбам их родственников, которые почти всегда принимались во внимание государем императором Николаем Павловичем, если доходили до него. Так, например, была уважена просьба моей матери, когда она просила графа Бенкендорфа довести до сведения государя императора, что в Бельске жить невозможно. Пока не последовало все милостивейшего повеления о переводе нашем в Восточную Сибирь приходилось подчиняться обстоятельствам и уживаться в Бельске, где, кроме нас, был поселен только один декабрист, Петр Федорович Громницкий, который и делил с нами все невзгоды, так обильно посетившие нас в этой глуши. Мать от постоянной тревоги, беспокойства и разных тревог все время хворала, мы же с братом подрастали и были лишены не только уроков, но даже детских игр, так как помещение было очень тесное ¹¹⁷.

Отцу с большим трудом удалось нанять у одной вдовы дом, который, как все крестьянские дома в той местности, состоял из двух комнат: одна чистая, с голландскою печкою, другая — с огромною русскою. Обе комнаты разделялись широкими сенями, где впоследствии с большим трудом удалось устроить плиту. Все это было чрезвычайно неудобно. Конечно, ни мебели, ни посуды, ничего того, что составляет необходимость для людей с известными привычками, немислимо было достать, и надо было мириться с полнейшим недостатком во всем, даже в жизненных припасах. Чтобы иметь хотя бы молоко, пришлось заводить свое хозяйство, которое отец решил устроить по образцу крестьянских, и двор наш начал наполняться лошадьми, коровами, птицею и вообще всем необходимым, чтобы жить не покупая ничего, так как купить было негде. Все эти обитатели нашего двора требовали обильного корма, а сено и овес нельзя было купить иначе как в базарном селе и то в дни базара. Село же это, названия которого не помню, было довольно далеко от Бельска, между тем отлучаться из места жительства для декабристов

было сопряжено с большими затруднениями, вследствие вновь последовавших распоряжений со стороны начальства.

Отец, как и все декабристы, был поставлен в самое затруднительное положение, он рисковал за каждый неосторожный шаг, непонятый или прямо превратно истолкованный старшиною, быть судимым и очень строго, а потому вынужден был писать по этому поводу губернатору:

Ваше превосходительство!

Г-н исправляющий должность земского исправника не сообщил еще по сие время никаких письменных относительно меня распоряжений в Бельск, а в проезд свой приказал волостному правлению предписанием, с которого прилагаю копию, объявить нам, что если мы отлучимся без особенного дозволения начальства, то будем судимы, как за побег, словесно же велел старшине осматривать ежедневно мой дом и не выпускать нас из селения без конвойного.

Подобное распоряжение внушило мне необходимость объяснить вашему превосходительству и просить вас довести до высшего начальства следующее: я высоко ценю милость государя императора, которому угодно было освободить меня на поселение, и, следовательно, по одному этому уже для меня всегда чужда будет мысль о побеге. Прибавьте к тому, что я имею жену и детей, и тогда вы верно убедитесь, что несообразность, к которой предполагают меня способным, может быть свойственна одному только безумцу, лишившемуся во все разума. Не менее того меня, не помышлявшего еще о преступлении, угрожают уже предать суду, а за всякий по нужде могущий случиться выезд, как за побег. Высшее начальство, волю которого г-н исправник выражает в своем предписании, справедливо и опытно, и, следовательно, я надеюсь, что оно меня не накажет без различия за отлучку, как за побег, — две вещи совсем разные, и не подлежащие в одинаковой степени строгой, но справедливой взыскательности законов. Не отлучаться же за черту селения без конвойного, как требует этого г-н исправник и испрашивать на каждый раз особое дозволение начальства, невозможно по медленности сношений. В Бельске не существует базара, и потому выезд в соседние деревни необходим бывает для закупки с'естных припасов, сена, дров и тому подобного. Не имея еще своего хозяйства, я должен изыскивать средства пополнять в окрестностях то, чего нельзя достать на месте, и заботиться также о дешевой

покупке припасов. Я покорнейше прошу ваше превосходительство сделать ваше распоряжение, которое бы одно определяло мое положение на поселении и дозволить мне сверх сего выезд по волости, в которой я нахожусь.

Привожу приказ, о котором говорит отец и который, по всей вероятности в копии, сохранился у меня.

Приказ
Бельскому старшине.

Г. исправляющий должность земского исправника в предписании от 29 января № 63 из'ясняет: что, по распоряжению высшего начальства, поручено ему государственным преступникам сделать строгое подтверждение, чтобы они самовольных отлучек, подобно Дружинину, который без особенного дозволения начальства сделал отлучку в Знаменскую слободу, с вынужденно взятым от старшины Тютинова на проезд туда билетом, ни под каким предлогом не осмеливались делать.

А потому волостное правление предписывает тебе сделать подтверждение государственным преступникам, в ведомстве твоём находящимся, чтоб они ни под каким предлогом самовольно отлучек подобно Дружинину не осмеливались делать, в противном случае будут судимы, как за побег. По исполнении правлению в непродолжительном времени донести.

Февраль 8-го дня 1837.

Волостной голова Кузнецов.

Наверху написано: «Получено 13 февраля».

Между тем, отец продолжал устраивать хозяйство, во-первых, потому, что это было положительно необходимо при той обстановке, в которой мы находились, а, во-вторых, это составляло занятие и развлечение. В Сибири природа чрезвычайно богатая, земли необыкновенно плодородные, и действительно заниматься сельским хозяйством стоило, и это представляло много интересного. Основываясь на том, что в правилах о поселенцах предписывалось отводить землю под хлебопашество и покосы, отец обратился к исправнику во время его проезда через Бельск и просил сделать указанные наделы. Исправник уехал, ничего не сделав. Отцу же положительно была необходима земля. Я ясно пом-

ню, как он сетовал на то, что ему не удастся получить того, на что считал себя в праве. Как человек с сильным характером и настойчивый, он снова обратился к губернатору со следующим письмом:

Ваше превосходительство!

В проезд г-на исправляющего должность замского исправника Мандрыки через Бельскую слободу я просил его отвести мне положенное число земли для хлебопашества и сенных покосов, но он не заблагорассудил исполнить благодетельную для нас в сем случае волю высшего начальства, которое предписало отводить нам земли в местах избранных для нашего поселения. Я решился на сей конец утруждать теперь ваше превосходительство, потому что я буду вынужден иначе отлучаться по крайней мере на шестьдесят верст к ближним тунгусам для приискания и покупки себе вольной травы для покоса. Средства мои не позволяют мне платить в течение зимы по пяти рублей за воз сена, как оно здесь продается, или не держать даже ни одной коровы при доме для прокормления малолетних моих детей.

Я покорнейше прошу ваше превосходительство не оставить без внимания моей просьбы и оградить меня собственным вашим распоряжением от убытков, которые предстоят мне от покупки травы и перевозки сена из столь дальнего расстояния. Нехотение г-на Мандрыки отвезти землю под посев ярового хлеба и то уже причинит важное расстройство в течение года: я буду вынужден, может быть, дорогою ценою покупать хлеб, соображаясь с засухой нынешнего года.

Позвольте упомянуть при сем, что покос здесь начинается с первых чисел июля, и я нуждаюсь к этому времени в отводе земли, после же она ни к чему не послужит.

Покос был отведен за рекою Белою, на берегу которой стоит село Бельское. Местоположение этого села чрезвычайно живописное: река Белая, широкая, красивая, с восхитительными берегами, оживляла нашу монотонную жизнь. Когда наступило жаркое время, мы каждый день ходили купаться и часто на лодке переплывали на остров, который лежал против нашего дома. Остров этот представлял прекрасную прогулку. Он был усеян цветами, которые в Сибири покрывают поля в большом изобилии, наполняя воздух благоуханием. На этом острове мы положительно отдыхали от наше-

го тесного, душного помещения, нередко проводили там по нескольку часов и очень часто пили чай.

Купаться в Белой для нас было истинным удовольствием. Кто не видал сибирских рек, тот не может себе представить, до какой степени они прекрасны. Вода чистая, прозрачная, так и манит к себе. Вы опускаетесь, не испытывая того неприятного ощущения, какое получается, когда вы купаетесь в реках с илистым дном, как в Волге, например. Вообще, я была очень разочарована Волгой, когда увидела ее после сибирских рек. Эта река, так часто воспетая, мне показалась мизерною после таких рек, как Обь, Енисей, и, в особенности, Ангара. Последняя необыкновенно величественна. Быстрота ее течения, вследствие большого падения от Байкала — ее истока, до порогов, изумительна; вода изумрудного цвета и так прозрачна, что дно видно на глубине двух аршин, если не более. Что нас прельщало в Белой, так это та же чистота и прозрачность ее вод...

АННЕНКОВЫ В НИЖНЕМ-НОВГОРОДЕ *

Анненков не сразу решился покинуть Тобольск, когда манифест Александра II открыл декабристам путь в «землю обетованную», в Европейскую Россию. К этому времени неподвижность Ивана Александровича приобрела гомерические размеры. Не даром, воспитанник декабристов, тобольский семинарист М. С. Знаменский, вспоминал, что он даже салфетку за обедом брал «с таким ленивым видом, с каким я способен был брать только одного Цицерона». Декабрист П. С. Бобрищев-Пушкин зло острил, что у Анненкова два часа уходит на то, чтобы пересест с одного стула на другой. А. Бечаснов замечал в письме к Анненкову: «Старой вашей няни я не видал, ибо был нездоров и сидел в деревне. Не помню, кто мне сказывал, что она меня отыскивала с письмом. Узнав о содержании письма, я узнал вас. Правда ли? Мне сказывали, что там было написано: Любезный Вл. Алекс. — и только???»

Такому человеку не легко было пуститься зимою в далекий путь, и все нетерпение Прасковьи Егоровны, горевшей желанием скорее ехать в Россию, казалось, ни к чему не приводило. Так, в различных отсрочках кончился 1856 год, а с наступлением следующего, 1857 г., Иван Александрович серьезно захворал, и самая жизнь его находилась в опасности. При таких условиях, вопрос об отъезде, конечно, снова откладывался на не-

* Настоящий очерк составлен С. Я. Гессеном и А. В. Предтеченским по рассказам Е. К. Гагариной, по документам семейного архива (собрание Е. К. Гагариной) и по письмам декабристов к Анненковым (собрание Пушкинского Дома).

определенное время. Но и тогда, когда Анненков уже стал поправляться, он из-за слабости здоровья все еще не решался пускаться в далекий путь. Прасковья Егоровна нервничала и хандрила в Тобольске, дети — Ольга и Иван, давно уже находившийся в России, тосковали и не знали, чем объяснить эти промедления. А Анненков пребывал в мрачной нерешительности, вопреки настояниям друзей-декабристов, давно перебравшихся по ту сторону Урала и уговаривавших Ивана Александровича скорее следовать их примеру. «Я уверен, — писал из Нижнего Свистунов, — что путешествие поправит вас вернее, нежели все лекарства, вместе взятые. Отправляйтесь в путь возможно скорее».

С самого начала у Анненкова зародилась мысль о переезде в Нижний, где тогда губернаторствовал декабрист А. Н. Муравьев. В этом направлении и хлопотали его товарищи. Свистунов, собиравшийся перебираться из Нижнего в Калугу, заблаговременно заботился о подыскании для Анненковых помещения и завещал им все свое домашнее обзаведение. Он же, совместно с И. И. Пущиным и Е. И. Якушкиным, сыном декабриста, хлопотал о его служебном положении по возвращении в Россию. Темп этих хлопот заметно не соответствовал характеру Ивана Александровича. Еще 10 января 1857 г. И. И. Пущин писал по этому поводу в неопубликованном письме, которое позволяем себе привести целиком:

10 Января 857.

Со взморья, с дачи брата Николая, пишу вам, любезный друг Иван Александрович. Приветствую вас, добрую Прасковью Егоровну, милую Наташу, Володю и Николая с наступающим новым годом. Всем вам от души желаю всего лучшего.

На-днях узнал, что по желанию вашему устроен ваш выезд из Сибири. Подробности дела описал вам Константин Иванович, и верно вы уже получили официальную бумагу. Сердечно радуюсь, что нет препятствий к оставлению Сибири. Без сомнения, вы не будете медлить и воспользуетесь зимним путем. Назначение ваше в Нижний несколько не обязательно, — если пожелаете переменить место служения, то это всегда можно. Впрочем, я надеюсь, что вам понравится иметь дело с А. Н. Муравьевым, и, во всяком случае, достигнувши Нижнего, вы на пути, куда бы ни вздумали направить

Иван Александрович Анненков в 1860-х гг.

(По фотографии, из собрания Е. К. Гагариной)

полет. Вдобавок это место из самых дешевых для существования, что тоже не безделица. Итак, благословясь, снимайтесь с якоря. Отсюда вижу, как довольна Прасковья Егоровна возможности проститься с Тобольском. Помогай бог. Пожалуйста не медлите — летний путь еще далеко и требует лишних издержек.

Олинька нетерпеливо вас ждет, я несколько раз виделся с нею, пока был в Петербурге, и сюда уже она приезжала с Константином Ивановичем.

Я вполне возвратом на родину наслаждался, одна только нога до сих пор мешает мне действовать. Это время еще не удалось заняться починкой ноги. Все надобно кого-нибудь из родных и друзей видеть. С самого Нижнего все отрадны встречи. Когда-нибудь, бог даст, увидимся — потолкуем. Так время наполнено, что нет возможности заняться перепиской. Вера Ивановна Анненкова в числе многих, необыкновенно балующих меня. Эта женщина с теплой душой восполняет ту дружбу и радушие, которые я везде встречаю. Когда увидите ее, сами в этом убедитесь.

Барон [Штейнгель] вам кланяется, он попрежнему ходит и занимается мимикой. Не успели еще с ним поговорить особняком, все встречались в публике. Сын его славный человек — это общий голос.

Олинька верно вам писала, что я в вагоне встретился с Башмаковым молодым, который хотел послать денег нашему старику — хотел доставлять ему ежегодно 900 целковых. Без сомнения начало этому делу уже положено, и Флегонт Миронович успокоен, потому что молодой Башмаков намерен был выслать в Тобольск 150 ц. тотчас по приезде в Петербург. Я с ним расстался в Твери, оставшись у племянницы Полторацкой на сутки.

Обнимаю вас крепко. Верный вам И. Пущин ¹¹⁸.

В ряду прочих забот, Анненкова тревожила перспектива подвергнуться на родине новому мелочному надзору. Тревога эта была не безосновательна, а источники ее чрезвычайно любопытны для характеристики положения вообще амнистированных декабристов. 16 января 1757 г. из Н.-Новгорода Свистунов писал Анненкову «по поводу известной вам бумаги, в которой говорилось о надзоре, коему министр Ланской, или, вернее, чиновник его канцелярии, хотел вас подвергнуть своим частным распоряжением. Сергей Петрович [Трубецкой] писал своей сестре Потемкиной, ссылаясь на русскую поговорку «где жалует царь, не разжалует псарь». Она говорила с Долгоруким, встреченным ею

в салоне, который засвидетельствовал ей, что он не слышал ни о каком распоряжении касательно надзора за вами со стороны кого бы то ни было. Самое любопытное в этом то, что есть бумага одного из министров сибирским губернаторам, в которой требуется установить два разряда: один для амнистированных, другой для оставляемых под надзором. Виктор Антонович [Арцимович] направил здешнему губернатору чиновника, через которого он поручил ему установить надзор за Пушиным. Губернатор был чрезвычайно удивлен этим известием и обратился к министру за разъяснениями. Он считает, что это — секретный надзор, и, стало быть, дело жандармерии, тогда как у него на это нет ни полномочий, ни средств». (Подлинник на французском языке.)

Вскоре после того вопрос о переводе Анненкова вполне оформился. 7 февраля Свистунов извещал Ивана Александровича, что от самого губернатора слышал о его переводе. После того потребовалось, однако, еще около полугода на то, чтобы объединенные усилия Прасковьи Егоровны и друзей-декабристов возымели действие. В июне Анненков был определен «на службу в Нижегородскую губернию с назначением состоять при начальнике губернии сверх штата», и в конце следующего месяца Анненковы выехали в Нижний.

Прасковье Егоровне было под шестьдесят лет, когда она возвращалась в Россию. Отшумевшие грозы оставались далеко позади, и жизнь, входившая все более в обыденную колею, не требовала уже того колоссального напряжения всех душевных сил, как прежде. Она и сквозь тридцатилетнюю ссылку, вопреки всем невгодам и болезням, казалось, пронесла в неприкосновенности свою поразительную жизнеспособность. Сибирские снега бессильны были затушить горевший в ней огонь, но самому огню этому теперь, на закате, оставалось освещать только семейный очаг.

Анненковы навсегда обосновывались в Нижнем. Дом они снимали на Большой Печорке. Все пережитое по-новому воспитало их вкусы, ограничив потребности. Поэтому и обстановка у них была чрезвычайно скромная: в гостиной стоял диван, с боков по три кресла,

вдоль стен — стулья, и у самого окна — кушетка, излюбленное место Прасковьи Егоровны. В семье господствовал строгий, раз навсегда заведенный порядок. Между тем как на женской половине царила безгранично Прасковья Егоровна, во всех остальных делах главенствующую роль играл Иван Александрович. И надо сказать, что в домашнем быту он был крайне деспотичен: весь дом жил, как того хотел Анненков. Для Прасковьи Егоровны, при ее французском воспитании, такое положение вещей казалось вполне естественным, и иной жизни она не мыслила.

А властный характер Анненкова часто давал себя весьма основательно чувствовать всем членам семьи. Так, без его разрешения никто, ни даже жена, не имел права велеть заложить лошадей, и обыкновенно вынуждены бывали ходить пешком. Но когда в городе случалась ярмарка, то все городские магазины, исключая сестных переводились туда. Попасть на ярмарку пешком, по дальности расстояния, бывало крайне затруднительно. В таких случаях надлежало за помощью обращаться к Прасковье Егоровне, которая, улучив у мужа счастливую минуту, получала требуемое разрешение. Из конюшни выводили по несколько дней не запрягавшихся, оплывших жиром лошадей, которые необычайно быстро уставали и к возвращению домой буквально сплошь покрывались мылом. Иван Александрович стоял на крыльце и неизменно, при виде взмыленных лошадей, сердился на приехавших: «Опять загнали лошадей!» Заботливость его о лошадях простиралась до того, что он и для себя лично старался их не тревожить. «Дома я буду в субботу, — пишет он жене во время одной из своих поездок, — для меня не стоит беспокоить лошадей. Достаточно будет телеги для чемодана, а я приеду на извозчике».

Семья поднималась и закусывала в девять часов утра, после чего Иван Александрович обыкновенно удалялся к себе в кабинет, или в «Дворянскую канцелярию», помещавшуюся дома, либо же ехал в земскую управу. Обед бывал в пять, и, в промежутке, по заведенному им порядку, не полагалось кушать. С трудом удалось О. И. Ивановой получить у матери разреше-

ние на то, чтобы детям ее давали завтрак. Завтраки происходили, правда, в столовой, но за маленьким столиком, наспех, причем Прасковья Егоровна стояла неизменно в дверях, ведущих в комнаты Ивана Александровича, с таким расчетом, чтобы он никак не мог увидеть этого нарушения порядка. «Ну, кушайте же, кушайте же скорее, — торопила Прасковья Егоровна, — а то дедушка увидит!..»

В пять часов вся семья собиралась к обеду, который продолжался часа два, ибо Анненков ел крайне медленно и много и, несмотря на то, что бывало по 6—5 блюд, он всего брал вторую порцию, а пока он не кончал, конечно, не подавали следующего блюда. После обеда Иван Александрович на два часа укладывался спать, и тогда в доме воцарялась гробовая тишина, хотя он и спал богатырским сном, так что никакой шум не мог бы его потревожить. Вечером старики усаживались в гостиной, он на диване, она на кушетке, с шитьем либо вязаньем. Анненков сидел неизменно в одной позе, переложив ногу на ногу, таким образом, что мог видеть свою подошву. Повидимому, это была еще тюремная привычка. По крайней мере, Прасковья Егоровна говорила, что так он сидел в крепости целыми часами. В руке у него была неизменная табакерка, и зачастую рука с понюшкой табаку долгое время оставалась висящей в воздухе. Так просиживали они до двух и до трех часов ночи, углубленные в свои мысли.

Прасковья Егоровна и в старости была полною противоположностью мужу. Она никогда не оставалась без дела, и подвижность ее не знала границ. Хотя она так и не научилась хорошенько говорить по-русски и выражалась ужасно, но, тем не менее, отлично и весьма энергически объяснялась с прислугой. Конечно, не обходилось без курьезов. Так, как-то, ухаживая за цветами, которых было множество в первой комнате, она закричала лакею: «Скарей, скарей, принеси поганый стул!» — «Какой поганый стул?» — «Из кухни! Поганый стул!» Внучка догадалась, что это должно было обозначать табурет. При всем том, Прасковья Егоровна содержала хозяйство в образцо-

вом порядке. Правда, жили Анненковы замкнуто. Но хотя они и не устраивали приемов, тем не менее, вследствие высокого и влиятельного положения, которое занимал Иван Александрович в Нижнем, к ним целый день ездили. Он не всегда даже выходил, и всех принимала Прасковья Егоровна. Она постоянно носилась по дому, и часто Иван Александрович, сидя в кресле, кричал жене, бывшей где-нибудь наверху в мезонине: «Полина, дай мне носовой платок», хотя этот последний лежал в двух шагах от него.

Центром забот Анненковых были дети. Заботы эти особенно обострились еще в Сибири, по мере того как сыновья стали подрастать, и приходилось думать об их дальнейшей судьбе. В 1849 г. старший сын Владимир окончил гимназию, и Иван Александрович стал хлопотать об устройстве его в университет. Усилия его не увенчались успехом. Приводим документ, положивший конец надеждам Анненкова дать сыновьям высшее образование и, с тем вместе, характеризующий отношение к декабристам правительства уже в конце царствования Николая I:

Копия.

Главное
Управление Западной Сибири.

Отдел I.

Стол I.

6 августа 1849 г.

№ 9775

Господину тобольскому гра-
жданскому губернатору.

Шеф корпуса жандармов, граф Орлов, уведомил меня от 8 минувшего июля, что государь император по всеподданейшему его докладу моих представлений высочайше повелеть соизволил: сыновьям коллежского регистратора Ивана Анненкова, обучающимся в тобольской гимназии, предоставить все права, которых они будут достойны по успехам в науках и поведении.

О таковой монаршей воле уведомляя ваше превосходительство, для надлежащего распоряжения, долгом считаю присовокупить, что об оной сообщено графом Орловым также гг. министрам: военному, внутренних дел, юстиции и народного просвещения. Что же касается до просьб Анненкова и жены его о признании детей их обер-офицерскими детьми и о дозволении старшему сыну их поступить в университет, то высочайшего соизволения на сие не последовало. По сему, вследствие представления от 1 июля за № 4808, о дозволении старшему их сыну Владимиру Анненкову вступить в гражданскую службу с правом на чин

14 класса, я прошу вас, милостивый государь войти в сношение с иркутскою казенною палатою по предмету утверждения Владимира Анненкова на службе, на точном основании 1923 ст. уст. о служ. по опред. от правит., т. 3, изд. 1842 г., так как из донесения канцелярии тобольского общего губернского управления от 29 июля сего года за № 489 видно, что государственного преступника Анненкова на счету тобольской казенной палаты не состояло, так как он по ревизским сказкам не записан, а потому и сын его Владимир по книге о льготных поселенческих детях не значится.

Таким образом, Владимир Анненков, талантливый и одаренный юноша, вынужден был начинать службу в должности канцелярского писца. Но даже в те тяжелые времена его неоспоримые достоинства взяли верх над клеймом «сына государственного преступника», и впоследствии он достиг поста председателя окружного суда.

Так же начинал карьеру и второй сын Анненковых — Иван. Очень скоро, однако, он рассудил перейти в военную службу, где полагал найти больше возможностей выдвинуться, и завязалась новая длительная переписка. О том, каких трудностей стоило его определение Ивану Александровичу, свидетельствуют достаточно наглядно приводимые ниже документы:

Копия.

III отделение собственной
его императорского величества
канцелярии

Э. с. ед. оц. I
17 сентября 1853 г.
№ 1642

Господину тобольскому
губернатору.

Исправляющий должность председателя тобольского приказа общественного призрения губернский секретарь Анненков просил об определении сына его Ивана в военную службу, с теми преимуществами, какие присвоены приобретенному им с окончанием курса гимназии праву на чин 14 класса.

По сообщении сей просьбы военному министру и всеподданнейшему докладу его по оной, г. генерал-адъютант князь Долгоруков уведомил, что государь император высочайше соизволил: разрешить сына Анненкова определить в военную службу унтер-офицером, без экзамена, на правах вольноопределяющегося.

О таковой высочайшей воле, для распоряжения к объявлению оной просителю, сообщено мною 10 сего месяца г. министру внутренних дел.

Ныне, вследствие отношения г. дежурного генерала главного штаба его императорского величества, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство, истребовать от помянутого Ивана Анненкова метрическое свидетельство о рождении и крещении его, также аттестат об окончании курса, доставить сии документы, вместе с формулярным о службе отца его списком, в инспекторский департамент военного министерства, сообщив в то же время сему департаменту, в какой именно полк желает Анненков поступить на службу.

Управляющий отделением
генерал-лейтенант Дубенский Я.

Список с отношения 1-го отделения главного управления Западной Сибири в канцелярию тобольского общего губернского управления, от 17-го октября 1853 г. за № 1165.

1-е отделение главного управления Западной Сибири препровождает при сем обратно представленные г. тобольским гражданским губернатором от 9 сентября за № 6405 метрическое свидетельство о рождении и крещении и аттестат о науках служащего в штате тобольского губернского суда писца Ивана Анненкова, так как за последовавшим ныне высочайшим разрешением на принятие Анненкова в военную службу (изясненным в определении г. генерал-губернатора за № 1518) представление об утверждении его в чине коллежского регистратора не требует уже разрешения.

Только в конце декабря Анненков узнал, что «государь император по всеподданнейшему докладу просьбы губернского секретаря Анненкова (из бывших государственных преступников) высочайше повелеть соизволил: сына его, Ивана Анненкова, кончившего курс в тобольской гимназии, с правом на чин 14-го класса. определить согласно с его желанием в военную службу унтер-офицером без экзамена, на правах вольноопределяющегося I разряда».

Этот Иван, Ванюша, не отличавшийся особенно положительным характером и пользовавшийся головокружительным успехом у женщин, служил предметом особых забот и беспокойств родителей, о чем свидетельствуют письма Анненкова к дочери О. И. Ивановой (см. стр. 282—286). Должно, впрочем, оговорить, что Анненковы предоставляли сыновьям полнейшую свободу действий, и если случалось им воздействовать

на детей, то делали они это совершенно нечувствительно для последних.

Младший сын, Николай, умерший около 1873 г., много и подолгу хворал. Упоминание об его болезни встречается в письме Прасковьи Егоровны к мужу еще от 11 апреля 1859 г., причем она пользуется случайным поводом, чтобы преподать мужу маленький урок насчет его постоянных страхов: «Врача, лечившего сына, достиг удар, парализовавший все тело. что меня крайне огорчает. Это — предупреждение тебе, милый друг: ты так боишься всякой потери крови, а между тем должен благодарить бога, когда это случается».

В 1862 г. Анненкову, после больших трудов, удалось устроить Николая в Пензу мировым посредником (как позднее и Ивана). По этому случаю он в письме к жене, от 7 сентября, разразился горькой филиппикой относительно непослушания сыновей: «Нет никакого сладу с детьми. Все хотят делать по-своему, всегда недовольны тем, что я для них делаю, а сами только глупости вытворяют».

Смерть Николая явилась последним ударом, который суждено было пережить 73-летней Прасковье Егоровне. Она перенесла эту потерю со свойственным ей стоицизмом, но оправиться совсем уже не могла. Она перестала выезжать, и тогда тяжелая обязанность сопровождения на балы младшей незамужней дочери, Натальи, пала на Ивана Александровича, который эту повинность выполнял с присущей ему аккуратностью и методичностью. Наталья с детства проявлявшая признаки психического расстройства болезненно боялась всего холодного, до такой степени, что не касалась голдой ручкой дверной ручки. Поэтому Иван Александрович, за несколько времени до отъезда на бал, клал ее браслеты в карманы сюртука и методично проглатывался по комнатам, в ожидании пока они согревались.

Так же методичен и исполнительен был он и в отношении всех принятых на себя обязанностей. А обязанностей этих было очень много. Кроме деятельного участия в осуществлении крестьянской реформы и зачатий по должности вездного предводителя дворянства, Анненкову много внимания приходилось уделять своим

имениям, доставшимся ему в крайне запущенном состоянии, заложенными и перезаложенными в опекуном совете. Поэтому ему нередко случалось разезжать по делам, и всякая такая поездка являлась для Ивана Александровича пыткой. Он собирался в путь по две недели, а то и долее. С чердака приносили чемодан, который целыми днями стоял раскрытым, куда Прасковья Егоровна ходила за ним по пятам, настаивая на скорейшем отъезде. Как некогда, перед выездом из Сибири, он придумывал всевозможные оттяжки и отсрочки. Но и отправившись уже в путь, Анненков проявлял непреодолимую склонность к разным остановкам, хотя сам же и журил себя за это. Письма его к Прасковье Егоровне пестрят объяснениями и истолкованиями путевых задержек. Всякий раз случается, что «дорога ужасна», «снега выпало множество», «подвигаться можно только шагом» и т. д.

Вот одно такое письмо, рисующее Анненкова в дороге *:

Пишу тебе, дорогая Полина, из Арзамаса, где я ночую, чтобы завтра утром устроить некоторые свои дела. Завтра я буду в деревнях, если бог позволит. Я не могу подвигаться быстрее, так как в буквальном смысле не было дорог. На первой станции от Нижнего переждал ураган, застигший меня. Молодой офицер Нелидов, который поторопился ехать, заблудился и провел ночь в овраге, что успокоительно действовало на угрызения моей совести за промедление.

Ехать можно только шагом, так много выпало снега. Кибитка хороша, даже превосходна, но для троих, я думаю, она будет мала. Пошли к этому офицеру, лесничему, которого знает Екатерина Сергеевна, и который продаст вишневую наливку, возьми ее у него. Он пождет моего возвращения, если у тебя не хватит денег. Нужно бы также справиться о мебели, которую он продает. К 15-му я рассчитываю вернуться. До свидания, будь здорова, целую вас всех нежно и посылаю свое благословение.

И. Анненков.

Подобно многим возвращенным в Россию декабристам, Анненков принял горячее и деятельное участие

* Подлинник на французском языке. Упомянутая в письме Екатерина Сергеевна, должно быть, жена сына Ивана, рожд. кн. Гагарина.

в осуществлении крестьянской реформы. Впервые он столкнулся с вопросом об освобождении крестьян в 1858 г., когда был назначен членом от правительства в Комитете по улучшению быта помещичьих крестьян. Позднее он состоял членом Нижегородского губернского присутствия, причем в этой должности имел ближайшее отношение к разработке реформы 1861 г. Наконец, уже после реформы, Анненков занял должность председателя Нижегородского съезда мировых посредников. На этом поприще он заслужил большую популярность среди передовых слоев нижегородского общества, видевших в нем одного из наиболее гуманных и убежденных деятелей крестьянской реформы.

Так протекали последние годы старика-декабриста и его жены, даже на закате своем не раз заволакивавшиеся тревожными тучами. В 1860 г. Анненков ездил на четыре месяца за границу. Вслед за тем, в 1861 г., съездила на родину и Прасковья Егоровна. Об этой поездке ее, к сожалению, не сохранилось никаких следов, исключая случайного упоминания в черновой рукописи воспоминаний (стр. 80). Вероятно, она и не долго отсутствовала, потому что Анненков, положительно, не мог жить без нее. «Ты не можешь себе представить, как мне тяжело без тебя», жаловался он ей в 1862 г. из Пензы. Прасковья Егоровна в семейном кругу любила подтрунивать добродушно над этой внешней несамостоятельностью и медлительностью мужа. В отсутствие его она часто вспоминала случай из молодости Анненкова, когда он запаздывал на развод и, чтобы избежать штрафа, усадил солдат на извозчиков и таким образом прибыл во-время к месту назначения.

Рассказывала она и другой случай, относящийся уже ко времени их пребывания в Нижнем. В проезд в кн. Марии Федоровны Анненков должен был иметь аудиенцию на которую отправлялся с младшей дочерью. Однако они так долго собирались и одевались, что под'ехали к Кремлю, когда уже все кареты от'езжали оттуда. Переждав, пока кончился раз'езд, Анненков, тем не менее, проехал в Кремль и просил доложить о себе. Аудиенция была ему дана. Прасковья Егоровна, видев-

шая в окно раз'езд, встретила мужа упреками: «Ну, ты, конечно, опоздал!» Анненков, со свойственной ему невозмутимостью, отвечал: «Нисколько. Нас приняли отдельно».

Смерть Прасковьи Егоровны наступила внезапно. Утром 14 сентября 1876 г. ее нашли в постели уже похолодевшей. В это же утро кончилась, по существу, жизнь и Ивана Александровича, — жить без нее он не смог, душевная болезнь его быстро прогрессировала, и через год с лишним, 27 января 1878 г., его не стало.

«После смерти И. А. Анненкова, — писал в некрологе декабрист Розен, — осталось в живых восемь из так называемых декабристов». Круг первых русских революционеров, редая, смыкался все уже...

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПИСЬМА П. Е. АННЕНКОВОЙ

Эпистолярное наследие П. Е. Анненковой очень скудно. Большая часть сохранившейся ее корреспонденции включает в себе официальные письма и прошения, адресованные к различным правительственным лицам. Среди них автографов почти не имеется. Большинство из них писаны рукою И. А. Анненкова. В отношении русских писем это объясняется тем, что Анненкова до конца жизни не овладела русским языком настолько, чтобы писать на нем. Что же касается сохранившейся французской корреспонденции, то авторство Анненкова вызывалось ее официальным характером: во всяких сношениях с правительством И. А. Анненков, конечно, должен был обладать и большим опытом, и большим знакомством с русскими делами.

В собрании Е. К. Гагариной сохранилось несколько писем-автографов Анненковой, относящихся ко времени пребывания Анненковых в Нижнем. Они носят настолько узко-деловой характер, что опубликование их целиком не представляет интереса. В значительной степени материал, заключающийся в этих письмах, использован для очерка «Анненковы в Нижнем-Новгороде». Нельзя не выразить сожаления, что эпистолярное наследие Анненковой столь бедно: судя по сохранившимся ее автографам, она обладала несомненным литературным даром.

Р е д.

I

Н и к о л а ю I.

Ваше величество, позвольте матери припасть к стопам вашего величества и просить, как милости, разрешения разделить ссылку ее гражданского супруга. Религия, ваша воля, государь, и закон научат нас, как исправить нашу ошибку. Я всецело жертвую собой человеку, без которого я не могу долее жить. Это самое пламенное мое желание. Я была бы его законной супругой в глазах церкви и перед законом, если бы я

захотела преступить правила совестливости. Я не знала о его виновности; мы соединились неразрывными узами. Для меня было достаточно его любви...

Милосердие есть отличительное свойство царской семьи. Мы видим столько примеров этому в летописях России, что я осмеливаюсь надеяться, что ваше величество последуете естественному внушению своего великодушного сердца.

В нашей ссылке, государь, я буду благоговейно исполнять все ваши повеления. Мы будем благословлять священную руку, которая сохранит нам жизнь, бесспорно весьма тяжкую, но мы употребим все силы, чтобы наставить нашу нежно любимую дочь на путь чести и добродетели. Мы будем молить бога о том, чтобы он увенчал вас славою. Мы будем просить его, чтобы он излил на ваше величество и ваше августейшее семейство все свои благодеяния.

Соблаговолите, государь, открыть вашу высокую душу состраданию, милостиво дозволив мне разделить его изгнание. Я откажусь от своего отечества и готова всецело подчиниться вашим законам.

У подножья вашего престола молю на коленях об этой милости... Надеюсь на нее.

Остаюсь, государь, вашего величества покорной верноподанной

Полина Поль *.

Вязьма, 16 мая 1827.

На письме резолюция: «Писать Лепарскому, чтоб он объявил Анненкову о просьбе и намерении такой-то. Требовать его объяснения — желает ли он иметь ее своею законною женою; без его согласия и решительного намерения г-жа N не получит позволение отправиться в Сибирь ¹¹⁹».

27 мая.

2

А. С. Лавинскому.

Генерал, позвольте припасть к стопам вашего высокопревосходительства, чтобы умолять о позволении

* Подлинник на французском языке.

продолжать путь до места изгнания Анненкова. С тех пор, что я здесь, все три недели, я ни часа, ни минуты, не перестаю плакать.

Соблаговолите, генерал, открыть вашу душу жалости и даруйте мне разрешение как можно скорее уехать. У ног вашего высокопревосходительства прошу оказать мне эту милость. Я буду надеяться.

Остаюсь, генерал, вашему высокопревосходительству искренно преданная

Полина Поль *.

Иркутск, 19 февраля 1828 ^{гг.}

3

Н и к о л а ю I.

Чита, 21 апреля 1828 г.

Государь! Благодаря великодушию и доброму участию вашего императорского величества я соединена с человеком, которому я хотела посвятить всю мою жизнь. В эту торжественную для меня минуту непреодолимое чувство заставляет меня повернуться к стопам вашего императорского величества, чтобы выразить чувства глубокой и почтительной благодарности, которыми вечно будет преисполнено мое сердце.

Государь, вы соблаговолители протянуть руку помощи иностранке, беззащитной и безо всякой поддержки. Эта августейшая и несравненная доброта дает мне смелость опять обратиться к вашему императорскому величеству, как к самому милостивому из монархов.

Муж мой предназначил мне сумму в шестьдесят тысяч рублей, которая была отобрана банковыми билетами во время его арестования. По его просьбе Следственному комитету, и прежде нежели был произнесен его приговор, она была отдана в руки его матери, которой было известно и которая одобряла ее назначение. Теперь эта сумма оспаривается наследниками моего несчастного мужа.

Государь! Без этой суммы я не имею средств к существованию, и крайняя нужда будет моим уделом.

* Подлинник на французском языке.

Соблаговолите приказать ее возвратить. Государь, dokonчите ваши благодеяния. С почтительным упованием в величие вашей души я припадаю к стопам вашего величества и осмеливаюсь умолять обеспечить существование той, которую вам уже раз угодно было спасти.

Государь! Здесь я должна была бы остановиться. Преступление моего мужа должно бы, может быть, воспретить мне всякое ходатайство за его несчастную дочь. Глубокое раскаяние, которое наполняет и терзает его душу, его мучения, которых я свидетельница, не дают мне, я это чувствую, никакого права просить за нее ваше императорское величество, но ваше великодушное сердце, ваши благодеяния даже ободряют меня. Наша несчастная и невинная сирота без средств, без родителей, даже без имени. Сжальтесь, ваше величество, над этим несчастным существом и соблаговолите позволить ей носить имя тех, которым она обязана жизнью.

Простите, государь, что я дерзнула еще раз возвысить голос до вашего трона: благодеяния, которыми вы меня уже осыпали, должны бы мне только позволить приывать благословение неба на моего августейшего благодетеля.

Проникнутая живейшей и почтительнейшей признательностью к вашему величеству, остаюсь с глубочайшим почтением и безграничной преданностью, государь, вашего величества верноподданная

Паулина Анненкова ¹²¹.

4

Ф. О. Смольяниновой ¹²².

[Петровский завод, 1830].

Дражайшая Филанцета Осиповна!

Поставляя обязанностью себе воспользоваться случаем написать к вам несколько строк, который судьбе угодно было теперь доставить, спешу принести вам и долгом почитаю возобновить стократное мое уверение

в вечной моей признательности за ваши ласки и всего семейства вашего.

Поздравляю вас с выбором, сделанным для Сашиньки и с устроением ее судьбы; дай бог, чтоб она была счастлива, как она заслуживает и еще более для утешения ваших дней в награду за ваше доброе сердце ¹²³. Вы не поверите, любезная Филанцета Осиповна, что я до сих пор еще грущу ежедневно, что мы разлучены с вами, и что я молю бога еще раз с вами свидеться. Отпустите теперь хоть Сашиньку побывать к нам, и это будет для нас истинная радость. Я несколько раз собиралась к вам писать все это время, но с иными оказиями я боялась, а Чистохина и Осипа Адамовича ¹²⁴ во время их отъезда в Читу не могла добиться увидеть, дабы вручить им мои письма. Комиссии ваши, которые вы препоручили, я уже уведомляла вас, были исполнены, и на оные, я думаю, вы получили давно ответы. Недавно же я послала к вам бисеру немного и узор, прося вас вышить для Трубецкой по оному ридикюль, но такое обстоятельство было, что понадобилось записку уничтожить, и посылку так оставить, без письма, что верно вас удивило ¹²⁵. Теперь прошу вас извинить за ее и принять мое благодарение за подарки, присланные детям моим с Осип Адамовичем в последнюю поездку. Аннушка и Олинька тоже благодарят и целуют вас заочно. Муж мой с некоторого времени не очень здоров, и это меня сокрушает, хотя и я расстроилась совершенно после несчастной беременности, какова теперь со мной была, я едва начинаю ходить и очень медленно поправляюсь. Как все это кончится? Но покудова очень плохо, что-то нам счастье. Мать моего мужа нас час от часу забывает, и я прошу вас, Филанцета Осиповна, не приписать к нашему забвению или неблагодарности, если я ничего вам не могу по сие время послать. Я уверена, что вы не вмените это мне в нерасположение, и прошу вас быть убежденной, как и прежде, в моей преданности и истинном уважении, с коим имею честь пребыть покорная слуга.

П. Анненкова.

Позвольте и мне, почтеннейшая Филанцета Осиповна, засвидетельствовать вам глубочайшее почтение, равно и семейству вашему, поздравить вас с приращением оно́го, пожелать вам с легкой руки, чтоб продолжалось и далее, и уверить вас в неперемennых чувствах признательности за ваши ласки, с коими и имею честь пребыть.

Покорный ваш слуга Анненков.

5

Ф. О. Смольяниновой.

Петровский завод.

Дражайшая Филанцета Осиповна!

Я уже не смею извиняться перед вами в моей не-исправности и собралась вам написать в такое время, когда не имею ничего утешительного сообщить, а только что увеличу ваши скорби моей горестию.

Вы уже знаете потерю, которую я сделала, и как вы говорите, одно только утешение и есть, что Аннушка избранная богом, и не имеет пашей ответственности на себе; но удар сей, которым всевышний наказует нас, останется неизгладим в душе моей. Описывать вам, что я претерпеваю в горестном моем положении, я не стану: вы сами имели несчастье претерпеть не меньшую моей потерю и, верно, меня поймете; только любезная Филанцета Осиповна, не предавайтесь вы печали и сохраните хотя остатки вашего здоровья. Я узнаю, к сожалению моему, что оно день ото дня более расстраивается и прошу вас воспользоваться единственным случаем, который вам предстоит его поправить: приезжайте в Петровск, покудова г. Вольф здесь, может быть, он вам принесет пользу,—я же сердечно желаю еще раз увидаться до дальнейшей разлуки с вами, и буду счастлива предложить наш дом и все, что мы имеем, к вашим услугам, в чем, я уверена, вы и не сомневаетесь.

Благодарю вас теперь за присланный ридикюль. Аннушка его носила до последней минуты, и я его сохраняю, как памятник. Прощайте, любезная Филанцета Оси-

повна, дай бог вам спокойствия, и чтоб новых неприятностей не встречалось с вами. Поцелуйте все ваше семейство за меня и уверьте их, что я их люблю, как родных; тоже Сашиньку, которой я желаю от всей души всевозможного счастья, равно и вам, Филанцета Осиповна, с каким желанием и остаюсь навсегда

Преданная вам Пр. Анненкова.

Примите тоже и от меня уверение в непоколебимой привязанности, Филанцета Осиповна, и искренней моей любви к вам и вашему почтенному семейству и засвидетельствуйте нижайшее мое почтение Семену Ивановичу

Анненков.

6

С. Б. Броневскому.

Ваше высокопревосходительство!

По вашему повелению нас понуждают сейчас же выехать, но так как мы не успели еще уложиться и приготовить экипажи зимние, я покорнейше прошу вас дать ваше приказание, чтоб отъезд наш отложили на три дня. Расстаться же с моим мужем в болезненном состоянии, в котором я нахожусь, мне невозможно.

С глубочайшим почтением имею честь быть вашего высокопревосходительства покорная слуга

Анненкова.

Иркутск, 16 ноября 1836 года ¹²⁰.

7

Графу А. Х. Бенкендорфу.

Ваше сиятельство!

Доведенная до крайности несчастными обстоятельствами, беру на себя смелость беспокоить вас. Не откажите мне в той же снисходительности, которую вы оказали тем из наших дам, кои просили вашей защиты, и

позвольте надеяться, что вы будете добры взять на себя посредничество перед его величеством государем, милости которого я умоляю.

Прежде чем коснуться предмета моей просьбы, позвольте изложить причины ее. Я прибыла в Иркутск год тому назад на поселение, с сильно расстроенным здоровьем. Отдаленная деревня куда мне нужно было отправиться с наступлением зимы лишила меня совершенно помощи врача к тому же там даже не было крова для моей многочисленной семьи.

Нервная горячка, постигшая меня вследствие тяжелой переправы через Байкал в конце беременности, заставила меня просить г. генерал-губернатора разрешить мне остаться в городе, в ожидании родов. Я смела надеяться, что он разрешит мужу моему остаться при мне, для ухода за мной и за нашим больным грудным ребенком, но мы были разлучены несмотря на все мольбы. Оставшись одна в незнакомом городе, я через несколько дней родила преждевременно близнецов, которые прожили всего неделю и скончались в жестоких мучениях. Их постиг удар еще до появления на свет, вследствие всех перенесенных мною тревог.

Воспоминание о том, что я выстрадала, ваше сиятельство, во время моего пребывания в Иркутске, вызывает у меня слезы и сейчас, а здоровье мое теперь окончательно разрушено, так как у меня сделалась серьезная нервная болезнь, и я при каждом новом приступе ее, нахожусь на волосок от смерти.

Помимо этого, я уже десять лет лишена религиозной поддержки и надеялась с момента поселения моего мужа быть вблизи церкви и служителя того культа, к которому принадлежу. Обманутая в своих надеждах, я просила г. губернатора Броневского испрошать для меня перевод в г. Красноярск, где имеется католическая церковь и все преимущества, которые представляет город для лечения болезни. Получив формальный отказ, я с отчаянием просила по крайней мере разрешения жить в деревне недалеко от Иркутска, чтобы иметь возможность пользоваться помощью д-ра Вольфа. Он счел излишним мое обращение к вам, ваше сиятельство, уверяя меня, что его представления к вам, ваше

сиятельство, уверяя меня, что его представления достаточно, однако вот уже год я нахожусь в тревоге ожидания ответа.

Мне остается только одна надежда на вашу доброту. Теперь, когда вы знаете мое положение и то, какие преимущества дал бы мне перевод в Красноярск, из сочувствия к моим страданиям и из чувства милосердия прошу вас отнестись с благосклонностью к моей просьбе. Переданная через вас августейшему монарху, она будет услышана: милосердие его не оттолкнуло моей мольбы следовать за человеком, с которым соединена моя жизнь. Теперь умоляет мать, которая боится оставить детей сиротами и которая боится, равно, потерять их из-за отсутствия здесь помощи. Как милости, от которой зависит будущее мое и моих детей, осмеливаюсь просить ваше сиятельство внять моей мольбе, и я сочту истинным благодеянием с вашей стороны, если она будет исполнена.

Простите, ваше сиятельство, за те подробности, которые я сочла нужным изложить, но я думала, что это может послужить на пользу моего дела, и что вы простите иностранке, не имеющей ни родных, ни чьего-либо покровительства, что она постаралась приобрести ваше.

Соблаговолите принять, ваше сиятельство, уверение в глубоком уважении вашей покорной слуги

П. Анненковой *.

Бельск, 15-го сентября 1837 г. ¹²⁷

8

А. Н. Евсееву.

Ваше превосходительство!

Разрешением пуститься в путь, когда установится хорошая погода, вы нас бесконечно обязали, и я считаю своим долгом передать вам мою глубокую благодарность. Она беспредельна, и я прошу вас принять ее. Но разрешите мне, ваше превосходительство, про-

* Подлинник на французском языке.

сить еще об одной милости, хотя я и боюсь показаться вам назойливой. Позвольте моему мужу приехать в город, чтобы купить экипаж. Он делал все возможное, чтобы не беспокоить вас второй раз: мы старались найти экипаж на ближайшей фабрике, но это ни к чему не привело, заставив нас только напрасно истратить деньги. Нам предложили старый, негодный даже для четверти того переезда, который нам предстоит сделать. Поручить это сделать еще раз кому-нибудь в городе я не могу, так как, — я принуждена сказать это, — невозможно довериться здесь кому бы то ни было.

Соблаговолите, ваше превосходительство, усмотреть безусловную необходимость, которая заставляет меня быть нескромной в данном случае, и верить, что признательность, которую я питаю уже к вам, будет еще более глубокой, если вы не откажете в моей просьбе. Она будет безгранична, я смею сказать это, так как она будет за те неприятности, которых я избегну в случае вашего согласия на мою просьбу.

С чувством глубочайшей признательности и преданности, остаюсь покорнейшей слугою вашего превосходительства

П. Анненкова *.

Бельск, 6 мая 1838 г. ^{12а}.

9

А. Н. Мордвинову (?).

[Туринск, 1838].

Ваше превосходительство, милостивый государь!

Великодушная сострадаемость государя императора, дозволившая мне приехать в Сибирь, чтоб разделить участь мужа моего, не органичилась одним этим благодеянием. Милосердный монарх в беспредельной благодати своей, повелел предоставить в пользу мою семьдесят три тысячи рублей из оставшегося имущества после мужа моего, о чем последовал указ из правительствующего сената ноября 30-го дня 1828 года.

* Подлинник на французском языке.

До сих пор я получала из кредитного заведения законные проценты — две тысячи девятьсот рублей с этого капитала, сверх незначительных и неопределенных пособий, получаемых мужем моим от родственников его, что и доставляло мне возможность содержать многочисленное мое семейство. Лишенная этого средства для пропитания, я необходимо подвергнусь всем ужасам нищеты с четырьмя малолетними детьми. Я осмеливаюсь обратиться к высокому покровительству графа Александра Христофоровича и просить ваше превосходительство довести до его сведения покорнейшую мою просьбу, дабы дозволено мне было и здесь пользоваться оказанною монаршею милостью, получая ежегодно собственно на мои нужды употребляемые процентные деньги.

Не имея ни родственников, ни покровителей в России, я не пользуюсь присылкою вещей — выгодой, которая предоставлена прочим лицам, разделяющим равную со мною участь. Да заменит, по крайней мере, для меня попечение моих родителей, если бы я находилась в своем отечестве, милость всемогущего императора России. Да повергнет всеподданнейшую мою просьбу к стопам его предстатель за несчастных, граф Александр Христофорович! Не осмелилась бы я утруждать вторично, если бы предвидела какие-нибудь средства к содержанию моего семейства, но получаемые мужем моим от родственников полторы тысячи рублей, разделенные на шесть человек, едва достаточны будут нам на самую грубую пищу; прочие же потребности жизни останутся неудовлетворенными. Я имею нужду в одежде, в помощи прислуги в хозяйстве моем. Совершенно расстроенное здоровье мое не позволяет мне болес переносить тех трудов, которые еще были сносны для меня несколько лет тому назад. Хроническая болезнь, которою я страдаю, делает меня даже в тягость семейству моему, заставляя беспрестанно нуждаться в медицинских пособиях. К тому же я не имею ни крова, ни хозяйственного обзаведения по сие время.

Не откажите, ваше превосходительство, представить мое положение его сиятельству. Глубокая признатель-

ность останется навсегда в душе моей за благодеяние, которое вы мне сделаете.

С чувствами глубочайшего уважения и совершенной преданности имею честь быть... ¹²⁰

10

Х. Х. П о в а л о - Ш в ы й к о в с к о м у .

Ваше превосходительство, милостивый государь!

По высочайшей воле государя императора, отданные мне указом из правительствующего сената ноября 30-го дня 1828 года шесть билетов московской сохранный казны на сумму 73 740 руб. 70 коп., и находящиеся теперь по распоряжению вашему в тобольском окружном казначействе для сохранения, покорнейше прошу ваше превосходительство отправить в московский опекунский совет для получения по оным за год узаконенных процентов. При отношении вашем в опекунский совет прошу препроводить и письмо мое, без которого, по правилам означенного кредитного учреждения, деньги выданы быть не могут.

От исполнения вашим превосходительством моей просьбы зависеть будет скорейшее получение процентных денег, единственных, которые я имею для содержания моего семейства, и потому прошу вас не оставить оную без внимания, равно и благоволить уведомить меня о вашем распоряжении.

С глубочайшим почтением, имею честь быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорная слуга

Р. А n n e n k o f f ¹³⁰.

Туринск, 8 января 1839 г.

11

И. Д. Т а л ы з и н у .

Ваше превосходительство, милостивый государь!

В прошедшем сентябре месяце г-н управляющий Иркутскою губернию, при отношении своем за № 763, препроводил в общее управление Тобольской губернии шесть билетов московского опекунского совета на сум-

му 73 760 рублей, отданных мне по высочайшей воле указом правительствующего сената ноября 30-го дня, 1828 года, которые и были отосланы предместником вашего превосходительства на сохранение в тобольское окружное казначейство.

Так как проценты с этой суммы, составляющей весь капитал мой я получала обыкновенно, до перемещения нашего в Тобольскую губернию, ежегодно в марте месяце, о чем г-н управляющий Иркутскою губернією извещал также в своем отношении, то по приближении сего срока, я просила письмом от 8 января г-на исправлявшего тогда должность тобольского гражданского губернатора об отправлении упомянутых билетов в московский опекунский совет для получения следующих за год процентов.

Полагая, что теперь как самые билеты, так и проценты с оных доставлены уже в Тобольск и имея крайнюю нужду в деньгах, я решилась беспокоить ваше превосходительство моею покорнейшею просьбою о высылке мне означенных процентов или о распоряжении вашем к истребованию оных, если по какой-либо причине этого до сих пор не могло быть сделано.

Не излишним считаю довести до сведения вашего превосходительства, что при новом водворении нашем в городе Туринске мы необходимо должны были сделать значительные для нас издержки, на которые по дозволению правительства каждый из находящихся в нашем положении может получать в первый год особенную сумму, именно: семейные — четыре тысячи рублей независимо от определенной на годовое содержание; а потому я и остаюсь уверенною, что просьба моя о доставлении мне всех процентов сполня не встретит затруднений, тем более, что я и семейство мое, кроме доходов с сего капитала, не имеем никаких других способов для нашего содержания.

Надеясь на благосклонное внимание вашего превосходительства к моей просьбе, с истинным почтением и совершенною преданностью имею честь быть вашего превосходительства, милостивый государь, покорная к услугам

Пр. Анненкова.

16 марта 1839 года, Туринск 121.

М. В. Л а д ы ж е н с к о м у ¹³².

Ваше превосходительство!

Я просила вас письмом от 10 января оказать мне большую любезность и отправить мои банковые билеты в московский ломбард, чтобы получить причитающиеся мне проценты, и не отказать известить меня о ваших распоряжениях по этому поводу. Но не получая до сих пор никакого извещения, беру на себя смелость повторить мою просьбу. Простите, ваше превосходительство, что беспокою вас, но затруднения, в которых мы оказались в прошедшем году из-за задержки в отсылке билетов и получения процентов, заставляют меня сделать все возможное к тому, чтобы избежать подобной неприятности еще раз.

Примите, ваше превосходительство, мои извинения и уверения в отличном моем уважении, с которым имею честь быть вашего превосходительства покорной слугой

Полина Анненкова *.

13 января 1841 г., Туринск.

13

Г р а ф у А. Ф. О р л о в у.

Ваше сиятельство!

Тобольск, 21 марта 1848 г.

По вашему приказанию, г-н тобольский губернатор сообщил, мне, что канцелярия его величества крайне любезно ответила на справки матери моей, живущей в Париже, обо мне, и что, кроме того, она берет на себя пересылку моей матери моих писем. Считая долгом выразить вам мою благодарность, осмеливаюсь утруждать ваше сиятельство и прошу вас разрешить мне переслать матери моей тем же путем мех, который я ей хочу подарить на память. Впервые она получит что-либо от меня за 21 год моего пребывания в Сибири.

Примите, ваше сиятельство, мои уверения в высоком уважении, с которым имею честь быть вашего сиятельства покорнейшей слугою **.

Полина Анненкова ¹³³.

* Подлинник на французском языке.

** Подлинник на французском языке.

Тобольскому полицеймейстеру.

Не владея достаточно хорошо русским языком, чтобы усвоить содержание обширного документа, который вы имеете мне сообщить, прошу вас, г-н полицеймейстер, предоставить мне, если это возможно, копию с него, чтобы я могла поручить его перевести прежде чем ответить на требуемое вами, или поручить сделать перевод кому-либо из ваших служащих и переслать его мне.

Полина Анненкова *.

27 октября (1850 г., Тобольск.)

К. Ф. Энгельке.

29 октября 1850 г., Тобольск.

В ответ на приказание, сообщенное мне только что г-м полицеймейстером Тобольска, я имею честь сообщить, что в течение двадцати трех лет, с тех пор как мне было даровано его величеством императором все-российским милостивое разрешение следовать за моим мужем в Сибирь, я всегда в точности подчинялась всем предписаниям. Я никогда не отлучалась из местностей, предназначенных для нашего проживания, я не поддерживаю переписки почти ни с кем, о чем власти осведомлены из-за запросов моей семьи графу Орлову, через посредство французского посла. Впредь я не имею намерения уклоняться от тех правил моей жизни, которых я придерживаюсь в Сибири.

Полина Анненкова — жена чиновника гражданской службы, а не государственного преступника. Обозначать людей по имени и их положению есть минимум вежливости, обязательной для каждого **.

* Подлинник на французском языке.

** Подлинник на французском языке.

ПИСЬМА И. А. АННЕНКОВА

1

А. И. Анненоквой ¹⁸⁶.

1828. Сибирь. Нерчинский округ.

Милостивая государыня матушка.

Сии и последующие строки вручит вам сын Филанцеты Осиповны г-жи Смольяниновой. Г-жа Смольянинова, урожденная Власова, вспомнив расположение покойного дедушки Ивана Варфоломеевича, которым пользовалось ее семейство, явила трогательный пример признательности, брав живейшее участие в моем несчастном положении и оказывая со дня моего приезда все зависящее от нее пособие. Доставив же сей случай известить вас, что я жив и здоров, она получает права на мою глубочайшую и неограниченную благодарность; почему покорно прошу и вас, матушка, обласкайте ее сына, молодого еще человека, и уверьте его, равно как и почтенную его матушку, в вашей признательности несомненной. Впрочем, она сама прилагает свое письмо, на которое верно будет ожидать ответа. Мне не нужно вас предупреждать, чтоб доставление сего письма сохранилось в тайне и было никому бы неизвестно, дабы не подвергнуть ответственности особ, которые так благородно одоужают. Следующие строки я пишу по-французски, ибо они касаются до нас только двоих, на последней странице написанное прошу вас вручить Прасковье Егоровне. Прошу вас еще сделать все зависящее от вас для молодого человека, сына

г-жи Смольяниновой, дабы он видел несомненную благодарность за одолжение, которое он делает, взяв на себя доставить сие письмо.

C. à. d. quelques cadeaux au fils et la mère; la mère aime la parure et prétende vous avoir connu enfant encore *.

Моя матушка! Моя дорогая и нежная матушка! Как выразить вам в этих немногих строках (написать которые я имею возможность благодаря состраданию одной особы, не забывшей благодеяний моего дедушки) все, что я испытываю, все, что я терплю вдали от вас, от всего того, что у меня есть самого дорогого на свете, вдали от ребенка, к которому несчастье привязало меня еще более, и от женщины, которая своими жертвами и своею преданностью с каждым днем все больше приобретает самые священные права на мою любовь и на мою признательность. Как мне благодарить вас, моя дорогая матушка, за вашу благожелательность, которую вы проявили к ней во время ее путешествия в Москву; я, признаюсь, не смел надеяться на такую доброту. Продолжайте же оказывать ваше покровительство ей и моей дочери, этому ребенку, служащему единственным воспоминанием о вашем сыне, который так сильно виноват перед ней, давши ей жизнь, исполненную, по видимому, только скорбей и горечи. Ради бога обеспечьте ее будущее и не покидайте ее. Подумайте, что это девочка, и какова будет ее судьба без поддержки в свете! — Ах! эта мысль ужасна! — Матушка! Это мой ребенок, оградите же ее от опасностей которыми окружена женщина; ваша собственная кровь течет в ее жилах! Перенесите на нее ту нежность, которой вы окружали меня. не отказывайте ей в том, что вы сделали для стольких других, имевших меньше на то прав, и тем более, что, может быть, это последняя просьба, с которою ваш сын имеет возможность к вам обратиться. В данный момент небо, кажется, сжалилось над моими страданиями, луч света заблистал перед моими глазами, если только вдруг он не окажется обманчивым

* «Т. е. какие-нибудь подарки сыну и матери; мать любит наряды и утверждает, что знала вас еще ребенком». В дальнейшем письмо печатается в переводе с французского языка.

призраком, как это было со всеми надеждами моей жизни. Я очень надеюсь, что ангел, каким является мать моего ребенка, может быть, придет ко мне, и тогда, матушка, я вас прошу предоставить ей все средства к тому, чтобы сделать это без промедления. Сколь бы это ни было тяжело для вас, я заклинаю вас именем бога не лишать меня этого последнего утешения. Женщина, которая так великодушно жертвует собою, имеет, мне кажется, право на уважение всего света, и я на коленях умоляю вас быть снисходительной. Я вынужден обратиться к вам еще с одной просьбой: пришлите мне сколько-нибудь денег, только необходимое; я нахожусь всецело на иждивении моих товарищей и несмотря на всю их готовность делиться со мною, я признаюсь, что принимать это слишком тяжело для меня, даже невыносимо. Это обстоятельство заставляет меня, хотя и против воли, говорить с вами еще раз о моем дяде. С тех пор как я здесь, я получил четыреста рублей и сукно через г-жу М[уравьеву], а затем вещи вместе с письмом, за которое я вас благодарю, моя матушка; оно доставило мне минуты, каких я не переживал уже давно, и сладость которых заставила меня почувствовать, как преступно желать конца своего существования. Ах, маменька, освободите меня от неизвестности, в которой я нахожусь еще относительно вашего здоровья и здоровья моего ребенка и наконец скажите мне что-нибудь о женщине, которую я обожаю. Мои товарищи получают регулярно каждую почту письма, нам все можно писать, все посылать; жду также с нетерпением вашего портрета; а если бы вы прислали мне и портрет моей дочери, как бы я был вам признателен.

Но, возвращаясь к моему дядюшке, так как у меня есть только этот листок бумаги, я вам скажу, что я глубоко убежден, что кроме 400 рублей вы мне послали еще денег, но с ними было поступлено так же, как в крепости. По вашим письмам, которые вы мне тогда прислали и которые я был вынужден сжечь вследствие моего поспешного отъезда, я видел, что мой дядюшка вам сказал, будто он передал мне в собственные руки 1000 рублей, тогда как я получил только 500; итак, вы

сами можете судить, имею ли я теперь право с недоверием относиться к нему и к строгости его принципов.

Но я прошу вас: не думайте, что я вам написал это из предубеждения. Дядюшку, кузена [Н. Н. Анненкова], всех моих дорогих родственников — я презираю до глубины души. Они готовы заживо ободрать меня, чтобы получить мою шкуру. Так как я не могу больше писать, я закончу мое письмо, сказав вам, что покорился судьбе, которая теперь решена повидимому, бесповоротно. Если я буду иметь счастье увидеть снова женщину, которая мне дорога, я найду силы переносить мою судьбу, если же нет, — ну, что ж!—мой конец от этого только приблизится. Все мои желания направлены на счастье моего ребенка и на ваше; я думаю что так же, как и для меня, счастье стало чуждым и для вас с некоторого времени; о если бы по крайней мере небо вам послало утешения, доставлять которые вам когда-либо мне запрещено даже и надеяться. Прощайте, моя матушка, целую миллион раз ваши ножки и ручки.

[Приписка] Адресуя на имя губернатора Иркутска Цейдлера, можно все посылать кроме золота.

Госпоже П[оль].

Ангел, которого я обожал всю мою жизнь! Я не смею больше словами выражать все чувства которые ты мне внушаешь. С того времени как я знаю, что ты настаиваешь на выполнении обещанной жертвы, молчаливое восхищение — вот единственное чувство, дозволенное человеку, который недостоин тебя ни в каком отношении. Итак, ты неизменна, божественная женщина! Итак, не напрасно я восхищался этой твердостью характера, этой самоотверженностью, которые являются уделом только высших существ. Ах, дорогой друг, как я недостоин тебя и какие блага на этой земле могли бы отплатить тебе за такое героическое самоотвержение. Только бы ты никогда не пожалела о том что ты делаешь для человека, который, вероятно, никогда не будет в состоянии вознаградить тебя. Поспеши, дорогой ангел, приехать,—потому что, признаюсь тебе, у меня нет достаточно власти над самим собою, чтобы даже ждать тебя терпеливо. Ежедневное ожидание тебя

Гложет меня, и ты знаешь как оно жестоко. Я прошу маменьку предоставить тебе все средства, и я уверен, что она не откажет мне в этом. Не трогайся в путь без хорошего экипажа и без слуги; возьми предпочтительно того, кто выразит сам желание следовать за тобою; и если бы это мог быть повар, то было бы очень хорошо. Петр — может быть; но не нужно, чтобы это было насильно. Женщину же везде можно найти, и не обременяй себя какой-нибудь принцессой, которой нигде не будет достаточно хорошо. Захвати с собою все, что только ты сможешь взять, мои вещи также, если только они еще целы, помни, что я ничего не дарил моему дядюшке, не забудь мои книги.

Осыпь поцелуями мою дочку за меня. Я прошу мою матушку обеспечить ее судьбу; присоедини твои просьбы к моим. Ах! моя дочь — она не выходит у меня из головы! Позаботься о ней хорошенько. Когда она окрепнет, ты сможешь иметь ее около себя. Ее будущее меня мучает; маменька тебе скажет, можно ли ее узаконить; посмотри, что маменька скажет по этому поводу; я не смею надеяться, но как бы я был счастлив! Это, однако, сделали для Давыдова, который находится с нами. У меня нет больше бумаги, нужно кончать. Итак, прощай, дорогой ангел, пусть это будет «до свидания». Осыпаю тебя поцелуями, так же как и мою дочь. Приезжай, ради бога и пиши мне, ты можешь это делать. Пришли мне твой портрет и портрет моей дочери, если я не увижу тебя скоро.

2

II. Е. Анненковой *.

[Август 1830].

Моя дорогая Полина.

Я только что узнал от писаря, что ты была больна. Он не хотел мне отдать письмо, так как его надо сначала передать коменданту. Ты можешь представить, как это

* Подлинник на французском языке.

меня взволновало! Я не могу простить тебе, что ты меня об этом не известила. Что это за манера, быв больной, при смерти, не дать знать об этом, хотя бы через кого-нибудь! Теперь я прошу тебя, если ты чувствуешь себя еще слабой, не приезжай для встречи со мною на первую станцию, несмотря на все мое нетерпение обнять тебя. Это может мне доставить удовольствие лишь в том случае, если ты чувствуешь себя вполне хорошо. Мы будем на этой станции 19-го, и, значит, тебе нужно выехать накануне, т. е. 18-го. Но все это только в том случае, если ты здорова, если же нет, то умоляю тебя этого не делать. Я буду иметь ответ на это письмо раньше того, которое идет через коменданта, и потому решил послать нарочного, чтобы иметь поскорее известия о тебе. Ты дашь подателю 5 рублей, это установленная цена. Я не могу передать ему эти деньги здесь, потому что, бог весть, исполнит ли он поручение. Во всяком случае я не много истратил денег по дороге, и ты будешь довольна. Не знаю, как быть с детьми, если ты приедешь. Так или иначе, но я тебя устрою возможно лучше. Посылаю им свое благословение и нежно целую их, тебе шлю миллион поцелуев, которыми я тебя покрою при свидании. Я знаю, что кн. Волконская получила разрешение с фельд'егерем следовать за мужем. Я прошу тебя точно написать мне, как ты себя чувствуешь теперь, чем ты была больна. Я только что получил твое письмо, однако все-таки посылаю это, чтобы побудить тебя не приезжать, если ты нездорова; если — нет, я думаю, вам лучше приехать, не спрашивая разрешения. Я теряюсь в догадках о том, чем ты страдала, не причинили ли тебе чем-нибудь...¹³⁰

3

Н. А. Бестужеву.

Август 1836.

Любезный Николай Александрович. Приветствую вас и всех наших товарищей с берегов Байкала. Жена моя, чады и домочадцы и, словом, все семейство — тоже, и

просим не забыть нас. Вместе с нами кланяется вам штурман Шпир, который говорит, что вас знал. Отец его был аптекарем в морском корпусе. Не знаю, так ли его фамилию пишу, но я ее не мог расслушать, хотя повторил он ее раз сто в течение двух дней, которые мы с ним находимся. Так говорит этот г-н связно, что я уже думаю, что язык его перемололся от морского лексикона, но, впрочем, и я с ним морскими терминами так и сыплю, он меня первоначально принял за моряка. Видел Глебова в Кабанске, живет по-философски, роскоши не видать у него, но, кажется, немного и присылают ему из России. Ехали мы до сих пор благополучно. Слава богу, по всей дороге встречали знакомых и будем путешествовать чрез Байкал в компании. Встречали нас везде честно и провожали равно, только дерут немилосердно везде. Вот путевой журнал наш, если кого интересует. Скажите пожалуйста женатым нашим, чтоб никто не отправлялся на купеческих судах. Это просто посудины, которые нечисты и ходят, когда ветер прямо в корму дует. С меня запросили 200 ц[елковых] на этих кораблях. Я для того говорю, что их ужасно расхваливают. Муравьевы тоже пытались, было, на них переехать, как и я. Скажите, пожалуйста, тоже С. Г. Волконскому, что комиссию его я исполнил в Удинске, но что Куликов удивился цене, назначенной за сахар — 54 ц[елковых] за пуд. Много бы еще надо кой о чем написать, но ветер попутный, и все торопят меня, штурман прислал лодку. Пожалуйста, любезный Николай Александрович, постарайтесь об Тихоне и поблагодарите Александра Ильича за сделанное уже одолжение. Прощайте, mon cher, и все наши. Ко мне привязались, как черти, эти матросы, чтоб скорей одеваться и в лодку. Я думал, что ветер еще не скоро попутный, да и все то же говорили. Ну, целую вас, братца вашего и всех, кто нас любил.

Анненков ¹³⁷.

А. Н. Евсееву *.

Иркутск, 12 октября 1836 г.

Ваше превосходительство, милостивый государь, Александр Николаевич!

Уведомляя через господина исправника о повелении вашем немедленно отправить меня и семейство мое в назначенное мне место для поселения, обращаюсь к вашему превосходительству со всепокорнейшею просьбою дозволить мне пробыть еще несколько дней в городе Иркутске с семейством моим, по нижеследующим причинам: жена моя, имев уже несчастье подвергнуться в короткое время четыре раза сряду преждевременным родам, чувствует и теперь, после испуга, перенесенного на Байкале, постоянные припадки, предвещающие обыкновенно таковые роды. И потому, не имея никаких пособий в виду, которые могла бы доставить медицина в деревне Бельской, в случае скорой надобности перемены еще в состоянии ее здоровья. Я же, покорствуя воле начальства и отправившись один на место моего водворения, оставляю малолетних детей без всякого призрения и жену мою не знающую русского языка в невозможности об'ясняться в ее надобностях. При сем позвольте упомянуть вашему превосходительству, что по причине слабого здоровья жены моей, самый от'езд наш из Петровского завода был отложен на некоторое время, и что, сверх того, я находился в течение уже четырех лет неотлучно с ней, вероятно, не против воли высшего начальства, почему и прошу теперь не подвергать меня новой разлуке с женой в то время как участь моя должна, повидимому, испытать улучшения. Принося заранее признательность в случае соизволения на мою просьбу вашего превосходительства остаюсь с чувством глубочайшего уважения к особе вашей, милостивый государь, ваш покорный слуга

Анненков ¹⁸⁸.

* Отсутствие французского подлинника этого письма лишило редакторов возможности внести исправления в совершенно неудовлетворительный его перевод.

С. Б. Броневскому.

Ваше высокопревосходительство, милостивый государь, Семен Богданович!

Болезненное состояние, в коем находилась жена моя после четырехкратных несчастных родов и самое настоящее положение трудной беременности расстроили до такой степени ее здоровье, что с нею весьма часто случаются припадки, требующие немедленных пособий искусного медика отсутствие которого не только может увеличить страдания, истинно-нестерпимые, но и повлечь за собою смерть матери малолетних детей.

Дабы предупредить подобное несчастье, которым угрожает нам отдаленность деревни, назначенной для нашего поселения чтобы сохранить здоровье детей моих которые не в состоянии будут вынести жестокого холода в дороге, и по случаю близкого разрешения от бремени жены моей, я осмеливаюсь покорнейше вас просить дозволить нам остаться в Иркутске до разрешения нашей будущности.

По сим же самым причинам, и чтобы доставить еще средства жене моей выполнять христианские обязанности, налагаемые на нее католическим исповеданием, священный долг заставляет меня обратиться к вашему высокопревосходительству, как к особе, от которой в сем случае зависит наша участь, и просить вас удостоить своим вниманием причины побуждающие жену мою беспокоить вас просьбою о перемене места моего поселения на город Красноярск!

Если же исполнение просьбы будет зависеть от высочайшей воли, то позвольте мне льстить себя надеждою, что ваше высокопревосходительство, найдя причины достаточными, не откажете принять участие в положении жены моей и детей в малолетнем возрасте и удостоите нас вашим ходатайством.

Простите, ваше высокопревосходительство, что, отнимая у вас минуты посвященные делам, я принял смелость утруждать вас, и позвольте принести изъявление глубочайшего моего почтения к особе вашей, с ко-

торым имею честь быть, милостивый государь, вашего
высокопревосходительства покорный слуга

А н н е н к о в.

5 ноября 1836 года, Иркутск ¹⁸³⁶.

6

С. Б. Б р о н е в с к о м у.

Бельск. Нач. февраля 1838.

Ваше высокопревосходительство!

Получив известие через нарочно присланного чиновника о перемещении меня в Туринск, я решился обратиться к вам с покорнейшей просьбою: дозволить мне остаться в Бельске до первого летнего пути, по следующим причинам:

Деньги на годовое содержание мое с семейством получаю я из московской сохранной казны в конце марта месяца. За прошлый год присланная сумма почти вся уже издержана, и небольшой из оной остаток не будет достаточен для дорожных издержек. На нынешний год, как я имел уже честь объяснять выше, деньги получатся в конце будущего марта месяца, в самое неудобное время для дальнего переезда. Кроме денежного недостатка, выезд из Бельска теперь невозможен и по нездоровью жены моей: после родов в прошлом декабре она была отчаянно больна, до сего времени здоровье ее еще не поправилось, и суровость зимней стужи не в силах будут перенести ни она, ни четверо детей, из которых один грудной младенец. Сверх того, прислуга, нанятая здесь, не может ехать с нами в Туринск, и потому все трудности и все заботы о детях станет исполнять в течение дороги сама жена, что в летнее время будет для нее по крайней мере удобнее.

Смею надеяться, что ваше высокопревосходительство обратит снисходительное внимание ваше на изложенные причины и не захотите разлучить меня, но дозволите мне остаться в Бельске вместе с женою до первой возможности отправиться в Туринск. Не откажите мне также в позволении приехать в Иркутск, где я мог бы заказать удобные для дороги экипажи, чтобы не иметь

уже впоследствии остановки для выезда из Бельска, который с большим нетерпением желаю оставить.

С глубочайшим почтением, честь имею быть вашего высокопревосходительства покорный слуга

И. Анненков ¹⁴⁰.

7

А. Н. Евсевьеву.

Ваше превосходительство, милостивый государь, Александр Николаевич!

Для переезда моего в Туринск хотя уже сделано ваше распоряжение но я никак не могу теперь выехать из Бельска. Причины, по которым должен некоторое время остаться излагаю в письме на имя его высокопревосходительства, господина генерал-губернатора Не откажите, ваше превосходительство, доставить оное по адресу и прикажите известить меня об решении, которое будет объявлено его высокопревосходительством.

С глубочайшим почтением имею честь быть вашего превосходительства покорный слуга

Анненков.

6 февраля 1838 года, Бельск ¹⁴¹.

8

А. Н. Евсевьеву.

Ваше превосходительство!

Сделайте милость, позвольте г-ну Вольфу приехать в Бельск чтобы подать помощь меньшому моему ребенку, которого я был вынужден вывезти из Иркутска больного, с опухшею ногою, и которого дорогой простудили. Теперь у него свело ногу и он навечно может остаться калекою. В надежде, что это само собою пройдет, я медлил сколько возможно, чтоб не беспокоить ваше превосходительство. но как положение больного сделалось хуже, то я решился наконец утруждать вас. Я не прошу вас прислать другого доктора Вам известно самим, что в самом Иркутске предпочитают г-на Вольфа прочим и доверяют более его искусству. Я на-

деюсь, что ваше превосходительство не оставите без внимания столь важную для меня просьбу.

С глубочайшим почтением имею честь быть вашего превосходительства покорный слуга

А н н е н к о в.

16 февраля 1838 г. Бельск ¹¹².

9

К. Ф. Э н г е л ь к е.

Ваше превосходительство, милостивый государь, Карл Федорович!

Получив предписание ваше, чтобы вручить моей дочери приложенное при оном письмо, я, по праву родителя, узнал содержание оногo и имею честь сообщить вам, что не исполнил вашу волю по нижеследующим уважительным, по моему мнению, причинам, которые представляю на ваше усмотрение.

Дочь моя не могла бы сама собою, без моего пособия, отвечать на вопросы вашего превосходительства, потому что не поняла бы официального слога вшего письма и причин, по которым местное начальство признает нужным лишать ее свободы, предоставленной всем и [каждому] на основании общих законоположений. Чтоб сделать их понятными для нее, понадобилось бы объяснять ей мое положение и коснуться нескольких политических событий, имевших влияние на мою жизнь, которые, к несчастью, отражаются теперь и на ней — невинной жертве, чего я желал всегда избежать, чтобы не возмущать ее спокойствия. стараясь внушать всем моим детям покорность к воле провидения, беспредельную любовь и преданность к престолу августейшего монарха нашего [и довольствие их участью].

Потом дочь моя отвечала бы вам то же самое, что я могу иметь честь объяснить [о ее проступке]. Она отлучалась из Тобольска для прогулки с дозволения своей матери, ездила до Ялуторовска, без всякой политической цели, могу вас уверить в том, единственно для развлечения в обществе г-ж Муравьевой и Фонвизиной, которые пригласили ее с собой.

Не предполагая, чтобы невинные дети мои подвергнуты были ограничению свободы надзором полиции —

наказанию, определяемому токмо за преступления, я не считал нужным испрашивать дозволения начальства для пятидневной прогулки дочери моей. Особых же распоряжений касательно моих детей мне нико да и никем объявлено не было, и я покорнейше прошу ваше превосходительство, если таковые сущёствуют, объявить мне их формальным образом, и притом поставить меня в известность о всех прочих [распоряжениях] касательно лично нас, выдачею мне копий с оных за надлежащим подписом для [всегдашнего] руководства [ибо я могу запомнить их, и в случае нужды для справки их нельзя нигде видеть, они не находятся в своде законов; иначе я буду невольно впадать и на будущее время в подобные ошибки], без чего невозможно их все упомянуть и мы невольно всегда будем впадать в подобные ошибки.

С истинным почтением и совершенной преданностью честь имею быть вашего превосходительства, м. г. ¹⁴³

10

К. Ф. Энгельке.

Вашему превосходительству честь имею донести, что я получил предписание ваше от 15 ноября за № 1163, которым обязываете меня объявить отзыв г. военного министра моей дочери ¹⁴⁴.

11

О. И. Ивановой ¹⁴⁵.

16 марта 1855, Тобольск.

Мой друг Олинъка. Из пометки моего письма на отдельной странице ты увидишь, что оно давно изготовлено было. Предполагал отправить его с П. П. Поповым, но опоздал и дожидался все оказии, наконец дождался, едет Кушелевский, и я ему поручил доставить тебе мои разные предположения. Письмо к государю — изобретения, впрочем, Штейнгеля — его витиеватый слог, — но как этих писем никогда не прочитывают от начала до конца, так совершенно равно как бы ни было написано ¹⁴⁶. В комиссию прошений подают формою

письма, только объясняется подробнее дело, следовательно, к записке из дела приставь заголовок письма и окончание. и дело кончено, т. е. сколько ни пиши, а толку не будет. Но штука в том, что надо непременно переговорить с статс-секретарем Голицыным который с Верою Ивановною Ан[ненковой] в дружбе был, а теперь в ссоре. Впрочем, их несколько там. хоть одного, да надо иметь на своей стороне, без чего возвратят непременно. Посмотри, сообразись, да и подай, нече о думать надо действовать. а я подам в сенат от себя. Если тебе не удастся на счастье, то судебным порядком, может быть, лучше пойдет.

Иначе, если мне подать государю. да откажут, так нельзя уже просить сенат, а от тебя — так сенат остается в резерве. Впрочем. посоветуйся и напиши. Поблагодари дорогого Константина Ив. за его письма, я ему много обязан, и попроси, чтоб он на меня не сердился, что к нему не пишу, да. впрочем, это все равно, что к тебе, что к нему — к обоим пишу. Меня корреспонденции замучили, прибавился еще Сибирский тракт по делам Вольфа ¹⁴⁷, да по отправлению Володеньки. Решительно каждую почту пишу и по несколько писем. Проси мужа. чтоб он ко мне писал почаще. Что вы предполагаете насчет будущего? Ты что-то недовольна Петербургом; понимаю, что тебя тяготит, но что же делать, как-нибудь бог поможет, и не будете в тягость никому. Андрей Иванович добрый и благородный человек. поблагодари его за письмо. напрасно он полагал, что я претендовать буду, что он ко мне не писал долго, — пишут аккуратно ведь от безделья, хорошо коли досуг кому. или по привязанности — это другое дело. Ах. когда-то мы увидимся! Целую тебя, друг мой, крепко обнимаю вас обоих. будьте здоровы и благополучны. Не робейте. не поддавайтесь унынию — тут вот характер и видно. Благословляю вас заочно.

Любящий отец И. А.

Поклонись В. К. Тизенгаузену, скажи что насчет брата его от Арцимовича ничего не добился. Пиши пожалуйста, об Ванюше и все, что знаешь об нем. Пиши правду, это лучше, он что-то редко пишет.

О. И. Ивановой.

9 июня 1855 г., Тобольск.

Спасибо тебе, милый друг Олинька, что ты мне пишешь, что ты нас не забываешь, горячо любишь, да на радит тебя бог за твои благородные чувства. Спасибо тебе, мой друг, и за твои благоразумные воззрения на вещи; это истинная правда, что счастье не в деньгах, а в самих нас. Вот пример тебе — сестра. Конечно, она не виновата, что ее глупо воспитали и сунули замуж за человека бестолковее еще ее (но с деньгами, по-светски), а все-таки большая часть ее несчастья происходит от того, что она не умеет презреть денег, слишком прилепилась к вещественному, к меточам. Если бы иначе смотрела на вещи, то другим бы образом и действовала, сейчас бы получила верх над мужем, который пустой человек, да он же ее обсчитал, потому что выманил у нее вексель, который ей дал (это светские супружества!), заставил ее построить дом у себя в деревне на ее деньги (по крайней мере, так она писала), продавши дом в Симбирске. — все это глупо, а между тем горестно: дети останутся без воспитания. Ты счастливее ее в супружестве от того, что благороднее смотрела на вещи. Однако деньги нужны и я вытребую к себе проценты, которые она получает. Если ты не хочешь, чтобы она имела неудовольствие на тебя, я сам распоряжусь: я полагаю, что это будет справедливо и что следует так поступить. Спасибо тебе, что ты прислала письмо Ванюши, а то от него давно не было к нам писем. Что он толкует о невозможности писать все пустяки — ленится, ты его слишком не балуй запонками, да еще бог знает, что придет в голову, а скажи-ка ему, чтобы по одежке протягивал ножки, т. е. лишнего не изобретал бы, да берег деньги, потому что надо, чтоб хватило на год 300 рублей, которые он получил через Н. Н. [Анненкова]. Более я уже не пошлю, — я ни откуда не получил ни копейки нынешний год Н. Н. только что эти 300 рублей выдал ему по переводу от меня, а мне и не высылают. Нало будет, Олинька, серьезно ему поговорить, как он приедет, и

доложи ему, что у меня остается только семь тысяч сер. капиталу, что когда я их изведу, то надо будет по миру итти; а это им чести не принесет. Да скажи ему, что Кушелев, как видно, решительно не заплатит, да и процентов не даст, потому что в последнем письме писал, что через неделю вышлет проценты за два года, а прошло два месяца, и ничего нет. Ты скажи ему, что ведь нечего делать, надо жаловаться, и я просьбу подам, и передай мне все, что он на это скажет, слово от слова, и что выразится даже у него на лице, какое впечатление на него произведет. Благодарю тебя, мой друг, за твою идею и за присылку устава Общества обратных животных веществ, предприятие, кажется, благоразумное и основательное, но куда с моим капиталом тут лезть. Да и потом, в случае необходимости в деньгах, акции не везде возможно сбыть, потом надо будет тратить на пересылку, а безделицу не стоит брать, надо сорок акций, чтоб иметь голос. Здесь на мелочных оборотах я получаю столько же, давал и тогда в залоги билеты подрядчикам. Если б можно было в Екатеринбург, когда откроется там завод, по ать управляющим, это бы выгодно было, и тогда можно бы было взять на всю сумму акций. Кто-то у них там будет назначен? Не знаешь ли? Извини меня пред Константином Ивановичем, что я к нему не пишу особенно, мне что-то нездоровится несколько дней, и это насилью у дописать письмо, я думаю ты и сама заметишь по несвязности его, впрочем, ведь это все равно, я вас разделяю в любви моей, и одно и то же пришлось бы повторить и ему. Поблагодари его за все хлопоты, которые он принял на себя по производству Ванюшину. Что делать, если не удастся? А Андрей Ивановича поблагодари за ликер, только советник не довезет его выпьет дорогой, я бы и сам это сделал. Ты поблагодарила ли старика Иванова за конфекты, присланные нам? Я сам не писал еще к нему. Ты, мой друг, когда себя нехорошо чувствуешь, много не пиши, а несколько слов, что ты жива и как себя чувствуешь. Прощай, мой друг, благословляю вас обоих и крепко прижимаю к сердцу

любящий отец И. Анненков.

Как же ты исполняла, что я тебя уведомлял, что мы получили все? Говорю тебе, в твоём положении много писать не надо, в беременности тяжело долго соинувшись сидеть. Дай бог, чтоб переход Конст. Ив. устроился, только объясните, как это будет, с переименованием в гражданский чин или нет. Гражданский чин ему невыгодно будет, надо чтоб по армии остался или в полк перевестись. Кабы ты мне выслала следующие виды или карты: продается Кронштадт в перспективе и пр. города прибалтийские — Ревель и Гельсингфорс, по 50 коп., сер., я тебе в следующую почту вышлю рублей пять сер., а теперь уже поздно. Ванюше ты пошли, вместо запонок французскую грамматику Chapsal и Noël с упражнениями, да чтобы он учил, это стоит тоже не более рубля. Каталинский отправился отсюда в Петерб., ему дали к тебе посылки, шитье да сигары для Ванюши. Сигары хорошие, Manille, ты ему заметь это.

13

П. Е. Анненковой.

10 июня [1858—1859]. Скачки.

Пишу тебе, милый друг, из Скачков, где мы находимся уже три дня. Славо богу, что дома все благополучно, равно как и у нас здесь. Завтра хочу ехать в Пензу в ожидании приезда кузена. Скачки восхищают своей красотой. Великолепные земли, необыкновенные луга, три мельницы и дровяной лес в изобилии. Но все так обременено опекунскими долгами, что я не раз подумывал о части кузена. Какое животное! Как этот человек мало заботится о собственных интересах! Кузен Александр нашел возможным к своей части из 360 душ забрать половину пахотной земли, так что его 360 душ приносят столько же, сколько 720 душ в Скачках — даже больше — 8.000 р., а Скачки — 7.000 р. Он завладел, кроме того, хлебом из запасных магазинов. Если м-м Суза приехала в Нижний, расскажи ей об этом и подтверди, что она хорошо сделала, отказавшись от своей части. Она бы ничего не получила — так ловко было все подстроено. Но скажи ей также о моем сожа-

ленин, что она не увидит комедии, которая готовится для кузена. Это будет высокая комедия, ради которой стоило бы совершить такое путешествие.

Я застал здесь порядки американских плантаторов. Порка происходит ежедневно. Управляющие расхаживают день и ночь с кнутами в руках. Прошлую ночь я даже не могу заснуть, так что объявлю кузену, что в своей части уничтожу эти порядки. Он, конечно, подскочит до потолка, но все равно ничего не поделает и должен будет идти на уступки, иначе пусть уплатит мне за мою часть 22 тыс. руб. сер. В противном случае он лишается управления имением. Конечно, у него нет иного выхода. Передай м-м Суза, что я прошу ее не подписывать впредь ни одной бумаги по опеке. Я обнаружил недостаток около 3 тыс. пудов хлеба, за которые кузен заплатит. А губернатору скажи, что моя старая ненависть к рабству пробудилась с тех пор, как я попал в Пензенскую губернию на американские плантации. Какая разница с Нижегородской губернией! Это — день и ночь! Здесь отпечаток рабства на всех лицах, разбойники управляющие и заседатели в тысячу раз превосходят нижегородских. Хлеб великолепный в этом году, масса фруктов, всего, чего хочешь, и общество станového, отчаянно надоевшего мне, которого кузен вздумал поселить в Скачках, чтобы иметь палача и его помощников в своем распоряжении.

Вели старосте принести тебе остаток оброка. Он плут и его надо заставить это сделать.

Твой верный и безупречный муж Анненков ¹⁴⁸.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

I

Б и л е т.

От Московского обер-
полицеймейстера.

Иностранке Поль.

Москва,

20 декабря 1827 года.

Исходящий № 1-43.

Срок его вкл. № 6943.

П р и м е т ы:

Лета 27

Рост средний.

Волосы } русые.

Брови }

Глаза карие

Нос } обыкновенные

Рот }

Подбородок круглый.

Лицо овальное.

Особые приметы:

Нет.

Подпись предъявителя

Полина Поль.

Дан на проезд в Нерчинск прибывшей в Россию в 1823 году и приехавшей в Москву по билету С.-Петербургского г. обер-полицеймейстера, от 15 декабря 1826 года за № 1561, французской подданной, швее Жане те Поль, которую по тракту, на заставах, пропускать без задержания, по прибытии же туда имеет она явиться немедленно к тамошнему начальству для испрошения себе другого вида на все время ее там пребывания, или на следование в другое место.

Московский обер-полицеймейстер

[Шульгин] ¹⁴⁹.

II

С в и д е т е л ь с т в о.

1833 года мая 17-го дня, я нижеподписавшийся свидетельствую сим, что дочь государственного преступника, рожденная от законной жены его Парасковьи Егоровой Анненковой — Ольга мною 1830 года мая 20-го числа молитвою и святым крещением просвеще-

на того же года июня 10-го числа; коей восприемниками были: отцем, его императорского высочества Михаила Павловича адъютант, полковник и кавалер Николай Николаев сын Анненков; мать, статская советница Анна Иванова Анненкова, и вменившиеся: государственной преступник Артамон Муравьев с женою государственного преступника Трубецкого, Екатериной Ивановой Трубецкой, урожденной графиней Лаваль. В удостоверение чего с приложением имянной печати моей и подписуюсь.

Священник П е т р Г р о м о в.

В том... свидетельствую комендант при Нерчинских рудниках, генерал-майор Л е п а р с к и й.

Дан в Петровском заводе ¹⁸⁶⁰.

III

С т а т е й н ы й с п и с о к

о государственном преступнике Иване Анненкове, обра-
щаемом на поселение. Августа 20 дня 1836.

Имя, отчество и прозвание.

Иван Александров, сын Анненков.

Из какого звания.

Из дворян.

Лета от роду.

33.

Приметы.

Мерою 2 арш. 8 вершков, лицом бел, волосы темно-
русые, глаза карие, нос продолговат, близорук.

Прежнее состояние, вина и наказание.

Бывший лейб-гвардии Кавалергардского полка поручик, за участие в умысле на цареубийство согла-
сием, и принадлежа к тайному обществу с знанием цели, по высочайшей его императорского величества кон-
фирмации, последовавшей в 10 день июля 1826 г., ли-
шен чинов, дворянского достоинства, осужден в ка-
торжную работу на 20 л. Потом по имянным высочай-
шим указам повелемо оставить в работе: в 22 днь
августа 1826 г. 15 лет, в 8 день ноября 1831 г. 10 лет,

а в 14 день декабря 1835 г. освободить от работ на поселение в Сибири.

Какой веры и не знает ли мастерства.

Греко-русской; мастерства не знает.

Холост или женат и имеет ли детей.

Женат на француженке Полине Поль в Сибири, у них дети: сыновья, Владимир 4 и Иван 1 г., и дочь Ольга 6 л. Находятся при матери.

Верно: Состоящий в должности иркутского гражданского губернатора Евсеев¹⁵¹.

IV

ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОК О СЛУЖБЕ

нижегородского уездного предводителя дворянства
надворного советника Ивана Александровича
Анненкова¹⁵².

Секретарь.

За 1873 год.

I. Чин, имя, отчество, фамилия, должность, лета от роду, вероисповедание, знаки отличия и получаемое содержание.

Надворный советник Иван Александрович Анненков, нижегородский уездный предводитель дворянства, 70 лет; православного вероисповедания.

Имеет ордена: Св. Анны 2-й степени, Св. Станислава 2-й степени с императорскою короной и того же ордена 3-й степени и две медали в память войны 1813—1856 гг. и серебряную на Александровской ленте за труды по освобождению крестьян, в память успешного введения в действие положения 19 февраля 1861 года и высочайше учрежденный особый знак отличия для ношения на левой стороне груди.

Содержания никакого не получает.

II. Из какого звания происходит.

Из дворян потомственных.

III. Есть ли имение.

а. У него самого и у родителей.

IV. Родовое.

Нет.

V. Благоприобретенное.

Нижегородской и Пензенской губерниях до 10 000 десятин земли, заселенной временнообязанными крестьянами.

б. У жены, буде женат.

VI. Родовое.

Нет.

VII. Благоприобретенное.

Нет.

VIII. Где получил воспитание и окончил ли в заведении полный курс наук, когда в службу вступил, какими чинами, в каких должностях и где проходил службу: не было ли каких особенных чинов в службе деяний или отличий, не был ли особенно, кроме чинов, чем награжден и в какое время; сверх того, если, находясь под судом или следствием, был оправдан и признан невинным, то когда и за что был предан суду и чем дело кончено.

Воспитание получил домашнее, в 1819 году, по выдержании экзамена при главном штабе его императорского величества, вступил в службу юнкером в Кавалергардский ее величества государыни императрицы полк, где продолжая службу до чина поручика, в 1825 году был подвергнут по происшествию 14 декабря верховному уголовному суду и наказанию, а затем по высочайшему повелению, объявленному 26 сентября 1839 года шефом корпуса жандармов графом Бенкендорфом генерал-губернатору Западной Сибири, поступил в службу в Туринский земский суд тысяча восемьсот тридцать девятого года ноября двадцать пятого. 1839 ноября 25.

С разрешения генерал-губернатора Западной Сибири перемещен в штат канцелярии Тобольского общего губернского управления.

По ходатайству генерал-губернатора Западной Сибири, высочайшим повелением государя императора, сообщенным 11 апреля 1842 года военным министром, повышен из 4-го в 3-й разряд канцелярских служителей. 1842 апреля 11.

Определен к исправлению должности ревизора поселений Тобольской губернии 1843 сентября 10.

По всеподданнейшему докладу министра внутренних дел государь император высочайше повелеть соизволил считать установленный законом на производство в первый обер-офицерский чин шестилетний срок со дня поступления его на действительную службу, т. е. с 25 ноября 1839 г.

Высочайшим приказом 24 апреля 1848 года произведен в коллежские регистраторы со старшинством с тысяча восемьсот сорок пятого года ноября двадцать пятого, 1845 ноября 25.

Генерал-губернатором Западной Сибири определен к исправлению должности заседателя в Тобольском приказе о ссыльных 1849 марта 16.

Высочайшим приказом 28 декабря 1850 года произведен в губернские секретари со старшинством с тысяча восемьсот сорок девятого года ноября двадцать пятого, 1849 ноября 25.

Во время состояния в должности ревизора поселения Тобольской губернии и заседателя Тобольского приказа о ссыльных, по назначению тобольского гражданского губернатора и губернского правления, имел сверх прямой обязанности своей нижеследующие поручения:

1) Производство удостоверения в неправильности цен, показываемых на материалы и работы по ведомству Тобольской губернской строительной комиссии.

2) Производство следствия о буйственных поступках купеческого сына Шапошникова.

3) Производство удостоверения о домообзаводстве отставных нижних чинов, получивших из казны пособие.

4) Обязанность депутата от дворян в комиссии, учрежденной в Тобольске для оценки недвижимых имуществ (за ревностные труды и усердное выполнение этой обязанности генерал-губернатором Западной Сибири 25 ноября 1846 года объявлена благодарность).

5) Составление таблицы с подробным описанием домов города Тобольска под наблюдением председателя административного комитета для уравниения квартирной повинности.

6) Прикомандирование к советнику Главного управления Западной Сибири Шиллингу, ревизовавшему действия Тобольской губернской строительной комиссии.

7) Командирование для освидетельствования строительных материалов и извести, оставшихся от постройки острога, обще с инженер-полковником Игнатьевым.

8) Производство удостоверения о ценности памятника покорителю Сибири Ермаку.

IX. Производство следствий.

9) О расхищенном имении после смерти статского советника Алберт.

10) О беспорядках и злоупотреблениях по Тобольской ремесленной управе.

11) О несвоевременном заготовлении Тобольскою градскою думою тулупов и кенег для часовых.

12) О потере в Тобольской полиции указа губернского правления.

13) О противозаконной торговле солью мещанином Колосовым и др.

14) О слабом надзоре за арестантами в Тобольской арестантской роте.

15) О домах, бывших затопленными водою в разлив реки Иртыша в 1847 году.

16) О подделке и порче вин содержателями ренсковых погребов.

17) О растрате чиновником Бороздиным денег 31 руб. 70 коп.

18) О потерявшемся в Тобольском земском суде аттестате чиновника Захарова.

19) О недостатке в Тобольском земском суде казенных сумм.

20) О взятии купца Спиридонова в полицию.

21) О противозаконных поступках чиновника Суафова и поселенца Кашкадамова по застрахованию частных имуществ от огня.

22) О противозаконных поступках чиновника Захарова.

23) О нетрезвом поведении квартального надзирателя Забелина.

24) О нанесенной обиде часовому Бушкееву чиновником Митаревским.

25) О растрате чиновником Загурским денег 190 руб. 73¼ коп.

26) О начете на подрядчика Новикова денег 747 руб. 17½ коп. забытых на работах его арестантов.

27) Об утрате в полиции фальшивого безмена, отобранного от мещанина Злыгостева.

28) О противозаконном скупе муки мещанином Швыркиным.

29) О претензии мещанина Фонякова на чиновника Булдакова о неправильных действиях по просьбам его.

30) О сборе денег с рекрутских отдатчиков в Тобольской полиции и на казенной квартире.

31) О злоупотреблениях на отправке из Тобольска в Иркутск аптечного транспорта.

32) О стеснении поселенца Созонова частным приставом Петуховым.

33) О поступках квартального надзирателя Есипова.

34) О передержательстве купцом Протопоповым крестьянина Хухленева.

35) Об утрате дела о битии и ограблении мещанина Нагибина.

36) Об обиде канцеляриста Никифорова земским исправником Выкрестюком.

37) О расхищении имущества чиновницы Костомаровой членами Тобольской полиции.

38) О нанесении побой писцу Черепанову квартальным надзирателем Крашалаем.

39) О похищении печати приказа о ссыльных.

40) О растрате денег квартальными надзирателями Есиповым и Гусевым.

41) Во время управления им, Анненковым, по должности заседателя 11 отделением приказа о ссыльных, над личным наблюдением его и без увеличения средств в том отделении приведено им в должный порядок значительное запущение прежнего времени по обороту сумм из числа принадлежащих ссыльным и дано оному законное течение.

Выполнение этих поручений Анненковым, сверх лежащих на нем обязанностей, по самым должностям его, внесено в формулярный о службе его список со-

гласно разрешению г. начальника губернии от 27 апреля 1857 года за № 3297.

Председательствовавшим в совете главного управления Западной Сибири перемещен к исправлению должности заседателя в Тобольской приказ общественного призрения. 1851 апреля 18.

Высочайшим приказом 25 декабря 1854 года за отличие по службе произведен в коллежские секретари со старшинством с 1852 г. Ноября 25.

За найденный порядок по делопроизводству и правильное ведение денежных шнуровых книг при ревизии в 1855 году приказа общественного призрения г. начальником губернии объявлена благодарность его высокопревосходительства г. генерал-губернатора Западной Сибири. 1856 июня 8.

Всемилоостивейшим манифестом, состоявшимся 26 августа 1856 г., даровано ему, Анненкову, прежнее потомственное дворянство со всеми детьми, рожденными после произведения над ним приговора 1826 года, и дозволено возвратиться с семейством из Сибири и жить где пожелает в пределах империи, за исключением только С.-Петербурга и Москвы.

Получил медаль, установленную всемилоостивейшим манифестом 26 августа 1856 года. 1857 января 18.

Высочайшим приказом 1 января 1857 г. № 1 за отличие по службе произведен в титулярные советники со старшинством 1855 ноября 25.

С высочайшего соизволения государя императора переведен на службу в Нижегородскую губернию, с назначением состоять при начальнике губернии сверхштата. 1857 июня 21.

Сдал лежавшую на нем обязанность 20 июня 1857 г.

Состоя в этой должности, по предписаниям начальника губернии и губернского правления имел на поручении своем производство разных следственных дел.

По предписаниям бывшего начальника губернии генерал-лейтенанта Муравьева неоднократно производил подробное обревизование некоторых уездных присутственных мест.

По его же предписаниям находился членом от правительства в учрежденном в 1858 году по высочай-

шему повелению комитете по улучшению быта помещичьих крестьян.

Указом Правительствующего сената от 30 ноября 1859 года № 221 (по департ. гор.) за выслугу лет произведен в коллежские ассесоры со старшинством с 1858 г. Ноября 25.

22 января 1860 года по распоряжению начальника губернии был назначен членом от министерства внутренних дел в военно-судную комиссию, учрежденную по высочайшему повелению для решения следственного дела о порубке лесов, открытых в 3-м Макарьевском лесничестве.

За отличную усердную службу, согласно удостоверению комиссии министров, всемилостивейше пожалован указом, в 22 день июля 1860 года Капитулу даным, кавалером императорского и царского ордена св. Станислава 3 степени, полученный им при грамоте, от 3 августа за № 3834. 1860 августа 3.

19 апреля 1861 года, чрез министра внутренних дел, объявлено высочайшее благоволение вместе с прочими членами бывших губернских комитетов за полезное содействие в великом государственном деле отменения навсегда крепостного права.

Получил установленную имянным указом его императорского величества Правительствующему сенату в 17 день апреля 1861 года серебряную медаль на Александровской ленте «за труды по освобождению крестьян». 1861 мая 13.

Из избранных дворянством Нижегородского уезда в чрезвычайном собрании своем кандидатов для замещения открывшейся вакансии нижегородского уездного предводителя дворянства утвержден в сем звании г. начальником губернии. 1863 января 11.

По всеподданнейшему докладу главным начальником III отделения собственной его императорского величества канцелярии ходатайства г. Анненкова об исключении из формулярного списка надписи о воспрещении жительства в столицах государь император высочайше повелеть соизволил «воспрещение жительства в столицах прекратить». О чем видно из пред'явленного Анненковым отношения к господину начальнику губер-

нии г. товарища министра внутренних дел, от 10 июля 1863 г. за № 10257.

В память успешного введения в действие положения 19 февраля 1861 года и в из'явление всемилостивейшего благоволения к полезным трудам лиц, в сем деле участвовавших, получил по званию предводителя и председателя мирового с'езда высочайше учрежденный особый знак отличия для ношения на левой стороне груди. 1863 сентября 27.

Указом Правительствующего сената от 18 декабря 1863 года за № 279 за выслугу лет произведен в наддворные советники со старшинством с 1863 г. ноября 25.

На бывшем в январе месяце 1864 года Нижегородском губернском собрании дворянства, избран вторично в уездные предводители дворянства по Нижегородскому уезду, в каковой должности и утвержден г. начальником губернии 1864 января 18.

С 1864 года сентября 1 дня по 26 июля 1865 года состоял председателем временной комиссии по введению в действие положения о земских учреждениях.

На бывшем 1-м губернском очередном земском собрании был избран в председатели Нижегородской уездной земской управы, в каковой должности состоял с октября 1865 года по 21 ноября 1868 года.

На бывшем в январе месяце 1867 года Нижегородском губернском собрании дворянства избран в третий раз в уездные предводители дворянства по Нижегородскому уезду, в каковой должности и утвержден г. начальником губернии 1867 г. января 9.

Награжден орденом св. Станислава 2 степени с императорскою короной, полученной им при грамоте от 17 августа 1865 года за № 5089 1865 г. июня 16.

14 марта награжден орденом св. Анны 2 степени за распространение народного образования, полученный им при грамоте от 19 марта 1869 года за № 1783 1869 г. марта 14.

Состоя в звании нижегородского уездного предводителя дворянства неоднократно исправлял должность губернского предводителя дворянства.

На бывшем 11 ноября 1868 года Нижегородском уездном земском собрании избран в почетные мировые судьи, в каковой должности утвержден указом Правительствующего сената за № 27827 1869 г. апреля 14.

На бывшем в декабре месяце 1869 года Нижегородском губернском собрании дворянства избран в уездные предводители дворянства по Нижегородскому уезду, в каковой должности и утвержден г. начальником губернии 1869 г. декабря 17.

За определением г-на нижегородского губернского предводителя дворянства М. Б. Прутченко псковским губернатором г-н Анненков исправлял должность губернского предводителя дворянства с 13 июня 1872 года по 12 марта 1873 года.

На бывшем в декабре месяце 1872 года Нижегородском губернском собрании дворянства вновь избран в уездные предводители дворянства по Нижегородскому уезду, в каковой должности утвержден г. начальником губернии 1872 г. декабря 16.

X. Был ли в походах против неприятеля и в самих сражениях и когда именно.

Не был.

XI. Был ли в штрафах, под следствием и судом; когда и за что именно предан суду; когда и чем дело кончилось.

В продолжение гражданской службы не был.

XII. Был ли в отпусках; когда и на сколько именно времени; явился ли на срок, и если просрочил то когда именно явился, и была ли причина просрочки признана уважительной.

Был в 1853 году на пятнадцать дней; по болезни, засвидетельствованной местным медицинским и губернским начальством просрочил 4 дня; 1860 года с высочайшего соизволения был в отпуске за границей на 4 месяца и явился в срок.

XIII. Был ли в отставке с награждением чина, или без оногo, когда, с которого и по какое именно время.

Не был.

XIV. Холост или женат, на ком, имеет ли детей, кого именно; год, месяц и число рождения детей, где они находятся и какого вероисповедания.

Женат с высочайшего соизволения государя императора на иностранке, бывшей французской подданной, Полине Поль. У них дети: дочери: Александра, родившаяся 1826 г. апреля 11-го, находится в замужестве за майором Тепловым; Ольга, родившаяся 1830 года мая 19-го, находится в замужестве за генерал-майором Ивановым, сыновья: Владимир, родившийся 1831 года октября 18-го, продолжает службу по судебному ведомству, председателем Харьковского окружного суда; Иван, родившийся 1835 года ноября 8-го, продолжает службу по военному ведомству подполковником, и дочь Наталья, родившаяся 1842 года июня 28 дня дочь Наталья находится при отце. Жена вероисповедания римско-католического, а дети православного.

Секретарь дворянства Нижегородской губернии
коллежский ассесор кавалер С. Богомолов.

Верно: Депутат дворянства генерал-майор
С. Бочякаров.

С подлинным сверил: Секретарь дворянства
С. Богомолов.

1873 года сентября 10-го дня, выдана сия копия с формулярного списка надворному советнику Ивану Александровичу Анненкову на предмет представления его при ходатайстве об определении внука его Сергея в какое-либо учебное заведение.

Депутат дворянства генерал-майор
С. Бочякаров.

Секретарь дворянства С. Богомолов.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ КАНВА ЖИЗНИ АННЕНКОВЫХ

1800. VI. 9 Рождение Полины Гебль.
1802. III. 5 Рождение И. А. Анненкова.
1809. Отец П. Гебль убит гвнерильясами.
1817. II. 5 П. Гебль выехала из Бона в Париж на службу в торговом доме Моню.
- С 1817 по 1819 Анненков слушал лекции в Московском университете.
1819. XII. 21 Вступление Анненкова эстандарт-юнкером в Кавалергардский полк.
1820. III. 19 Дуэль Анненкова с В. Я. Ланским, окончившаяся смертью последнего.
1823. III. 13 Производство Анненкова в поручики.
1823. IX. 17 П. Гебль выехала из Парижа в Москву для поступления в торговый дом Дюманси.
- С 1823 по 1824 Вступление Анненкова в Северное общество.
- 1824 Убит на дуэли Григорий Александрович Анненков, единственный брат декабриста.
- 1824 Приезд в Петербург Пестеля и вступление Анненкова, под его влиянием, в Южное общество.
1825. VI Знакомство П. Гебль с Анненковым.
1825. VI Встреча П. Гебль с Анненковым на Пензенской ярмарке.
1825. IX Возвращение П. Гебль и Анненкова в Москву и отъезд Анненкова в Петербург.
1825. XII. 12 Анненков на совещании у кн. Е. П. Оболенского высказался против восстания.
1825. XII. 14 Восстание декабристов в Петербурге, во время которого Анненков находился со своим полком, выступившим против мятежников.
1825. XII. 19 Арест Анненкова, допрос и отправление в Выборгский шосс.
1825. XII П. Гебль послала слугу в Петербург для выяснения мест нахождения Анненкова.
1826. I. 1 Анненков доставлен в Петербург на главную гауптвахту и в тот же день переведен в Петропавловскую крепость.

1826. IV Рождение дочери Александры (Зинаиды). Замужем за генерал-майором Алексеем Григорьевичем Тепловым. Ум. в 1880-х гг.
1826. IV 11 Гебль приехала в Петербург.
1826. VII. 12 Декабристам внесен приговор, согласно которому Анненков, отнесенный ко II разряду, приговорен к 20 годам каторжных работ и поселению в Сибири.
1826. VIII. 22 Срок каторжных работ Анненкову (в числе прочих) сокращен до 15 лет.
1826. XII. 1—2 Возвращение П. Гебль в Москву.
1826. XII. 2—3 Первая встреча П. Гебль с А. И. Анненковой и разговор о бегстве Анненкова за границу.
1826. XII. 9 Вторичный приезд П. Гебль в Петербург и последнее свидание с Анненковым перед отправкой в Сибирь.
1826. VII. 10 Анненков отправлен в Сибирь.
1826. XII. 15 Отъезд П. Гебль в Москву.
1827. I. 28 Прибытие Анненкова в Читу.
1827. V. 12 П. Гебль выехала в Вязьму на высочайшие маневры с целью хлопотать о поездке в Сибирь.
1827. V. 15 Приезд П. Гебль в Вязьму.
1827. V. 16 П. Гебль подала Николаю I просьбу о разрешении ехать в Сибирь.
1827. V. 20 Возвращение П. Гебль в Петербург.
1827. VI. 16 П. Гебль получила разрешение ехать в Сибирь.
1827. XII. 23 Выезд П. Гебль в Сибирь.
1828. I. 10 П. Гебль приехала в Иркутск.
1828. II. 29 Выезд П. Гебль из Иркутска в Читу.
1828. III. 5 Приезд П. Гебль в Читу.
1828. IV. 4 Свадьба Анненковых в Чите.
1828. XI. 30 Указ правительствующего сената о передаче Анненковой 60 тыс. р. асс., отобранных у Анненкова при аресте, и о присвоении старшей дочери, Александры, рожденной вне брака, фамилии Анненковой, без прав наследования.
1829. III. 16 Рождение дочери Анны (ум. 1833).
1830. V. 19 Рождение дочери Ольги. Замужем с 1852 г. за Константином Ивановым (ум. 1891).
1830. VIII. 4—7 Анненков, в составе первой партии декабристов, выступил из Читы в Петровский завод.
1830. VIII. 7—10 Анненкова на почтовых выехала из Читы.
1831. X. 18. Рождение сына Владимира, Ж. кн. Мария Сергеевна Гагарина. Ум. в 1890-х гг.
1832. XI. 8 Сокращение срока каторжных работ до 10 лет.
1833. Начало Смерть дочери Анны.
1835. XII. 8 Рождение сына Ивана. Ж. кн. Екатерина Сергеевна Гагарина. Ум. 1886.
1835. XII. 14 Анненков отбыл срок каторжных работ и назначен на поселение в с. Бельское.

1826. VIII. 20 Выезд Анненковых из Петровского завода в Иркутск.
1836. IX Прибытие Анненковых в Иркутск после крушения, перенесенного при переезде через Байкал.
1836. X. 22 Анненковым предложено немедленно оставить Иркутск и выехать к месту поселения в Бельское. Вследствие болезни Анненковой, последняя осталась в Иркутске с детьми, и Анненков выехал один.
1836. XI Генерал-губернатор разрешил Анненкову приехать в Иркутск, дабы перевезти семью в с. Бельское. Переезд был отложен из-за болезни Анненковой.
1836. XI. 16 По повелению генерал-губернатора. Анненков выслан из Иркутска к месту поселения в с. Бельское.
1836. XII 22 Анненкова в Иркутске преждевременно родила двоих близнецов, проживших несколько дней. Следствием родов явилась серьезная болезнь Анненковой.
1836. XII По вызову жены Анненков приехал в Иркутск и, вследствие ее тяжелой болезни, получил разрешение остаться в Иркутске впредь до ее выздоровления.
1837. IV—V Переезд Анненковых в с. Бельское.
1837. X. 5 Анненковым разрешено переехать в г. Туринск Тобольской губернии.
1837. XII. 15 Рождение сына Николая (ум. в нач. 70-х гг. холостым).
1838. VI 28 Переезд из Бельского в Туринск.
1839. IX. 26 Анненков допущен к поступлению на гражданскую службу.
1841. VI. 9 Анненковы переведены в Тобольск.
1842. VII 28 Рождение дочери Наталии (ум. 1894 девичей).
- 1842 В Москве скончалась Анна Ивановна Анненкова, мать декабриста.
- 1843 Боковые родственники Анненкова вошли в наследование имущества А. И. Анненковой.
1840. I—II Анненковых в Тобольске посетила старшая дочь, Александра Теплова, с детьми.
1850. IV. 10 Произведен боковыми родственниками Анненкова раздел его имущества.
1856. VIII. 26 Манифест Александра II, согласно которому Анненкову дозволено было возвратиться с семьей из Сибири „и жить, где пожелает, в пределах империи, за исключением только С.-Петербурга и Москвы“.
1857. VI. 21 Анненков назначен „состоять при начальнике Нижегородской губернии сержантат“.
1857. VII Отъезд Анненковых из Сибири.
- 1858 Анненков состоял членом Комитета по улучшению быта помещичьих крестьян.
- 1860 Анненков четыре месяца провел за границей.

- 1961 Анненкова протикочала свои воспоминания, записанные О. И. Иванюкой.
- 1961 Анненкова ездилa во Францию.
1863. I. 11 Избрание Анненкова нижегородским уездным предводителем дворянства.
1863. VII Освобождение Анненкова от запрещения проживать в столицах.
1864. I. 18 Анненков вновь избран нижегородским уездным предводителем дворянства.
1864. IX. 1 Анненков избран председателем временной комиссии по введению в действие положения о земских учреждениях. Оставался в этой должности до 26. VII. 1865.
1865. X Избрание Анненкова председателем нижегородской уездной земской управы. Оставался в этой должности до 21. IX. 1868.
1867. I. 9 Анненков избран на третье трехлетие нижегородским уездным предводителем дворянства.
1868. XI. 11 На нижегородском уездном земском собрании Анненков избран в почетные мировые судьи.
1869. XII. 17 Избрание Анненкова на четвертое трехлетие нижегородским уездным предводителем дворянства.
- 1872 Анненков рассказал свои воспоминания о событиях 1825—26 гг., записанные его внучкой Е. К. Гагариной (гл. V „Воспоминаний“ П. Е. Анненковой).
1872. VI. 13 Назначение Анненкова заместителем нижегородского губернского предводителя дворянства. Состоял в этой должности до 12. III. 1873 г.
1872. XII. 16 Анненков избран на пятое трехлетие нижегородским уездным предводителем дворянства.
- Около 1873 Смерть сына Николая.
1876. IX. 14. Смерть Анненковой.
1886. I. 27 Смерть Анненкова.

БИБЛИОГРАФИЯ *

Л. Граве. К статье «Из записок Н. И. Греча», «Русск. Вестн.», 1868, XII. — Бар. А. Е. Розен. Иван Александрович Анненков (некролог), «Русск. Стар.», 1878, XII (Перепечатан в «Записках» Розена, С.-Пб. 1907). — Некролог И. А. Анненкова. «Нов. Время». 1878, № 691. — Старый дьячок (С. Н. Малков). Старина о декабристах, «Сибирь» (газета), 1883, № 36. (Перепечатано в «Сиб. Вестн.», 1887, № 46). — «Император Николай I и семейство декабриста Анненкова», «Русск. Стар.», 1901. III. — А. И. Дмитриев-Мамонов. Декабристы в Западной Сибири, Спб. 1905. — П. М. Головачев. И. А. Анненков в книге «Декабристы. 86 портретов», М. 1906. — И. В. Погоржаиский. Четыре записки из жизни декабристов, «Ист. Вести.», 1916, т. 143 ¹⁵³. — Вл. Золотницкий. О декабристах А. Н. Муравьеве и И. А. Анненкове, работавших после каторги в Нижнем-Новгороде, «Нижегородская Коммуна», 1925. 15 января ¹⁵⁴. — М. Коптилов. Декабристы в Тобольской губернии, Тобольск. 1925, I—II, IV. — М. С. Знаменский. Тобольск в сороковых годах, «Наш край» (Тобольск). 1925. II—IV. — «Семейный архив Анненкова», «Каторга и Ссылка» 1925. VIII. — «Декабрист И. А. Анненков и Полина Гебль», «Красн. Газета», веч. вып. 1925, № 315. — М. В. Брызгалова. Воспоминания внуки декабриста, «Руль», Берлин, 1925, XII, 25—29. — М. В. Брызгалова. Встреча с декабристами, в сб. «Тайные общества в России в нач. XIX ст.», М. 1925. — П. Никишин. «Декабризм и Пензенская губерния», «Труд. Правда». 1926. № 11. — Варвара Анненкова. Как я играю Полину Гебль, «Огонек», 1926, № 17(161) ¹⁵⁵. «La Nouvelle Revue», 1890, . 66, pp. 706—711, t. 67, pp. 28—52, (Отрывки из Воспоминаний) ¹⁵⁶.

Заметки в словарях: о П. Е. Анненковой — Русск. Биогр. словарь, II, Кн. Н. Н. Голицын. Словарь русских писательниц. Т. II, С. А. Венгеров. Словарь, I. — Критико-биогр. словарь. I. Об И. А. Анненкове — Русск. Биогр. словарь, II. Энциклоп. словарь, т. II, Нов. Энциклоп. словарь, т. II, Энциклоп. словарь, изд. Гранат, т. III, С. А. Венгеров. Источники словаря русских писателей. I, стр. 77—78, Больш. Сов. Энциклоп. II,

* Указана только литература, посвященная специально Анненковым.

ПРИМЕЧАНИЯ

Воспоминания Анненковой печатаются по тексту, напечатанному в «Русской Старине» в 1888 г. По черновой рукописи воспоминаний, переданной Е. К. Гагариной в Пушкинский Дом, восстановлены все пропуски в печатном тексте. Рукопись занимает 158 страниц, к ним присоединяются отдельные листы (всего 5), которым не находится определенного места в контексте. Кроме того, сохранилась еще сшитая тетрадка, представляющая собой, повидимому, начало чистовой рукописи, но в ней заполненных только пять страниц, и изложение начинается непосредственно с знакомства Полины Гебль с Анненковым (гл. IV настоящего издания). В тексте черновой рукописи встречается множество свободных мест, а иногда и чистых страниц, оставленных, очевидно, для позднейших вставок.

В черновой рукописи отсутствует целиком рассказ И. А. Анненкова об аресте и содержании в крепости (гл. V настоящего издания). По свидетельству Е. К. Гагариной, рассказ этот был записан ею со слов деда в 1872 г. Анненков никогда не обращался к воспоминаниям, связанным с 14 декабря, и только однажды, уступив настойчивым просьбам жены, несколько дней преследовавшей его уговорами, согласился рассказать этот эпизод, после чего Е. К. Гагарина поспешила его записать. Запись эта потом была проредактирована П. Е. Анненковой, а И. А. Анненков указал те места, которые, по соображениям цензурным, не могли явиться в печати. Рукопись означенной главы не сохранилась.

¹ Робеспьер в 1793 и 1794 гг. занимал руководящее положение в Конвенте. Реакция, наступившая в стране, вызвала его арест 9 термидора (27 июля) 1794 г. На следующий день Робеспьер был казнен. Реакционные настроения усиливались. Правительство Директории, сменившее Конвент, было свергнуто в 1799 г. Наполеоном, до 1804 г. носившим титул консула, а в этом году провозглашенным императором.

² Кадудаль, будучи одним из самых убежденных роялистов, непримиримо относился ко всем правительствам, бывшим во Франции после революции, в том числе и к Наполеону. В 1804 г. он, совместно с Пишегрю и другими лицами, организовал заговор против Наполеона, замышляя его убийство. Заговор был раскрыт, и Дадудаль погиб на гильотине. Пишегрю, в 1804 г. приехавший во Францию для осуществления заговора против Напо-

леона, совместно с Кадудалем, был арестован и умер в тюрьме при загадочных обстоятельствах: его нашли задушенным его же собственным галстуком, причем обстановка давала повод заподозрить самоубийство.

³ Заговор против Наполеона с помощью адской машины был организован не после заговора Кадудаль и Пишегрю, как говорит Аппенкова, а до него. Все тот же Кадудаль вместе с несколькими единомышленниками поставил 24 декабря 1800 г. на улице, где должна была проезжать карета Наполеона, бочку, наполненную порохом, пулями, гранатами и обломками железа. Произошел взрыв, повлекший за собою множество жертв, Наполеон же, благодаря счастливой случайности, остался невредим. Участники заговора обнаружены не были, но правительство предприняло против роялистов ряд репрессивных мер.

⁴ Булонь — укрепленный морской порт на берегу канала Па-де-Калэ. В 1803 г. Наполеон превратил его в базу для предполагаемого десанта в Англии.

⁵ Мамелюки — военная династия, управлявшая Египтом до завоевания его Турцией в XVI в. После этого из мамелюков была создана отборная гвардия, пользовавшаяся огромной силой и влиянием вплоть до 1811 г., когда она была уничтожена. Некоторых из мамелюков Наполеон привлек к себе на службу.

⁶ Маренго — деревня в северной Италии, близ которой в 1800 г. Наполеон одержал блестящую победу над австрийской армией. Австрия была вынуждена подписать мир, по которому очищала от своих войск всю северную Италию.

⁷ Аустерлиц — город в Моравии, в современной Чехо-Словакии. Под Аустерлицем 2 декабря 1805 г. произошло сражение наполеоновских войск с русско-австрийскими, закончившееся полным разгромом последних.

⁸ Латур-д'Овернь — один из популярнейших генералов французской революционной армии. Неустрашимая храбрость сделала его имя широко известным. Выйдя в 1797 г. в отставку, он, чтобы избавиться от военной службы сына своего друга, в 1799 г. вновь поступил в армию простым солдатом, отказываясь от всякого повышения. В 1800 г. был убит в сражении при Обергаузене в Баварии. Наполеон дал ему титул «первого гренадера республики».

⁹ Ватерлоо — деревня в бельгийской провинции Южном Брабанте. В ее окрестностях произошло знаменитое Ватерлооское сражение 18 июня 1815 г. После бегства Наполеона с острова Эльбы (см. ниже) коалиция европейских государств собрала против него огромные силы. Соединенные англо-голландские и прусские войска нанесли при Ватерлоо Наполеону поражение, после которого он подписал второе отречение и был заключен на остров св. Елены (в Атлантическом океане). Во время Ватерлооской битвы, генерал Камброн, по преданию, в ответ на требование пруссаков сдаться будто бы произнес ставшие знаменитыми слова: «La garde meurt, mais ne se rend pas». Тяжело раненый, он был взят в плен англичанами. По возвращению во Францию Камброн был предан суду за помощь Наполеону при его бегстве с Эльбы, но был оправдан.

¹⁰ Нантские утопления — массовые казни в Нанте, произведенные по приказанию Каррье, комиссара Конвента. Приговоренных связывали по двое и топили в реке Луаре. Иногда женщины спасались от смерти, получив от кого-либо из присутствовавших предложение выйти замуж.

¹¹ Гверильясы — участники партизанской войны в Испании против наполеоновских войск.

¹² Коммерси — город на реке Мезе в северо-восточной части Франции. Станислав Лещинский в 1736 г., вынужденный уступить трон Августу II, курфюрсту саксонскому, бежал во Францию. Здесь он отказался от всякой политической деятельности и занялся широкой благотворительностью. Сохранив до 89-летнего возраста физические и духовные силы, он трагически погиб от ожогов. От огня в камине загорелось его платье, потушить пламя сразу не удалось, и через два дня он скончался.

¹³ Г-жа Кампан в это время была директрисой явменитого воспитательного учреждения в замке Экуан в округе Понтуаэ, основанного для сирот кавалеров ордена Почетного Легиона.

¹⁴ Сен-Сирская военная школа основана в 1803 г. в Фонтенебло, в 1808 г. переведена в Сен-Сир, близ Версаля.

¹⁵ В 1791 г. Людовик XVI задумал бежать из Парижа под защиту армии, стоявшей на восточной границе Франции — в Лотарингии. Оттуда, с помощью прусских и преданных трону французских войск, он рассчитывал двинуться на Париж и покончить с революцией. В ночь с 20-го на 21 июня Людовик XVI и его жена Мария-Антуанетта, переодетые, покинули столицу. Их, однако, узнали. В городе Варенне королевская карета была остановлена, и арестованные беглецы должны были возвратиться в Париж. В Варенне первый узнал короля почтмейстер города — Друз. Он поднял тревогу и вместе с членом городского управления Сосом, исполнившим обязанности мэра, арестовал королевскую семью. До своего обратного возвращения в Париж король оставался в доме Соса.

¹⁶ Бородино — село в Московской губернии, недалеко от Можайска. Под Бородиным произошла знаменитая битва наполеоновских войск с русскими 24—26 августа 1812 г., после которой русское командование решило оставить Москву.

¹⁷ Лейпцигская битва, так называемая «битва народов», произошла 2—7 октября 1813 г. После ухода Наполеона из России против него составила коалиция из России, Австрии и Пруссии. Союзные войска нанесли Наполеону решительное поражение под Лейпцигом, принудив его к дальнейшему отступлению. Война была перенесена во Францию.

¹⁸ Военные неудачи Наполеона заставили его 11 апреля 1814 г. подписать отречение, после чего он был удален на остров Эльбу (в Средиземном море). Здесь он находился до 26 февраля 1815 г. В этот день Наполеон бежал с острова, высадился во Франции, собрал около себя войска и 20 марта вступил в Париж. В течение трех месяцев («Сто дней») он снова был императором, пока битва под Ватерлоо не решила окончательно его судьбу. Священный союз — союз трех государей: русского, прусского

и австрийского, образовавшийся после свержения Наполеона и ставивший своей целью охранять дореволюционный порядок в Европе.

¹⁹ Хороший голос и музыкальные способности П. Гебль сохранила долго. Е. К. Гагарина сообщает, что в Сибири, среди близких знакомых и друзей, она часто пела, причем слушавшие очень хвалили ее прекрасного тембра контральто. Даже в Нижнем-Новгороде она не перестала петь, хотя делала это все менее охотно и часто.

²⁰ П. Гебль не говорила по-датски и поэтому переводчицей с этого языка быть не могла. Вероятнее всего, датский капитан говорил на немецком языке, с которым П. Гебль, как уроженка Лотарингии, была довольно хорошо знакома (Сообщ. Е. К. Гагариной).

²² Покидая Францию и переезжая в Россию в качестве простой модистки, Полина Гебль роняла, по понятиям того времени, достоинство старой дворянской фамилии Гебль. Поэтому, чтобы не дать повода ко всякого рода сплетням и толкам среди остающихся во Франции родных и знакомых, она выехала с паспортом на имя Поль. Этим и объясняется то, почему во многих документах П. Гебль фигурирует под именем Поль (сообщ. Е. К. Гагариной).

²² Александр Дюма написал роман «Le maître d'amour» (есть русский сокращенный перевод Г. И. Гордона «Учитель фехтования, исторический роман из времен декабристов». Лнгр. 1925 г., изд-во «Время»), в котором он рассказывает историю Полины Гебль. В романе наряду с многими верными событиями и характеристиками встречается масса самых фантастических вымыслов. Содержание его сводится к следующему. Некий учитель фехтования приезжает из Парижа в Петербург и знакомится с Луизой Дюпюи (под именем которой выведена Полина Гебль), бывшей парижской гризеткой, теперь — продавщицей модного магазина. Луиза рассказывает ему свою историю. Оставшись 16 лет сиротой, она научилась делать цветы и поступила продавщицей в модный магазин, сначала в Париже, потом в Петербурге. Здесь ее увидел граф Алексей Анненков, влюбился в нее и стал преследовать своими ухаживаниями. Луиза отвергала все домогательства богатого и блестящего графа. Однажды он обманом увез ее с бала к себе и признался, что вступил в тайное общество, имевшее целью убить царя. По его словам, единственной причиной, заставившей его сделать это, была непреклонность Луизы, так как после ее отказа ему оставался выбор — самоубийство или эшафот. Он предпочел последнее и вступил в тайное общество. Луиза, побежденная такой настойчивостью, становится любовницей графа. Далее, учитель фехтования, от лица которого ведется рассказ, повествует о том, как после 14 декабря Анненков сам предал себя в руки властей и был посажен в крепость. Луиза, встретив Николая I на улице, бросается перед ним на колени и подает ему прошение о помиловании Анненкова. Император заменил Анненкову смертную казнь

каторжными работами и позволил Луизе следовать за ним в Сибирь. Луиза, вместе с учителем фехтования, сделавшимся ее другом, поехала за Анненковым. После многих фантастических приключений они приезжают в Тобольск, где происходит свадьба Анненкова с Луизой.

Этот роман возбудил сильное негодование Анненковой своими ложными, а иногда и прямо клеветническими подробностями. По сообщению Е. К. Гагариной, она до конца своей жизни не могла простить Дюма его романа и всякий раз волновалась, когда речь заходила о нем. О том, какое впечатление роман произвел не только на самое Анненкову, но и на ее знакомых и друзей, свидетельствует следующее письмо И. И. Пущина к И. Д. Якушкину: «Я жду от Вадковского книгу об Анненковой. Мария Петровна (Ледантю) получила письмо из-за границы от своей дочери Амалии, которая уже спрашивает некоторые объяснения по этому случаю. Прасковья Егоровна непременно хочет, увидевши, в чем дело, написать к своей матери в Париж с тем, чтобы ее ответ на клевету, лично до нее относящуюся, напечатали в журнале. Я помню, что это непременно должно сделать. За что ее, бедную, лишают единственного ее богатства и чернят тогда, когда она совершенно чиста. Если от Вадковского не будет этой книги, мы ее достанем из Франции. Нельзя ничего сказать, не прочитавши. Я все секретничаю, не хочется прежде времени ее тревожить. Скоро должен быть ответ Вадковского. Между тем, пусть добрый Матвей Иванович (Муравьев-Апостол) напишет мне еще то, что об ней в книге сказано. На его памяти можно основаться. Прошу его говорить, как очо есть, я не сделаю злоупотребления. Покажу ей, и тогда она сможет действовать, как хочет. До ответа Матвея Ивановича молчу. (И. И. Пущин. Записки о Пушкине и письма. Редакция и биографический очерк С. Я. Штрайха, Гиз, 1927, стр. 145—146.)

²³ С 1783 по 1788 г. И. В. Якобий занимал пост иркутского ген.-губернатора. Перед тем, в 1782 г., вся Сибирь разделена была на два наместничества—Тобольское и Иркутское, управлявшиеся ген.-губернаторами, фактически имевшими власть наместников. Ф. Ф. Вигель вспоминал богатый дом, выстроенный в Иркутске Якобием, «который так долго начальствовал в Иркутске и еще долее находился потом под судом» («Записки», М. 1891, ч. II, стр. 164). От отца А. И. Анненковой досталось в Оренбургской губ., Бугульминского уезда в с-це Анненке с двумя деревнями—663 муж. пола души. (Сергей Гессен. Материалы к характеристике хозяйственной деятельности и имущественного положения декабристов. «Разложение крепостного хозяйства», М. 1932.)

²⁴ Собственно за Анненковым было только 418 душ в Нижегородской губ. Но за матерью его считалось в той же Нижегородской губ. — 971, в Пензенской — 1737 и в Симбирской—818. Кроме указанного выше оренбургского имения, у нее были еще менее значительные поместья в Московской, Тверской и Саратовской губ. Всего за ней около 5 тыс. душ. (С. Гессен. Материалы...

²⁵ В Москве у А. И. Анненковой было два дома: каменный дом — Тверской части в I квартале под № 74 и дом с садом и прудом Покровской части во II квартале под № 163. Оба дома неоднократно закладывались. (С. Гессен. Материалы).

²⁶ Дата эта подтверждается письмом московского почт-директора А. Я. Булгакова от 30 ноября 1825 г. («Русск. Архив», 1901, т. II, стр. 224).

²⁷ При арестовании Анненкова у него действительно отобрано было шестьдесят тысяч руб. асс. (Люция. Прав. Семат, I Деп-т, 1828, № 1269).

²⁸ Корнет П. Н. Свистунов, однополчанин и ближайший друг Анненкова, играл руководящую роль в петербургской ячейке Южного общества. Он распропагандировал и привлек в Общество целый ряд горячих адептов, страстно сочувствовал идее «истребления тирана» и даже, совместно с Вадковским, разрабатывал планы цареубийства. Но и в процессе разложения петербургской организации (о чем подробно см. во вступительной статье) решающая роль, как будто, осталась за Свистуновым, особенно деморализующе действовавшим на товарищей своим ироническим скептицизмом. Высказываясь категорически против вооруженного выступления, Свистунов обрел чрезвычайно тактичный выход из положения: 13 декабря он выехал в служебную командировку в Москву, с поручениями к московским заговорщикам. Арестован в Москве 21 декабря.

²⁹ Опportunизм Анненкова накануне восстания, носивший ярко выраженный классовый характер, в действительности не имел практических оснований: рядовой состав Кавалергардского полка оказался весьма расположенным к возмущению. По прибытии к месту действия Кавалергардский полк, в котором присяга окончилась благополучно исключительно благодаря распорядительности Апраксина, расположен был на повороте Конногвардейского бульвара, вдоль Адмиралтейской площади, против лопухинского дома.

³⁰ Интересно сравнить этот рассказ с аналогичным рассказом А. М. Муравьева. Сличение их свидетельствует о поразительной точности в передаче обоих: «Когда я был приведен во дворец с моими товарищами по полку Анненковым и Арцыбашевым, император взял нас под руки и спокойно начал допрос, потом, повышая голос все более и более, он стал обращаться к нам с угрозою. Он приказал Левашеву записывать ответы на вопросы, которые тот должен был задавать. Через полчаса император вернулся к нам и в присутствии начальника гвардейского штаба Нейдгардта, командира гвардейского корпуса Воинова и графа Апраксина даровал нам прощение, но при этом нам было объявлено, что мы проведем шесть месяцев в крепости — Анненков в Выборге, Арцыбашев — в Нарве, я — в Ревеле. Генералы, как и присутствующие царедворцы, бросились целовать руки императора, приказывая нам делать то же. Император, видя наше колебание, отступил на несколько шагов и заявил, что ему не нужна наша благодарность». (Декабрист А. М. Муравьев. Записки. Под ред. С. Я. Штрайха. Пб., 1922, стр. 18—19). Следует

отметить, что записки эти впервые были напечатаны только в 1902 г., почему и нельзя заподозрить О. И. Иванову в заимствовании.

³¹ В Свартгольме Батеньков содержался только до июня 1827 г., когда был переведен в Петропавловскую крепость и заключен в Алексеевский равелин, где оставался до 1846 г. Стихотворение «Одичалый» написано в Свартгольме в мае 1827 г.

³² Анненков ошибается: в Нарве содержался Арцыбашев, а Муравьев заключен был в Ревеле. Подобная мера в процессе следствия применялась и к некоторым другим декабристам: так, в Выборге же содержался несколько месяцев М. К. Кюхельбекер, в Нарве — Н. Р. Цебриков, в Ревеле — Ф. Г. Вишневецкий, в Свеаборге — К. П. Торсон, в Кронштадте — П. П. и И. П. Коновницыны, и т. д.

³³ После приговора в Выборгском шлоссе содержались продолжительное время декабристы М. С. Лунин и Муханов, причем условия их заключения были далеко не столь благоприятны: камеры тесные, сырые, крыша гнилая, так что дождь протекал сквозь потолок.

³⁴ Здесь видимая ошибка: Анненков содержался в Выборгской крепости до 1 февраля 1826 г. (а не до марта), когда доставлен в Петербург на главную гауптвахту, откуда, в тот же день переведен в Петропавловскую крепость.

³⁵ В л.-гв. Кавалергардском полку Стремоуховы не служили. В Гвардейском корпусе состоял вообще только один Стремоухов — Александр Васильевич, в 1826—28 гг. — штабс-капитан л.-гв. конно-егерского полка.

³⁶ Комендантом Петропавловской крепости в 1826 г. был генерал-от-инфантерии А. Я. Сукин. Е. М. — вероятно, плац-майор полковник Е. М. Подушкин, о котором один из декабристов вспоминал: «Подушкин, всегда поддержанный порядочно дозой водки, имел всегда красное лицо, всегда звериное. Он всегда готов был воспользоваться чужою собственностью, считая арестантов, как отпетых, и злоупотреблениям его не было конца...» Через несколько лет Подушкин за крупную взятку был удален от должности. (Н. Р. Цебриков. Воспоминания, рассказы и письма. Под ред. Сергея Гессена. «Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820 годов». М. 1931, т. I, стр. 257).

³⁷ Ермолов в 1798 г., в чине подполковника, подвергся внезапной опале и был заключен в Петропавловскую крепость, а затем сослан в Костромскую губернию, где оставался до 1801 г.

³⁸ Корнет Кавалергардского полка Н. А. Васильчиков привлечен был Свистуногим в петербургскую организацию Южного общества, но оставался бездействен, а на следствии «отвечал чистосердечно и изъявил раскаяние». Переведен был в Тверской драгунский полк на Кавказ.

³⁹ Однополчанин Анненкова, Ф. Ф. Вадковский, наиболее выдающийся и деятельный член петербургской ячейки, являлся автором ряда проектов цареубийства (см. Н. М. Дружинин. Семейство Чернышевых и декабристское движение. Сб. «Яро-

полк», М. 1930.) Вопреки словам Анненкова, заговорщики не собирались в Новой Деревне, а только сам Вадковский проживал там. За «неприличное поведение» переведенный в 1824 г. прапорщиком в Нежинский конно-егерский полк, Вадковский, очутившись в глухой провинции, развернул широкую агитационно-пропагандистскую работу.

⁴⁰ «Она была единственная дочь иркутского наместника Якоби, очень богатого вдовца, — рассказывает М. Д. Францева. — Сколько ни являлось женихов, он, якобы не желая расстаться с дочерью, отсрочивал свое согласие года на два, на что никто из женихов не соглашался, наконец Анненков решился увезти невесту и получил прощение отца с условием жить у него. Она была не первой молодости, лет за тридцать. Наконец она овдовела, имея двух сыновей. Избалованная богатым отцом, она жила в Москве, в своем великолепном доме, окруженная сиротами, воспитанницами и приживалками, вела жизнь своеобразную, вставала поздно, никуда не выезжала, к себе же принимала знакомых, лежа на диване, в подушках, разряженная в кружевном пенюаре и в бриллиантах». (Воспоминания М. Д. Францевой. «Историч. Вестник», 1888, № 5, стр. 405).

⁴¹ Узнав о смерти сына Григория, А. И. Анненкова будто бы сказала: «Ну, что ж, другому больше останется» (сообщ. Е. К. Гагариной).

⁴² По словам М. Д. Францевой, Перская была уполномочена распечатывать всю корреспонденцию А. И. Анненковой и передавала ей лишь те письма, которые никак не могли ее потревожить. Поэтому известия от сына из Сибири сообщались ей редко.

⁴³ Опекунский долг А. И. Анненковой в 1835 г. приближался к 500 тыс. руб., не считая значительных партикулярных долгов. Все почти имущества ее были заложены и перезаложены. (С. Гессен. Материалы).

⁴⁴ Сохранилось множество семейных преданий и рассказов о взбалмошности Тепловой и ее мужа, бывшего типичным помещиком крепостных времен. Имея четырех сыновей и девять дочерей, он никогда не мог запомнить их всех по именам и часто обращался к кому-либо из них: «Девочка, девочка подойди-ка сюда, как тебя зовут?» А. И. Теплова была женщиной крайне экспансивной. Случалось ей, выпоровав кого-нибудь из провинившихся детей, кричать старшему сыну Митрофану: «Тащи еще кого-нибудь из детской! Рука разошлась!» Бывали происшествия и иного порядка: так, однажды, Теплов, будучи чудовищно ревнив, за косу увлек жену с бала, после чего, раскаявшись, тут же в карете распорол себе живот. К счастью немедленно с бала вызваны были хирурги, благополучно зашившие рану (сообщ. Е. К. Гагариной).

⁴⁵ Дочь плац-майора Подушкина, по выражению М. А. Бестужева «перезрелая дева», романтически настроенная по отношению к молодым узникам, в частности к А. О. Корнилову, оказывала им разные услуги и, между прочим, добилась через отца разрешения посылать им книги. «И вот, — заключает М. А. Бесту-

жев,— прозаический результат большей части мировых событий... Сентиментальная страсть перзрелой девы предотвратила, может быть, сотни положительных умов от сумасшествия в мертвящей тюремной жизни». (Воспоминания Бестужевых. Под редакцией М. К. Азадовского и И. М. Троцкого. М. 1931, стр. 175).

⁴⁸ К характеристике А. И. Анненковой можно добавить еще следующий штрих: вдова Н. И. Анненкова рассказывала Е. К. Гагариной, что муж ее, всю жизнь проведенный при дворе, тем не менее настолько робел перед своей теткой, что всякий раз, прежде чем войти к ней, должен был выпить стакан воды. (сообщ. Е. К. Гагариной).

⁴⁷ Приговор объявлен был заключенным 12 июля, а 13-го приведен в исполнение.

⁴⁸ В 1826 г. ассигнационный рубль стоил около 25% первоначальной стоимости.

⁴⁹ Ср. ниже в письмах Анненкова к матери, стр. 270—273.

⁵⁰ Эти свидания, однако, получались не без труда и не приносили утешения. Волконская вспоминает по этому поводу: «Я выпросила разрешение навестить мужа в крепости... Это свидание при посторонних было очень тягостно. Мы старались ободрить друг друга, но делали это без убеждения. Я не смела его расспрашивать: все взоры были обращены на нас». (Записки, стр. 57.)

⁵¹ Об этом же эпизоде рассказывает сын декабриста, Е. И. Якушкин, в письме к жене из Сибири в 1855 г., добавляя, что А. И. Анненкова «из скупости или в самом деле так думала, отвечала ей, что человек, носящий фамилию Анненковых, не может и не должен спасаться бегством. Вероятнее, впрочем, что ответ этот она дала из скупости, притом же она и не очень любила сына». («Декабристы на поселении». М. 1926, стр. 41.)

⁵² Попытка самоубийства Анненкова не являлась единичным случаем. Условия заключения декабристов и разного рода меры воздействия, применявшиеся к ним, сильно отразились на многих: И. Ю. Поливанов скончался, А. М. Булатов разбил голову о каменную стену каземата и умер, М. И. Муравьев-Апостол покушался на самоубийство, П. Н. Свистунов пытался отравиться медными пуговицами, многие — Г. С. Батеньков, Я. М. Андреевич, И. Ф. Фохт, П. И. Фаленберг, А. Ф. Фурман — пережили психическое расстройство.

⁵³ В 1826 г., в Гвардейском корпусе не было ни одного офицера, называвшегося «Виктор Васильевич». Вероятно, имеется в виду Василий Васильевич Аммонт, штабс-капитан л.-гв. Финляндского полка, бывший в 1826 г. плац-ад'ютантом С.-Пб. Петропавловской крепости.

⁵⁴ А. М. Муравьев так описывает отправку в Сибирь: «... В 11 часов вечера, когда тюремные и крепостные ворота были уже закрыты, плац-майор и крепостные ад'ютанты собрали в одной из комнат комендантского дома четырех осужденных политических: Н. Муравьева, его брата, Анненкова и Торсона. Мы с восторгом бросились друг другу в объятия... Через несколько

минут появился старый комендант, который злобным голосом объявил нам, что по приказанию императора нас закуют в цепи для отправления в Сибирь. Плац-майор с насмешливым видом принес мешок с цепями... С непривычным для нас шумом спустились мы по лестнице комендантского дома, сопровождаемые фельд'егерем и жандармами. Каждый из нас сел с жандармом в отдельную почтовую повозку. Быстро проехали мы город, где все мы оставляли убитые горем семьи... Мы не чувствовали ни холода, ни тряски ужасной повозки. Цепи мы несли с гордостью». (А. М. Муравьев. Записки, стр. 26). Совершенно ошибочно указание С. В. Максимова (в его книге «Сибирь и каторга», Спб. 1900, изд. 3, стр. 412), что П. Гебль «перед отправкою жениха, успела снабдить его деньгами, вырученными от продажи шалей, чтобы купить ему все необходимое».

⁶⁵ Анненков с товарищами был отправлен в Сибирь 10 декабря 1827 г. Относя их всех ко II разряду, Анненкова ошибается: II разряда были только Анненков и член Северного общества К. П. Торсон (ум. в 1851 г.).

⁶⁶ Такие случаи действительно бывали: как выше указывалось, Г. С. Батеньков провел 20 лет в Алексеевском равелине, В. К. Кюхельбекер — поэт, друг Пушкина — 10 лет содержался сперва в Динабургской, потом в Свеаборгской крепости. О. В. Поджио — в Шлиссельбурге (8 лет), В. А. Дивов — в Бобруйске (15 лет).

⁶⁷ Желдыбин, фельд'егерь, прославившийся своей жестокостью в отношении многих декабристов, которых сопровождал в Сибирь. Тем не менее, в конце 1827 г. попал под суд, по обвинению в ряде уступок, произведенных им за вознаграждение декабристам и их родственникам в смысле устройства свиданий. В результате годичного следствия, Желдыбин был оправдан, с тем, однако, что «первое малейшее отступление от обязанностей повлечет на него строжайшее взыскание». (Подробно см. «Декабристы на каторге и в ссылке». М. 1925, стр. 58—62.)

И. И. Пущин в октябре 1827 г. отправлен был в Сибирь, в сопровождении Желдыбина, и с дороги писал отцу: «Прощаясь, я немного надеялся кого-нибудь из вас видеть в Ладоге или по крайней мере найти письмо. Впрочем, вы хорошо сделали, что не приехали, ибо Желдыбин никак бы не дозволил свидания». (И. И. Пущин. Записки о Пушкине и письма из Сибири. Под ред. С. Я. Штрайха. Гиз, 1927, стр. 105).

⁶⁸ Вятский гражданский губернатор — д. ст. сов. Андрей Иванович Рыхлеевский.

⁶⁹ Семенов, Степан Михайлович (1789—1825) — член Северного общества. Отправленный в Сибирь «для употребления его на службу», Семенов с ноября 1826 г. находился в Омске. Этот эпизод подтверждается и А. М. Муравьевым: «Наш товарищ Анненков сильно страдал, так как он был без шубы. В Омске ему купили шубу». (Записки, стр. 27).

⁷⁰ Глазенап — вероятно, полковник Владимир Григорьевич Глазенап (1784—1862), служивший в Литовском корпусе, приятель

декабриста М. С. Лунина — в конце 1826 г., по производстве в генерал-майоры, получивший в командование л.-гв. Драгунский полк.

⁶¹ В мае 1827 г. император Николай делал в Вязьме смотр войскам 2-го пех. корпуса. Николай выехал в Вязьму 7 мая и возвратился в Петербург 19-го.

⁶² По личному выбору Николая I, С. Р. Лепарский был назначен комендантом Нерчинских рудников. Поводом к этому послужило то, что он еще в молодости имел поручение вести в Сибирь польских конфедератов, что выполнил очень удачно. Выбор оказался для декабристов необычайно счастливым: человек гуманный и тактичный, он сумел, строго следуя высшим предписаниям, тем не менее, всемерно идти навстречу заключенным. Вследствие этого, несмотря на их предубеждение к нему, как к тюремщику, у декабристов с Лепарским установились добрые отношения, и все они с благодарностью о нем вспоминали (см., напр.: «Записки Н. В. Басаргина», стр. 107 и сл., «Воспоминания Бестужевых», стр. 94, «Записки бар. А. Е. Розена». Спб. 1907, стр. 145—146. Ср. стр. 142 и 185—186).

Приводим характерное, неопубликованное письмо 1838 г. декабриста А. И. Якубовича к Я. Д. Казимирскому, сменившему плац-майора О. А. Лепарского, после смерти его дяди — коменданта (Рукоп. отд. Б-ки Акад. Наук).

Милостивый государь Яков Дмитриевич!

Благодарность в моих понятиях есть первое чувство и обязанность человека. Я столько получил знаков сердечного внимания от добрейшего Осипа Адамовича, который в 11 лет успел соединить долг службы и человечества, что мне бы хотелось ему в последний раз, и в его хижине, сказать сколько я признателен к памяти покойного его дяди и к нему.

Яков Дмитриевич! Обращаюсь к вам с просьбой испросить мне у г-на коменданта позволение зайти к Осипу Адамовичу сегодня на полчаса. Твердо уверен, что вы поймете вполне чувства бедного узника, и увидите в моем поступке не прихоть, но истинную потребность души.

Имею честь быть вашим покорным слугою

Александр Якубович.

⁶³ О встрече Полины Гебль с Вошэ имеется упоминание и в письме последнего к гр. Е. П. Потемкиной. («Записки кн. С. П. Трубецкого». Спб. 1907 г., стр. 114—115.)

⁶⁴ Приводим пропуск, выданный крепостным А. И. Анпенковой: «Я, нижеподписавшаяся, отправила своих крепостных дворовых людей Андрея Матвеева и Степана Новикова для препровождения иностранки г-жи Прасковьи Егоровны Поль до губернского города Иркутска, которым прошу гг. командуемых и на учрежденных заставах, по тракту лежащих, чинить свободный и беспрепятственный пропуск впредь и обратно; приметами оные: Андрей Матвеев, росту 2 арш. 5 вершков, лицом чист, нос прямой, волосы на голове светлорусые, бороду бреет, ус проби-

нается, от роду 30 лет. Степан Новиков, ростом 2 арш. 6 верш., глаза карие, лицом чист, нос прям, волосы на голове темнорусые, бороду бреет, от роду 26 лет, оба холосты. В уверение чего сей пропуск за подписанием моим и с приложением герба фамильной моей печати и дан в столичном городе Москве. Декабря 22 дня, 1827 года.

Подписано: Статская советница Анна Анненкова».

⁶⁶ В нач. 1827 г. сенаторы В. К. Безродный и кн. Б. А. Куракин были командированы для обренизирования Сибири. В пути им случалось встречаться с ссыльными декабристами, многие из которых описали эти встречи, сводившиеся к тому, что Куракин обещал хлопотать о смягчении условий передвижения и потом ничего не делал. В свою очередь, Куракин в донесениях сообщал о встречах с декабристами. Весь этот материал см. в статье Б. Л. Модзалевского «Декабристы на пути в Сибирь», в сб. «Декабристы. Непубликованные материалы и статьи», под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксман. М. 1925.

⁶⁷ Ф. Ф. Вадковский, после объявления приговора, был отправлен в Кексгольм, оттуда в апреле 1827 г. переведен в Шлиссельбург, где оставался до конца года и только в январе 1828 г. прибыл в Сибирь. Корнилович в нач. 1827 г. поступил в Нерчинские рудники, но уже в начале следующего года был вытребован обратно в Петербург, вследствие наветов Ф. В. Булгарина, доносившего о близких связях Корниловича с австрийским посольством.

⁶⁸ Александр Петрович Степанов — довольно известный литератор 1820—30 годов, бывший с 1822 по 1831 г. енисейским гражданским губернатором и в этой должности оказавший много услуг и внимания проезжавшим декабристам. Так, Н. В. Басаргин вспоминал, что «Степанов угостил нас с истинным радушием» (Записки, стр. 93).

⁶⁹ Наквасины — богатая и большая семья сибирских купцов. С одним из членов этой семьи встретились Бестужевы по выходе на поселение (в г. Селенгинске). Наквасин приютил у себя Торсона, приехавшего прежде Бестужевых, предлагал и им остановиться у него и оставил в них самые лучшие воспоминания о себе. («Воспоминания Бестужевых», стр. 245—246).

⁷⁰ В связи с возбуждавшимися женами декабристов просьбами о разрешении им следовать за мужьями Цейдлер получил специальную инструкцию, согласно которой должен был всячески удерживать их от дальнейшего следования, что он и выполнял весьма усердно. Инstrukция напечатана в книге П. Е. Щеголева — «Исторические этюды» (стр. 414—417). По приезде Полины Гебель в Иркутск, Лавинский писал Дибичу: «Не имея никакого сведения, чтобы сей иностранке предоставлено было следовать в Читинский острог, где содержатся государственные преступники, я не решился дозволить ей выезд из Иркутска... Ежели генерал-майор Лепарский удостоит меня, что проезд ее в Читку разрешен, в таком разе я немедленно дозволю ей отправиться из Иркутска; но буде г. Лепарский никакого об ней сведения не имеет, то на сей случай долгом считаю спрашивать

разрешения вашего сиятельства, как должен я поступить с сею иностранкою, и до получения приказа вашего не дозволю ей выезда в Нерчинский край». Одновременно, Лавинский запрашивал и Лепарского: «Не имея ни отколь о сей француженке извещения, я необходимым счел остановить ее в Иркутске, как иностранку, и покорнейше прошу ваше превосходительство уведомить меня, не последовало ли о ней к вам какого-либо предписания»... («Записки Анненковой». Изд. «Прометей», стр. 157—159).

⁷⁰ В инструкции А. С. Лавинского И. Б. Цейдлеру было сказано, между прочим: «Из крепостных людей, с ними [женами декабристов] прибывших, дозволить следовать за каждую токмо по одному человеку, но и то из числа тех, которые добровольно на сие согласятся» (П. Е. Щеголев, назв. соч., стр. 416).

⁷¹ Александр Николаевич Муравьев — основатель Союза спасения, впоследствии совершенно отошел от Тайного общества, почему, — отнесенный к VI разряду, — был, по высочайшей конфирмации, приговорен к ссылке в Сибирь, без лишения чинов и дворянства. В конце 1826 г. переведен из Якутска в Верхнеудинск, а в 1828 г. назначен иркутским городничим, после чего быстро пошел вверх по служебной лестнице и в 1856 г., в чине генерал-майора, назначен нижегородским губернатором.

⁷² Город Чита ко времени приезда декабристов представлял собой небольшой казачий пересыльный острог, с 26 жилыми домами. Самый острог, состоявший из одного полуразрушенного здания и маленькой пристройки, носившей среди декабристов название «Дьячковский каземат», был чрезвычайно мало поместителен, почему заключенные крайне страдали от тесноты и шума, производимого звоном цепей. И вместе с тем именно это пребывание в Чите положило основу тесному содружеству декабристов. По выражению М. А. Бестужева, «каземат дал нам политическое существование за пределами политической жизни» («Воспоминания Бестужевых», стр. 209).

⁷³ Образ А. Г. Муравьевой запечатлен во множестве теплых и восторженных отзывов ее товарищей по изгнанию. «В ней было какое-то поэтически возвышенное настроение, хотя в сношениях она была необыкновенно простодушна и естественна, — вспоминал И. И. Пущин. — Непринужденная веселость с доброй улыбкой на лице не покидала ее в самые тяжелые минуты первых годов нашего исключительного существования. Она всегда умела успокоить и утешить — придавала бодрость другим... В делах любви и дружбы она не знала невозможного — все было ей легко и видеть ее была истинная отрада» (Пущин, назв. соч., стр. 172). Однако наряду с этим, Муравьевой, повидимому, были присущи повышенная нервозность и болезненная экзальтированность, сказавшиеся особенно в преувеличенном поклонении мужу и в культе своей семьи. «К Александрине Муравьевой я была привязана больше других, — замечает Волконская, — у нее было горячее сердце, благородство проявлялось в каждом ее поступке; восторгаясь мужем, она его боготворила и хотела, чтобы и мы к нему относились так же» (Записки, стр. 72). А Якуш-

кин вспоминал, что «иногда, в минуты не совсем светлые, она была уверена, и уверяла других, что кроме своих она никого не любит, и точно, можно было подумать, что по временам она всеми силами старалась сосредоточить всю свою любовь на своих только и тесно замкнуть себя в семейный эгоизм, но это никогда не могло ей удалиться по той причине, что было совершенно противно ее природе. При первом случае, когда она кому бы то ни было могла быть на пользу, она забывала всех своих и себя» («Голос Минувшего», 1915, VI, стр. 187; ср. отзыв Д. И. Завалишина — единственный недоброжелательный и явно пристрастный, но подтверждающий косвенно нашу мысль. «Декабристы и их время», т. I, стр. 227).

⁷⁵ Из жен декабристов Анненкова в Чите застала, кроме А. Г. Муравьевой и Е. П. Нарышкиной, живших вместе, еще Е. И. Трубецкую, М. Н. Волконскую и А. В. Ентальцеву, занимавших две комнаты у дьякона, и А. И. Давыдову, приехавшую несколькими днями ранее ее (Волконская ошибочно говорит, что Давыдова приехала на следующий год после Анненковой). Следом за ней, в середине марта, приехала Н. Д. Фонвизина, а М. К. Юшневская и бар. А. В. Розен прибыли в 1830 г., нагнав декабристов во время перехода из Читы в Петровский завод. К. П. Ивашева приехала только в 1832 г.

⁷⁶ Волконская совершенно сходится с Анненковой в оценке Нарышкиной: «Нарышкина, маленькая, очень полная, несколько аффектированная, но, в сущности, вполне достойная женщина; надо было привыкнуть к ее гордому виду, и тогда нельзя было ее не полюбить» (Записки, стр. 72).

⁷⁷ С плац-майором Я. Д. Казимирским у большинства декабристов установились очень дружественные отношения, о чем можно судить по неопубликованным письмам к нему Н. А. Бестужева и по его письмам к Оболенскому («Русск. Стар.», 1901, № 2). Лично знавший его, в конце 1850 гг., М. И. Семевский вспомнил, что это был «добрейший, благороднейшей души человек. Надо было слышать, с каким глубоким уважением и любовью вспоминал он о нравственных качествах декабристов» («Русск. Стар.», 1888, № 4, стр. 17).

⁷⁸ Этот восстановленный по черновой рукописи эпизод совершенно аналогичен тому, о котором рассказывает М. Н. Волконская в своих «Записках». Отсюда очевидна ошибка С. Н. Чернова (в его статье «Жены декабристов в Благодатске», сб. «Тайные общества в России». М. 1925), который выводит героический пафос М. Н. Волконской, между прочим, и на основании подобного же эпизода. Это движение сердца Волконской естественнее объяснить искренним порывом чувства, столь же простым и непосредственным, как и у Анненковой, женщины, совершенно лишенной всяких признаков пафоса и позы.

⁷⁹ Графиня Елизавета Петровна Чернышева, мать декабриста, гр. З. Г. Чернышева (1796—1862). Умерла 16 февраля 1828 г.

⁸⁰ Любопытно, что нашелся современник, заметивший, что «свадьба, по тогдашнему времени, была пышная, какой Чита никогда не видала». (Старый дьячок. Страница о декабри-

стах. Газ. «Сибирь», 1883, № 36, стр. 7). Статья эта была потом перепечатана в ж. «Сибирский Вестник» (1887, № 46), с разъяснением, что автором ее является С. Н. Малков, который, будучи тринадцатилетним мальчиком, исполнял должность дьячка в каземате.

⁸⁰ Василий Васильевич Розенберг, поручик, плац-адъютант, потом плац-майор в Чите и в Петровском заводе, в отсутствие С. Р. Лепарского замещавший его в должности коменданта. К декабристам он относился крайне благожелательно. М. Н. Волконская впоследствии вспоминала «о благородном и деликатном отношении, которое он выказывал относительно нас... Во всем, что касалось нас, он вел себя, как порядочный человек с бесконечным тактом и выдержанностью». («Труды Гос. ист. музея, II. М. 1926, стр. 50). Он же, будучи в 1836—37 гг. в отпуску, привез декабристам известие о смерти Пушкина, на отпевании которого он присутствовал.

⁸¹ Виновником этого происшествия был подпоручик Дубинин. По рассказу Н. В. Басаргина (Записки, стр. 113—115), дело едва не кончилось трагически: «В одну минуту мы на него бросились, схватили его, но он успел уже переступить на крыльцо и, потеряв голову, в припадке бешенства, закричал часовым и караульным у ворот, чтобы они примкнули штыки и шли к нему на помощь. Мы в свою очередь закричали также, чтобы они не смели двигаться с места, и что офицер пьяный, сам не знает, что приказывает им. К счастью они послушались нас, а не офицера, остались равнодушными зрителями и пропустили Муравьеву в ворота».

⁸² Стихотворение «Княгине Марии Николаевне Волконской. (В день ее рождения)», написано в декабре 1829 г.

⁸³ Смольянинова была побочной дочерью И. Ф. Якобия, деда Анненкова, чем, отчасти, могло объясняться ее необычайно теплое отношение к Анненковым. Впрочем, так же тепло относилась она и к другим декабристам, о чем свидетельствуют как их мемуары, так и неопубликованные письма к ней (в собрании ее бумаг в Гос. публичной б-ке). Для иллюстрации приводим письмо Ф. Б. Вольфа:

«Милостивая государыня Фелицата Осиповна!

Имея честь поздравить вас с праздником, днем вашего ангела, покорнейше вас прошу принять прилагаемую у сего безделицу в знак моего глубочайшего почтения и чувства теплейшей благодарности за ласки и драгоценное для меня ваше расположение, которое никогда не изгладится из моей памяти.

Фердинанд Вольф».

(Петровский завод).

Ср. письма к ней П. Е. Анненковой (стр. 258—261 и отзыв И. А. Анненкова.

⁸⁴ Оковы были сняты еще в бытность декабристов в Чите, в сентябре 1828 г., т. е. вскоре после приезда Анненковой.

⁸⁵ Предписание о выдаче «госпоже Анненковой, для уплаты купцу Мичурину, пятисот рублей», было дано в июле 1928 г. (См. Записки С. Г. Волконского. Спб., 1901, стр. 469).

⁸⁶ Указ сената пропверен и дополнен по подлиннику (Собрание Е. К. Гагариной).

⁸⁷ Дочь Анненковых Анна умерла в Петровском заводе, в 1833 г. Ср. в «Воспоминаниях» О. И. Ивановой (стр. 217) и в письме П. Е. Анненковой (стр. 260). Нонушка — дочь А. Г. и Н. М. Муравьевых, любимица декабристов, род. 15 марта 1829 г. (т. е. накануне рождения дочери Анненковых), ум. 1892.

⁸⁸ Об этом инциденте см. также «Записки» И. Д. Якушкина, стр. 163—164 и «Записки» Н. В. Басаргина, стр. 129—130.

⁸⁹ Лунин после приговора отправлен сначала в Свеаборг, затем в Выборгский шлосс, откуда в Нерчинские рудники доставлен в апреле 1828 г. (а не в конце 1829 г. как у Анненковой). Выйдя в 1832 г. на поселение в с. Уриковское, он повел жестокую борьбу с правительством, используя для этого свои письма к сестре, получавшие широкое распространение. На год он был лишен права переписки. Этими письмами и сочинениями своими Лунин навлек на себя новые преследования, в результате которых в 1841 г. был снова арестован и заключен в Акатуевский тюремный замок, где и скончался.

Акатуевские рудники, Нерчинского горного округа Забайкальской области, расположены на двести верст восточнее Нерчинских заводов, на самой Китайской границе. Открыты они были незадолго перед тем, в 1815 г. Позднее Акатуй был обращен специально в тюрьму для государственных преступников, первым из которых и был Лунин. В своих письмах оттуда к Волконским, он ярко описывал тяжелые условия жизни в Акатуе (см. «Атеней», кн. III, Лен. 1926, стр. 14—20 и 31—32, publ. Б. Л. Модзалевского и в книге С. Я. Гессена и М. С. Когана «Декабрист Лунин и его время». Лнг., 1926, стр. 269—285).

⁹⁰ Сохранился один документ, показывающий, с какой стремительностью Анненкова умела разрешать самые щекотливые вопросы. Вот что рассказывает М. М. Попов в неопубликованном отрывке из статьи «Конец и последствия бунта 14 декабря 1825 г.» (Рукоп. отд. Б-ки Акад. Наук. Арх. Дубровина): «Большая... часть арестантов Петровского острога были холосты, все люди молодые, в которых пылала кровь, требовавшая женщин. Жены долго думали, как бы помочь этому горю. Анненкова наняла здоровую девку, подкупила водовоза, который поставлял воду в острог, подкупила часовых. Под вечер девку посадили в пустую бочку, часовой растворил ворота острога, и, выпущенная на двор, девка проведена была другим часовым в арестантские комнаты. Голодные декабристы, до 30 человек, натешились и едва не убили девку. Тем же порядком на следующее утро девку вывезли из острога. Анненковой и после того несколько раз удалось повторить ту же проделку. Быть может, об этом знали или догадывались начальники, но смотрели сквозь пальцы. Сколько было благодарностей от арестантов! Так иногда и между слезами бывает смешное».

⁹¹ Петровский чугуноплавильный завод Забайкальской области Верхнеудинского округа, находившийся в ведомстве Нерчинских заводов (закончен постройкой в 1789 г.). Известие о скором

перевозе из Читы в Петровск пришло к декабристам летом 1830 г. и вызвало в них сильное волнение. Помимо того, что Петровская тюрьма далеко еще не была закончена постройкой, декабристы за свое почти четырехлетнее пребывание в Чите уже успели кое-как акклиматизироваться там, между тем, им было известно, что Петровский завод расположен на болоте, плохо построен, что в камерах нет окон, и т. д.

⁹² Иван Иванович Сухинов, член Общества соединенных славян, участвовал в возмущении Черниговского полка. Военным судом приговорен к бессрочным каторжным работам и, вместе со своими товарищами А. Е. Мозалевским, А. А. Быстрицким и бар. В. Н. Соловьевым, по этану отправлен в Сибирь. Будучи помещен в Зерентуйском руднике, организовал заговор среди каторжно-ссыльных, за что приговорен был к расстрелу, но до исполнения приговора повесился.

⁹³ В. И. Штейнгель (Дневник публ. Б. Л. Модзалевского. — «Декабристы. Неизд. мат.», стр. 134) и М. А. Бестужев («Воспоминания Бестужевых», стр. 351), согласно говорят, что первая партия выступила 7 августа, а вторая — 9-го. Плац-майор — начальствовавший над первой партией — О. А. Лепарский. У всех участников, как и у Анненковой, остались лучшие воспоминания об этом путешествии. Кроме вышеназванных, см. напр. «Записки» Н. В. Басаргина (стр. 123), «Записки» А. Е. Розена (стр. 161), «Записки» И. Д. Якушкина (стр. 168—172), «Воспоминания» А. П. Бедяева (Спб. 1882, стр. 233—238), «Записки» Д. И. Завалишина (Мюнхен. 1904, т. II, стр. 142—145), «Записки» Н. И. Лорера («Русское Богатство», 1904, № 7, стр. 31—35).

⁹⁴ Во время перехода из Читы в Петровск Волконская, Нарышкина и Фонвизина, не имевшие детей, следовали за декабристами в собственных экипажах. Остальные, опасаясь за детей, проехали на почтовых прямо в Петровск.

⁹⁵ Описание, следует читать Юшневская. Она встретила своего мужа на пути из Читы в Петровск, в деревне Онинский Бор, 27 августа.

⁹⁶ Весь этот эпизод, вероятно со слов Анненковой, кратко передан П. Н. Свистуновым («Русск. Арх.», 1871, стр. 343), который ошибочно относит его к переезду Анненковой из Москвы в Читу.

⁹⁷ И. Д. Якушкин по этому поводу писал: «Казематы были без наружных окон, и каждый из них слабо освещался небольшим с железной решеткой окном над дверью в коридор... Комендант очень знал и прежде, что для нас строили казематы без окон, но тогда он не имел возможности противиться такому распоряжению начальства и только теперь решился действовать в нашу пользу, когда по своему разумению имел на это законную причину. Он представил в Пестроург, что, заметив, как мы вообще наклонны к помещательству, он опасается, что многие из нас, оставаясь в темноте, могут сойти с ума, и потому просит разрешения прорубить окна в казематах. Дамы наши также, частью по внушению коменданта, несколько не стеснялись в письмах описывать ужасное свое положение в темных

казематах, в которых они помещались со своими мужьями... В апреле 1831 г. вышло разрешение из Петербурга прорубить окна в казематах. В каждом каземате было прорублено небольшое окно, на два аршина от пола, и человек среднего роста мог видеть только небо сквозь это окно» («Записки», стр. 173—181).

⁹⁸ Ввиду запрещения декабристам писать письма в бытность их в каторжной работе, жены их товарищей с самого прибытия в Читу взяли это на себя. «Пока у меня останется хоть искра жизни, — писали М. Н. Волконская в 1829 г. своей матери, — я не могу отказать в услугах и помощи стольким несчастным родителям» («Записки». Пгг. 1915, стр. 192).

⁹⁹ С. Р. Лепарский умер в 1837 г., когда на каторге оставался только I разряд.

¹⁰⁰ В архиве Н. Ф. Дубровина (Рукоп. отд. Б-ки Акад. Наук) сохранилось небольшое собрание подобных записок декабристов, обращенных к плац-майору Я. Д. Казимирскому и относящихся к 1838—1839 гг., т. е. уже ко времени управления полковника Ребиндера. Приводим для иллюстрации две таких записки:

I.

Милостивый государь! Яков Дмитриевич!

И паки прошу вашего разрешения, чтобы вытти сегодня из каземата. Мне бы хотелось, если пустите меня к Трубецким, отобедать с Сутговым, и если станется меня, дотащиться до часовни. Имею честь быть с истинным почтением вашим покорным слугой.

В а д к о в с к и й.

II.

Милостивый государь! Яков Дмитриевич!

По случаю провозин и встречи Старого и Нового года, прошу вас покорнейше позволить мне остаться сегодня у княгини Трубецкой до первого часа, чем много обяжете преданного вам

А. С у т г о ф.

¹⁰¹ Со смертью А. И. Анненковой в 1842 г., наследники во главе с Н. Н. Анненковым, вовсе перестали высылать что-либо в Сибирь, что крайне тяжело отразилось на материальном положении И. А. Анненкова. Сохранились два его письма к Н. Н. Анненкову, с жалобами на нужду (собрание Е. К. Гагариной).

¹⁰² П. Н. Свистунов был страстным и талантливым музыкантом. В Тобольске у него постоянно устраивались музыкальные вечера. Он был отчасти и композитором: им была написана заупокойная литургия, исполнявшаяся при погребении А. М. Муравьева, а часто также и в последующее время уже после его смерти (сообщ. М. В. Муравьевым). Едва вернувшись в Россию, Свистунов спешил собрать вокруг себя музыкальный кружок, и уже 7 февраля 1857 г. писал Анненкову из Нижнего, что «нашел здесь скрипача и виолончелиста, о фортепьянах говорить нечего, все барышни играют, а некоторые очень хорошо, и по-

тому играли уже и трио, и квартеты». (Собр. Пушкинского Дома).

¹⁰³ О неловкости и забавных приключениях Бечаснова ходило среди декабристов множество анекдотов и стихов, из которых многие дошли до нас. (См. Сергей Гессен. Поэты-декабристы. «Советск. Искусство», 1925. IX). Об эпизоде, рассказанном О. И. Ивановой, см., в несколько иной редакции, в «Воспоминаниях» Н. А. Белоголового (Спб. 1901, изд. IV, стр. 78—79).

¹⁰⁴ Следует оговорить, что среди весьма сочувственных отзывов о Вольфе встречаются и такие, которые резко противоречат отзыву О. И. Ивановой. Так, Л. Ф. Львов, посетивший Урикскую колонию в 1839 г., вспоминал: «Дружны между собой они никогда не были, ссоры между ними никогда не прекращались. В особенности доктор Вольф... всегда умел всех перессорить и был заводчиком и участником всевозможных сплетен» («Русск. Арх.», 1885. I, стр. 359). В 1842 г. декабрист Ф. Ф. Вадковский писал Е. П. Оболенскому: «Вольф нынешнего года без всякой надобности ездил за Байкал с семейством председателя казенной палаты. Едва ли не этот титул — причиною ненужной поездки. Иначе я не берусь сообразить его отсутствие с воспетием его преданностью к урицким жителям, которые без него могли бы все перемереть. Извини, что я так говорю о человеке, к которому твое сердце когда-то лежало, а может быть, и лежит, но которого я решительно или вовсе не понял, или понимаю слишком хорошо, чтобы ценить его по-твоему. В моем мнении его влияние в тех двух семействах, к которым он прирос (Муравьевых и Волконских. Ред.), двоякого рода, а именно: в физическом смысле — преблаготворное, а в нравственном — презлостворное» («Декабристы на поселении», стр. 83—84). Повидимому, однако, оба эти отзыва должно отнести за счет каких-то, скрытых для нас, личных причин.

¹⁰⁶ Петр Александрович — вероятно, ошибка, вместо Петр Николаевич — Свистанов, живший там же. Павел Сергеевич — Бобрищев-Пушкин 2-й.

¹⁰⁷ Сосинович — поляк, судившийся в Гродно за восстание 1831 г. по делу эмиссара Воловича и приговоренный к каторжным работам, которые ввиду слепоты были заменены ему заключением в одной из крепостей Восточной Сибири. За отсутствием таковых, его поместили в Петровский завод. Сын его, 15 лет, был судим вместе с ним и определен рядовым в Кавказский отдельный корпус, а жена и дочь остались без средств. «Несмотря на все это, — пишет И. Д. Якушкин, — Сосинович не унывал. Прибывши к нам, он без малейшего взноса вступил в артель и пользовался общими выгодами» («Записки», стр. 185). Умер в октябре 1839 г.

¹⁰⁸ Еще из Читы в апреле 1828 г. переведен был на поселение VII разряд и в июле след. года — VI (к которому принадлежал один Ю. К. Люблинский). Из Петровского завода в июле 1831 г. переведен на поселение V разряд (М. Н. Глебов, М. К. Кюхельбекер, Н. П. Репин и А. Е. Розен).

¹⁰⁹ В 1826 г. при отправлении в Сибирь на поселение декабристов низших категорий в «Правилах о способах вспомоществования государственным преступникам на местах их поселения» указывалось в п. II: «Если же между сосланными на поселение преступниками есть не имеющие достаточных родственников и не могущие получать от них никакого вспомоществования, таковым давать от казны солдатский паек и крестьянскую зимнюю и летнюю одежду». В 1835 г., 9 апреля, установлены были новые правила (о которых и пишет Бечаснов). П. I. гласил: «Выдавать до 200 руб. в год тем государственным преступникам, которые от родных своих в России не получают, 2) тем, которые от родственников своих получают менее 200 руб. в год, выдавать из казны достаточную 200 руб. сумму, 3) не полагать в счет вспоможения получаемое государственными преступниками от лиц, в Сибири находящихся». Из декабристов, поселенных в Вост. Сибири, пособие в разное время получали: А. П. и П. П. Беляевы, В. А. Бечаснов, А. И. и П. И. Борисовы, Ап. В. Веденяпин, И. И. Горбачевский, И. Ф. Шимков, К. Г. Игельстром и др.; в Зап. Сибири: Н. В. Басаргин, Г. С. Батеньков, Ф. М. Башмаков, Н. С. и П. С. Бобринцевы-Пушкины, П. Ф. Выгодский, А. В. Ентальцев, В. Н. Лихарев, Н. Г. Мозгалеvский, В. К. Тизенгаузен, И. Ф. Фохт, В. И. Штейнгель. С 1845 г. пособие уменьшено до 114 руб. 28½ к.

¹¹⁰ Автор заблуждается: Фонвизин, осужденный по IV разряду, выехал из Петровского завода в 1832 г. и, будучи поселен в Енисейске, переведен был оттуда в Красноярск в 1835 г., как раз когда Анненков вышел на поселение. Митьков, отнесенный ко II разряду, был назначен на поселение в с. Ольхинское Иркутского округа, но вследствие чахотки, которой он страдал, оставлен был временно для лечения в Иркутске, откуда в ноябре 1836 г. отправлен в Красноярск, где и скончался. Краснокутский на каторге вообще не был, а с 1831 по 1833 гг., действительно, находился в Красноярске.

¹¹¹ Горкин — известный разбойник, находившийся в Акатуйском руднике. О нем и об его двух товарищах Броневский писал Лепарскому, что «это три дьявола в образе человека» («Русск. Стар.» 1899, II, стр. 332).

¹¹² Громницкий, осужденный по II разряду, с 1835 г. поселен в Бельске, где в 1842 г. был арестован, а потом отдан был под особый надзор местной полиции за чтение и переписку сочинений Лупина.

¹¹³ В рукописи воспоминаний О. И. Ивановой настоящий документ приведен не полностью: изложение его обрывается на п. 4, на слове «адресовано». Нами текст выверен и дополнен по рукописи, находящейся в собрании Е. К. Гагариной. Рукопись представляет собой крайне небрежную копию, сделанную писарской рукой, почерком, напоминающим скоропись.

¹¹⁴ Пятницкий женат был на дочери сенатора А. Я. Жмакина

¹¹⁵ Хомутово — село Иркутской губернии близ Урика. По поводу этого проекта сохранилось письмо к Анненкову Н. М. Муравьева (Пушкинский Дом). Упомянутый в письме Медведников, должно быть, известный богач Иван Логгинович Медведни-

ков (1807—1889), иркутский 1-й гильдии купец, золотопромышленник, впоследствии почетный гражданин г. Иркутска.

«Мой брат послал вам, дорогой Иван Александрович, приблизительный план дома Ворошилова в Хомутове и общий план фермы со всеми службами: два двора, огород, кухня, баня, конюшня и т. д. Он нашел в хорошем состоянии дом, обитаемый и в этот момент. Сделав же некоторые переделки, там можно поселиться. Мельница на Куде из трех поставов, но давно не функционирует, и плотина разрушена. Внутренность дома розовая, а печи изразцовые.

Вы знаете, что дом заложен за 300 руб. Медведникову или Трапезникову. не знаю кому из них. Публичная продажа скоро состоится. Окрестности живописные, пруд, который находится в полуверсте, напоминает тот, что в Урике. Напротив дома — волостное правление. Туда попадают, пройдя по двум мостам Куды. Александр думает, что за 1000 руб. дом можно привести в хорошее состояние.

Если бы вы прислали нам весточку, то всем нам доставили бы большое удовольствие. Прошу вас передать мое почтение супруге и обнять ваших детей за меня и Ноно.

Весь заш Никита Муравьев.

19 октября. Урика.

Я забыл сказать, что сбоку дома находится маленький лесок». (Подлинник на французском языке).

¹¹⁰ О серьезности нездоровья Анненковой, от которого она не могла оправиться и впоследствии, можно судить уже потому, что она — молодая женщина — занята была вопросом о составлении завещания. В собрании ее бумаг в Пушкинском Доме, имеется письмо, написанное С. П. Трубецким (без даты), в котором он дает ей ряд указаний по этому поводу.

¹¹⁷ Тяжелое положение Анненковых в Бельске, усугублявшееся постоянными болезнями Прасковьи Егоровны и детей, ярко характеризуется неопубликованными письмами к ним Ф. Б. Вольфа, приводимыми ниже (в переводе с французского по подлинникам, хранящимся в собрании бумаг Анненковых, в Пушкинском Доме):

I.

Ваше письмо доставило мне большое удовольствие, дорогой Иван Александрович. Я с нетерпением ожидал известий о том, как Прасковья Егоровна перенесла болезнь. Это была родильная горячка одновременно с воспалением брюшины (скорее воспаление явилось следствием горячки), что часто бывает во время родов. Цай бог, чтобы это не повторилось более, но в подобных случаях действительным и спасительным средством является каломель, которую я вам послал. Принимайте

по одному грану через два часа. В то же время, если это возможно, ставьте пиявки на нижнюю часть живота в большом количестве, 20—30 штук, повторяйте это несколько раз; в Туринске их можно найти. Мы непременно увидимся до вашего отъезда. Я приеду весной провести с вами несколько дней, чтобы встретить волны Белой и почтить карш и шиверы. Это будет грандиозно. Вы — на веслах, а я — опытный кормщик — я буду управлять лодкой против всех подводных камней и скал. Петр Федорович [Громницкий], ловкий охотник, будет давать промах при каждом выстреле. Жох и дичь будет улетать, чтобы тихо и спокойно умереть от старости.

От всего сердца поздравляю вас, дорогая и хорошая г-жа Анненкова, с выздоровлением. Я был глубоко огорчен невозможностью лично позаботиться о вас. Вы меня достаточно знаете, чтобы быть в этом уверенной, но положение Ноно было таково, что этого сделать нельзя было. Если в течение трех дней с того момента, как я написал вам, вы не почувствуете себя лучше, я сейчас же приеду повидать вас. Целую ваши руки и вашего маленького, которого я еще не видел, но с которым я приеду знакомиться. Если я смогу, я сам приеду привить ему оспу, в противном случае весной мы найдем способ сделать это.

До свидания, дорогой Иван Александрович, приезжайте нас повидать, если получите разрешение.

II.

С величайшим удовольствием я вспоминаю о своем пребывании в Бельске, дорогой Иван Александрович. Развлечения, которые вы мне доставили, очаровательные прогулки и ваше любезное внимание ко всему, что могло быть мне приятно, — все это глубоко тронуло меня. За все это вас и Прасковью Егоровну я благодарю от всего сердца. Если вы пожелаете меня видеть у себя во время родов, вам стоит только написать в Урику, и я буду у вас. Я посылаю вам порошки для Оленьки. Давайте ей их утром и вечером по полчайной ложки. Возьмите маленькую чашку хорошего хлеба, хорошенько смешайте его с ложкой серного цвета, чтобы образовалась мазь, которой дважды в день мажьте части тела, покрытые сыпью. Будет хорошо, если вы станете делать для маленькой сидячие ванны, прибавляя к воде каждый раз по четверти фунта мыла. Сделайте ей по крайней мере дюжину таких ванн, и боль пройдет... Я сердечно обнимаю вас и целую ручки Прасковье Егоровне, вспоминая и благодаря еще раз за дружеские чувства, которыми она подарила меня во время моего пребывания в Бельске. Вся наша колония

чувствует себя хорошо. Ноно была недавно больна, но теперь все прошло. До свидания.

Весь ваш Вольф.

Урик. 27 октября.

¹¹⁸ Печатается впервые по подлиннику из собрания Пушкинского Дома. Сын Штейнгеля Вячеслав (1823—1897) был инспектором Александровского лицея. У него жил старик Штейнгель по возвращении из ссылки.

¹¹⁹ Письмо, в переводе с французского, впервые напечатано в «Русск. Стар.» 1901, № 3, стр. 673—674, откуда перепечатано в прилож. к «Запискам» Анненковой, изд. «Прометей». Французская копия с подлинника (находившегося в архиве Главного штаба) имеется в арх. Дубровина, № 302, л. 40. Оттуда же извлечена резолюция Николая I, положенная на письме. Лепарский отвечал, что Анненков на сделанный ему запрос, желает ли он иметь Полину Гебль своей законной женой, отвечал: «Если бы последовало позволение начальства, то он охотно бы женился на иностранке Поль» («Русск. Стар.» 1901, № 3, стр. 674.)

¹²⁰ Перепечатано из «Записок» Анненковой, изд. «Прометей».

¹²¹ Впервые напечатано в «Русск. Стар.» 1901, № 3, стр. 674. Указ Сената по этому поводу см. стр. 159—160. В собрании Е. К. Гагариной имеется копия с копии означенного указа, в свое время врученная Лепарским Анненковой. По этому прошению наведена была справка и оказалось, что при аресте Анненкова «у него было взято ломбардных билетов на 60 тыс. рублей, 8.310 рублей ассигнациями и 2 р. 50 коп. серебром. Из них было уплачено по долговым обязательствам 6.823 рубля. Оставшиеся затем деньги, после осуждения Анненкова, были препровождены к его матери».

¹²² Оба письма к Смольяниновой печатаются впервые, по подлинникам, хранящимся в Рукописном отделении Ленингр. Публичной Библиотеки. И то, и другое написаны рукою И. А. Анненкова. Подпись на втором письме — автограф.

¹²³ Сашинька — Александра Семеновна, старшая дочь Ф. О. и С. И. Смольяниновых.

¹²⁴ Осип Адамович — Лепарский, плац-майор.

¹²⁵ Повидимому, вследствие инцидента с племянником Смольяниновой, о котором повествует Анненкова (стр. 182—185), когда Смольяниновой было воспрещено всякое сношение с женами декабристов, последним, по переводе в Петровск, не дозволялось писать ей, чем и объясняется осторожность Анненковой. М. Н. Волконская в неопубликованном письме к Смольяниновой (в том же собрании), винясь в своем долгом молчании, приписывает его тому, что ей запрещено собственноручно писать, а утруждать коменданта перепиской не хотелось, почему она и дождалась okazji.

¹²⁶ Перепечатано из «Записок» Анненковой, изд. «Прометей».

¹²⁷ Печатается впервые, по подлиннику из собрания Е. К. Гагариной. В том же собрании имеется еще письмо П. Е. Анненковой, обращенное к иркутскому гражданскому губернатору

А. Н. Евсееву, от 5 ноября 1836 г., совершенно аналогичное вышеприведенному и содержащее просьбу о переводе в Красноярск. Письмо написано по-французски, автограф Анненковой.

¹²⁹ Перепечатано из «Записок» Анненковой, изд. «Прометей». В собрании Е. К. Гагариной имеется черновик этого письма, не заключающий существенных различий с беловым текстом.

¹²⁹ Печатается впервые, по подлинному из собрания Е. К. Гагариной. Письмо написано все рукою И. А. Анненкова и носит характер белового, но не закончено, почему можно предположить, что оно не было отправлено по назначению.

¹³⁰ Печатается впервые, по подлинному из собрания Е. К. Гагариной. Все письмо написано рукою Анненкова. Подпись по-французски — автограф.

¹³¹ Печатается впервые, по подлиннику из собрания Е. К. Гагариной. Все письмо написано рукою Анненкова.

¹³² Печатается впервые, по подлиннику из собрания Е. К. Гагариной.

¹³³ Печатается впервые, по подлиннику из собрания Е. К. Гагариной.

Прилагаем ответ на эту просьбу, поступивший на имя Анненкова (подлинник в собрании Е. К. Гагариной), свидетельствующий о том, с какими трудностями декабристам приходилось добиваться удовлетворения даже таких ничтожных просьб. Упоминаемый в документе Карл Федорович — д. с. с. Энгельке, тобольский гражданский губернатор (1844—1852).

Секретно.

О. нужно.

Тобольское общее губернское управление Канцеляристу Анненкову.

Оглавление 1.

Стол 2.

Мая 11-го дня 48 года

№ 90.

Тобольск.

Г. начальник III отделения собственной его императорского величества канцелярии уведомил тобольского гражданского губернатора, что в доставленном его сиятельству от 30 марта письме вашем оказалось письмо вашей жены, которая просит о дозволении отправить к матери во Францию мех тем порядком, каким разрешено ей пересылать письма, почему граф Алексей Федорович просит объявить г. Анненковой, что она может прислать упомянутый мех в III отделение собственной его величества канцелярии и что он будет отправлен по принадлежности.

По приказанию его превосходительства Карла Федоровича, имею честь уведомить вас об этом, с тем, чтобы вы, доведя до сведения вашей супруги в слышании ею отзыва г. шефа жандармов, доставили от нее в тобольское общее губернское управление расписку.

Управляющий отделением Григорий Комногоров.

¹³¹ Письма 14 и 15 печатаются впервые, по подлинникам из собрания Пушкинского Дома. О них см. прим. 178 и 179.

¹³⁵ Печатается впервые, по подлиннику из собрания бумаг Ф. О. Смольяниновой в Ленингр. Публичной библиотеке. Все три части письма не имеют подписей, очевидно, из конспиративных соображений. В. Л. Давыдов с 1819 г. женат был гражданским браком на А. И. Потаповой, с которой повенчался только в мае 1825 г. После его осуждения родственники его возбудили ходатайство об узаконении четырех детей их, рожденных до церковного брака. В феврале 1828 г. министр юстиции уведомил, что «государь император высочайше повелеть соизволил дело сие считать конченным», («Русск. Стар.» 1914, № 9, стр. 441—443).

¹³⁶ Печатается впервые, по подлиннику, из собрания Е. К. Гагариной. Написано на сложенном листе, с внутренней стороны которого, среди текста имеется русская надпись: «Ивану Александровичу Анненкову». Очевидно, письмо написано на обложке записки или письма, полученного Анненковым. Писано оно во время перехода из Читы в Петровский завод нелегально, почему и носит следы крайней поспешности. Со слов: «Я только что получил твое письмо...» написано карандашом. Вероятно, кто-то или что-то помешало Анненкову окончить письмо, и оно так и осталось обрыванным на полфразе.

¹³⁷ Печатается впервые, по подлиннику, находящемуся в Пушкинском Доме, в архиве братьев Бестужевых, т. 5583, л. 1—2. Написано с дороги, во время переезда на поселение, перед несчастливым путешествием по Байкалу, о котором повествует О. И. Иванова (стр. 221—223).

Повидимому, в Петровске Николай Бестужев и его брат, Михаил, были очень близки с Анненковыми. Это можно заключить из замечания о них М. К. Юшневской в письме к Иващенко (от 31 июля 1836 г.): «Оба брата по-старому живут. Они в большом горе, что надо прогнать Анненкова». (О. К. Буланова. Роман декабриста. М. 1925, стр. 187).

¹³⁸ Перепечатано из приложений к «Запискам» Анненковой, изд. «Прометей».

¹³⁹ Печатается по подлиннику из собрания Е. К. Гагариной. Прежде того было напечатано с рядом ошибок в приложениях к «Запискам» Анненковой, изд. «Прометей».

¹⁴⁰ Перепечатано из приложений к «Запискам» Анненковой, изд. «Прометей».

¹⁴¹ Перепечатано отсюда же.

¹⁴² Перепечатано отсюда же. Письмо это было перепечатано Б. Г. Кубаловым в собрании неопубликованных писем декабристов (сб. «Сибирь и декабристы». Иркутск. 1925, стр. 122). Там же имеется следующая справка: «Генерал-губернатор Блюневский нашел неудобным удовлетворить эту просьбу, а предложил командировать в Бельское кого-либо из иркутских медиков и за счет Анненковых».

¹⁴³ Печатается впервые, по подлиннику, хранящемуся в Пушкинском Доме, в собрании бумаг Анненковых.

В 1850 г. О. И. Анненкова, вместе с Н. Д. Фонвизиной и Ж. А. Муравьевой (женой А. М. Муравьева), ездила на несколько дней в Ялуторовск, где тогда жили многие декабристы (И. И. Пущин, Е. П. Оболенский, И. Д. Якушкин, Н. В. Басаргин, В. К. Тизенгаузен, А. В. Ентальцева). В связи с этой поездкой, в которой был заподозрен скрытый смысл, возникло целое дело, дошедшее до Петербурга. Письмо Анненкова является ответом на следующие письма к нему и его дочери гражданского губернатора:

I

Секретно.

Милостивый государь, Иван Александрович. Приложенное письмо к вашей дочери Ольге Ивановне покорнейше прошу вручить ей и принять уверение в моем совершенном к вам почтении.

Карл Энгельке.

№ 1005.

23 сентября 1850 г.

Тобольск.

Его высокоблагородию

И. А. Анненкову.

II

Секретно.

Милостивая государыня, Ольга Ивановна. По представлению г. генерал-губернатора Западной Сибири, покорнейше прошу отозваться мне: на каком основании вы изволили отлучиться из Тобольска в Ялуторовск, не испросив на это разрешения начальства, и как такое разрешение дается только по особенно уважительным причинам, то с какою целью эта поездка предпринята вами и с кем именно? Ответ вам не угодно ли будет доставить ко мне с надписью секретно, в собственные руки. Примите, милостивая государыня, уверение в моем совершенном почтении.

Карл Энгельке.

23 сентября 1850 г.

№ 1004.

Тобольск.

О. И. Анненковой.

Согласно просьбе Анненкова ему была препровождена копия с правил, о которых он упоминает. Ввиду чрезвычайного интереса, который правила эти представляют для выяснения юридического положения декабристов и их семей по истечении 25 лет ссылки, приводим их целиком:

«В предупреждение самовольного уклонения жен государственных и пол[итических] преступников от учрежденного над ними наравне с их мужьями местного полицейского надзора, под предлогом незнания будто бы существующих на сей предмет правил,

г[осподин] г[енерал] г[убернатор] З[ападной] С[ибири] от 15-го октября за № 127 предписал мне немедленно сделать распоряжение о объявлении всем находящимся в ведении моей губернии женам помянутых лиц с подписками, что на точном основании I ст. XIV т. устава полиц[ейского], 1-го пункта высочайшего повеления, изображенного в предписании местному моему от 30 мая 1833 г. за № 758. и 4-го пункта высочайше утвержденного 6-го февраля 1845 г. положения комитета министров в предложении от 10-го марта 1845 № 22, они не должны никуда и ни в каком случае отлучаться из мест постоянного своего жительства, т. е. из тех городов и круга тех волостей, в коих жительствуют или состоят причислены их мужья, без получения от начальства надлежащих видов, о выдаче коих обязаны обращаться каждый раз с объяснением причин, по которым просят увольнения, в губернском городе к началнику губернии, в окружном городе к городничему, а в селениях к земскому исправнику. В удостоверение же подобного рода ходатайства его сиятельство предложил мне руководствоваться точною силою приведенного выше пункта высочайше утвержденного 6-го февраля 1845 г. по[ложения] ком[итета] г[оспод] министров, разрешающего женам г[осударственных] и пол[итических] преступников по особенно уважительным причинам отлучаться не более как на трехдневный срок на расстояние проживающих в городе не более 30 верст, а в селениях не далее 50, с выдачею им каждый раз особых билетов об увольнении на продолжительнейший срок, и на большее расстояние представить г[осподину] г[енерал] г[убернатору] Западной Сибири, для испрошения разрешения г. шефа жандармов.

К сему к[нязь] П[етр] Д[митриевич] присовокупил, что правила эти должны быть соблюдены без малейшего отступления, а со стороны местных городничих и земских исправников под строгою их ответственностью за всякое в сем случае упущение, и чтобы, сверх того, все переписки жен государственных и пол[итических] преступников доставляемы были от них и к ним не иначе, как через мое посредство установленным порядком.

В указанных мне его сиятельством законах и правилах изображено:

1-ое. В своде законов изд. 1842 г., 14 устава полицейского, ст. 1: никто не может отлучаться от места своего постоянного жительства без законного вида или паспорта.

2-ое. В 1 пункте высочайшего повеления, изъясненного в предписаниях г[осподину] г[енерал] г[убернатору] З[ападной] С[ибири] от 20-го мая 1833 г. за № 758, невинные жены г[осударственных] преступников, разде-

ляющие супружескую с ними связь, согласно предписанным повелениям и настоящему заключению комитета министров, до смерти мужа должны быть признаваемы женами ссыльно-каторжных и с ними вместе подвергаться всем личным ограничениям, составляющим необходимое последствие соединения их с преступниками и

3-е. В первом пункте высочайше утвержденного 6-го февраля 1845 г. положения комитета г. министров, «как некоторые из ссыльных, сужденные Верховным уголовным судом, поселены в городах, а другие в селениях, то определить с точностью, что местом их водворения надлежит считать гор[од], в коем они жительствоуют, или круг той волости, к которой они причтены, вменить местному начальству в обязанность иметь строгое наблюдение, чтобы означенные ссыльные без ведома одного отнюдь не отлучались из мест их водворения; на сем основании без особого разрешения местного начальства жительствоющие в городах вовсе не должны отлучаться из оных, а водворенные в селениях могут отлучаться только в кругу той волости, к которой они приписаны, но в случаях особенно уважительных, предоставить местному начальству право дозволять помянутым ссыльным отлучки и за черту мест их постоянного водворения не более, однако, как на трехдневный срок и на расстояние: жительствоющим в городах не далее 30 верст, и притом не иначе, как по выдаваемым особо каждый раз билетам. Затем, если бы оказалась существенная необходимость, и к увольнению вышеозначенных ссыльных на продолжительнейший срок и на большее расстояние, то испрашивать на сие каждый раз разрешение чрез г. губернатора шефа жандармов.

Предписываю вашему высокоблагородию немедленно объявить об этом для точного и неперменного исполнения всем проживающим во вверенном вам городе женам г[осударственных] и пол[итических] преступников с подписками, а в исполнении донести мне с приложением подписок, с коих имейте у себя копии.

В заключение долгом считаю подтвердить вам, милост[ивый] государь, иметь строгое наблюдение, чтобы изложенные в сем предписании правила были исполняемы в точности и без малейшего отступления под опасением за противное суда и взыскания по законам».

Упомянутый в документе князь Петр Дмитриевич—Горчаков, генерал-от-инфантерии, генерал-губернатор Западной Сибири.

Об этой истории рассказывает в своих воспоминаниях и М. С. Знаменский:

«— Вчера, — сообщает Наталья Дмитриевна (Фонвизина), — заглянул ко мне полициймейстер с сочиненными князем правилами.

— На цензуру он их к вам привозил, что ли? — шутит Сви-
стунов. (Намек на влиятельное положение Фонвизиных в То-
больске. (Р е д.).

— Нет, хотел их читать мне.

— И что же?

— Я думаю, что князь для того эти правила и выдумал,
чтобы при чтении их полициimestер бранил нас в глаза. Я. ра-
зумееется, не допустила их читать...» («Наш Край», 1925. VIII—
IX, стр. 2.)

¹ Печатается впервые, по подлиннику, хранящемуся в Пуш-
кинском Доме, в собрании бумаг Анненковых. Это ответ на сле-
дующее оппшение гражданского губернатора К. Ф. Энгельке:

Тобольское общее губернское
управление
Отделение.
Стол.

15-го ноября 1830 г.

№ 1 63.

Тобольск.

Милостивый государь, Иван Алексан-
дрович. Вследствие отношений к госпо-
дину шефу корпуса жандармов г. гене-
рал-губернатора Западной Сибири, коим
он доводил до сведения графа Орлова о
поездке г-ж Фонвизинной, Муравьевой и
вашей дочери Ольги в Ялуторовск, г. управляющий III
отделением собственной его величества канцелярии от
12-го минувшего октября за № 2037 сообщил его сия-
тельству князю Петру Олигнериевичу, что обстоятель-
ство это за отсутствием графа Алексея Федоровича
представлено было на усмотрение г. военного министра,
и его светлость, признав Фонвизину, Муравьеву и вашу
дочь виновными в самовольной отлучке с места житель-
ства, изволил приказать сделать им за их неуместный
поступок строгое внушение. Будучи о сем поставлен в
известность предписанием г. генерал-губернатора от 5-го
сего ноября за № 136, я покорнейше прошу вас обя-
вить о таком отзыве г. военного министра дочери вашей
и об исполнении мне письменно донести.

¹⁴⁵ Настоящее, как и нижеследующее, письмо печатается-впер-
вые, по подлиннику из собрания Е. К. Гагариной.

¹⁴⁶ Приводим полностью этот интересный документ, написан-
ный от лица О. И. Ивановой:

«Из государственных преступников, осужденных в каторжную
работу, первый Бригген поступил, по всемилостивейшему соизво-
лению, на службу канцеляристом. По сему случаю генерал-губер-
натор Западной Сибири входил в сношение с шефом жандармско-
го корпуса, требуя разрешения на 4 вопроса, относящиеся до
прав этого определения. Разрешение последовало с высочайшего
утверждения и объявлено генерал-губернатору через статс-се-
кретаря Мордвинова, от 2 июня 1838 года за № 2151. Между
прочим в разрешении третьего вопроса, о праве наследия после
матери или жены, сказано: «права Бриггена наследовать дво-
рянским именем определяются правами состояния, к которому
сам он ныне принадлежит». — При определении на службу Ан-

ненкова предписано было руководствоваться сею же высочайшею волею и в отношении его.

Не прошло пяти лет, как умирает в Москве мать Анненкова, который в Тобольске находился точно во всех тех отношениях, в каких Бригген послужил предметом воследовавшей высочайшей воли. Считая права свои ясно определенными, Анненков, в качестве прямого и непосредственного наследника, но не имеющего свободы ко вступлению в личное распоряжение, обратился к графу Бенкендорфу. Он просил исходатайствовать высочайшее соизволение, чтоб над имением покойной матери его учредить опеку, которая бы, по приведении всего в известность, удовлетворила кредиторов, деревни и крепостных людей сдала на точном основании 805 ст. дополнения к X т. св. зак. 1839 года, в казенное ведомство, и вообще, по обращении всего в наличный капитал, внесла бы оный в кредитные учреждения. С тем вместе он просил поднести государю его всеподданнейшую просьбу — об оказании ему этой милости.

Просьба Анненкова, через министра внутренних дел, была проведена к министру военному, с вопросом: имеет ли Анненков право наследовать имение после матери? — Ответ состоялся следующий: «Он, г. министр, не полагает возможным предоставлять государственным преступникам, получившим всемирнейшее дозволение вступить вновь в службу, право наследовать после родственников, как по причине неудобства, кои бы произошли от сего по разным семейным отношениям, так и в том внимании, что означенным преступникам дозволением вступить в службу не возвращены права прежнего состояния, но открыто им поприще, на котором они ревностною службою могут приобрести новые права и возродиться, так сказать, новою жизнью». Это мнение сообщено министру юстиции, который его подкрепил, отозвавшись в том же духе. Так доложено государю — и, от высочайшего имени Анненкову объявлено, что просьба его уважена быть не может, и вместе с тем повелено «разрешение настоящего случая принять к руководству на будущее время в подобных обстоятельствах».

Между тем боковые родственники Анненкова, через неделю после смерти его матери, сделали соглашение, по которому, устранив прямого наследника, как бы не имеющего никакого права на наследие, распорядились, имение оставить в опекунском управлении двух из среды себя, с тем чтоб они выплачивали долг казне по залогу, из излишних доходов посылали по 4 т. рублей ежегодно Анненкову и его дочери Зинаиде Тепловой, а остатки вносили бы в Опенуский совет, и когда таким образом остаточная сумма накопится до 200 т. рублей, тогда Анненкову и упомянутой дочери его выдать по 100 т. р., если еще малолетняя Анненкова, двоюродная племянница настоящего наследника, ныне в замужестве за флигель-ад'ютантом полковником Кушелевым, будет на то согласна. Затем выдачу по 4 т. р. и самую опекунскую операцию прекратить, а именно разделить между претендателями по закону. Это предположение, изложенное в домашнем акте, за подписом всех родственников Анненкова и опекунов ма-

долетней, удостоено было известности государя императора, как это значится в отношении г. военного министра к генерал-ад'ютанту графу Бенкендорфу от 23 июля 1843 года за № 403. Но никакое уважение, ни верховной власти, пред которой заявлено обещание выдать Анненкову пополам с дочерью 200 т. р. ассиг. в обеспечение ее участи с прочими детьми, ни уважение к самим себе, не удержали родственников Анненкова от несправедливого поступка: корыстолюбие превозмогло все. В 1850 году, не сдержав своих обещаний, родственники Анненкова приступили к разделу его достояния и совершили 12 декабря раздельный акт на все упомянутое имение в С. Петербургской гражданской палате. Этим актом изменили все прежде поставленные условия: вместо наличных денег, племянница Анненкова Марья Ивановна Анненкова, достигшая уже совершеннолетия и вышедшая замуж за флигель-ад'ютанта полковника Кушелева, обязалась упомянутым раздельным актом выдать ему заемные письма на 100 т. р. ассиг. за полученную ею по разделу половину его имения 1150 душ в Нижегородской губернии. Генерал-ад'ютант Николай Николаевич Анненков с родным братом Александром и малолетними, оставшимися от третьего брата его, Дмитрия, Анненковыми, обязались, не ограничивая себя никаким сроком платежа, ни дачею письменных обязательств, уплатить дочери Ивана Анненкова, вышедшей замуж за Теплова, другие 100 т. р. ассиг. за доставшуюся обще на их часть другую половину имения Анненкова 1150 душ в Пензенской губернии. Но по сие время, т. е. по 1855 год, родственники Анненкова, вступив уже во владение имением и получив каждый свою часть из оногo, с 1850 года не выдали ему ни копейки наличных денег в уплату обещанного капитала, и ни заемных писем от г-жи Кушелевой, в обеспечение платежа принятого ею на себя долга 100 т. р. ассиг. После сего родственники уведомили Анненкова, что сделали вновь условие между собой, коим г-жа Кушелева переводит уплату 30 т. р. ассиг. на трех братьев Анненковых, из коих одного уже нет в живых, а остались малолетние, которых должно будет вновь ожидать совершеннолетия для получения причитающихся с их части денег. Из чего ясно можно видеть нежелание родственников сдержать своего слова и выполнить принятые на себя обязанности. С Тепловой поступили также одинаковым почти образом, она получила только от одного из наследников имения отца ее, от Александра Николаевича Анненкова, в уплату принятого им на себя долга деревянный дом в Симбирске, который продала впоследствии за 5 т. р. серебром. [Отсюда рукою И. А. Анненкова.] Будучи таким образом притеснен и обманут своими родственниками, отец мой, состоящий ныне по службе коллежским секретарем, Иван Анненков, терпит крайность с многочисленным семейством, и не имеет долее возможности поддерживать своих сыновей, особенно второго в военной службе, не достигшего еще офицерского звания». (Печатается впервые, по копии из собрания Е. К. Гагаариной. Нет никаких указаний на то, чтобы этой бумаге был дан официальный ход.

¹⁴⁷ Ф. Б. Вольф, скончавшийся в 1854 г., завещал свое имущество троим, особенно нуждавшимся, товарищам. Как лишенный всех прав состояний, Вольф не имел права завещать свое имущество, а они — вступать во владение им. Для утверждения их в правах наследства потребовалось много труда, причем Анненков принял на себя все хлопоты, которые закончились только в 1858 г., как явствует из неопубликованного письма к Анненкову П. И. Фаленберга, от 27 июня, писавшего: «Многоуважаемый Иван Александрович. Письмо ваше от 15 июня со вложением денег, завещанных мне покойным Фердинанд Богдановичем Вольфом, я имел удовольствие получить и препровождаю при сем расписку. Очень благодарен вам, добрейший Иван Александрович, за все хлопоты и старания, принятые вами на себя по делу этого завещания, [которые] и привели его, наконец, к желанному окончанию...» (Пушкинский Дом; собрание бумаг Анненковых).

¹⁴⁸ Печатается впервые, по подлиннику из собрания Е. К. Гагариной. Скачки — крупное имение Анненковых в Мокшанском уезде Пензенской губ. В 1820—30 гг. в с. Скачках с пятью деревням состояло около 1500 муж. пола душ. (С. Гессен. Материалы)... Упоминаемые Анненковым кузены его — Николай и Александр Николаевичи Анненковы, а м-м Суза — вдова третьего брата, Дмитрия, вышедшая вторым браком за атташе португальского посольства и оставшаяся опекуной малолетних детей своих от Д. Н. Анненкова. «Губернатор» — конечно, декабрист А. И. Муравьев.

¹⁴⁹ Перепечатано из «Записок» Анненковой, изд. «Прометей».

¹⁵⁰ Печатается впервые, по подлиннику из собрания Е. К. Гагариной.

¹⁵¹ Перепечатано из «Записок» Анненковой, изд. «Прометей».

¹⁵² Печатается впервые, по подлиннику из собрания Е. К. Гагариной. После появления этих воспоминаний, содержащих массу самых нелепых сведений об Анненковых, Е. К. Гагарина тогда же приготовила для отсылки в редакцию «Исторического Вестника» письмо, в котором указывала на многочисленные фактические ошибки в повествовании Погоржанского и на совершенно неправильное освещение личностей Анненковых. По разным причинам это письмо не было послано в редакцию. Теперь оно любезно предоставлено в распоряжение редакторов настоящего издания. Ввиду того, что оно содержит характеристику четы Анненковых, сделанную хорошо знавшей и сохранившей полную память о них внучкой, а также и потому, что в письме имеется несколько новых подробностей, относящихся к Анненковой, считаем небезынтересным привести это письмо. Оно печатается с пропусками тех мест, где Е. К. Гагарина указывает на фактические ошибки Погоржанского.

Деда и бабушку отлично помню, так как много у них жила по их возвращении из ссылки в Нижний-Новгород (1857), где мой дед был предводителем дворянства в течение 15 лет и пользовался всеобщим уважением, как энергичный общественный деятель. Рас-

сказы о их жизни слышала много раз от моей словоохотливой, прекрасно рассказывавшей бабушки. Речь ее, сжатая, но картинная, полна была безошибочно приводимых собственных имен, с точным указанием годов. Нравственный облик этой удивительной женщины, так же как и облик моего деда, совершенно неузнаваемы в передаче Погоржанского... Сопоставляя напечатанный им рассказ П. Е. Аннейковой с хорошо памятливыми мне изустными рассказами деда и бабушки, не могу не утверждать, что рассказ Погоржанского полон самых невероятных ошибок и искажений. Опровергать все его ошибки, — значило бы зачеркнуть весь его рассказ от первого до последнего слова. Кстати сказать, мать моя, О. И. Иванова, к которой он сватался, узнав, что Погоржанский написал воспоминания, говорила: «Наверное все наврал». В предисловии к запискам упомянуто об удивительной впечатлительности Погоржанского и, конечно, только этой сильной впечатлительностью можно объяснить полное искажение характера моего деда и приписываемое ему Погоржанским мнение о его товарищах по несчастью. Дедушка не играл выдающейся роли в Обществе, и никто его из корыстных целей, ради его «сытых мужичков», по словам Погоржанского, не завлекал.

Зная хорошо крайне скрытный характер покойного деда, помня его сдержанную, деловую речь, не знаю, как объяснить его болтливость с Погоржанским, особенно при разнице их лет: дед ему в отца годился. Совсем не упомянуто, каких трудов стоило бабушке подать Николаю I, в ту минуту, когда о декабристах никто не решался напоминать, просьбу следовать за своим женихом в Сибирь, именно тот рассказ, который бабушка так охотно и часто всем передавала. Разрешив бабушке ехать к жениху, император Николай приказал ее спросить, сколько ей надо денег на дорогу, и прислал 2000 руб. (кстати она не хотела брать, но ее убедили). Впоследствии он исполнил другие ее просьбы, очень важные, уже обращенные к нему из Нерчинска, назвал ее однажды: «Женщина, которая не усумнилась в моем сердце», но никогда не предлагал ей вознаграждения за возвращение во Францию. Вообще, в передаче Погоржанского оба рассказа, как дедушкин, так и бабушкин, ничего не имеют общего с тоном и речью, которыми говорили такие люди, как декабристы, и облик Ивана Александровича Анненкова и его жены, величавые и сдержанные, чуждые всякой рисовки, совершенно утерялись. Как у всех людей, могли быть недостатки и у них, но не было у них пошлости и лживости, какая проступает в фантастическом рассказе Погоржанского».

¹⁵⁴ Любопытно отметить, что автор говорит, что Анненков был женат «на французенке-пролетарке».

¹⁵⁵ Варвара Анненкова, игравшая в фильме «Декабристы» Полину Гебль и именовавшаяся ее внучкой, происходит из другой ветви Анненковых и ни в каком родстве с декабристом Анненковым не состоит.

¹⁵⁶ Воспоминания Анненковой напечатаны в отрывках в переводе Марии Галаховой. В коротеньком предисловии несколькими словами передается биография Анненковой. Об Анненкове говорится буквально только: «...Иван Анненков, кавалергард, осужденный за политические преступления в ссылку и каторжные работы». Начало «Воспоминаний» приведено в пересказе. В переводе совершенно отсутствует V гл. русского издания, нет даже пересказа ее. Выпущено и описание переезда Анненковой в Сибирь, хотя и признается за этим рассказом большой интерес.

Романтическая история Анненковых неоднократно использовалась также в качестве сюжета художественных произведений (опера «Полина Гебль», кинофильм «Декабристы» и др.) Особо следует сказать несколько слов о повести Н. С. Ашукина «Декабристы» (изд-во «Зиф», 1923), написанной на тот же сюжет. Серьезный исследователь и вдумчивый писатель, Н. С. Ашукин на этот раз жестоко согрешил, используя в своем повествовании всего два источника. Если первый из них,—воспоминания Анненковой,— конечно, не внушает сомнений, то второй «источник» Ашукина, использованный им чрезвычайно широко, вплоть до текстуальных заимствований, — «14 декабря» Мережковского, должен вызвать самые горячие возражения. Поэтому нас уже не должно удивлять то, что, наряду с несомненными литературными достоинствами, повесть грубо искажает и фальсифицирует историю, в такой мере, которая не может быть оправдана никакими «литературными приемами».

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

- Август II** (Фридрих), ум. 1733 г., курфюрст саксонский с 1694 г., король польский с 1697 г.
- Азадовский, Марк Константинович**, историк литературы.
- Александр I Павлович**, 1777—1825, император с 1801 г.
- Александр II Николаевич**, 1818—1881, император с 1855 г.
- Александра Федоровна**, 1798—1860, прусская принцесса, с 1817 г. жена в. кн. Николая Павловича.
- Аммонт, Василий Васильевич** шт.-кап. л.-гв. Финляндского полка, плац-адъютант Спб крепости (1826).
- Андреевич, Яков Максимо-вич**, 1800—1840, декабрист, член Общества Соед. Славян. Осужден по I разряду.
- Андрей**, слуга Анненковой — см. Матвеев.
- Анненков, Александр Никанорович**, ум. до 1824 г., отст. капитан л.-гв. Преображенского полка, советник Нижегородской гражд. палаты, отец декабриста.
- Анненков, Александр Николаевич**, помещик, двоюродный брат дек-а.
- Анненков, Владимир Иванович**, 1831—1897, председатель окружного суда, сын дек-а.
- Анненков, Григорий Александрович**, офицер, убит на дуэли в 1824 г., брат дек-а.
- Анненков, Дмитрий Николаевич**, двоюродный брат дек-а.
- Анненков, Иван Иванович**, 1835—1886, офицер л.-гв. Измайловского полка, сын дек-а.
- Анненков, Николай Иванович**, 1837—1872, мировой посредник, сын дек-а.
- Анненков, Николай Никанорович**, дядя дек-а.
- Анненков, Николай Николаевич**, 1800—1865, адъютант в. кн. Миханла Павловича, впоследствии генерал-адъютант и член Бутурлинского цензурного комитета.
- Анненкова, Александра Ивановна** — см. Теплова.
- Анненкова, Анна Ивановна**, ур. Якобий, ум. в 1842 г., мать дек-а.
- Анненкова, Анна Ивановна**, 1829—1833, дочь дек-а.
- Анненкова, Варвара Николаевна**, приживалка А. И. Анненковой.
- Анненкова, Варвара Петровна**, кино-артистка.

Анненкова, Вера Ивановна. 1813—1902, жена Н. Н. Анненкова.

Анненкова, Екатерина Сергеевна, ур. кн. Гагарина, жена И. И. Анненкова.

Анненкова, Мария Ивановна — см. Кушелева.

Анненкова, Мария Сергеевна, ур. кн. Гагарина, жена В. И. Анненкова.

Анненкова, Наталия Ивановна, 1842—1894, дочь дек-а.

Анненкова, Ольга Ивановна — см. Иванова.

Анненкова, София Андреевна — см. Суза-Ботелло.

Апраксин, Степан Федорович 1792—1862, граф, генерал-майор, командир Кавалергардского полка.

Арсеньев, Александр Ильич, горный инженер, начальник Петроаского завода, друг многих дек-в.

Арцимович, Виктор Антонович, 1820—1893, известный госуд. деятель, участник сенаторской ревизии в Сибири, тобольский губернатор (1854—1858), калужский губернатор (1858—1862).

Арцыбашев, Дмитрий Александрович, 1802—1831, корнет Кавалергардского полка, член петерб. ячейки Южного общества. Выписан тем же чином в Таманский гарниз. полк.

Ашукин, Н. С., писатель.

Б

Балла, ссыльный турок.

Барятинский, Александр Иванович, князь, 1798—1844, шт.-ротмистр, адъютант главнокомандующего II армией, декабрист, член Южного общества. Осужден по I разряду.

Басаргин, Николай Васильевич, 1799—1861, поручик квартирм. части, адъютант начальника штаба II армии, декабрист, член Южного общества. Осужден по II разряду. Автор записок.

Батеньков, Гавриил Степанович, 1793—1863, подполковник корпуса инженеров путей сообщения, декабрист, член Северного общества. Осужден по III разряду. Автор записок.

Башмаков, Флегонт Миронович, 1775—1859, артил. полковник, разжалованный в рядовые и сосланный в Зап. Сибирь по делу о восстании Черниговского пех. полка.

Безродный, Василий Кириллович, 1768—1847, действ. ст. советник, сенатор, ревизовавший в 1827—1828 гг. Зап. Сибирь.

Белоголовый, Николай Александрович, 1834—1895, врач общественник, воспитанник декабристов. Автор воспоминаний.

Беляев, Александр Петрович, 1803—1885, мичман Гвард. экипажа, декабрист, участник восстания 14 декабря. Осужден по IV разряду. Автор воспоминаний.

Беляев, Петр Петрович, 1804—1864, мичман Гвард. экипажа, декабрист, участник восстания 14 декабря. Осужден по IV разряду.

Бенкендорф, Александр Христофорович, граф, 1783—1844, генерал-адъютант, член следственной комиссии по делу декабристов, с 1826 г. шеф жандармов и главный начальник III Отделения, в качестве такового вершив.

- ший судьбы осужденных декабристов.
- Берже**, франц. эмигрант, гвернер Анненкова.
- Бестужев**, Михаил Александрович, 1800—1871, шт.-капитан л.-гв. Московского полка, декабрист, член Северного общества, участник восстания 14 декабря. Осужден по II разряду. Автор воспоминаний.
- Бестужев**, Николай Александрович, 1791—1855, капитан-лейтенант, писатель, декабрист, член Северного общества, участник восстания 14 декабря. Осужден по II разряду. Автор воспоминаний.
- Бчаснов**, Владимир Александрович, 1802—1859, прапорщик 8-й артил. бригады декабрист, член Общества Соед. Славян. Осужден по I разряду.
- Бибииков**, Илья Гаврилович, 1794—1867, ад'ютант в. кн. Михаила Павловича, член Союза Благоденствия. Впоследствии генерал-ад'ютант.
- Бишон**, Луи - Пьер - Эдуард, 1771—1841, франц. публицист, историк и дипломат.
- Блэй**, вторая жена Кастенга.
- Бобрищев-Пушкин**, Николай Сергеевич, 1800—1871, поручик квартирм. части, декабрист, член Южного общества. Осужден по IV разряду.
- Бобрищев - Пушкин**, Павел Сергеевич, 1802—1865, поручик квартирм. части, декабрист, член Южного общества. Осужден по IV разряду.
- Богарнэ - де**, родственница имп. Жозефины, жены Наполеона I.
- Бонапарт**, Иосиф, 1768—1844, старший брат Наполеона I, неаполитанский, а потом испанский король.
- Борисов**, Андрей Иванович, 1798—1854, отст. поручик, декабрист, член Общества Соед. Славян. Осужден по I разряду.
- Борисов**, Петр Иванович, 1800—1854, подпоручик 8-й артил. бригады, декабрист, член Общества Соед. Славян. Осужден по I разряду.
- Бригген-фон-дер**, Александр Федорович, 1792—1859, отст. полковник, декабрист, член Северного общества. Осужден по VII разряду.
- Броневский**, Семен Богданович, 1786—1858, генерал-лейтенант, с 1834 по 1837 г. ген.-губернатор Вост. Сибири.
- Брызгалова**, Мария Владимировна, р. 1873, внучка Анненковых.
- Брюикс**, Еастафий, 1759—1805, франц. адмирал, командовавший флотилией в Булони, предназначавшейся для десанта в Англии. Впоследствии морской министр и главный начальник флота.
- Буланова**, Ольга Константиновна, внучка дек-а Ивашева, писательница.
- Булатов**, Александр Михайлович, 1793—1826, полковник, командир 12 егер. полка, декабрист, член Северного общества. Лишил себя жизни в крепости.
- Булгаков**, Александр Яковлевич, 1781—1863, московский почт-директор.
- Булгарин**, Фаддей Венедиктович, 1789—1859, известный журналист и писатель.

сотрудничавший в III Отделе-
лении.

Бурбонь, франц. королевская
династия.

Бурнашев, Тимофей Василье-
вич, начальник Черчинских
рудников.

Бусмар, роялистская семья в
Париже.

Бутро, главный казначей в
армии Иосифа Бонапарта.

Быстрицкий, Андрей Андрее-
вич, 1799—1872, подпоручик
Черниговского пех. полка,
декабрист, участник восста-
ния. Присужден к 20 го-
дам каторжных работ.

В

Вадковская, двоюродная се-
стра Анненкова.

Вадковский, Федор Федоро-
вич, 1800—1844, прапор-
щик Нежинского пех. пол-
ка, декабрист, член Север-
ного общества и петерб.
ячейки Южного общества.
Осужден по I разряду.

Васильчиков, Николай Алек-
сандрович, 1799—1834, кор-
нет Кавалергардского пол-
ка, член петерб. ячейки
Южного общества. Выписан
тем же чином в Тверской
драгунский полк.

Веденяпин, Аполлон Василь-
евич, 1801—1873, прапор-
щик полевой артиллерии,
декабрист, член Общества
Соед. Славян. Осужден по
VIII разряду.

Веер, французский консул.

Вельяминов, Иван Алексан-
дрович, 1773—1873, гене-
рал-губернатор Зап. Сибир-
и.

Венгеров, Семен Афанась-
евич, 1855—1920, историк
литературы.

Веневитинов, Михаил Алек-
сеевич, 1844—1901, лите-
ратор.

Вигель, Филипп Филиппович,
1786—1856, автор записок.

Витгенштейн, Лев Петрович,
1799—1866, граф, ротмистр
Кавалергардского полка,
член Союза Благоденствия.

Вишневская—см. Юшневская.

Вишневский, Федор Гаври-
лович, 1801—1863, лейте-
нант Гвард. экипажа, де-
кабрист, участник восста-
ния 14 декабря. Осужден
по XI разряду.

Войнов, Александр Львович,
1770—1832, ген.-адъютант,
командующий Гвард. кор-
пусом.

Войнов, Матвей, чиновник.

Волконская, Мария Никола-
евна, княгиня, 1806—1863,
ур. Раевская, жена дек-а,
последовавшая за ним в
Сибирь. Автор записок.

Волконский, Сергей Григорь-
евич, князь, 1788—1865,
генерал-майор, бригадный
командир 19-й пех. диви-
зии, декабрист, член Юж-
ного общества. Осужден по
I разряду. Автор записок.

Волович, польский револю-
ционер, участник восста-
ния 1830—31 гг.

Вольф, Фердинанд (Христи-
ан) Богданович, ум. 1854,
шт.-лекарь при главной
квартире II армии, декаб-
рист, член Южного обще-
ства. Осужден по II разря-
ду.

Ворошилов, домовладелец в
с. Хомутове.

Вошэ, Карл-Август, секре-
тарь гр. Лаваль, сопрово-
ждавший в Сибирь кн. Тру-
бецкую и, по возвраще-

нии, высланный за границу.

Выgodовский, Павел Фомич, р. 1802, ум. после 1856, чиновник канцелярии вольнского губернатора, декабрист, член Общества Соед. Славян. Осужден по VII разряду.

Вяземский, Александр Николаевич, князь, корнет Кавалерградского полка, член петерб. ячейки Южного общества.

Г

Гагарина, Екатерина Сергеевна — см. Анненкова.

Гагарина, Елена Константиновна, ур. Иванова, р. 1855, внучка Анненковых.

Гагарина, Мария Сергеевна — см. Анненкова.

Галахова, Мария, писательница.

Гангелов, Александр Семенович, 1801 — 1891, поручик л.-гв. Измайловского полка, член петерб. ячейки Южного общества. Выписан тем же чином во Владикавказский гарниз. полк. Автор воспоминаний.

Гантамуров, казак.

Гебль, Жорж, ум. 1809, отец мемуаристики.

Гебль, брат мемуаристики.

Гебль, ур. Горси, мать мемуаристики.

Гебль, сестра мемуаристики.

Гейм, Иван Андреевич, 1778 — 1821, профессор статистики Московского ун-та, преподаватель Анненкова.

Герье, московский аббат.

Гессен, Сергей Яковлевич, историк.

Глазенапп, Владимир Григорьевич, 1784 — 1862, полковник, командир Польского

уланского полка. С 1826 г., в чине генерал-майора, командир л.-гв. Драгунского полка.

Глебов, Михаил Николаевич, 1804 — 1851, кол. секретарь, декабрист, член Северного общества, участник восстания 14 декабря. Осужден по V разряду.

Голицын, князь, статс-секретарь комиссии прошений.

Голицын, Александр Николаевич, князь, 1773 — 1844, министр духовных дел и народного просвещения. Член следственной комиссии по делу декабристов.

Голицын, Дмитрий Владимирович, св. князь, 1771 — 1844, генерал - от кавалерии, с 1820 г. московский ген.-губернатор.

Голицын, Николай Николаевич, князь, 1836 — 1893, библиограф и генеалог.

Головачев, Петр Михайлович, историк.

Горбачевский, Иван Иванович, 1800 — 1869, подпоручик 8-й артил. бригады. Декабрист, член Общества Соед. Славян. Осужден по I разряду. Автор записок.

Гордон, Г. И., переводчик.

Горкин, разбойник.

Горожанский, Александр Семенович, 180? — 1846, поручик Кавалергардского полка, член петерб. ячейки Южного общества. После четырехлетнего заключения, сослан в Соловецкий монастырь.

Горси, франц. офицер, убитый под Бородином. Дядя Анненковой.

Горчаков, Петр Дмитриевич, князь, 1789 — 1868, генерал-от-инфантерии, с 1836 по

- 1851 г. ген.-губернатор Зап. Сибири.
- Граве, Владислав Христофорович**, ум. 1850, поручик л.-гв. Преображенского полка, был близок к декабристам.
- Граве, Л. Г.**, автор заметки об Анненковых.
- Греч, Николай Иванович**, 1787 — 1867, известный журналист и литератор, сотрудничавший в III Отделении. Автор записок.
- Гризье, франц. эмигрант**, учитель фехтованья.
- Громницкий, Петр Федорович**, 1798 — 1851, поручик Пензенского пех. полка, декабрист, член Общества Соед. Славян. Осужден по II разряду.
- Громов, Петр**, священник в Петровском заводе.
- Гюго, Виктор**, 1802 — 1885, знаменитый франц. писатель и поэт.

Д

- Давыдов, Василий Васильевич**, 1829 — 1873, сын декабриста.
- Давыдов, Василий Львович**, 1792 — 1855, отст. полковник, декабрист, член Южного общества. Осужден по I разряду.
- Давыдов, Михаил Иванович**, князь, 1769 — 1832, действ. ст. советник, казанский (а не сибирский) почт-директор.
- Давыдова, Анна Ивановна**, ур. Потапова, жена декабриста, последовавшая за ним в Сибирь.
- Демонси, Александр Осипович**, московский 3-й гильдии купец, владелец модного магазина, в котором служила Гебль.

- Депрерадович, Николай Николаевич**, 1802 — 1884, корнет Кавалергардского полка, член петерб. ячеек Южного общества. Переведен тем же чином в Нижегородский драг. полк.
- Дибич, Иван Иванович**, барон (с 1827 г. граф), 1785 — 1831, генерал-адъютант, начальник главного штаба, впоследствии фельдмаршал. Сыграл большую роль в раскрытии заговора декабристов.
- Дивов, Василий Абрамович**, ум. 1842, мичман Гвард. экипажа, декабрист, участник восстания 14 декабря. Осужден по I разряду.
- Дмитриев - Мамонтов, Александр Ипполитович**, историк.
- Добринский, Александр Александрович**, ум. 1860, поручик л.-гв. Финляндского полка, член петерб. ячейки Южного общества. Переведен тем же чином в 43 егерский полк.
- Долгоруков, Алексей Алексеевич**, князь, 1775 — 1834, сенатор, член госуд. совета.
- Домгер, Людвиг Леопольдович**, переводчик.
- Достоевский, Михаил Михайлович**, 1820 — 1864, журналист, привлекавшийся по делу петрашевцев.
- Достоевский, Федор Михайлович**, 1821 — 1881, писатель. В 1849 г. по делу петрашевцев сослан в каторжные работы в Омский острог.
- Дружинин, Николай Михайлович**, историк.
- Дружинин, Хрисанф Михайлович**, р. 1808, ум. после 1862, портупей-прапорщик

Оренбургского гарниз. полка, осужденный в каторжные работы по делу об Оренбургском тайном обществе. Каторгу отбывал с декабристами в Петровском заводе.

Друз, Жан-Баптист, 1736—1824, почтмейстер в С. Мелнегу, задержавший Людовика XVI в Варенне. Впоследствии видный якобинец.

Дубенский, генерал-майор, лейтенант.

Дубинин, караульный офицер в Петровском заводе.

Дюбуа, швейцарец, гувернер Анненкова.

Дюма, Александр, отец, 1803—1870, знаменитый франц. романист.

Е

Евсеев, А. Н., иркутский губернатор.

Екатерина II Алексеевна, 1729—1796, императрица с 1762 г.

Елагина, Александра Никаноровна, ~ 1757—1828, ст. советница, тетка Анненкова.

Елизавета, 1764—1794, франц. принцесса, сестра Людовика XVI, бежавшая с ним в Варенн. Окончила жизнь на гильотине.

Ентальцев, Андрей Васильевич, 1788—1845, подполковник, командир конно-артилл. роты, декабрист, член Южного общества. Осужден по VII разряду.

Ентальцева, Александра Васильевна, ур. Лисовская, ум. 1859, жена декабриста, последовавшая за ним в Сибирь.

Ермолов, Алексей Петрович, 1772—1861, генерал-от-ин-

фантерии, командир Отд. кавказского корпуса и главноуправляющий Грузией, оппозиционно относившийся к центральной власти и тем стяжавший популярность в кругах декабристов, рассчитывавших на его содействие.

Ж

Желдыбин, Григорий, фельдшер.

Жмакин, Александр Яковлевич, 1780—1850, сенатор.

З

Завалишин, Дмитрий Иринархович, 1804—1892, лейтенант 8-го флотского экипажа, декабрист, близок был к Северному обществу. Осужден по I разряду. Автор записок.

Занадворов, П., низший горный служитель Петровского завода.

Затрапезный, московский знакомый Анненковых.

Знаменский, Михаил Степанович, 1834—1892, сын ялutorовского протоиерея, воспитанник декабристов, впоследствии талантливый художник. Автор воспоминаний.

Золотницкий, Вл., автор статьи об Анненковых.

Зубов, Николай Дмитриевич, граф, 1801—1871, поручик л.-гв. Преображенского полка, был близок к декабристам.

И

Иванов, Андрей Иванович, 1822—1888, полковник, шурин О. И. Ивановой.

Иванов, Константин Иванович, адъютант омского ген.

губернатора, впоследствии генерал-лейтенант, с 1852 г. муж О. И. Анненковой.

Иванов, Сергей Константинович, 1857—1897, внук Анненковых.

Иванова, Ольга Ивановна, ур. Анненкова, 1830—1891, дочь декабриста. Автор воспоминаний.

Ивашев, Василий Петрович, 1794—1840, ротмистр Кавалергардского полка, декабрист, член Южного общества. Осужден по II разряду.

Ивашева, Камилла Петровна, ур. Ледантю, 1808—1839, жена денкабриста, вышедшая за него замуж в Петровском заводе, на что получила специальное разрешение.

Игельстром, Константин Густавович, 1799—1851, поручик Литовского пионерского батальона. Член тайного общества «Военных друзей». Приговорен к 10 годам каторжных работ. Каторгу отбывал вместе с декабристами.

К

Кадудаль, Жорж, 1769—1804, мельник, один из организаторов второго крестьянского контрреволюционного восстания в Вандее, покушения на Наполеона в 1800 г. и заговора 1804 г. Погиб на гильотине.

Казадаев, Александр Васильевич, 1781—1854, сенатор, член Верх. уголовного суда над декабристами.

Казимирский, Яков Дмитриевич, плац-майор в Петровском заводе, бывший в дружбе со многими дека-

бристами. Впоследствии начальник корпуса жандармов в Иркутске и Омске.

Камбиз (?), франц. адмирал.

Камброн, Пьер-Жак-Этьен, граф, 1770—1842, прославленный франц. генерал, участник революционных и наполеоновских войн, последовавший за Наполеоном на о. Эльбу в звании начальника дивизиона старей гвардии.

Камброн, брат генерала, батальонный командир франц. гвардии.

Кампан, Жанна-Луиза, 1752—1822, франц. писательница, камеристка Марии-Антуанетты. При Наполеоне — директриса института для дочерей кавалеров ордена Почетного Легиона в Экуане.

Караулова, приживалка А. И. Анненковой.

Каррье, Жан-Ватист, 1756—1794, член Конвента и один из организаторов революционного трибунала, особенно известный своей жестокой расправой в Нанте.

Кастенг, (?), негр, свояк Наполеона I, начальник артиллерийского парка в Шампиньи.

Каталинский, тобольский знакомый Анненковых.

Коган, Михаил Саулович, историк.

Кологривов, Александр Лукич, р. 1795, полковник Кавалергардского полка, член петерб. ячейки Южного общества. Определен тем же чином в Финляндский драг. полк.

Конде, Людовик-Жозеф-Бурбон, принц, 1736—1818, член франц. королевской семьи

и полководец, боровшийся с революционными войсками во главе отряда эмигрантов.

Коновницын, Иван Петрович, граф, 1806—1867, прапорщик конной артиллерии, участник восстания 14 декабря. Переведен в провинциальный гарнизон и подчинен секретному надзору.

Коновницын, Петр Петрович, граф, 1802—1830, подпоручик Гвард. ген. штаба, декабрист, член Северного общества, участник восстания 14 декабря. Осужден по IX разряду.

Коптилов, М. П., историк.

Кордэ, Шарлотта, 1768—1793, представительница старинной франц. дворянской семьи. 11.V. 1793 заколовшая Марата и гильотинированная 17.VII.

Корнилович, Александр Осипович, 1800—1834, штабс-капитан Гвард. ген. штаба, литератор, декабрист, член Южного общества. Осужден по IV разряду.

Котляров, Григорий Михайлович, историк.

Краснокутский, Семен Григорьевич, ум. 1840, обер-прокурор Сената, декабрист, член Южного общества. Осужден по VIII разряду.

Креве-Ойль, капитан франц. гвардии.

Кривцов, Сергей Иванович, 1802—1864, подпоручик гвард. конной артиллерии, декабрист, член петерб. ячейки Южного общества. Осужден по VII разряду.

Крылов, Иван Андреевич, 1768—1844, баснописец.

Крюков, Александр Александрович, 1794—1867, поручик Кавалергардского полка, декабрист, член Южного общества. Осужден по II разряду.

Кубалов, Борис Григорьевич, историк.

Кузнецов, волостной голова.

Куликов, сибирский купец.

Куракин, Борис Алексеевич, князь, 1784—1850, сенатор, член Верх. уголовного суда над декабристами. В 1827—28 гг. ревизовал Зап. Сибирь.

Куц. А., сенатский чиновник.

Кушелев, Сергей Егорович, полковник.

Кушелева, Мария Ивановна, ур. Анненкова, 1833—1899, жена С. Е. Кушелева.

Кушелевский, тобольский знакомый Анненковых.

Кюхельбекер, Вильгельм Карлович, 1797—1846, поэт и литератор, декабрист, член Северного общества, участник восстания 14 декабря. Осужден по I разряду. Автор дневника.

Л

Лаваль, Александра Григорьевна, графиня, 1772—1850, жена гр. И. С. Лавалля.

Лаваль, Иван Степанович, граф, ум. 1846, действ. тайн. советник, гофмейстер, отец Е. И. Трубецкой.

Лавинский, Александр Степанович, 1776—1844, ген.-губернатор Вост. Сибири (1822—1833).

Ладыженский, Михаил Васильевич, тобольский гражданский губернатор в 1840—1844 гг.

Ланской, Владимир Яковлевич, 1800—1820, корнет

- л.-гв. Гусарского полка, убитый на дуэли Анненковым.
- Лагарп**, Фредерик - Цезарь, 1754—1838, воспитатель великих князей Александра и Константина Павловичей, швейцарский государственный деятель и публицист.
- Ларошфуко**, барон, 1753—1834, кавалерийский офицер, эмигрировавший во время революции. Отказался служить в армии Наполеона и после реставрации осыпан был почестями.
- Латур-д'Овернь**, 1743—1800, прославленный генерал французской революционной армии.
- Левашев**, Василий Васильевич, 1783—1848, генерал-адъютант, член следственной комиссии по делу декабристов.
- Ледантю**, Амалия Петровна, сестра К. П. Ивашевой.
- Ледантю**, Евгений Петрович, подпоручик инженерных войск, командированный в 1835 г. в Нерчинский округ для изысканий и проведения работ по проведению Круго-Байкальской дороги, и гостивший в Петровском заводе. Брат К. П. Ивашевой.
- Ледантю**, Мария Петровна, мать К. П. Ивашевой.
- Леклер**, дядя Анненковой.
- Ленорман**, Мария-Анна-Аделаида, 1772—1843, знаменитая гадалщица на картах, автор множества сочинений.
- Лепарский**, Осип Адамович, ум. 1876, плац-майор в Петровском заводе, племянник коменданта.
- Лепарский**, Станислав Романович, 1754—1837, генерал-лейтенант, комендант Нерчинских рудников и Петровского завода.
- Лефевр**, франц. эмигрант, московский знакомый Анненковой.
- Лещинский**, Станислав, 1677—1766, польский король с 1705 по 1736, когда должен был уступить престол Августу II.
- Либер**, Антон, жених П. Гебля.
- Ликет**, француженка, знакомая Гебля.
- Лихарев**, Владимир Николаевич, 1800—1840, подпоручик квартирм. части, декабрист, член Южного общества. Осужден по VII разряду.
- Лобанов-Ростовский** 3-й, Александр Яковлевич, князь, 1795 — 1848, полковник л.-гв. Гусарского полка, с 1826 г. флигель-адъютант.
- Лоре**, доктор Наполеона I.
- Лорер**, Николай Иванович, 1795—1873, майор Вятского пех. полка, декабрист, член Южного общества. Осужден по IV разряду. Автор записок.
- Лунин**, Михаил Сергеевич, 1787—1845, подполковник л.-гв. Гродненского гус. полка, декабрист, член Северного общества. Осужден по II разряду. В 1841 г. вторично арестован и отправлен в Акатуй. Автор статей о декабристах.
- Львов**, Леонид Федорович, р. 1813, тит. советник, впоследствии камер-юнкер и секретарь министерства государственных имуществ. В 1839 г. командирован в Вост. Сибирь, где близко сошелся со многими декабристами.

Людовик XVI, 1754—1793, франц. король, свергнутый Великой революцией.

М

Максимов, Сергей Васильевич, 1831—1901, литератор.

Малерм, франц. революционерка.

Малков, С. Н., дьячок в Петровском заводе.

Мандрыка, Андрей Григорьевич, иркутский земский исправник.

Марат, Жан-Поль, 1744—1793, знаменитый франц. революционер.

Мария-Антуанетта, 1755—1793, франц. королева, жена (с 1770 г.) Людовика XVI. Окончила жизнь на гильотине.

Мария Федоровна, 1754—1828, вдова, имп. Павла I.

Марки, кюре.

Матвеев, Андрей, слуга Анненковой.

Медведников, Иван Логгинович, 1807—1889, иркутский 1-й гильдии купец, известный богач и благотворитель. Был близок со многими ссыльными декабристами.

Мережковский, Дмитрий Сергеевич, писатель.

Мерзляков, Алексей Федорович, 1778—1830, известный поэт и критик, профессор красноречия и поэзии Московского унив-та, председатель Общества любителей российской словесности.

Митьков, Михаил Фотиевич, 1791—1849, полковник л.-гв. Финляндского полка, декабрист, член Северного общества. Осужден по II разряду.

Михаил Павлович, вел. князь, 1798—1849, ген.-фельдцейх-

мейстер и начальник 1-й гвард. пех. дивизии.

Михайла, слуга Анненковой.

Мичурин, читинский купец.

Модзалевский, Борис Львович, 1874—1928, историк.

Мозалевский, Александр Евтихиевич, 1803—1851, прапорщик Черниговского пех. полка, декабрист, участник восстания. Присужден к 15 годам каторжных работ.

Моно, владелец парижской торговой фирмы.

Моргадель, француженка, знакомая Гебль.

Мордвинов, Александр Николаевич, 1792—1869, управляющий III Отделением в 1831—1839 гг.

Моро, Жан-Виктор, 1763 — 1813, франц. генерал, в 1800 г. отрешен Наполеоном от должности и удалился в Америку, откуда прибыл по приглашению союзников для руководства военными операциями против Наполеона. В битве под Дрезденом убит французским ядром.

Муравьев, Александр Михайлович, 1802—1855, корнет Кавалергардского полка, декабрист, член Северного общества. Осужден по IV разряду. Автор записок.

Муравьев, Александр Николаевич, 1792—1863, отст. полковник, член Союза Благочестия. Осужденный по VI разряду, сослан в Сибирь, где служил городничим в Иркутске и председателем Иркутского губ. правления. В начале царствования Александра II был нижегородским губернатором.

Муравьев, Артамон Захарович, 1794—1846, полковник, командир Ахтырского гус. полка, декабрист, член Южного общества. Осужден по I разряду.

Муравьев, Михаил Валерьевич, историк.

Муравьев, Никита Михайлович, 1796—1843, капитан Гвардейского ген. штаба, декабрист, один из руководителей Северного общества, автор «Конституции». Осужден по I разряду.

Муравьев-Апостол, Матвей Иванович, 1793—1886, отст. полковник, декабрист, член Южного общества, участник восстания. Осужден по I разряду. Автор воспоминаний.

Муравьева, Александра Григорьевна, ур. гр. Чернышева, ум. 1832, жена декабриста Н. М. Муравьева, последовавшая за ним в Сибирь.

Муравьева, Екатерина Федоровна, 1771—1848, мать декабристов Н. М. и А. М. Муравьевых.

Муравьева, Жозефина Адамовна, ур. Брашман, р. 1822, эстляндская уроженка, с 1839 г. жена А. М. Муравьева.

Муравьева, Софья Никитишна (Ноно), 1826—1892, дочь декабриста, в замужестве Бибикова.

Муханов, Петр Александрович, 1799—1854, шт.-капитан л.-гв. Измайловского полка, декабрист, член Северного общества. Осужден по IV разряду.

Мухин, Ефрем Осипович, 1766—1850, популярнейший московский врач, доктор

медицины, ад'юнкт-профессор Моск. мерико-хирургической академии.

Мушетт, негр.

Мюллер, метр-д'отель Александра I.

Н

Надежда, камеристка А. И. Анненковой.

Наквасины, сибирские купцы.

Наполеон I, Бонапарт, 1769—1821, франц. император в 1804—1814 гг.

Нарышкин, Михаил Михайлович, 1798—1863, полковник Тарутинского пех. полка, декабрист, член Северного общества. Осужден по IV разряду.

Нарышкина, Елизавета Петровна, ур. гр. Коновницына, 1801—1867, жена декабриста, следовавшая за ним в Сибирь. Сестра декабристов Коновницких.

Натам, бурят.

Наумов, сибирский знакомый Анненковых.

Нейдгардт, Александр Иванович, 1784—1865, генерал-ад'ютант, начальник штаба гвардейского корпуса.

Нелидов, офицер.

Никишин, П., автор статьи об Анненковых.

Николай I Павлович, 1796—1855, император с 1825 г.

Новиков, Степан, слуга Анненковых.

О

Оболенский. Евгений Петрович, князь, 1796—1865, поручик л.-гв. Финляндского полка, декабрист, один из руководителей Северного общества. Осужден по

- І разряду. Автор воспоминаний.
- Обри**, знакомые Гебль в Сен-Миеле.
- Одоевский**, Александр Иванович, князь, 1802—1839, корнет, л.-гв. Конного полка, декабрист, член Северного общества. Осужден по IV разряду. Поэт.
- Оксман**, Юлиан Григорьевич, историк.
- Орлов**, Алексей Федорович, граф, 1788—1862, генерал-адъютант, с 1844 г., шеф жандармов и главный начальник III Отделения.
- Орлов**, Михаил Федорович, 1788—1842, генерал-майор, один из руководителей Союза Благоденствия. После 7 мес. заключения в крепости сослан в одну из своих деревень под надзор полиции.

П

- Павел I Петрович**, 1754—1801, император с 1796 г.
- Палю**, франц. эмигрант, московский знакомый Анненковой.
- Панин**, Виктор Никитич, граф, 1801—1874, госуд. деятель, министр юстиции в 1841—1862 гг.
- Панов**, Николай Алексеевич, 1803—1850, поручик л.-гв. Гренадерского полка, декабрист, член Северного общества, участник восстания 14 декабря. Осужден по I разряду.
- Перейс**, франц. эмигрант, сосланный в Сибирь при Екатерине II.
- Перская**, Мария Тихоновна, ум. 1856, дочь ген.-майора, дальняя родственница А. И. Анненковой, управлявшая ее хозяйством.
- Пестель**, Владимир Иванович, 1798—1835, полковник Кавалергарского полка, член Союза Благоденствия, не привлеченный к следствию. Флигель-адъютант с 1826 г.
- Пестель**, Павел Иванович, полковник, командир Вятского пех. полка, декабрист, руководитель Южного общества, автор «Русской Правды». Осужден вне разрядов и повешен 13 июля 1826 г.
- Пестов**, Александр Семенович, 1802—1833, подпоручик 9-й артил. бригады, декабрист, член Общества Соединенных Славян. Осужден по I разряду.
- Петр**, крепостной Анненковых.
- Пишегрю**, Шарль, 1761—1804, генерал франц. революционной армии, в 1796 г. вошедший в связь с Бурбонами, с целью реставрации. Присужденный к каторжным работам, бежал за границу. Вернулся в 1804 г. для осуществления, совместно с Кадудалем, заговора против Наполеона. Арестован и умер в тюрьме.
- Плещеев**, Алексей Алексеевич, ум. 1842, поручик л.-гв. Конного полка, член петерб. ячейки Южного общества. Переведен в Курляндский драгунский полк.
- Повало-Швейковский**, Христофор Христофорович, тобольский гражд. губернатор в 1836—1837 гг.
- Погороманский**, И. В., автор воспоминаний об Анненковых.

- Поджио, Александр Викторович**, 1798—1873, отст. подполковник, декабрист, член Южного общества. Осужден по I разряду.
- Поджио, Иосиф Викторович**, 1792—1848, отст. шт.-капитан, декабрист, член Южного общества. Осужден по IV разряду.
- Подушкин, Егор Михайлович**, плац-майор Петропавловской крепости.
- Поливанов, Иван Юрьевич**, 1797—1826, отст. полковник Кавалергардского полка, декабрист, член петерб. ячейки Южного общества. Осужден по VII разряду.
- Полторацкая, Екатерина Ивановна**, 1815—1885, племянница декабристов Пуцких.
- Полторацкий, офицер.**
- Попов, Михаил Максимович**, 1800—1871, тайн. советник, сотрудник III Отделения.
- Попов, П. П.**, тобольский знакомый Анненковых.
- Потемкина, Елизавета Петровна**, ур. кн. Трубецкая, сестра дек-а.
- Предтеченский, Анатолий Васильевич**, историк.
- Прянишников, офицер.**
- Пушкин, Александр Сергеевич**, 1799—1837.
- Пушин, Иван Иванович**, 1798—1859, надв. судья, декабрист, член Северного общества, участник восстания 14 декабря. Осужден по I разряду.
- Пушин, Николай Иванович**, 1803—1874, тайн. советник, брат дек-а.
- Пятницкий, Андрей Васильевич**, иркутский гражд. губернатор в 1839—1848 гг.
- Ребиндер, Григорий Максимович**, полковник, комендант Петровского завода с 1837 г.
- Репин, Николай Петрович**, 1796 — 1831, шт.-капитан л.-гв. Финляндского полка, декабрист, член Северного общества. Осужден по V разряду.
- Робеспьер, Максимилиан-Франсуа-Исидор**, 1759—1794.
- Розен, Александра Васильевна**, баронесса, ур. Малиновская, жена декабриста, последовавшая за ним в Сибирь.
- Розен, Андрей Евгеньевич**, барон, 1800—1884, поручик л.-гв. Финляндского полка, декабрист, член Северного общества. Осужден по V разряду. Автор записок.
- Розенберг, Василий Васильевич**, поручик, плац-адъютант, потом плац-майор в Чите и в Петровском заводе.
- Руссо, Жан-Жак**, 1712—1778, знаменитый франц. писатель.
- Рустан, 1780—1845**, мамелюк, раб каирского шейха, подаренный Наполеону во время египетской экспедиции и никогда его не покидавший.
- Рылеев, Кондратий Федорович**, 1795—1826, поэт, издатель «Полярной Звезды», декабрист, один из руководителей Северного общества и главных организаторов восстания 14 декабря. Осужденный вне разрядов, повешен 13 июля 1826 г.
- Рыхлевский, Андрей Иванович**, 1783—1830, вятский гражд. губернатор.

- Савченко**, унтер-офицер Кавалергардского полка.
- Садовский**, Б. А., литератор.
- Свиньин**, Петр Павлович, 1801—1882, поручик Кавалергардского полка, член петерб. ячейки Южного общества. Переведен в Харьковский драгунский полк.
- Свистунов**, Петр Николаевич, 1803—1889, корнет Кавалергардского полка, декабрист, член петерб. ячейки Южного общества. Осужден по II разряду. Автор статей о декабристах.
- Семевский**, Михаил Иванович, 1837—1892, историк, редактор и издатель «Русской Старины», много содействовавший накоплению и собиранию мемуарного материала о декабристах.
- Семенов**, Степан Михайлович, 1789—1852, тит. советник, член Северного общества. Выслан в Зап. Сибирь на службу.
- Сивков**, К. В., историк.
- Смолянинов**, Семен Иванович, горный инженер, начальник Нерчинских заводов.
- Смолянинова**, Александра Семеновна, старшая дочь С. И. Смолянинова.
- Смолянинова**, Фелицата Осиповна, жена С. И. Смолянинова, побочная дочь И. Ф. Якобия.
- Соловьев**, чиновник.
- Соловьев**, Вениамин Николаевич, барон, 1801—1871, шт.-капитан Черниговского пех. полка, декабрист, член Общества Соединенных Славян, участник восстания. Приговорен к бессрочным каторжным работам. Автор статей о декабристах.
- Сос**, мелочный торговец, в г. Варенне, окружной прокурор, в доме которого помещался Людовик XVI с семьей до возвращения в Париж.
- Сос**, Боннет, дочь предыдущего.
- Сосинович**, польский революционер, участник восстания 1830—1831 гг., отбывавший каторгу вместе с декабристами.
- Степан**, слуга Анненковых — см. Новиков.
- Степанов**, Александр Петрович, 1781—1837, литератор, енисейский гражд. губернатр в 1822—1831 гг.
- Стремоухов** I.
- Стремоухов** II.
- Стремоухов**, Александр Васильевич, шт.-капитан л.-гв. Конно-егерского полка.
- Строганов**, Сергей Григорьевич, граф, 1794—1882, флигель-ад'ютант с 1826 г., впоследствии видный госуд. деятель, генерал-ад'ютант и член Государственного совета.
- Суворов**, Александр Аркадьевич, князь, 1804—1882, корнет л.-гв. Конного полка, член петерб. ячейки Южного общества. Переведен на Кавказ. Впоследствии генерал-ад'ютант.
- Суза-Ботелло**, Софья Андреевна, ур. кн. Гагарина, 1816—1859, жена действ. ст. советника, в первом браке за Д. Н. Анненковым.
- Сукин**, Александр Яковлевич, 1765—1837, генерал-от-инфантерии, генерал-ад'ютант, комендант Петропавловской крепости.

Сутгоф, Александр Николаевич, 1801—1872, поручик л.-гв. Гренадерского полка. Декабрист, член общества, участник восстания. Осужден по I разряду.

Сушинов, Иван Иванович, 1795—1828, поручик Александрийского гус. полка, декабрист, член Южного общества, участник восстания Черниговского полка. Сосланный в каторжные работы в Зерентуй, организовал заговор каторжан, после открытия которого, будучи приговорен к смертной казни, удавился.

Сухомятин, вахмистр Кавалергардского полка.

Т

Талызин, Иван Дмитриевич, 1799—1844, тобольск. гражд. губернатор в 1839—1840 гг.

Теплов, Алексей Григорьевич, ум. около 1876 г., майор корпуса внутр. стражи, вполн. генерал-майор, женатый на Ал. И. Анненковой.

Теплов, Митрофан Алексеевич, старший сын А. Г. Теплова.

Теплова, Александра (Зинаида) Ивановна, ур. Анненкова, 1826—1880 г., старшая дочь декабриста.

Тизенгаузен, Василий Карлович, 1781—1857, полковник, командир Полтавского пех. полка, декабрист, член Южного общества. Осужден по VII разряду.

Тимошук, В. В., сотр. «Русской Старины».

Титов, московский знакомый Анненковой.

Тихон, слуга Анненковых.

Торсков, сенатский регистратор.

Торсон, Константин Петрович, ум. 1851, капитан-лейтенант, адъютант начальника Морского штаба, декабрист, член Северного общества. Осужден по II разряду.

Трапезников, иркутский купец.

Троцкий, Исаак Моисеевич, историк.

Трубецкая, Екатерина Ивановна, княгиня, ур. гр. Лаваль, ум. 1854, жена декабриста, последовавшая за ним в Сибирь.

Трубецкой, князь, Сергей Петрович, 1790—1860, полковник, дежурный штабс-офицер 4-го пех. корпуса, декабрист, один из руководителей Северного общества, «диктатор» 14 декабря. Осужден по I разряду. Автор записок.

Трубникова, Мария Васильевна, ур. Ивашева, 1835—1897, дочь декабриста, известная деятельница женского освободительного движения.

Тургенев, Николай Михайлович, 1778—1835, секретарь моск. ген.-губернатора.

Тьери, знакомые Гебль в Сен-Миеле.

Тютин, старшина Знаменской слободы.

У

Уварова, Екатерина Сергеевна, р. 1791; сестра декабриста М. С. Лунина.

Ф

Фаленберг, Петр Иванович, 1791—1873, подполковник квартирм. части, декабрист, член Южного общества. Осужден по IV разряду. Автор записок.

Фелис, француженка, гувернантка в доме Д. И. Шулгина.

Фикельмон, парижские знакомые П. Гебля,

Филарет (Василий Михайлович Дроздов), 1782—1867, архимандрит Троицко-Сергиевской лавры, митрополит московский с 1826 г.

Фитингоф, Иван Андреевич, барон, 1797—1871, ротмистр, командир 7-го запасн. эскадрона Кавалергардского полка.

Фонвизин, Михаил Александрович, 1788—1854, отст. генерал - майор, декабрист, член Северного общества. Осужден по IV разряду. Автор записок.

Фонвизина, Наталия Дмитриевна, ур. Апухтина, 1805—1869, жена декабриста, последовавшая за ним в Сибирь. С 1856 г. жена декабриста И. И. Пущина.

Фохт, Иван Федорович, 1794—1842, шт.-капитан Азовского пех. полка, декабрист, член Южного общества. Осужден по VIII разряду.

Францева, Мария Дмитриевна, автор воспоминаний о декабристах.

Фурман, Андрей Федорович, 1795—1835, капитан Черниговского пех. полка, декабрист, член Южного общества. Осужден по VIII разряду.

Ц

Цебриков, Николай Романович, 1800—1866, поручик л.-гв. Финляндского полка, декабрист, участник восстания 14 декабря. Осужден

по XI разряду. Автор воспоминаний.

Цейдлер, Иван Богданович, 1780—1853, иркутский гражданский губернатор с 1821 по 1835 г.

Цицерон, 106—43 до н. э., знаменитый римский оратор и государственный деятель.

Ч

Чаадаев, Петр Яковлевич, 1794—1856, полковник л.-гв. Гусарского полка, философ и публицист. Член Союза Благоденствия.

Чебунин, богатый крестьянин из Тарбогатае.

Чевкин, Константин Владимирович, 1802—1875, начальник штаба горных инженеров. В 1835—1836 гг. обследовал уральские и сибирские заводы.

Черкесова, Вера Васильевна, ур. Ивашева, р. 1839, дочь декабриста, известная деятельница женского освободительного движения.

Чернобой, крепостной А. И. Анненковой, управлявший ее имениями.

Чернов, Сергей Николаевич, историк.

Чернышев, Александр Иванович, 1785—1857, генерал-адъютант, член следственной комиссии по делу декабристов. Впоследствии князь, военный министр.

Чернышев, Захар Григорьевич, граф, 1796—1862, ротмистр Кавалерградского полка, декабрист, член петерб. ячейки Южного общества. Осужден по VII разряду.

Чистохин, знакомый Анненковых в Сибири.

Ш

- Шарпантье**, французенка, знакомая Анненковой в Москве.
- Шатобриан**, Франсуа-Огюст, 1769—1848, франц. писатель и государств. деятель, министр иностранных дел в 1822—1824 гг.
- Шевелев**, О., чиновник.
- Шимков**, Иван Федорович, 1802—1836, прапорщик Са-ратовского пех. полка, декабрист, член Общества Соединенных Славян. Осу-жден по IV разряду.
- Шлецер**, Христиан Августович, 1774—1831, сын историка, юрист и экономист, первый профессор политической экономии в Московском университете.
- Шор**, московский домовла-делец.
- Шосоне**, владелец замка Шампиньи, приятель Ж. Гейль.
- Шпир**, штурман на Байкале.
- Штейнгейль**, Владимир Ива-нович, барон, 1783—1862, отст. подполковник, дека-брист, член Северного об-щества. Осужден по III раз-ряду. Автор записок.
- Штейнгейль**, Вячеслав Влади-мирович, барон, 1823—1897, инспектор Александровско-го лицея, сын декабриста, у которого жил В. И. Штейнгейль по возвраще-нии из ссылки.
- Штрайх**, Соломон Яковлевич, историк.
- Шульгин**, Дмитрий Иванович, 1785—1854, московский обер-полицеймейстер в 1825—1830 гг.
- Шеголев**, Павел Елисеевич, 1877—1931, историк.

Щ

- Щербатов**, Федор Алексан-дрович, князь, 1802—1827, поручик Кавалергардского полка. Был близок к дека-бристам.

Э

- Энгельке**, Карл Федорович, тобольский гражд. губерна-тор в 1844—1852 гг.

Ю

- Юнкер**, Г. Ф., историк.
- Юшневская**, Мария Казими-ровна, ур. Круликовская, р. 1790, жена декабриста, последовавшая за ним в Сибирь.
- Юшневский**, Алексей Петро-вич, 1786—1844, генерал-ин-тендант 2-й армии, дека-брист, член Южного обще-ства. Осужден по V разря-ду.

Я

- Якобий**, Иван Варфоломе-евич, 1726—1803, уфим-ский и симбирский намест-ник (1782), иркутский ген-губернатор (1783 — 1788), отец А. И. Анненковой.
- Якобий**, дядя Анненкова.
- Якубович**, Александр Ивано-вич, 1792—1845, капитан Ни-жегородского драгунского полка, декабрист, участник восстания 14 декабря. Осу-жден по I разряду.
- Якушкин**, Евгений Иванович, 1826—1905, юрист и этно-граф, сын декабриста.
- Якушкин**, Иван Дмитриевич, 1796—1857, отст. капитан, декабрист, член Северного общества. Осужден по I разряду. Автор записок.
- Янтальцева** — см. Ентальева.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	<i>Стр.</i>
Предисловие ко второму изданию	5
Предисловие к первому изданию	6
Полина Анненкова и ее воспоминания	9

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Детство.—Замок Шампиньи.—Великая французская революция.—Арест и заключение отца.—Булоньский лагерь.—Император Наполеон.—Негр Кастенг.—Школьные шалости.—Смерть отца	39
---	----

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дядя Леклер.—Прощение о пенсии.—Первое причастие.—Неугомонная ветренница.—„Домашний арест“.—Семейство Сос.—Поход 1812 года.—Русские войска во Франции.—Торжество роялистов.—Нужда.—Первое сватовство.—Отъезд в Париж.	51
---	----

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Модный магазин Моно.—Предвидение будущего.—Контракт с московской фирмой Дюмапси. Отъезд в Россию.—Приключения в пути.—Встреча с Шатобрианом.—Роман Дюма	63
---	----

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Знакомство с Анненковым.—Его родственники.—„Королева Голконды“.—Встреча на Пензенской ярмарке.—Совместное путешествие.—Смерть Александра I.—Первая разлука.—Тревожное настроение в Москве	68
---	----

Рассказ И. А. Анненкова о 14 декабря.—Арест.—Допрос у императора.—Угрозы.—Генерал Левашев.—Выборгский шлосс.—Второй допрос в Петербурге.—Петропавловская крепость.—Раскрытие плана цареубийства	75
---	----

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Первые вести об Анненкове.—Анна Ивановна Анненкова и ее причуды.—Посылки в крепость.—Приговор.—Рождение дочери.—Козни родственников.—От'езд в Петербург . . .	84
---	----

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Записки Анненкова из крепости.—Лишения заключенных.—Интриги Якобия.—Тайные встречи.—Учитель фехтованья.—План бегства за границу. Первое знакомство с Анной Ивановной.—Опять в Петербурге.—Покушение Анненкова на самоубийство.—Опасная переправа через Неву.—Ночное свидание.—Внезапное отправление Анненкова в Сибирь.—Гебль у великого князя.—Фельд'егерь Желдыбин	95
--	----

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Соединиться или умереть".—Встреча в дилижансе.—Равнодушие Анны Ивановны к судьбе сына.—Неудача с паспортом.—Интриги родственников.—История с шестьюдесятью тысячами.—Костюмированный бал.—Решение обратиться к императору	111
---	-----

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Вяземские маневры.—Беспрестанные тревоги.—Содействие Лобанова-Ростовского.—Просьба на высочайшее имя.—Упражнения великого князя.—Решительный день.—Полина Гебль и Николай I.—Посещение Дибича.—Бородинское поле.—Встреча со стариком крестьянином	120
---	-----

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Путешествие в Троицко-Сергиевскую лавру.—Ссора с Анной Ивановной.—Записка от Е. Ф. Муравьевой.—Приглашение к генерал-губернатору. Разрешение на от'езд в Сибирь.—Толки и пересуды.—Конец Якобия.—Московские канцеляристы.—Прошание с дочерью.—От'езд	130
--	-----

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

(тр.)

Тяготы путешествия.—В восемнадцать дней до Иркутска.—
Жестокие морозы.—Дорожные приключения.—Русская
красавица.—Встреча с декабристом Корниловичем.—Сибир-
ское радушие.—Приезд в Иркутск 145

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Губернатор Цейдлер.—Новые препятствия в Иркутске.—
Письмо матери.—Пророчество Ленорман.—Купцы Наква-
сины.—Показная роскошь.—Проделки Андрея 151

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Отъезд из Иркутска.—Обыск.—Переправа через Байкал.—
Задержка в Верхнеудинске.—Буряты.—Встреча с тайшею. 156

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Приезд в Читу.—Знакомство с А. Г. Муравьевой.—Первое
разочарование.—Благородство Лепарского.—Подписка жен
декабристов.—В ожидании встречи.—Грубость карауль-
ного.—Радость первого свидания 160

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Свадьба.—Костюмы шаферов.—Инцидент с Муравьевой.—
Встреча у сына.—Смолянинова.—Читинская стража.—
Огороды.—Жены декабристов.—Покушение на убийство
Анненковой.—Отравление Анненкова 166

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Конец истории с шестьюдесятью тысячами.—Сенатский указ.—
Разрешение дочери носить фамилию Анненковой 179

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Рождение дочери Анны — „Противозаконные“ беременности.—
Волнение Лепарского.—Незаконное письмо в Петербург.—
Легкомыслие унгер-офицера.—Неприятный разговор с Ле-
парским.—Арест Смоляниновой 182

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Декабрист Лунин.—Акатуевский тюремный замок.—„Гроше-
вая милость“.—Каторжные работы.—Трубецкая и Волкон-

ская в Благодатском руднике.—Жестокость Бурнашева.— Друзья среди бурят.—Заговор в Зерентуйском руднике.— Гибель Сухинова.—Перевод декабристов в Петровский завод.—От'езд Анненковой из Читы.—Сибирские нравы .	186
---	-----

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Встреча с Юшневской.—Опасный переезд.—Ночлег у разбой- ников.—Таинственный француз —Партия арестантов. Пет- ровский завод	194
---	-----

ВОСПОМИНАНИЯ ОЛЬГИ ИВАНОВНЫ ИВАНОВОЙ

Ольга Ивановна Иванова	201
----------------------------------	-----

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Петровский каземат.—Детские впечатления.—Генерал Лепар- ский.—Жены декабристов.—Камилла Ледантю.—Характе- ристика декабристов.—Свистунов.—Бечаснов.—Доктор Вольф.—Письмо Артамона Муравьева.—Волконская и Трубецкая.—Тяжелые утраты.—Раз'езд на поселение . . .	204
---	-----

ГЛАВА ВТОРАЯ

От'езд Анненковых из Петровского завода.—Разбойник Гор- кин.—Крушение на Байкале.—Болезни матери.—Правила о поселенных декабристах.—Высылка Анненкова из Ир- кутска.—Тревожные дни.—Неудача с хлопотами об оста- влении в Иркутске.—Тяжелые роды.—В Бельске	220
Анненковы в Нижнем Новгороде	239

ПРИЛОЖЕНИЯ

Письма П. Е. Анненковой	255
Письма И. А. Анненкова	270
Официальные документы	288
Хронологическая канва жизни Анненковых	300
Библиография	304
Примечания	307
Именной указатель	341

